

Христианство: его свидетельства, его происхождение, его Мораль, его история

Анни Безант

**Christianity: Its Evidences, Its Origin, Its
Morality, Its History**

Annie Besant

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" о христианстве: его свидетельства, его происхождение, его мораль, Его история

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Христианство: его свидетельства, Его происхождение, Его Мораль, Его история

Автор: Анни Безант

Дата выхода: 1 сентября 2004 г. [Электронная книга № 13349]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Джонатан Ингрэм, Дэвид Кинг и команда корректоров, распространяемая онлайн

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ХРИСТИАНСТВО: ЕГО СВИДЕТЕЛЬСТВА, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЕГО МОРАЛЬ, ЕГО ИСТОРИЯ" ***

УЧЕБНИК ДЛЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВ.

ЧАСТЬ II.

ХРИСТИАНСТВО:

ЕГО СВИДЕТЕЛЬСТВА.

ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

ЕГО МОРАЛЬ.

ЕГО ИСТОРИЯ.

АВТОР: АННИ БЕЗАНТ.

РАЗДЕЛ I.—ЕГО СВИДЕТЕЛЬСТВА НЕДОСТОВЕРНЫ.

Происхождение всех религий и невежество, лежащее в основе идеи Бога, были рассмотрены в части I. этого Учебника, теперь нашим долгом становится исследовать свидетельства происхождения и роста христианства, изучить его мораль и догмы, изучить историю его предполагаемого основателя, проследить его символы и церемонии; в конечном итоге, показать причину его полного неприятия свободомыслящими. Краеугольный камень

христианства, заложенный в Раю Сотворением и Грехопадением Человека 6000 лет назад, уже был разрушен в первом разделе этой работы; и поэтому мы можем сразу перейти к самому христианству. История происхождения символа веры, естественно, является первым пунктом, с которым следует иметь дело, и ее можно разделить на две части: 1. Свидетельства, предоставляемые мирской историей относительно его происхождения и раннего развития. 2. Его история, рассказанная им самим в его собственных документах.

Самое замечательное в свидетельствах, предоставляемых светской историей, - это их крайняя скудость; само существование Иисуса не может быть доказано из современных документов. Ребенок, о рождении которого возвещает звезда, указывающая иностранным мудрецам путь в Иудею; массовое убийство всех младенцев в городе Римской империи по приказу подвластного короля; учитель, исцеляющий прокаженных, слепых, глухих, немых, хромых и поднимающий разлагающийся труп; царь Иудеев, входящий в Иерусалим в триумфальной процессии, без сопротивления римских легионов Цезаря; обвиняемый в подстрекательстве к мятежу, арестованный своими соотечественниками и переданный императорскому губернатору; мятежный вождь. приговорен к смертной казни по римскому праву; трехчасовая тьма по всей стране; землетрясение, вскрывающее могилы и разрывающее храмовую завесу; множество призраков, бродящих по Иерусалиму; распятое тело, воскресающее к жизни и являющееся толпе численностью более 500 человек; человек, воскресший из мертвых, возносящийся телесно на небеса, без всякого сокрытия и среди бела дня, с горы недалеко от Иерусалима; как нам говорят, все эти чудесные события имели место, и все же они не оставили ряби на течении современной истории. Однако недостатка в такой истории нет, и исчерпывающий отчет о стране и эпохе, в которой жил герой рассказа, дан представителем его собственной нации — самым кропотливым историком. "Как мы можем извинить пассивное невнимание языческого и философского мира к тем доказательствам, которые были представлены рукой Всемогущего не их разуму, а их чувствам? В эпоху Христа, его апостолов и их первых учеников учение, которое они проповедовали, было подтверждено бесчисленными чудесами. Хромы ходили, слепые видели, больные исцелялись, мертвые воскресали, демоны изгонялись, и действие законов природы часто приостанавливалось в интересах Церкви. Но мудрецы Греции и Рима отвернулись от ужасного зрелища и, занимаясь обычными делами жизни и учебы, по-видимому, не замечали никаких изменений в моральном или физическом управлении миром. Во времена правления Тиберия вся земля или, по крайней мере, знаменитая провинция Римской империи была погружена в сверхъестественную темноту на три часа. Даже это чудесное событие, которое должно было вызвать удивление, любопытство и благоговейный трепет человечества, прошло незамеченным в век науки и истории. Это произошло при жизни Сенеки и Плиния старшего, которые, должно быть, испытали на себе непосредственный эффект или получили самые ранние сведения о вундеркинде. Каждый из этих философов в ходе кропотливой работы зафиксировал все великие явления природы — землетрясения, метеоры, кометы и затмения, которые смогло собрать его неутомимое любопытство. И тот, и другой не упомянули о величайшем явлении, свидетелем которого был глаз смертного со времен сотворения земного шара. Отдельная глава Плиния посвящена затмениям необычайной природы и необычайной продолжительности; но он довольствуется описанием странного недостатка света, последовавшего за убийством Цезаря, когда большую часть года солнечный диск казался бледным и лишенным блеска. Это время безвестности, которое, конечно, нельзя сравнить со сверхъестественной тьмой Страстей, уже было воспето большинством поэтов и

историков той достопамятной эпохи" (Гиббон "Закат и крушение", том ii., стр. 191, 192. Изд. 1821).

Если языческие историки столь странно молчат, какой вывод мы должны сделать из аналогичного молчания великого еврейского летописца? Правдоподобно ли, что Иосиф Флавий таким образом проигнорировал Иисуса Христа, если хотя бы десятая часть чудес, описанных в Евангелиях, действительно имела место? Эта трудность ощущалась настолько пагубной для истории христианства, что в книгу Иосифа Флавия (родился в 37 году н.э., умер около 100 года н.э.) был вставлен отрывок, касающийся Иисуса Христа, который звучит следующим образом: "Итак, примерно в это время жил Иисус, мудрый человек, если его можно назвать человеком, ибо он был творцом чудесных дел — учителем таких людей, которые с удовольствием принимают истину. Он привлек к себе как многих евреев, так и многих язычников. Он был Христом; и когда Пилат, по предложению главных людей среди нас, осудил его на крест, те, кто любил его с самого начала, не оставили его, ибо он снова явился им живым на третий день, как божественные пророки предсказали эти и десять тысяч других чудесных вещей, касающихся его; и племя христиан, названное так в его честь, не вымерло и по сей день" ("Иудейские древности", книга xviii, гл. iii, разд. 3). Сам отрывок доказывает его собственную подделку: Христос почти не привлекал язычников, если евангельская история правдива, поскольку он сам сказал: "Я послан только к погибшим овцам дома Израилева" (Матфея xv. 24). Еврей не поверил бы, что исполнитель чудесных дел обязательно должен быть чем-то большим, чем человек, поскольку, как говорили, их собственные пророки творили чудеса. Если бы Иосиф Флавий верил, что Иисус есть Христос, он, несомненно, стал бы христианином; в то время как, если бы он верил, что он Бог, он обратил бы все внимание на такой уникальный факт, как воплощение Божества. Наконец, заключительное замечание о том, что христиане "не вымерли", едва ли совпадает с идеей о том, что Иосиф Флавий в Риме, должно быть, знал об их растущем числе и о преследованиях Нероном. Однако в наши дни любой известный ученый вряд ли претендует на подлинность этого отрывка. Разделы 2 и 4 были явно написаны один за другим. "Многие из них были убиты этим способом, а другие из них убежали ранеными; и таким образом этому мятежу был положен конец. *Примерно в то же время другое печальное бедствие привело евреев в смятение.* Подделанный отрывок нарушает непрерывность истории. Самые старые рукописи не содержат этого раздела. Впервые оно цитируется Евсевием, который, вероятно, сам подделал его; а от его подлинности отказываются Ларднер, Гиббон, епископ Уорбертон и многие другие. Ларднер хорошо резюмирует аргументы против его подлинности:—

"Я не думаю, что нам вообще нужно сомнительное свидетельство об Иисусе, которое никогда не цитировалось ни одним из наших христианских предков до Евсевия.

Я также не припоминаю, чтобы Иосиф Флавий где-либо упоминал имя или слово *Христос* какой-либо из своих работ; за исключением вышеупомянутого свидетельства и отрывка, касающегося Иакова, брата Господня.

Это прерывает повествование.

"Язык вполне христианский.

"Это не цитируется Златоустом, хотя он часто ссылается на Иосифа Флавия и не мог бы не процитировать это, если бы это было тогда в тексте.

Это не цитируется Фотием, хотя у него есть три статьи об Иосифе Флавии.

"В статье Юстус Тивериадский этот автор (Фотий) прямо заявляет, что историк (Иосиф Флавий), будучи евреем, не обратил ни малейшего внимания на Христа.

Ни Юстин в своем диалоге с евреем Трифоном, ни Климент Александрийский, сделавший так много выдержек из христианских авторов, ни Ориген против Цельса никогда не упоминали об этом свидетельстве.

"Но, напротив, в главе xxxv. первой книги этого труда Ориген открыто утверждает, что Иосиф Флавий, упомянувший Иоанна Крестителя, не признавал Христа" (Ответ доктору Чандлеру, цитируемый в "Диегезе" Тейлора, стр. 368, 369. Изд. 1844).

Кейм считает, что причиной подделки стали замечания Оригена; после критики отрывка он заканчивает: "По всем этим причинам отрывок не может быть сохранен; впервые он появился в таком виде в Католической церкви евреев и язычников, и под властью Четвертого Евангелия, и едва ли раньше третьего века, вероятно, до Евсевия и после Оригена, чья резкая критика Иосифа Флавия, возможно, послужила поводом для этого" ("Иисус из Назарета", стр. 25, английское издание, 1873).

Те, кто лучше всех знаком с характером Иосифа Флавия и стилем его сочинений, без колебаний осудят этот отрывок как подделку, вставленную в текст в третьем веке каким-то благочестивым христианином, который был возмущен тем, что такой известный писатель, как Иосиф Флавий, не обратил внимания на Евангелия или на Христа, о котором идет речь. Но усердие переводчика превзошло его благоразумие, ибо мы с таким же успехом могли бы ожидать сбора винограда с терновника или смокв с чертополоха, как найти это упоминание о Христе среди иудействующих писаний Иосифа Флавия. Хорошо известно, что этот автор был ревностным евреем, преданным законам Моисея и традициям своих соотечественников. Как же тогда он мог написать, что *Иисус был Христом*? Такое признание доказало бы, что он сам был христианином, и в этом случае рассматриваемый отрывок, слишком длинный для еврея, был бы слишком коротким для верующего в новую религию, и, таким образом, этот отрывок выделяется, подобно плохо оправленному драгоценному камню, самым негармоничным образом контрастируя со всем, что его окружает. Если бы она была подлинной, мы могли бы быть уверены, что Юстин Мученик, Тертуллиан и Златоуст процитировали бы ее в своих спорах с иудеями и что Ориген или Фотий упомянули бы ее. Но Евсевий, церковный историк (i, II), является первым, кто цитирует это, и наше доверие к суждению или даже честности этого автора не настолько велико, чтобы позволить нам рассматривать все, что содержится в его работах, как несомненно подлинное" ("Христианские записи" преподобного доктора Джайлса, стр. 30. Изд. 1854).

С другой стороны, студент должен ознакомиться с "Введением" Хартвелла Хорна. Изд. 1825, том i, стр. 307-11. Ренан отмечает, что этот отрывок, в подлинность которого он верит, написан "в стиле Иосифа Флавия", но добавляет, что "он был подретуширован рукой христианина". Эти два утверждения кажутся едва ли последовательными, поскольку такая "ретушь", несомненно, изменила бы "стиль" ("Жизнь Иисуса", Введение, стр. 10. Изд. 1863).

Пейли утверждает, что, принимая во внимание множество христиан, живших во времена Иосифа Флавия, нельзя "поверить, что религия и сделка, на которой она была основана, были слишком неясными, чтобы привлечь внимание Иосифа Флавия или занять место в его истории" ("Evid. о христианстве", стр. 73. Изд. 1845). Мы отвечаем, что из того факта, что Иосиф Флавий полностью игнорирует и то, и другое, ясно, что вымышленная история Иисуса не была широко

известна среди его современников и что раннее распространение христианства сильно преувеличено. Но Пейли говорит: "Каким бы ни был факт или причина упущения у Иосифа Флавия, какой бы она ни была, никакой другой истории по этому вопросу им не было дано или делается вид, что она была дана" (Там же, стр. 73, 74). Мы утверждаем, что предполагаемых событий вообще не было, никакой истории о них не следует искать на страницах писателя, который излагал только факты. Иосиф Флавий говорит об Иакове, "брате Иисуса, которого называли Христом" ("Древности", книга xx, глава ix, раздел 1), и этот отрывок разделяет судьбу более длинного, также будучи отвергнутым из-за того, что является интерполяцией. Другое предполагаемое упоминание Иосифа Флавия об Иисусе встречается в его рассуждении об Аде, где он говорит, что все люди "будут приведены к Богу Слову; ибо Ему Отец передал весь суд; и он, чтобы исполнить волю своего Отца, придет как судья, которого мы называем Христом" ("Труды Иосифа Флавия" Уистона, стр. 661). Предположим, что этот отрывок подлинный, он просто передал бы еврейскую веру в то, что Мессия—Христос—Помазанник был назначенным судьей, как в Дан. vii., 9-14, и в большей степени в Книге Еноха.

Молчание еврейских писателей этого периода касается не только Иосифа Флавия, и это молчание с огромной силой опровергает христианскую историю. Судья Стрейндж пишет: "Иосиф Флавий ничего не знал об этих чудесах, и он писал вплоть до 93 года, будучи знакомым со всеми главными событиями предполагаемого христианства. Николай Дамасский, который предшествовал ему и дожил до времен преемника Ирода Архелая, и Юстус Тивериадский, который был современником и соперником Иосифа Флавия в Галилее, в равной степени ничего не знали об этом движении. Филоиудей, который занимал весь период, приписываемый Иисусу, и глубоко погрузился в постижение Логоса, ничего не слышал о существе, которое воплощало в Иерусалиме образ, созданный его фантазией" ("Портретная живопись и миссия Иисуса", стр. 27).

Теперь мы предлагаем внимательно пройти по предполагаемым свидетельствам христианства, как это предлагается в "Доказательствах христианства" Пейли, шаг за шагом следуя его изложению аргументации и предлагая возражения по каждому пункту, выдвинутому им.

Следующим историком, которого называют свидетелем христианства, является Тацит (родился в 54 или 55 году н.э., умер в 134 или 135 году н.э.), который пишет, рассказывая о правлении Нерона, что этот император "подвергал самым жестоким наказаниям группу людей, которые испытывали отвращение к своим преступлениям и обычно назывались христианами. Основателем этого имени был Христос, который в царствование Тиберия был наказан прокуратором Понтием Пилатом как преступник. Это пагубное суеверие, сдерживаемое таким образом на некоторое время, вспыхнуло снова; и распространилось не только по Иудее, источнику этого зла, но достигло и города, куда стекаются со всех сторон все мерзкие и постыдные вещи и где они находят приют и поощрение. Сначала были задержаны только те, кто признался в принадлежности к этой секте; впоследствии они обнаружили огромное множество людей; все они были осуждены не столько за преступление сожжения города, сколько за их ненависть к человечеству. Их казни были настолько продуманы, что выставляли их на посмешище и презрение. Некоторые были покрыты шкурами диких зверей и растерзаны собаками; некоторые были распяты. Другие, обмазанные горючими материалами, были установлены в качестве фонарей в ночное время и, таким образом, сгорели заживо. По этому случаю Нерон использовал свои собственные сады в качестве театра, а также демонстрировал

цирковые развлечения, иногда стоя в толпе в качестве зрителя в костюме возничего; в другое время он сам управлял колесницей; пока, наконец, этим людям, хотя они и были действительно преступниками и заслуживали примерного наказания, не начали сочувствовать как людям, которые были уничтожены не из уважения к общественному благу, а только для удовлетворения жестокости одного человека" ("Анналы", книга xv, раздел I. 44).

Это, вероятно, было написано, если оно подлинное, около 107 года нашей эры. Доводы против подлинности этого отрывка приводятся Робертом Тейлором следующим образом: "Этот отрывок, который послужил бы цели христианского цитирования лучше, чем любой другой во всех трудах Тацита или любого другого языческого писателя вообще, не цитируется ни одним из Отцов церкви.

"Это не цитируется Тертуллианом, хотя он читал и в значительной степени цитирует труды Тацита: и хотя его аргумент немедленно потребовал использования этой цитаты с таким громким заявлением, что его умолчание о ней, если она действительно существовала, равносильно вопиющему неправдоподобию.

"Этот Отец говорил о Таците таким образом, что совершенно невозможно, чтобы он говорил о нем, если бы в его трудах содержался такой отрывок.

Это не цитируется Климентом Александрийским, который полностью посвятил себя работе по приведению и сведению воедино всех признаний, сделанных языческими авторами о существовании Христа или христиан до него.

"Трудолюбивый и всеискивающий Евсевий нигде не наткнулся на это, который ни в коем случае не мог пропустить это

"Нигде в мире нет ни малейших следов его существования до пятнадцатого века.

Таким образом, все зависит исключительно от верности одного человека. И он, имея способность, возможность и максимально сильное возбуждение интереса, побудить его ввести интерполяцию.

Сам отрывок, хотя он, несомненно, является работой мастера и имеет право быть объявленным *шедевром* этого искусства, выдает *склонность* к тому наслаждению кровью и описаниями кровавых ужасов, которое было столь же характерно для христианских настроений, сколь и отвратительно мягкому уму и высокоразвитому вкусу Тацита.

Это опровергается "Апологией Тертуллиана" и гораздо более уважаемым свидетельством Мелитона, епископа Сардийского, который прямо заявляет, что христиане вплоть до его времени, третьего века, никогда не подвергались преследованиям; и что христианство зародилось в провинциях, лежащих за пределами Римской империи, а не в Иудее.

"Тацит ни в одной другой части своих сочинений не сделал ни малейшего намека на Христа или христиан.

"Использование этого отрывка как части "Свидетельств христианской религии" абсолютно современно" ("Диегезис", стр. 374-376).

Судья Стрейндж, пишущий по другому поводу, приводит нам аргумент против подлинности этого отрывка: "Поскольку Иосиф Флавий сделал Рим своим местом жительства с 70 года до конца столетия, излагая свою историю всего, что касалось евреев, очевидно, что, если бы в городе процветала секта, провозглашавшая воскресшего Иисуса Мессией в свое время, это обстоятельство было таким обстоятельством, которое этот осторожный и проницательный автор не мог бы не заметить и не прокомментировать" ("Портретная живопись и миссия Иисуса", стр. 15). Действительно, странно, что Иосиф Флавий, который так много рассказывает нам о ложных мессиях и их последователях, опустил — как он должен был бы сделать, если этот отрывок из Тацита достоверен — все ссылки на этого дополнительного ложного Мессию, последователи которого в том самом городе, где жил Иосиф Флавий, подверглись таким ужасным пыткам либо во время его пребывания там, либо непосредственно перед этим. Горящие люди, используемые в качестве факелов, приверженцы еврейского Мессии, несомненно, должны были быть достаточно необычными, чтобы привлечь его внимание. Мы можем добавить к этим аргументам, что, предположив, что такой отрывок действительно был написан Тацитом, две строки, касающиеся Христа, во многом похожи на вставку, поскольку остальные были бы более связными, если бы они были опущены. Но подлинность всего отрывка более чем сомнительна, он сам по себе невероятен, если Деяния и Послания Нового Завета верны; ибо говорят, что это гонение произошло во время правления Нерона, во время которого Павел жил в Риме, уча в мире, "никто не запрещал ему" (Деяния xxviii. 31); во время которого он также писал римлянам, что им не нужно бояться правительства, если они поступают правильно (Римлянам xii. 34); ясно, что если эти отрывки правдивы, рассказ Тацита должен быть ложным; и поскольку у него самого не было причин сочинять такую историю, она, должно быть, была выдумана христианами, чтобы прославить свое вероучение.

Чрезвычайная легкость, с которой этот отрывок мог быть вставлен во все издания Тацита, используемые в наше время, проистекает из того факта, что все такие издания являются всего лишь копиями одной рукописи, находившейся во владении одного человека; единственный владелец мог делать любые вставки по своему усмотрению, и не было второго экземпляра, по которому можно было бы проверить его точность. "Первая публикация какой-либо части "Анналов Тацита" была сделана Йоханнесом де Спайром в Венеции в 1468 году — его отпечаток сделан с единственной рукописи, находящейся только в его распоряжении, и предположительно написанной в восьмом веке из этого взяты все остальные рукописи и печатные копии произведений Тацита". ("Диегезис", стр. 373.)

Светоний (родился около 65 г. н.э., умер во втором веке) пишет: "Христиане, раса людей с новым и пагубным (или магическим) суеверием, были наказаны". В другом отрывке мы читаем о Клавдии, который правил в 41-54 годах н.э.: "Он изгнал евреев, которые, по предложению Креста, постоянно бунтовали, из Рима". Из этого мы могли бы сделать вывод, что в то время в Риме жил еврейский лидер по имени Хрест, который подстрекал евреев к восстанию. Его последователи, вероятно, взяли бы его имя и, изгнанные из Рима, распространили бы это имя во всех направлениях. Если отрывок из Деяний xi. 20 и 26 имеет какую-либо историческую ценность, это, как ни странно, укрепило бы эту гипотезу, поскольку "ученики были названы христианами первыми в Антиохии", а миссионеры в Антиохию, проповедовавшие "только иудеям", прибыли с Кипра и Кирены, которые, естественно, лежали на пути беглецов из Рима в

Малую Азию. Они принесли бы с собой имя Кристиан, и дата в Деяниях совпадает с датой у Светония. Хрест, по-видимому, оставил после себя в Риме секту, носившую его имя, члены которой преследовались правительством, весьма вероятно, как предатели и мятежники. Хорошее мнение Кейма о Светонии сильно принижается этим Хрестом: "В своей "Жизни Клавдия", изгнавшего евреев из Рима, он показал свою несомненную неполноценность перед Тацитом как историком, рассматривая "Христа" как беспокойного и мятежного еврейского агитатора, который все еще жил во времена Клавдия и, действительно, в Риме" ("Иисус из Назарета", стр. 33).

Естественно, что современные христиане возражают против еврейского Христа, появившегося в Риме одновременно с их еврейским Христом в Иудее, который, согласно хронологии Луки, должен был быть распят около 43 г. н.э. Совпадение, безусловно, неудобное; но если они отвергают свидетельство Светония о Кресте, лидере, почему они должны принимать егоотносительно христиан, последователей? Пейли, конечно, хотя и цитирует Светония, на данном этапе опускает все упоминания о невезучем Кресте; его обязанностью было представить доказательства в пользу христианства, а не против него. Однако самым нечестным образом он вставляет ссылку на это позже (стр. 73), где в краткомрезюме свидетельств он использует это как звено в своей цепи: "Когда Светоний, историк, современник Тацита, рассказывает, что во времена Клавдия евреи устраивали беспорядки в Риме, их лидером был Христос". Почему Пейли не объясняет нам, как Иисус стал лидером евреев в Риме во время правления Клавдия и почему он подстрекал их к бунту? В жизни Иисуса из Назарета нет ни одного подобного случая; и если Светоний прав, доверие к Евангелиям подорвано. К своему стыду, Пейли здесь намеренно ссылается на отрывок, *который он не рискнул процитировать*, просто чтобы он мог использовать великое имя Светония для усиления своего прискорбно слабого аргумента под предлогом того, что Светоний упоминает Иисуса из Назарета и таким образом делает его историческим персонажем. Еще несколько позорных искажений доказательств можно найти даже в "Анналах противоречий". Х. Хорн ссылается на этот отрывок в "доказательстве существования Христа" (Введение, том i, стр. 202); но без каких-либо объяснений появления Христа в Риме через несколько лет после того, как он должен был быть мертв.

Затем Пейли привлекает Ювенала в качестве свидетеля, потому что он упомянул о наказании некоторых преступников: "Я считаю достаточно вероятным, что эти [христианские казни] были казнями, о которых упоминает поэт" ("Свидетельства", стр. 29). Излишне говорить, что нет ни малейшего доказательства того, что они были чем-то подобным; но когда доказательств не хватает, их необходимо выдумать.

Плиний Младший (родился в 61 году н.э., умер в 115 году н.э.) пишет императору Траяну около 107 года н.э., чтобы спросить его, как ему следует обращаться с христианами, и поскольку Пейли так грубо искажил это письмо, будет неплохо воспроизвести его полностью. В нем нет ни слова о том, что христиане храбро умирали, как утверждает Пейли, и, более того, о том, что смертная казнь вообще применялась. Слово, переведенное как "наказание", в оригинале является *supplicium* (согласно *supplicium*) и представляет собой термин, который, подобно французскому *supplice*, производному от него, может означать смертную казнь или любое другое суровое наказание. Перевод письма звучит следующим образом: "К. Плиний императору Траяну, здравия желаю.— У меня принято обращаться к вам, милорд, по вопросам, относительно которых я испытываю сомнения. Ибо кто лучше способен либо справиться с

моими колебаниями, либо наставить мое невежество? Я никогда не присутствовал при расследованиях о христианах и, следовательно, не могу сказать, за какое преступление или в какой степени они обычно наказываются, или каков характер расследования о них. Я также не был свободен от больших сомнений в том, не должно ли быть различия между возрастами, или насколько отношение к людям нежного телосложения должно отличаться от отношения к людям крепкого телосложения; не следует ли прощать тех, кто раскаивается, чтобы тот, кто был христианином, не извлекал выгоды из того, что перестал им быть; должно ли наказываться само название "быть христианином", или это только преступление, связанное с этим именем? Тем временем я установил это правило в общении с теми, кто предстал передо мной за то, что они христиане. Я спрашивал, христиане ли они; если они признавались, я спрашивал их второй и третий раз, угрожая наказанием; если они упорствовали, я приказывал увести их. Ибо я несколько не сомневался в том, что, что бы они ни признавали, упрямство и непреклонное упрямство, во всяком случае, должны быть наказаны. Были и другие, виновные в подобном безрассудстве, которых я отложил в сторону, чтобы отправить в Рим, потому что они были римскими гражданами. Во-вторых, когда это преступление начало, как обычно, постепенно распространяться, оно проявило себя самыми разными способами. Был составлен обвинительный акт без указания автора, содержащий имена многих, кто отрицал, что они христиане или когда-либо ими были; и, когда я подал пример, они воззвали к богам и принесли в жертву ладан и вино твоему изображению, которое я для этой цели приказал вынести вместе с изображениями богов. Более того, они проклинали Христа; ни одно из этих действий нельзя вымогать у тех, кто действительно христиане. Следовательно, я отдал приказ о том, что они должны быть уволены. Опять же, другие, против которых были донесены, говорили, что они были христианами, а впоследствии отрицали это; что они были ими когда-то, но перестали быть таковыми, кто-то три года назад, кто-то дольше, кто-то даже двадцать лет назад; все они поклонялись твоему изображению и статуям богов; они также проклинали Христа. Но они утверждали, что это была общая сумма их преступлений или ошибок, как бы это ни называлось, что они привыкли собираться вместе в установленный день до рассвета и по очереди петь между собой гимн Христу, как богу, и связывать себя клятвой — не в чем—либо дурном, - но что они не совершат кражи, разбоя или прелюбодеяния, не нарушат своего слова и не будут отрицать, что им что-либо было доверено, когда их призвали это восстановить. После этого они сказали, что у них был обычай разделяться и снова собираться вместе, чтобы принять пищу, которая была обычной и носила безвредный характер; но что они перестали делать даже это с тех пор, как я издал по вашему приказу прокламацию, запрещающую проводить подобные собрания. Поэтому я счел тем более необходимым расспросить двух служанок, которые, как говорили, были служанками, какова была истинная правда, и применить пытку. Но я обнаружил, что это было не что иное, как дурное и чрезмерное суеверие, и поэтому я отложил расследование и проконсультировался с вами по этому вопросу. Ибо мне показалось, что по этому вопросу желательно было бы посоветоваться, учитывая количество тех, кто находится в опасности. Ибо есть много людей любого возраста, любого ранга и даже обоих полов, которые приглашены подвергнуться опасности и все еще будут приглашены. Ибо зараза этого суеверия распространилась не только по городам, но и по деревням и сельской местности, хотя, по-видимому, ее можно остановить и излечить. Во всяком случае, очевидно, что храмы, которые были почти заброшены, начали посещать люди, и священные церемонии, которые были прерваны, возобновились, и жертвы продаются повсюду, хотя раньше было трудно найти покупателя. Поэтому легко поверить, что многие люди могут исправиться, если оставить дверь покаяния открытой" (Ер. 97).

Христианские защитники настаивают на том, что это письмо, по крайней мере, показывает, насколько широко христианство распространилось в то раннее время; но позже у нас будет возможность привлечь внимание к тому факту, что название "христианин" использовалось до предполагаемых времен Христа для описания некоторых широко распространенных сект, и что под этим титулом были известны последователи египетского Сераписа. Можно добавить, что подлинность этого письма ни в коем случае не подлежит сомнению, и что Р. Тейлор приводит против него несколько очень веских аргументов. Среди прочего, он предлагает: "Неоспоримый факт, что первые христиане были величайшими лжецами и фальсификаторами, которые когда-либо были во всем мире, и что они фактически ни перед чем не останавливались.... Вопиющий атопизм христиан был обнаружен в отдаленной провинции Вифиния еще до того, как они приобрели какую-либо известность в Риме.... Несостоятельность предположения, что такой справедливый и нравственный народ, каким, как предполагается, были первые христиане, должен был первым спровоцировать римское правительство отступить от своих универсальных принципов терпимости, щедрости и безразличия.... Использование пыток для выбивания признания.... Выбор женщин в качестве объектов этой пытки, когда жестокое обращение с женщинами было точно так же отвратительно римскому характеру" ("Diegesis", стр. 383, 384).

Пейли смело заявляет, что Марциал (родился в 43 году н.э., умер около 100 года н.э.) делает христиан "предметом своих насмешек", потому что он написал эпиграмму о глупости восхищаться любым тщеславным глупцом, который бросился бы на мучения ради дурной славы. Непреклонными должны быть христиане в отношении доказательств, когда вынуждены полагаться на такие притворные намеки.

Эпиктет (процветал в первой половине II века) упоминается в качестве другого свидетеля, потому что он утверждает, что "Возможно, что человек может прийти в такой настрой и стать равнодушным к этим вещам из безумия или по привычке, как галилеяне" (Книга IV, глава 7). Галилеяне, то есть жители Галилеи, по-видимому, пользовались дурной славой, и весьма вероятно, что Эпиктет просто упомянул их, точно так же, как он мог бы сказать эквивалентную фразу для обозначения глупости: "как беотийцы". В дополнение к этому, последователи Иуды-гаулонита были известны как галилеяне и отличались "непреклонным постоянством, которое при защите своего дела делало их нечувствительными к смерти и пыткам" ("Упадок и низвержение", т. II., стр. 214).

Марк Аврелий (родился в 121 году н.э., умер в 180 году н.э.) - последняя опора Пейли, поскольку он настаивает на том, что стойкость перед лицом смерти должна проистекать из рассудительности, "а не из упрямства, как у христиан". Поскольку никто не оспаривает существование секты, называвшейся христианами, когда писал Марк Аврелий, это свидетельство не представляет особой ценности.

Пейли, столь охотно хватающийся за любой намек, который может быть превращен в намек на христиан, полностью опускает интересное письмо, написанное императором Адрианом своему шурина Сервиану в 134 году н.э. Свидетельство не носит назидательного характера, и этим объясняется упущение: "Поклоняющиеся Серапису - христиане, и они посвящены богу Серапису, которые, как я нахожу, называют себя епископами Христа" (Цитируется в "Diegesis", стр. 386).

Таковы все внешние свидетельства христианства до конца 160 года н.э. Во времена, богатые историками и философами, один человек, Тацит, в спорном отрывке упоминает Христа,

наказанного при Понтии Пилате, и существование секты, носящей его имя. Светоний, Плиний, Адриан, возможно, Эпиктет и Марк Аврелий вскользь упоминают некоторых людей, называемых христианами.

Преподобный доктор Джайлс таким образом резюмирует доказательства слабости раннехристианских свидетельств в "светской истории":

"Хотя остатков греческой и латинской светской литературы, относящихся к первому и второму векам нашей эры, достаточно, чтобы составить целую библиотеку, они не содержат никаких намеков на Новый Завет.... Латинскими писателями, жившими между временем распятия Христа и 200 годом н.э., являются Сенека, Лукан, Светоний, Тацит, Персий, Ювенал, Марциал, Плиний Старший, Силий Италик, Статий, Квинтилиан и Плиний Младший, а также множество других менее известных писателей. В большинстве из них упоминаются евреи, но не христиане. Фактически, Светоний, Тацит и Плиний младший - единственные римские писатели, которые упоминают христианскую религию или ее основателя" ("Христианские записи" преподобного доктора Джайлса, стр. 36).

Ниже приведены греческие классические писатели, жившие между временем распятия Христа и 200 годом: Эпиктет, Плутарх, Элиан, Арриан, Гален, Лукиан, Дионисий Галикарнасский, Птолемей, Марк Аврелий (который, хотя и был римским императором, писал по-гречески), Павсаний и многие другие, менее известные. Упоминания о христианстве, встречающиеся в их работах, необычайно кратки" (Там же, стр. 42).

К чему все это, эти "доказательства", сводятся? Один писатель, Тацит, записывает, что человек, которого его последователи называли "Христос" — ибо никто не претендует на то, что Христос — это нечто большее, чем титул, данный его учениками некоему еврею по имени Иисус, - был предан смерти Понтием Пилатом. И предположим, что это так, что тогда? Как это может служить доказательством религии, называемой христианством? Тацит ничего не знает о чудотворце, о воскресшем и вознесенном человеке; он странным образом не осведомлен обо всех чудесах, которые произошли; и, допуская подлинность этого отрывка, он резко противоречит чудесной истории, рассказанной христианами об их лидере, слава о котором, как предполагается, распространилась далеко и широко, и чья слава, несомненно, должна была бы распространиться, если бы он действительно совершил все приписываемые ему чудесные дела. Но свободомыслящему, когда он отвергает христианство, нет необходимости опровергать историческое существование Иисуса из Назарета, хотя мы указываем на недостаточность доказательств даже его существования. Силе позиции Свободомыслящих ни в коей мере не вредит признание того, что молодой еврей по имени Джошуа (*то есть* Иисус), возможно, бродил взад и вперед по Галилее и Иудее во времена правления Тиберия, что он, возможно, был религиозным реформатором, что он, возможно, был казнен Понтием Пилатом за подстрекательство к мятежу. Все это вполне вероятно, и допущение этого никоим образом не подтверждает массу легенд и мифов, инкрустированных вокруг этого крошечного зернышка возможного факта. Этот безвестный крестьянин — не христианин Иисус, который, как мы будем настаивать позже, является всего лишь новым воплощением древнего Бога Солнца, обладающего несомненным семейным сходством со своими старшими братьями. Преподобный Роберт Тейлор очень справедливо замечает по поводу этой небольшой исторической возможности: "Это обстоятельства, которые полностью укладываются в рамки рациональной возможности и требуют не более чем обычного и безразличного свидетельства истории, чтобы

вызвать согласие разума. Простое отношение любого историка, жившего достаточно близко к предполагаемому времени, чтобы гарантировать вероятность его компетентной информации по данному вопросу, имело бы право на наше молчаливое согласие. У нас не могло быть причин отрицать или сомневаться в том, что у такого историка не могло быть мотива симулировать или преувеличивать. Доказательство, даже демонстрация, этих обстоятельств не составило бы шага или продвижения к доказательству истинности христианской религии; в то время как отсутствие достаточной степени доказательств, чтобы сделать даже эти обстоятельства неоспоримыми, должно, *тем более*, быть фатальным для достоверности менее достоверных обстоятельств, основанных на них" ("Diegesis", стр. 7).

Но Пейли ссылается на некоторые косвенные доказательства в пользу христианства, которые заслуживают отдельного внимания, поскольку прямые доказательства столь прискорбным образом рушатся. Он настаивает на том, что: "имеются удовлетворительные доказательства того, что многие, называющие себя первоначальными свидетелями христианских чудес, провели свою жизнь в трудах, опасностях и страданиях, добровольно уйдя в отставку, подтверждая рассказы, которые они представили, и исключительно вследствие своей веры в эти рассказы; и что они также подчинились, исходя из тех же мотивов, новым правилам поведения". Почти 200 страниц посвящены доказательству этого утверждения, утверждения, которое трудно охарактеризовать с подобающей вежливостью, когда мы знаем о полном отсутствии каких-либо "удовлетворительных доказательств" того, что первоначальные свидетели совершали что-либо подобное.

Утверждается, что "первоначальные свидетели провели свою жизнь в трудах и т.д., Подтверждая рассказы, которые они представили". Доказательства этого можно искать либо в языческих, либо в христианских писаниях. Языческие писатели буквально ничего не знают о "первоначальных свидетелях", упоминая, в лучшем случае, только "христиан"; и эти христиане, когда их казнили, были казнены не в подтверждение каких-либо рассказов, переданных ими, а целиком и исключительно из-за злых дел и скандальных обычаев, справедливо или ошибочно приписываемых им. Предположим — что это неправда, — что они были казнены за свою веру, но нет никаких оснований утверждать, что они были очевидцами чудес Христа.

Первый аргумент Пейли вытекает "из сути дела" — *т.е.*, что преследование должно было иметь место, независимо от того, имело оно место или нет, потому что и евреи, и язычники отвергли бы новое вероучение. Что касается евреев, то мы не слышим ни о каких преследованиях со стороны Иосифа Флавия. Если мы подвергнем сомнению деяния христиан, то услышим лишь о том, что были убиты всего два человека. Мы узнаем также, что "многие тысячи евреев" принадлежали к новой секте и были умиловлены христианским послушанием закону; и что, когда евреи восстали против Павла — не как христианина, а как нарушителя закона Моисеева, — он был немедленно освобожден римлянами, которые отпустили бы его на свободу, если бы он не предпочел предстать перед судом в Риме. Если мы обратимся к поведению язычников, мы столкнемся с тем же полным отсутствием свидетельств преследования, пока не дойдем до оспариваемого отрывка из Тацита, где, как утверждается, никто из очевидцев не был замешан; и, с другой стороны, мы имеем неоспоримый факт, что при императорском правлении Рима каждая подвластная нация беспрепятственно исповедовала свою собственную веру, пока это не провоцировало гражданские беспорядки. "Религиозные догматы галилеян, или христиан, никогда не становились предметом наказания или даже расследования" ("Упадок и низвержение", т. ii., стр. 215).

Этот взгляд на дело полностью подтверждается Ларднером: "Ученики Иисуса Христа находились под защитой римского закона, поскольку Бог, которому они поклонялись и поклонение которому они рекомендовали, был Богом небес и земли, тем же Богом, которому поклонялись евреи, и поклонение которому было разрешено по всей Римской империи и установлено специальными указами в большинстве, возможно, во всех местах, в которых мы встречаемся со святым Павлом в его путешествиях" ("Достоверность", том i, стр. I, стр. 406, 407. Изд. 1727). Он также цитирует "замечательный пример правосудия, совершенного над евреями в Дориде, в Сирии, Петронием, президентом этой провинции. Факт таков: несколько местных опрометчивых молодых людей проникли внутрь и установили статую императора в иудейской синагоге. Агриппа Великий пожаловался Петронию на это повреждение. После чего Петроний сделал очень резкое замечание магистратам Дориды. Он называет это действие преступлением не только против евреев, но и против императора; говорит, что закону природы соответствует то, что каждый человек должен быть хозяином своих мест, согласно указу императора. "Я, - говорит он, - отдал распоряжение, чтобы те, кто осмелился совершить эти действия вопреки эдикту Августа, были доставлены к центуриону Вителлию Прокулу, чтобы их привели ко мне и они ответили за свое поведение". И я требую, чтобы главные люди в магистратуре сообщили центуриону о виновности, если только они не желают, чтобы думали, что эта несправедливость была совершена с их согласия; и чтобы они проследили за тем, чтобы по этому поводу не произошло мятежа или беспорядков, чего, как я понимаю, некоторые добиваются.... Я также требую, чтобы в будущем вы не искали повода для подстрекательства к мятежу или беспорядкам, но чтобы все люди поклонялись [Богу] в соответствии со своими собственными обычаями" (Там же, стр. 382, 383). Приведя некоторые другие факты, Ларднер резюмирует: "Это подлинные свидетельства справедливости римского правительства в целом и беспристрастного отправления правосудия римскими президентами по отношению ко всему населению своих провинций, как бы сильно они ни отличались друг от друга в вопросах религии" (Там же, стр. 401).

Свидетельства о преследовании, состоящие в цитатах из христианских книг ("Свидетельства", стр. 33-52), не могут быть приняты без доказательств подлинности цитируемых книг. Деяния Апостолов и послания Павла настолько грубо противоречат друг другу, что, не имея ничего внешнего, с чем их можно было бы сравнить, они взаимно разрушительны. "Послание к Римлянам представляет особые трудности для его принятия в качестве подлинного обращения к Римской церкви в приписываемую ему эпоху. Говорят, что о вере этой Церкви в этот ранний период "говорили по всему миру"; и все же, когда Павел, согласно Деяниям, позже посетил Рим, эта предполагаемая Церковь так мало повлияла на окрестности, что любопытствующие иудеи Рима оказались в полном неведении о том, что представляло собой христианство, и надеялись, что Павел просветит их" ("Портрет и миссия Иисуса", стр. 15). Подлинность 2 Кор. весьма сомнительна. Отрывок из послания Иакова не свидетельствует о пламенных гонениях. Послание к Евреям датировано более поздним временем. 2 Фес. опять же, очень сомнительно. "Страдания", о которых говорит Петр, судя по контексту, относятся главным образом к упрекам и проблематичному "если кто-нибудь пострадает как христианин". Если бы те, кому он писал, тогда страдали, апостол, несомненно, сказал бы: "Когда кто-нибудь страдает... пусть он не стыдится". Весь вопрос о подлинности канонических книг будет поставлен под сомнение позже, и тогда слабость такого разделения свидетельств Пейли станет более очевидной. Тем временем мы присоединяемся к мнению Ларднера об этих отрывках. Он утверждал, что римляне "защищали многие обряды во всех своих провинциях"; и он продолжает: "Есть, однако, одна

трудность, которая, как я знаю, может быть вызвана некоторыми людьми. Если римское правительство, которому тогда подчинялся весь мир, было таким мягким и кротким и защищало всех людей в исповедании их нескольких религиозных догматов и исполнении всех их особых обрядов, то почему в Посланиях к христианам содержится так много призывов к терпению и постоянству и так много доводов утешения, предложенных им как страждущему сообществу людей? [Здесь следуют некоторые отрывки, как у Пейли.] На это я отвечаю: 1. Что рассказ святого Луки о поведении римских военачальников в Деяниях апостолов за пределами Иудеи и в нем подтверждается не только приведенным мною рассказом о гении и природе римского правительства, но также свидетельствами самых древних христианских писателей. Впоследствии римляне действительно отошли от этих умеренных принципов; но несомненно, что они руководствовались ими до тех пор, пока не дойдут до истории Деяний Апостолов. Тертуллиан и многие другие утверждают, что Нерон был первым императором, который преследовал христиан; и он не начал беспокоить их до тех пор, пока Павел не покинул Рим, когда он был там в первый раз (когда его послал туда Фест), и, следовательно, только после того, как он стал врагом всего человечества. И я думаю, что, согласно рассказу Тацита о бесчеловечном обращении Нерона с христианами в Риме на десятом году его правления, то, что он сделал тогда, было вызвано не тем, что у них были иные религиозные принципы, чем у римлян, а исходило из его желания сбросить с себя ненависть к мерзкому поступку, а именно к поджогу города, в котором его обычно обвиняли. И Сульпиций Север, христианский историк четвертого века, говорит то же самое ("Достоверность евангельской истории", том i, страницы 416-420). Ларднер, однако, допускает, что евреи преследовали христиан везде, где могли, хотя они были не в состоянии убить их. Вероятно, они преследовали их во многом таким же образом, как христиане преследовали свободомыслящих в течение нынешнего столетия.

Но Пейли далее приводит свидетельства Климента, Ермы, Поликарпа, Игнатия и циркулярное письмо Смирнской церкви, чтобы доказать страдания очевидцев ("Свидетельства", стр. 52-55). Когда мы переходим к писаниям подобного рода более поздних времен, то действительно находим множество свидетельств — на самом деле, даже слишком много, поскольку они свидетельствуют о таких чудесных событиях, что невозможно доверять ничему, что в них говорится. Не только голова святого Павла была отрублена, но и достойный епископ Рима Линус, его современник (который, как предполагается, рассказал о его мученичестве), рассказывает нам, как "вместо крови из его вен потекла струйка чистого молока"; и далее нам сообщают, что его отрубленная голова сделала три прыжка в "честь Троицы, и в каждом месте, на которое она попадала, мгновенно бил источник живой воды, который и по сей день сохраняет простой и отчетливый вкус молока" ("Diegesis", стр. 256, 257). На фоне массы абсурдных историй такого рода, *единственного свидетельства* о преследовании очевидцев Пейли, мы можем привести замечания Гиббона: "Во времена Тертуллиана и Климента Александрийского слава мученичества принадлежала только святым Петру, святому Павлу и святому Иакову. Оно постепенно было даровано остальным Апостолам более поздними греками, которые благоразумно избрали для театра своей проповеди и страданий какую-нибудь отдаленную страну за пределами Римской империи" ("Упадок и низвержение", т. ii, стр. 208, примечание). Позже, действительно, были новые гонения; но даже тогда мученические смерти не являются доказательством истинности христианства. Мученичество доказывает искренность, *но не истинность* веры страдальца; у каждого вероучения были свои мученики, и поскольку истинность одного вероучения исключает истинность всех других, из этого следует, что подавляющее большинство погибло из-за заблуждения, и что, следовательно, количество

мучеников, которое оно может посчитать, не является критерием истинности вероучения, а только той преданности, которую оно внушает. Хотя мы допускаем, что христиане подвергались сильным гонениям, не может быть никаких сомнений в том, что число пострадавших было сильно преувеличено. Едва ли можно не подозревать, что, поскольку настоящих мучеников было не так много, как их предполагаемых костей, мученики были выдуманы, чтобы соответствовать приносящим богатство реликвиям, поскольку реликвии не подходили историческим мученикам. "Полное игнорирование истины и вероятности в изображениях этих примитивных мученичеств было вызвано очень естественной ошибкой. Церковные писатели четвертого и пятого веков приписывали римским магистратам ту же степень неумолимого рвения, которое наполняло их собственные сердца в борьбе с еретиками или идолопоклонниками их собственного времени.... Но несомненно, и мы можем апеллировать к признаниям первых христиан с благодарностью, что большая часть тех должностных лиц, которые осуществляли в провинциях власть императора или Сената и в чьи руки были вверены только вопросы жизни и смерти, вели себя как люди с изысканными манерами и широким образованием, которые уважали правила правосудия и были знакомы с предписаниями философии. Они часто отказывались от одиозной задачи преследования, с неуважением отвергали обвинение или предлагали обвиняемому христианину какую-нибудь юридическую уловку, с помощью которой он мог бы избежать суровости законов. (Тертуллиан в своем послании губернатору Африки упоминает несколько замечательных примеров мягкости и снисходительности, которые имели место, насколько ему известно.)... Ученый Ориген, который на основании своего опыта, а также чтения, был близко знаком с историей христиан, заявляет в самых недвусмысленных выражениях, что число мучеников было очень незначительным.... Общее утверждение Оригена может быть объяснено и подтверждено частным свидетельством его друга Дионисия, который в огромном городе Александрии и под суровым преследованием Деция считает только десять мужчин и семь женщин, пострадавших за исповедание христианского имени" ("Упадок и низвержение", т. ii., стр. 224-226. XVI). Гиббон подсчитывает, что общее число мучеников Ранней Церкви составляло "несколько меньше двух тысяч человек"; и едко замечает, что "христиане в ходе своих внутренних раздоров причиняли друг другу гораздо большие страдания, чем они испытывали из-за рвения неверных" (стр. 273, 274). Предположим, однако, что самые преувеличенные сообщения церковных историков были верны, как бы это подкрепило доводы Пейли? Он утверждает, что "очевидцы" чудесных событий умерли, свидетельствуя о своей вере в них; и мириады мучеников второго и третьего веков ничем ему не помогают. Итак, мы вернемся к свидетельствам очевидцев и обнаружим, что позиция Гиббона - относительно того, что жизнь и труды Апостолов были написаны позже людьми, не ограничивавшимися фактами, — поддержана Мосхаймом, который рассудительно замечает: "Многие взялись написать эту историю Апостолов, историю, которая, как мы находим, полна басен, сомнений и трудностей, когда мы исследуем ее дальше, чем книги Нового Завета и самые древние авторы христианской церкви" ("Eccles. История", стр. 27, изд. 1847). На каких "древних писателей" ссылается Мосхайм, трудно догадаться, как можно судить по цитируемым ниже его критическим замечаниям в адрес "Отцов апостольских", древнейших из всех; и при оценке ценности его мнения необходимо помнить, что он сам был искренним христианином, хотя и образованным и искренним, так что каждое его признание, свидетельствующее против христианства, имеет двойной вес, поскольку это признание друга и защитника.

Отдавая должное апостольским свидетельствам Пейли (Климент, Ерма, Поликарп, Игнатий и письмо из Смирны), мы можем выдвинуть следующие возражения. Сочинения Климента

вызывают много споров: "Сохранившиеся сведения о его жизни, деяниях и смерти по большей части недостоверны. Ему приписываются два *Послания к Коринфянам*, написанные по-гречески, из которых второе многими учеными авторами рассматривалось как поддельное, а первое - как подлинное. Но даже это последнее, по-видимому, было искажено и вставлено каким-то невежественным и самонадеянным автором.... Ученые теперь единодушны в отношении других сочинений, носящих имя Клеменса (Clement) ... как фальшивые произведения, приписываемые каким-то самозванцем этому достопочтенному прелату, чтобы обеспечить им высокую степень авторитета" (Там же, стр. 31, 32).

"Первое послание, написанное от имени Климента, сохранилось до нас только в одной рукописи. Хотя на него очень часто ссылались древние христианские писатели, он оставался неизвестным ученым Западной Европы до тех пор, пока, к счастью, не был обнаружен в александрийском манускрипте.... Кем был Климент, которому приписываются эти писания, невозможно с абсолютной уверенностью определить. Общее мнение таково, что он такой же, как человек с таким именем, упомянутый апостолом Павлом (Фил. iv. 3). Сами писания не содержат никаких указаний относительно их автора.... Хотя, как уже было сказано, по этому вопросу нельзя достичь полной уверенности, мы можем с большой долей вероятности заключить, что в этом послании мы имеем сочинение того Климента, который известен нам из Священного Писания как сподвижник великого апостола. Дата этого послания была предметом серьезных споров. Из самого текста ясно, что он был составлен вскоре после некоторых гонений (глава I), которым подверглась Римская церковь; и единственный вопрос заключается в том, должны ли мы остановиться на гонениях при Нероне или Домициане. В первом случае дата будет примерно 68 годом; во втором случае мы должны отнести ее к концу первого столетия или началу второго. У нас нет никакой внешней помощи для решения этого вопроса. Списки ранних римских епископов находятся в безнадежной путанице: одни называют Климента непосредственным преемником святого Петра, другие ставят Линуса, а третьи все еще Линуса и Анаклета, между ним и апостолом. Внутренние доказательства, опять же, оставляют этот вопрос сомнительным, хотя на него оказывалось сильное давление с обеих сторон. Вероятность, по-видимому, в целом в пользу домицианова периода, так что послание может быть датировано примерно 97 годом н.э." ("Труды апостольских отцов". Переведено преподобными доктором Робертсом, доктором Дональдсоном и преподобным Ф. Кромби, стр. 3, 4. Изд. 1867).

"Сохранился только единственный экземпляр этого произведения в конце александрийского манускрипта Священных Писаний. Этот экземпляр значительно изуродован. В некоторых отрывках текст явно искажен, а другие отрывки подозреваются в том, что они являются интерполяциями" ("Подлинность Евангелий" Нортон, том i, стр. 336. Изд. 1847).

Второе послание отвергается со всех сторон. "В настоящее время оно обычно рассматривается как одно из многих сочинений, ложно приписываемых Клименту.... Разнообразие стиля ясно указывает на автора, отличающегося от автора первого послания" ("Отцы-апостолы", стр. 53). "Второе послание... вообще не упоминается более ранними Отцами Церкви, которые ссылаются на первое. Евсевий, который является первым автором, упоминающим об этом, выражает сомнение относительно этого, в то время как Иероним и Фотий утверждают, что это было отвергнуто древними. Сейчас это повсеместно считается ложью" ("Сверхъестественная религия", стр. 220, 221). "Есть второе послание, приписываемое Клименту, но мы не знаем, что оно так же высоко оценено, как первое, и не знаем, что оно использовалось древними. Сообщается также, что есть и другие его сочинения, многословные и очень длинные. Недавно и некоторое время назад были выпущены те, которые содержат диалоги Петра и Апиона, из

которых, однако, ни один слог не записан первоначальной Церковью" (Евсевий "Eccles. История". bk. iii., глава 38). "Только первое греческое послание может быть с уверенностью объявлено подлинным" (Уэсткотт о "Каноне Нового Завета", стр. 24. Изд. 1875). Первое послание "является единственной частью Климента, на которую можно положиться как на подлинную" ("Достоверность Ларднера", тт. ii., том i., стр. 62. Изд. 1734). "Помимо Послания Климента к Коринфянам, есть фрагмент произведения, называемого его вторым посланием, которое, поскольку сомнительно или, скорее, явно не принадлежит Клименту, я не цитирую как его". (Там же, стр. 106.)

Этот весьма сомнительный Климент (Пейли цитирует, надо сказать, первое — или наименее сомнительное — из его сочинений) говорит только о том, что *один* из первоначальных свидетелей Пейли принял мученическую смерть, а именно Петр; Павел, конечно, не был очевидцем деяний Христа.

The *Видение Ермы* - простая рапсодия, недостойная минутного рассмотрения, о которой справедливо замечает Мосхайм: "Речи, которые он вкладывает в уста этих небесных существ, более пресны и бессмысленны, чем то, что мы обычно слышим среди самых ничтожных из толпы" ("Eccles. История", стр. 32). Его дата весьма сомнительна; каноник Муратори относит его к середине второго века, утверждая, что оно было написано Ермой, братом Пия, епископа Рима, который умер в 142 году н.э. (См. "Подлинность Евангелий Нортон", том i, стр. 341, 342.)

"Послание к Филиппийцам, которое приписывается Поликарпу, епископу Смирны, который в середине второго века принял мученическую смерть в почтенном и преклонном возрасте, рассматривается одними как подлинное, другими - как поддельное; и решить этот вопрос нелегко" ("Eccles. История", стр. 32). "Ни на каком внутреннем основании какая-либо часть этого Послания не может быть объявлена подлинной; есть веские причины считать ее поддельной, и нет никаких доказательств какой бы то ни было ценности, подтверждающих ее подлинность" ("Sup. Rel.", стр. 283).

Редакторы "Апостольских отцов" оспаривают это утверждение и говорят: "Оно в изобилии подтверждается внешними свидетельствами, а также подтверждается внутренними свидетельствами" (стр. 67). Но они добавляют: "Послание, лежащее перед нами, несовершенно ни в одной из греческих рукописей, в которых оно содержится. Но главы, в которых отсутствует греческий, содержатся в древней латинской версии. Хотя нет никаких оснований предполагать, как это делали некоторые, что все послание является поддельным, кажутся значительными аргументы, с помощью которых многие другие пытались доказать, что глава 1. xiii. является вставкой. Дата послания не может быть установлена удовлетворительно. Это зависит от того, к какому выводу мы придем относительно некоторых моментов, очень сложных и неясных, связанных с дошедшим до нас рассказом о мученической смерти Поликарпа. Однако мы не сильно ошибемся, если установим, что это примерно середина второго века" (Там же, стр. 67, 68). Бедный Пейли! это слабое свидетельство мученической смерти его очевидцев появилось через 150 лет после Христа; и даже тогда все, что мог сказать Поликарп, если послание имеет шанс быть подлинным, это то, что "они пострадали", без единого слова об их мученичестве!

Подлинность писем Игнатия долгое время была предметом споров. Мосхайм, который принимает семь посланий, говорит, что "хотя я готов принять это мнение как предпочтительное любому другому, все же я не могу не рассматривать подлинность послания к Поликарпу как крайне сомнительную из-за разницы в стиле; и, действительно, весь вопрос, касающийся

посланий св. Мне вообще кажется, что Игнатий трудится в условиях большой неизвестности и сталкивается со многими трудностями" ("Eccles. Hist.", стр. 22).

"Во всех пятнадцати посланиях есть имя Игнатия. Это следующие: одно Деве Марии, два апостолу Иоанну, одно Марии Кассобельской, одно тарсийцам, одно антиохийцам, одно Герою (диакону из Антиохии), одно филиппийцам, одно ефесянам, одно магнезианцам, одно траллианцам, одно римлянам, одно филладельфийцам, одно смирнийцам и одно Поликарпу. Первые три существуют только на латыни; все остальные сохранились также на греческом. В настоящее время общепринято мнение критиков о том, что первые восемь из этих якобы игнатианских писем являются поддельными. Они несут в себе несомненные доказательства того, что были порождением более поздней эпохи, чем та, в которую жил Игнатий. Ни Евсевий, ни Иероним ни малейшим образом не упоминают о них; и теперь они, по общему согласию, отброшены в сторону как подделки, существовавшие в разное время и служившие особым целям, выпущенные под именем знаменитого епископа Антиохийского. Но после того, как вопрос был таким образом упрощен, он все еще остается достаточно сложным. Из семи посланий, которые признает Евсевий" ("Eccles. Hist", bk. iii., глава 36), у нас есть две греческие редакции, более короткая и более длинная. "Очевидно, что в том или ином из них обнаружен искаженный текст; и ученые, по большей части, согласились принять сокращенную форму как представляющую подлинное письма Игнатия.... Но хотя более короткая форма посланий Игнатия была общепринятой в пользу более длинной, среди ученых все еще существовало довольно распространенное мнение, что даже ее нельзя рассматривать как абсолютно свободную от вставок или как имеющую несомненную подлинность.... В целом, однако, сокращенная редакция до недавнего времени принималась без особого сопротивления ... как демонстрирующая подлинную форму посланий Игнатия. Но совершенно иной аспект этому вопросу придало обнаружение сирийской версии трех из этих посланий среди рукописей, полученных из монастыря Святой Марии Дейпара в пустыне Нитрия в Египте [между 1838 и 1842 годами].... Когда они были переданы на хранение в Британский музей, покойный доктор Кюретон, который тогда заведовал сирийским отделом, обнаружил среди них сначала послание к Поликарпу, а затем снова то же самое послание, вместе с посланиями к Ефесянам и к Римлянам, в двух других томах рукописей" ("Апостольские отцы", стр. 139-142). Доктор Кюретон высказал свое мнение, что сирийские письма являются "единственными верными письмами достопочтенного епископа Антиохийского, которые либо дошли до наших дней, либо были когда-либо написаны". известен в самые ранние века христианской церкви" ("Корпус Игнатианум", изд. 1849, цитируется в "Апостольских отцах", стр. 142).

"Я тщательно сравнил два издания и после этого сравнения очень хорошо убедился, что большее является интерполяцией меньшего, а не повторением или сокращением большего. Я не желаю лучшего доказательства в деле подобного рода.... Но являются ли сами меньшие из них подлинными трудами Игнатия, епископа Антиохийского, - это вопрос, о котором много спорили, и которым занимались перья самых способных критиков. И какую бы позитивность некоторые ни демонстрировали с обеих сторон, я должен признать, что нашел это очень трудным вопросом" ("Достоверность", ч. 2, т. ii., стр. 153). Сирийская версия тогда, конечно, была неизвестна. Профессор Нортон, ученый христианский защитник Евангелий, говорит: "Семь коротких посланий, подлинность которых оспаривается, попали к нам в плохую компанию.... Как мне кажется, нет никаких разумных сомнений в том, что семь более коротких посланий, приписываемых Игнатию, в равной степени, как и все остальные, являются выдумками, датированными намного позже его времени ". "Я сомневаюсь, что какая-либо книга

по своему общему тону чувств и языка когда-либо выдавала себя за подделку более явно, чем эти мнимые послания Игнатия" ("Подлинность Евангелий", т. i, стр. 350 и 353, изд. 1847).

"Какова же тогда позиция так называемых посланий Игнатия? Ближе к концу второго века Иринеи приводит очень короткую цитату из неназванного источника, которую Евсевий в четвертом веке находит в послании, приписываемом Игнатию. Ориген в третьем веке цитирует несколько слов, которые он приписывает Игнатию, хотя и без определенной ссылки на какое-либо конкретное послание; а в четвертом веке Евсевий упоминает семь посланий, приписываемых Игнатию. Других доказательств нет. Однако до нас дошло пятнадцать посланий, все из которых приписываются Игнатию, и все они, за исключением трех, которые известны только в латинской версии, у нас есть как греческие, так и латинские версии. Из семи этих посланий — и это те, о которых упоминает Евсевий, — у нас есть две греческие версии, одна из которых намного короче другой; и, наконец, теперь у нас есть сирийская версия трех посланий, только в форме, еще более короткой, чем сокращенная греческая версия, в которой встречаются все цитаты Отцов Церкви без исключения вплоть до четвертого века. Восемь из пятнадцати посланий повсеместно отвергнуты как поддельные (ante, стр.263). Более длинная греческая версия оставшихся семи посланий почти единодушно осуждается как грубо интерполированная; и подавляющее большинство критиков признают, что более короткая греческая версия также сильно интерполирована; в то время как сирийская версия, которая, насколько известно MSS. это, безусловно, самый древний текст из всех писем, которыми мы располагаем, сокращающий их количество до трех, а их содержание - до действительно очень маленького размера. Неудивительно, что подавляющее большинство критиков выразили более или менее сильные сомнения относительно подлинности всех этих посланий и что столь многие из них вообще отвергли их. Совершенно очевидно одно — что среди такой массы фальсификаций, интерполяций и подлогов послания Игнатия ни в какой форме не могут считаться доказательством по какому-либо важному вопросу.... Фактически, вся игнатианская литература представляет собой массу фальсификаций и подлогов" ("Sup. Rel.", том i, стр. 270, 271, 274). Изучающий может судить по этой путанице, из пятнадцати сокращенных до семи длинных, и семи длинных сокращенных до семи коротких, и семи коротких сокращенных до трех, и эти три очень сомнительны, насколько полностью надежными должны быть аргументы Пейли, почерпнутые из этого "современника Поликарпа". Наши редакторы "Отцов церкви" очень откровенно замечают: "Что касается личной истории Игнатия, почти ничего не известно" ("Апостольские отцы", стр. 143). Трудно сказать, почему, признавая это, они называют его "прославленным". Поистине, пути христианских комментаторов темны!

Цитата Пейли взята из послания к смирнянам (заметьте, не сирийского) и взята из более короткого греческого перевода. Это встречается в главе iii и говорит только о том, что Петр и те, кто был с ним, увидели Иисуса после воскресения и уверовали: "по этой причине они также презрели смерть и были признаны ее победителями". Люди, верившие в воскресение, естественно, могли бы презирать смерть; но трудно понять, каким образом эта цитата — даже если бы она была подлинной — показывает, что апостолы пострадали за свою веру. Что кажется наиболее примечательным — если утверждение Пейли о страданиях свидетелей верно, а эти писания подлинны, — так это то, что так мало упоминается об апостолах, об их трудах и страданиях, и что эти послания представляют собой просто своего рода лоскутное одеяло, в основном из материалов Ветхого Завета, вперемешку с увещаниями о Христе.

Циркулярное послание Смирнской церкви - любопытный документ. Пейли цитирует ужасный отчет о применявшихся пытках, и, читая его, можно представить, что многие, должно быть, были приговорены к смерти. Мы удивлены, узнав из самого послания, что Поликарп был всего лишь двенадцатым мучеником между двумя городами Смирной и Филадельфией! О степени зависимости, которую следует придавать этому повествованию, можно судить по следующему: "Когда пламя вспыхнуло с великой яростью, мы, которым было дано быть свидетелями этого, стали свидетелями великого чуда и были сохранены, чтобы мы могли рассказать другим о том, что тогда произошло. Ибо огонь, приняв форму арки, подобно парусу корабля, когда его наполняет ветер, охватил тело мученика как бы кольцом. И он явился внутри, не как сгоревшая плоть, но как испеченный хлеб, или как золото и серебро, раскаляющиеся в печи. Более того, мы почувствовали такой сладкий запах, как будто там горел ладан или какие-то другие подобные драгоценные специи. Наконец, когда эти люди поняли, что его тело не может быть сожжено огнем, они приказали палачу подойти поближе и пронзить его кинжалом. И когда он это сделал, оттуда вылетел голубь и пролилось большое количество крови, так что огонь погас" ("Апостольские отцы", стр. 92). Можно ли полагаться на историков (?), которые серьезно рассказывают, что огонь не обжигает и что, когда человека пронзают кинжалом, вылетает голубь вместе с достаточным количеством крови, чтобы погасить пылающую кучу? Чтобы сделать это драгоценное послание еще более ценным, один из его переписчиков добавляет к нему: "Я снова, Пионий, написал их (эти вещи) с ранее написанной копии, тщательно изучив их, и блаженный Поликарп открыл их мне через откровение [!], как я покажу в дальнейшем. Я собрал эти вещи, когда они почти исчезли с течением времени" (Там же, стр. 96). Если это история, то за основу веры можно взять любой абсурдный сон. Мы можем добавить, что в этом послании не упоминается мученическая смерть очевидцев, и трудно понять, зачем Пейли приплетает это, если только он не хочет заставить нас поверить, что его очевидцы перенесли все те пытки, о которых он упоминает; но даже Пейли не может претендовать на то, что существует хоть малейшее доказательство того, что они подверглись каким-либо подобным испытаниям. Таким образом, рушится весь аргумент, основанный на "двенадцати мужчинах, о честности и здравом смысле которых я давно знал", погибших за настойчивое утверждение о "чуде, совершенном на их глазах", которые используются как параллель апостолам, как аргумент против Юма. Ибо мы еще не доказали, что были какие-либо очевидцы, или что они делали какие-либо утверждения, и нам совершенно не удалось доказать, что очевидцы вообще были замучены, или что смерть кого-либо из них, за исключением смерти Петра, даже упоминается в предполагаемых документах, так что "удовлетворительные свидетельства" "первоначальных свидетелей христианских чудес", страдающих и умирающих в подтверждение этих чудес, сводятся к тому, что в оспариваемом документе говорится, что Петр был замучен, а в другом, еще более сомнительном, говорится, что "остальные апостолы" чтобы "пострадать". Таким образом, первое предположение Пейли полностью подтверждается. Честная правда заключается в том, что история двенадцати апостолов совершенно неизвестна и что вокруг их имен собирается масса невероятных и бессмысленных мифов и легенд, сходных по своему характеру с другими мифологическими баснями и совершенно недостойных доверия разумных людей.

Не меньшее доказательство отсутствия подчинения "из тех же побуждений новым правилам поведения". Нигде нет и намек на то, что христианская мораль подкреплялась апелляцией к чудесам Христа; чудеса были в те дни слишком обычным явлением, чтобы привлекать к себе много внимания, и, действительно, если они не могли завоевать веру в миссию у тех евреев,

перед которыми, как говорили, они совершались, какие у них были шансы, когда история об их деяниях повторялась только понаслышке? Опять же, правила поведения не были "новыми"; лучшим частям христианской морали учили задолго до Христа (как мы докажем позже цитатами), и они были знакомы грекам, римлянам и египтянам из трудов их собственных философов. Не было бы ничего примечательного в том, что среди этих народов выросла новая секта, привыкшая к школам философов, с их различными группами учеников, отличающимися особыми названиями. Почему в этих христианских обществах с высоким моральным кодексом есть что-то более замечательное, чем в суровой и величественной морали, привитой и практикуемой стоиками? Что касается подчинения поведения "новым правилам", то чем меньше сказано, тем лучше. 1-е Послание к Коринфянам не дает нам очень возвышенного представления о морали, господствующей среди тамошних христиан, а гневные упреки Иуды предполагают большую порочность; послания к семи Церквям в целом содержат порицание, если не останавливаться на множестве разрозненных отрывков того же характера. Более того, посторонние люди очень резко отзываются о христианских обществах. Тацит, чьему свидетельству следует придать некоторый вес, если его цитировать в качестве доказательства существования секты, говорит, что они вызывали отвращение за свои преступления и были осуждены за их "вражду к человечеству" (выражение Тацита может означать либо *ненавистников* человечества, либо *ненависть* человечества), выражения, которые показывают, что приверженцы высшей и чистой морали были, по крайней мере, крайне неудачливы в впечатлениях от нее, которые они передавали своим соседям своей жизнью; и мы находим, далее, наиболее скандальный пример. преступления, вменяемые христианам, требующие применения против них эдиктов, принятых для пресечения постыдных вакхических мистерий. И вот, действительно, истинная причина преследований, которым они подвергались под справедливым и милосердным римским правлением, и это момент, который не должен упускаться из виду изучающим.

Около 186 г. до н.э., согласно Ливию (lib. xxxix. с. 8-19), римское правительство, обнаружив, что в Риме обычно отмечались определенные "вакхические мистерии", издало строгие эдикты против их участников, и преуспело, по крайней мере частично, в их подавлении. Причина, приведенная консулом Постумием для этих эдиктов, была политической, а не религиозной. "Могли ли они подумать, - спросил он, - что юноши, прошедшие посвящение в соответствии с такими клятвами, как у них, годятся в солдаты?" Что негодяям, выведенным из храма непристойности, можно доверить оружие? Что те, кто заразился грязным развратом на этих собраниях, должны быть поборниками целомудрия жен и детей римского народа?" "Давайте теперь внимательно рассмотрим, насколько элевсинские и вакхические празднества напоминали христианские Агапеи — произошли ли последние, немного видоизмененные в соответствии с изменениями, которые должны были произойти во вкусах эпохи, от первых или были совершенно из другого источника. Мы видели, что вышеупомянутые языческие праздники были по всей Италии в очень цветущем состоянии примерно за 186 лет до христианской эры. Мы также видели, что примерно в это время они были, по крайней мере, частично подавлены в Италии, а те, кто обычно принимал в них участие, рассеялись по всему миру. Будучи ревностно преданными религии, частью которой были эти праздники, вполне естественно предположить, что, где бы ни селились приверженцы этого суеверия, они вскоре устанавливали эти праздники, которые им удавалось проводить тайно и, следовательно, в течение значительного времени незамеченными.... И язычники, и христиане в древние времена были особенно осторожны, чтобы не раскрывать свои *тайны*; сделать это в нарушение своих клятв стоило бы им жизни"

("Пророк из Назарета" Э.П. Мередит, примечания, стр. 225, 226). Затем мистер Мередит указывает, как в Риме, Лионе, Вене "христиан фактически обвиняли в убийстве детей и других людей — в совершении прелюбодеяния, кровосмешения и других вопиющих преступлений на их тайных любовных пирушках. Поэтому возникает вопрос — действительно ли они были виновны в тех варварских преступлениях, в которых их так часто официально обвиняли и за совершение которых они почти так же часто подвергались юридическому осуждению и наказанию смертью? Возможно ли, чтобы люди в *Риме*, которые когда-то участвовали в этих празднествах любви, сказали преднамеренную ложь о том, что христиане совершали эти отвратительные пороки, и что другие люди во *Франции*, которые также были связаны с этими празднествами, должны были ложно заявить, что христиане были виновны в тех же самых отвратительных преступлениях? Между этими сторонами не было никакого сговора или какой-либо связи, и, делая свои заявления, они не могли иметь корыстных мотивов. Они жили в разных странах, они не делали своих заявлений в течение двадцати лет с того же времени, и, делая такие заявления, они обрекли себя на смертную казнь.... То же замечание относится и к разоблачениям, сделанным примерно 150 лет спустя некими женщинами в Дамаске, расположенном далеко от Лиона или Рима. Они делают точно такое же заявление — что они когда-то были христианами, что они были причастны к преступным деяниям среди них, и что эти христиане в самих своих церквях совершали распущенные поступки. Римляне никогда бы так безжалостно не преследовали христиан, если бы они не были виновны в некоторых подобных злодеяниях, которые были им предъявлены. Имеются многочисленные свидетельства того, что римляне, начиная с самых ранних дошедших до нас сведений о них, терпимо относились ко всем безвредным религиям — ко всем таким, которые не были прямо рассчитаны на то, чтобы угрожать общественному спокойствию, или извращать общественную мораль, или делать жизнь и имущество небезопасными.... Так хорошо известны были эти ужасные пороки, которым предавались все христиане в своих ночных и тайных собраниях, и так достоверно считалось, что каждый христианин участвовал в них, что для человека быть известным как христианин считалось сильным предполагаемым доказательством того, что он виновен в этих преступлениях. Следовательно, лица на предварительных допросах, которые на допросе отвечали, что они христиане, считались подходящими объектами для помещения в тюрьму.... Плиний далее указывает, что в то время как некоторые из приведенных к нему на основании полученной информации отказались сообщить ему что-либо относительно характера их ночных встреч, другие ответили на его вопросы настолько, насколько им позволяла их клятва. Они рассказали ему, что у них, как у христиан, было принято собираться в установленный день, до рассвета, петь гимны; и связывать себя торжественной клятвой, что они не будут делать ничего дурного; что они не будут красть, или грабить, или совершать какие-либо нечестивые поступки; что они никогда не нарушат доверие; и что они объединились для общей и невинной трапезы. Хотя все эти ответы на вопросы проконсула наводят на мысль о преступлениях, в которых обвинялись христиане, тем не менее они являются отрицанием каждого из них.... Однако весь ход исторических фактов противоречит их показаниям, и проконсул им не поверил; но, чтобы докопаться до всей правды, подверг некоторых из них пыткам и в конечном итоге отложил их суд [см. ante, стр. 203-205]. Манера, в которой греческие и латинские авторы упоминают христиан, наглядно показывает, что они были виновны в чудовищных преступлениях, вменяемых им в вину. Светоний (в "Нероне") называет их "расой людей с новыми и злодейскими суевериями" [см. ante, стр. 201]. Император Адриан в письме к своему шурина Сервиану в 134 году, переданном Воспицием, говорит: "Среди христиан нет пресвитера, который не был бы ни астрологом, ни прорицателем, ни служителем непристойных удовольствий". Тацит сообщает

нам, что Нерон подвергал изощренному наказанию тех людей, которые под вульгарным названием христиане вызвали отвращение за свои преступления. Он также в том же месте говорит, что они были "отвратительны человечеству", и называет их религию "пагубным суеверием" [см. ante, стр. 99]. Максим также в своем письме называет их "приверженцами отвратительного тщеславия", которые "наполнили мир позором". Однако, похоже, что из-за крайних мер, принятых против них римлянами, как в Италии, так и во всех провинциях, христиане постепенно были вынуждены полностью отказаться от убийств младенцев в Агапе вместе со всеми видами непристойностей, сохранив, тем не менее, некоторые их реликвии, такие как *поцелуй милосердия* хлеб и вино, которые, как они утверждали, были пресуществлены. в настоящую плоть и кровь.... Очень распространенным способом опровержения этих обвинений было для одной христианской секты, которая, конечно же, осуждала все другие секты как еретиков, настаивать на том, что человеческие жертвоприношения и кровосмесительные праздники не отмечались этой сектой, но что они практиковались другими сектами; такими, например, как маркиониты и капократиане. (Джастин Март., "Извинение", i, 35; Ирен., adv. Хаер. i, 24; Клем. Алекс., i., 3.) Когда Тертуллиан присоединился к монтанистам, другой христианской секте, он разгласил преступные тайны Церкви, которые он так ревностно защищал, сказав в своем "Трактате о посте", с. 17, что "в Агапе молодые люди возлежали со своими сестрами и предавались распутству и роскоши".... Пережитки этих отвратительных обычаев сохранялись долгое время, и пережитки их существуют по сей день, как в определенных словах и фразах, так и на практике. Стол для причастия и по сей день называется *алтарем*, по названию того, на чем древние приносили свои жертвы. Слово *таинство* имеет значение, используемое уже цитированным Плинием, которое возвращает нас к торжественной клятве агапеистов. Слово *месса* переносит нас еще дальше назад и отождествляет нынешнюю мессу с мессой язычников.... Раньше освященный хлеб назывался *хозяином*, это слово обозначает жертву приносимую в качестве жертвоприношения, очень часто человеческого.... Иероним и другие отцы Церкви называли хлеб причастия — *тельце*, а стол причастия — *мистический стол*; последнее - намекая на языческие и раннехристианские мистерии, а первое - ссылаясь на детей, приносимых в жертву на Агапе. Великая доктрина пресуществления прямо указывает на отвратительную практику поедания человеческого мяса в Агапе.... В целом, из массы уже приведенных свидетельств невозможно избежать вывода, что ранние христиане в их Агапе действительно были виновны в отвратительных пороках, в которых их так часто обвиняли и за которые они были приговорены к смерти. После признания этого можно найти разумную и адекватную причину жестоких преследований христиан римским правительством — правительством, которое применяло к ним точно такие же законы и способы преследования и наказания, как и к приверженцам вакхических и элевсинских мистерий, хорошо известных тем, что они приносили человеческие жертвы и предавались самому непристойному распутству на своих тайных собраниях; и правительством, которое терпимо относилось ко всем видам религий, за исключением тех, которые поощряли практики, опасные для человеческой жизни или пагубные для морали подданных. Приведенные факты также не могут не показать ясно, что христианские агапы были языческого происхождения — были идентичны тем языческим праздникам, которые существовали одновременно с ними" (Там же, примечания, стр. 227, 231).

Не может быть никаких сомнений в том, что христиане пострадали за эти преступления, независимо от того, были они в них виновны или нет: "Против нас выдвигаются обвинения в трех

вещах: атеизме, фистийских празднествах, эдиподианских сношениях", - говорит Афинагор ("Апология", гл. iii). Юстин Мученик ссылается на те же обвинения ("2-я апология", гл. xii). "Чудовища зла, нас обвиняют в соблюдении священного обряда, в ходе которого мы убиваем маленького ребенка, а затем съедаем его, в ходе которого после праздника мы практикуем кровосмешение.... Приди, вонзи свой нож в младенца, ничьего врага, ни в ком не обвиняемого, дитя всех; или, если это чужая работа, просто займи свое место рядом с человеком, умирающим до того, как он по-настоящему ожил, дожись ухода недавно отданной души, прими свежую молодую кровь, пропитай ею свой хлеб, свободно вкушай" ("Апология", Тертуллиан, разделы 7, 8). Тертуллиан искренне утверждает, что эти обвинения были ложными: "если вы не можете этого сделать, вам не следует верить в это другим. Ибо христианин - такой же человек, как и вы" (Там же). Однако, когда Тертуллиан стал монтанистом, он заявил, что именно эти преступления *были* совершены в Агапе, так что он говорил неправду либо в том, либо в другом случае. "Иногда слабо намекалось, а иногда смело утверждалось, что те же самые кровавые жертвоприношения и те же кровосмесительные празднества, которые так ложно приписывались ортодоксальным верующим, на самом деле праздновались маркионитами, карпократианами и несколькими другими сектами гностиков.... Обвинения подобного рода были брошены в адрес Церкви раскольниками, отошедшими от ее общения; и со всех сторон признавалось, что самая скандальная распущенность нравов преобладала среди огромного числа тех, кто оскорблял имя христиан. Языческий судья, не обладавший ни досугом, ни способностями различить почти незаметную грань, отделяющую ортодоксальную веру от еретической развращенности, мог бы легко вообразить, что их взаимная враждебность привела к раскрытию их общей вины" ("Упадок и низвержение", Гиббон, т. ii., стр. 204, 205). К счастью, заключает историк, некоторые магистраты сообщили, что они не обнаружили подобного преступления. Следует отметить, что одновременно с обнародованием этих обвинений происходит преследование христиан; в течение первого столетия о таких слышно очень мало, и гонений очень мало [см. ante, стр. 209-213]. В следующем столетии обвинения участились, как и преследования.

К этим веским аргументам можно добавить признание в 1 Кор. xi., 17, 22 беспорядков и пьянства на этих Агапах; привычку называть праздник причастия "христианскими мистериями", привычку, все еще сохраняемую в англиканском молитвеннике; тот факт, что они происходили *ночью*, под покровом темноты, обычай, для которого не было ни малейших оснований, если только служба не носила настолько предосудительного характера, что подпадала под запрет терпимого римского закона; и наконец, использование креста и крестного знамения, центральной христианской эмблемы, которая, особенно в связи с мистериями, не имеет сомнительного значения. Таким образом, в сумерках, которыми они были окутаны в те ранние дни, христиане предстают перед нами как секта, характер которой сильно отличается от того, который придал им Пейли. Немного позже, когда они всплывают в историческом свете, их собственные авторы приводят нам достаточно доказательств, по которым мы можем судить о них; и мы находим их суеверными, крайне невежественными, сварливыми, жестокими, разделенными на аскетов и распутников, между которыми трудно выделить пальму первенства за деградацию и непристойность.

Имея "доказано"—в приведенном выше способа—это большое количество людей в первом веке продвинутых "необыкновенная история" подверглась травле, и изменили их образ жизни, из-за этого, Палей считает, что это "в высшей степени вероятно, что сюжет, для которого эти лица добровольно подвергли себя униформу и трудности, которые они пережили, было чудесное история; я имею в виду, что они притворялись, будто чудесное свидетельствует о какой-то или

другое" ("Свидетельства", стр. 64). То, что христиане верили в чудесную историю, можно смело признать, но нам нужно доказательство правдивости этой истории, а не доказательство их веры в нее. В наши дни многие невежественные люди верят в колдовство и гадания, но их вера лишь доказывает их собственное невежество, а не истинность обоих суеверий. Следующий шаг в аргументации состоит в том, что "история, которая есть у христиан *сейчас*", - это "история, которая была у христиан *тогда*", и утверждается, что в настоящее время не существует никаких следов какой-либо истории Иисуса Христа, "существенно отличающейся от нашей" ("Свидетельства", стр. 69). Трудно судить, насколько велика разница под словом "существенно". Все апокрифические Евангелия очень сильно отличаются от канонических, содержат высказывания и поступки Христа, которых нет в общепринятых исторических источниках, и делают его характер противоположным добру или привлекательности в гораздо большей степени, чем "четверо". То, что Христос чудесным образом родился, творил чудеса, был распят, погребен, воскрес вновь, вознесся, может быть принято как "существенная" часть этой истории. Однако Марк и Иоанн ничего не знали о рождении, в то время как, если верить Деяниям и Посланиям, апостолы были в равной степени невежественны; таким образом, великое учение о Воплощении Бога без естественного зачатия полностью игнорируется всеми, кроме Матфея и Луки, и даже они разрушают свою собственную историю, приводя родословные Иисуса через Иосифа, которые бесполезны, если только Иосиф не был его настоящим отцом. Таким образом, рождение от девственницы не претендует на то, чтобы быть частью чудесной истории Пейли в древнейшие времена. Свидетельства о чудотворении Христа, которые можно найти в Посланиях, бросаются в глаза главным образом своим отсутствием, но они в значительной степени фигурируют в послеапостольских трудах. Распятие, воскресение и вознесение общепризнаны, и эти три события составляют целостную историю, относительно которой можно требовать единодушного свидетельства; возможно, будет справедливо также признать, что Христос повсеместно признан чудотворцем, несмотря на странное молчание посланий. Нам нет необходимости ссылаться на свидетельства Климента, Поликарпа или Игнатия, поскольку мы уже показали, какая зависимость может быть установлена от их писаний. Но теперь у нас есть три новых свидетеля: Варнава, Квадрат и Иустин Мученик. Пейли говорит: "В послании, написанном под именем Варнавы, спутника Павла, вероятно, подлинном, несомненно относящемся к тому времени, мы имеем описание страданий Христа" и т. д. (Свидетельства, стр. 75). "Вероятно, подлинный, несомненно принадлежащий к тому времени!" Пейли шутит со своими читателями или только играет на их невежестве? "На самом письме нет имени автора, оно не датировано каким-либо местом и не адресовано какому-либо особому сообществу. Однако ближе к концу второго века традиция начала приписывать это Варнаве, спутнику Павла. Первым автором, который упоминает об этом, является Климент Александрийский [глава Александрийской школы, 205 год н.э.], который несколько раз называет его автора "Апостолом Варнавой".... Мы уже видели в случае с Посланиями, приписываемыми Клименту Римскому, и по мере продолжения мы слишком хорошо познакомимся с тем фактом, с какой удивительной легкостью, при полном отсутствии критического разбора, Отцы Церкви приписывали апостолам и их последователям подложные писания.... Легковерное благочестие, приписывавшее писания каждому апостолу и даже самому Иисусу, вскоре нашло авторов для каждого анонимного произведения назидательного характера.... На заре критики некоторые авторы без особых вопросов придерживались традиционного взгляда на авторство Посланий, но сейчас большая масса критиков единодушна в утверждении, что сочинение, которое само по себе совершенно анонимно, не может быть приписано Варнаве, другу и соратнику Павла. Те, кто придерживается первого мнения, датируют Послание примерно 70-73 годами н.э. или

даже раньше, но вряд ли это точка зрения какого-либо ныне живущего критика" ("Сверхъестественная религия", том i, стр. 237-239).

"Судя по его содержанию, кажется маловероятным, что оно было написано сподвижником апостолов и левитом. В дополнение к этому, вполне вероятно, что Варнава умер до 62 года н.э.; и письмо содержит не только намек на разрушение еврейского храма, но также подтверждает отречение от субботы и всеобщее празднование Дня Господня, что, по-видимому, показывает, что оно не могло быть написано ранее начала второго века" ("Уэсткотт о каноне", стр. 41). "Ничего определенного не известно об авторе следующего послания. Автора зовут Варнава; но вряд ли какие-либо ученые сейчас приписывают его знаменитому другу и сподвижнику святого Павла.... Внутренние доказательства в настоящее время обычно рассматриваются как убедительные против этого мнения.... Внешние свидетельства [приписывающие это Варнаве] сами по себе слабы и не должны заставлять нас ни на минуту колебаться в отказе приписывать это письмо Варнаве, апостолу.... Общее мнение таково, что его датировка датируется не позднее середины второго века и что его нельзя отнести ранее, чем примерно на двадцать-тридцать лет раньше. С точки зрения стиля, как в отношении мысли, так и в отношении выражения, ему должно быть отведено очень низкое место. Мы ничего определенного не знаем о регионе, в котором жил автор, или о том, где можно было найти первых читателей" ("Апостольские отцы", стр. 99, 100). Послание вообще не приписывается Варнаве до конца второго века. Евсевий отмечает его как "поддельное" ("Eccles. История", bk. iii., глава xxv). Ларднер говорит о нем как о "вероятно, принадлежавшем Варнаве и, безусловно, древнем" ("Достоверность", т. ii., т. ii., стр. 30). Когда мы видим полный конфликт свидетельств относительно трудов всех этих "первобытных" авторов, мы едва ли можем удивляться откровенному признанию преподобного доктора Джайлса: "Труды Отцов Апостольских находятся под более тяжелым грузом сомнений и подозрений, чем любые другие древние сочинения, как священные, так и мирские" ("Христианские записи", стр. 53).

Пейли, цитируя "Квадрата", не говорит нам, что цитируемый им отрывок является единственным дошедшим до нас сочинением Квадрата и сохранился только у Евсевия, который говорит, что он взял его из апологии, адресованной Квадратом императору Адриану. Адриан правил с 117 по 138 год н.э., и, следовательно, апология должна была быть представлена между этими датами. Если извинение подлинное, Квадрат делает экстраординарное утверждение, что некоторые из людей, воскрешенных Иисусом из мертвых, были тогда живы. Записано, что Иисус воскресил только трех человек — девушку, юношу и Лазаря; мы примем их возраст за десять, двадцать и тридцать лет. "Некоторыми" из тех, кто вырос, могут быть не менее двух из трех; мы будем говорить о двух самых молодых. Тогда они были живы в почтенном возрасте от 95 до 116 лет и от 105-126 лет. Первое может быть воспринято как находящееся в пределах возможного; второе — как выходящее за их пределы; но Квадрат говорит слишком много, что совершенно подрывает доверие к нему, и мы можем лишь немного подчеркнуть осторожность или заслуживаемость доверия историка, который говорит такими опрометчивыми словами. Вдобавок к этому, мы не находим никаких следов этого отрывка до тех пор, пока Евсевий не напишет его в четвертом веке, а хорошо известно, что Евсевий не был слишком разборчив в своих цитатах, считая, что его долгом было лишь привести наилучший случай, который он мог привести. Он откровенно говорит: "Мы совершенно неспособны найти даже голые следы тех, кто, возможно, прошел этот путь до нас; за исключением, возможно, того, что представлено лишь в слабых намеках, которые некоторые разными способами передали нам в определенных отрывочных повествованиях о временах, в которые они жили.... Следовательно, все, что мы сочтем полезным

для предлагаемого предмета, мы постараемся свести к компактному объему" ("Eccles. История", bk. i., глава i). Соответственно, он создает полную историю Церкви из материалов, представляющих собой лишь "слабые намеки", и тщательно и в деталях прорисовывает путь, от которого не осталось "даже голых следов". Неудивительно, что ему приходилось так полагаться на свое воображение, когда ему приходилось строить церковь, а у него не было соломинки для кирпичей.

Пейли приводит Джастина Мученика (родился около 103 г. н.э., умер около 167 г. н.э.) в качестве своего последнего источника — поскольку после его смерти историю можно считать установленной — и говорит: "Из трудов Джастина, которые все еще сохранились, можно было бы собрать достаточно полный отчет о жизни Христа, во всех пунктах согласующийся с тем, что изложено в наших Священных Писаниях; действительно, взятый в значительной степени из этих Писаний, но все же доказывающий, что этот отчет, а не какой-либо другой, был известен и сохранился в ту эпоху" ("Свидетельства", стр. 77). Если "никакого другого" рассказа не сохранилось, Джастин, должно быть, в значительной степени опирался на собственное воображение, когда притворялся, что цитирует. Иисус, согласно Иустину, зачат "от Слова" ("Apol.", i. 33), а не от Святого Духа, третьего лица, о Святом Духе говорят как о тождественном со Словом; и таким образом, он зачат самим собой. Он родился не в Вифлееме, в хлеву, а в "пещере близ деревни", потому что Иосиф не мог найти пристанища в Вифлееме ("Диал." 78). Волхвы приходят не с "Востока", а из Аравии ("Циферблат". 77). Иисус работает плотником, изготавливая плуги и ярма ("Циферблат". 88). История крещения совсем иная ("Диал." 88). На суде Иисуса сажают на судилище и с насмешкой просят судить его обвинителей ("Апол.", i. 35). Все апостолы отвергают его и оставляют его после того, как он будет распят ("Апол.", i. 50). Этих примеров можно было бы привести больше, и, как мы увидим позже, Юстин явно цитирует источники, отличные от канонических Евангелий. И все же Пейли делает вид, что "никакого другого" рассказа не сохранилось, и это прямо перед лицом Евангелия от Луки, глава 1, где говорится, что "многие взялись за написание подобных историй". Если бы Пейли просто сказал, что история чудотворца по имени Помазанный Спаситель, который родился от девы, был распят, воскрес и вознесся на небеса, рассказывалась христианами со многими вариациями. примерно через 100 лет после своего предполагаемого рождения он говорил бы искренне; и если бы он добавил к этому, что ту же самую историю рассказывали египтяне и индусы, много сотен лет назад, он бы честно обращался со своими читателями, хотя, возможно, это и не укрепило бы их веру в "божественное происхождение христианства".

Прежде чем мы перейдем к последним доказательствам, предложенным Пейли, которые требуют более тщательного изучения ценности свидетельства, содержащегося в святоотеческих и канонических писаниях, будет полезно в общих чертах подчеркнуть тот факт, что эти Отцы просто бесполезны как свидетели каких-либо фактов из-за абсурдных и невероятных историй, которые они рассказывают с самой совершенной верой. Критических способностей у них нет никаких; самую детскую бессмыслицу они принимают с самым серьезным видом; нет слишком глупой истории, нет слишком вопиющей лжи, чтобы они поверили и продали ее в полной уверенности в ее правдивости. Грубое невежество - одна из их характерных черт; они суеверны, доверчивы, неграмотны почти до невероятной степени. Климент считает, что "Господь постоянно доказывает нам, что грядущее воскресение будет", среди прочего, следующим "фактом": "Давайте рассмотрим то чудесное знамение, которое происходит в восточных землях, то есть в Аравии и близлежащих странах. Существует определенная птица, которая называется феникс. Это единственная в своем роде птица,

которая живет 500 лет. И когда приближается время его распада, когда он должен умереть, он строит себе гнездо из ладана, мирры и других благовоний, в которое, когда приходит время, он входит и умирает. Но по мере того, как плоть разлагается, образуется определенный вид червя, который, питаясь соками мертвой птицы, пускает перья. Затем, когда он наберется сил, он поднимает то гнездо, в котором находятся кости его родителя, и, неся их, переходит из земли Аравии в Египет, в город под названием Гелиополис. И среди бела дня, летая на виду у всех людей, он возлагает их на алтарь солнца и, сделав это, спешит обратно в свою прежнюю обитель. Затем священники проверяют списки дат и обнаруживают, что они вернулись точно в то время, когда был завершен 500-й год" (1-е Послание Климента, глава xxv.). Несомненно, приведенные здесь свидетельства должны убедить Пейли в правдивости этой истории: "день открытых дверей", "полет на глазах у всех людей", священники, проверяющие списки, и за все это ручается сам Климент! Насколько надежным должно быть свидетельство апостола Климента! Тертуллиан, Апостольские конституции и Кирилл Иерусалимский упоминают одну и ту же историю. Мы уже обращали внимание на то, что *было замечено* авторами циркулярного письма Смирнской церкви. Варнава теряется в лабиринте аллегорических значений и дает нам восхитительные наставления по естественной истории; он имеет дело с указаниями Моисея относительно чистых и нечистых животных: "Не ешь, - говорит он, - зайца". Почему? "Ты не должен быть растлителем мальчиков и подобным им". Потому что заяц из года в год умножает места своего зачатия; сколько лет он живет, столько у него *отверстий*. Более того, "Ты не должен есть гиену"... Почему? Потому что это животное ежегодно меняет свой пол и в одно время является самцом, а в другое - самкой. Более того, он справедливо ненавидел ласку ... Ибо это животное зачинает ртом.... Посмотрите, как хорошо Моисей установил закон" (Послание Варнавы, глава x). "И обрезал Авраам десять, восемь и триста человек из своего дома". Какое же знание было дано ему в этом? Сначала выучи восемнадцать, а затем триста. Десять и восемь обозначаются таким образом — Десять через I, а Восемь через H. У тебя есть Иисус. И поскольку крест должен был выражать благодать буквой Т, он также говорит "Триста". Следовательно, он обозначает Иисуса двумя буквами, а крест - одной.... Никто не был допущен мною к более превосходному знанию, чем это, но я знаю, что вы достойны" (Там же, глава ix.). И это товарищ Пейли по Апостолам! Игнатий рассказывает нам о "вифлеемской звезде". "Звезда сияла на небе превыше всех других звезд, и свет ее был невыразим, а новизна поражала людей изумлением. И все остальные звезды, вместе с солнцем и луной, образовали хор для этой звезды" (Послание к Ефесянам, глава xix.). Почему мы должны принимать свидетельство Игнатия о звезде и отвергать его свидетельство о солнце, луне и звездах, поющих ей? Или возьмем Оригена против Цельса: "Я хочу еще кое-что сказать грекам, которые не хотят верить, что наш Спаситель родился от девственницы: создатель мира, если ему угодно, может заставить каждое животное производить на свет детенышей таким же чудесным образом. Как, например, *стервятники размножают свой вид таким необычным способом*, с чем нас знакомят лучшие авторы естественной истории" (глава xxxiii., цитируется в "Diegesis", стр. 319). Или нам следует обратиться к Иринею, столь бесценному свидетелю, поскольку он знал Поликарпа, который знал Иоанна, который знал Иисуса? Послушайте, тогда воспоминания Иоанна, переданные Иринеем: "Иоанн пересказал слова Господа о временах царства Божьего: "придут дни, когда вырастут виноградные лозы, каждая с 10 000 побегов, и на каждом побеге 10 000 ветвей, и на каждой ветви 10 000 сучьев, и на каждой ветке 10 000 гроздей, и на каждой грозди 10 000 гроздей винограда, и каждая раздавленная виноградина даст двадцать пять мер вина". И когда один из святых потянется за одной из этих гроздей, другой воскликнет: "Я лучшая гроздь, чем эта; возьми меня и прославь Господа за меня". Точно так же пшеничное зерно даст

10 000 колосьев, в каждом колосе по 10 000 зерен, в каждом зерне десять фунтов тонкой белой муки. Другие фрукты, семена и зелень в нужной пропорции. Все грубое творение, питающееся тем, что производит земля, станет общительным и миролюбивым вместе и будет подчиняться человеку со всем смирением" ("Iren. Haer., v., 33, 3-4, цитируется в книге Кейма "Иисус из Назарета", стр. 45). Какое доверие можно питать к истинности фактов, свидетелями которых эти люди претендуют быть, когда мы находим св. Августин проповедовал, что "он сам, будучи в то время епископом Гиппонского региона, проповедовал Евангелие нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа целому народу мужчин и женщин, у которых не было голов, но были глаза на груди; а в странах еще южнее он проповедовал народу, у каждого человека был только один глаз, и он располагался посередине лба" ("Синтагма", стр. 33, цитируется в "Диегезе", стр. 257).

Евсевий рассказывает нам о человеке по имени Санктус, которого пытали до тех пор, пока его тело "не превратилось в одну сплошную рану, искалеченную и сморщенную, полностью потерявшую человеческий облик"; и, когда в тот же день мучители приступили снова, он "восстановил прежнюю форму и привычку своих конечностей" ("Eccles. История", Б.К. V., глава I.). Затем его отправили в амфитеатр, пройдя по переулку бичевателей, где он был растерзан диким зверем, поджарен на железном стуле и после этого "наконец-то отправлен на тот свет!" Другие рассказы, например о человеке, которого били бичеванием до тех пор, пока его кости не "обнажились от плоти", а затем медленно пытали, приводятся как история, как будто человек в таком состоянии не мог быстро истечь кровью до смерти. Но бесполезно приводить больше этих глупых историй, которые утомляют нас, когда мы с трудом читаем труды ранней Церкви. Мосхейм вполне может сказать, что "Апостольские отцы и другие писатели, которые в период зарождения Церкви использовали свои перья для дела христианства, не отличались ни ученостью, ни красноречием" ("Eccles. История", стр. 32). Какими бы ненадежными они ни были, они бесполезны как свидетели предполагаемых чудесных событий; и, рассказывая об обычных происшествиях, на них не следует полагаться в любом важном вопросе, если только они не будут подтверждены более заслуживающими доверия историками.

Последнее, на чем настаивает Пейли в поддержку своего предположения, заключается в том, что рассказы, содержащиеся в "исторических книгах Нового Завета", "заслуживают доверия как исторические источники" и что "положение авторов, которым приписываются четыре Евангелия, таково, что, если какое-либо из четырех подлинных, этого достаточно для нашей цели". Это действительно подводит нас к решающему моменту нашего исследования, поскольку, поскольку мы можем получить так мало информации из внешних источников, мы волей-неволей обращаемся к самим христианским писаниям. Если они разобьются под критикой так же основательно, как это сделали внешние свидетельства, тогда христианство безнадежно дискредитируется в том, что касается его исторической основы, и должно просто встать в один ряд с другими мифологиями мира. Но прежде чем мы сможем признать эти писания историческими, мы обязаны исследовать их подлинность и достоверность. Достаточно ли внешних свидетельств, чтобы доказать их подлинность? Подтверждает ли содержание самих книг, что они заслуживают доверия нашего разума? Возможно, что, хотя исторические свидетельства, подтверждающие их подлинность, несколько неполноценны, все же полная последовательность и обоснованность книг могут побудить нас считать их надежными; или, если последние пункты отсутствуют в связи со сверхъестественным характером описываемых событий, все же доказательства подлинности могут быть настолько убедительными, что точность рассказов не вызывает возражений. Но если внешних свидетельств недостаточно, а внутренние свидетельства фатальны для правдивости текстов, тогда нашим долгом станет

удалить их из храма истории и поместить в волшебные сады фантазии и мифов, где они могут развлекать и наставлять изучающего, не вводя его в заблуждение относительно вопросов факта.

Позиции, которые мы здесь излагаем, таковы:—

а. Что подделки, носящие имена Христа, апостолов и первых отцов Церкви, были очень распространены в первоначальной Церкви.

б. Что нет ничего, что отличало бы канонические писания от апокрифических.

с. Что неизвестно, где, когда и кем были отобраны канонические произведения.

г.. Что примерно до 180 г. н.э. среди христиан не осталось и следа *четырёх* Евангелий.

е. Что до этой даты матфей, Марк, Лука и Иоанн не были выбраны в качестве четырех евангелистов.

ф. Что нет никаких доказательств того, что четыре Евангелия, упомянутые примерно в ту дату, совпадали с теми, которые мы имеем сейчас.

г.. Что есть доказательства того, что двое из них не были одним и тем же.

h. Что есть свидетельства того, что более ранние записи не были Евангелиями, которые сейчас считаются каноническими.

i. Что на самих книгах видны следы их более позднего происхождения.

j. Что язык, на котором они написаны, является предполагаемым доказательством их подлинности.

к.. Что они сами по себе совершенно недостойны доверия, исходя из (1) чудес, которыми они изобилуют, (2) многочисленных противоречий одного с другим, (3) того факта, что история героя, доктрины, чудеса были актуальны задолго до предполагаемых дат написания Евангелий; так что эти Евангелия представляют собой просто лоскутное одеяло, составленное из более старых материалов.

Пейли начинает свои рассуждения с предположения, что первое и четвертое Евангелия были написаны апостолами Матфеем и Иоанном "по личному знанию и воспоминаниям" ("Свидетельства", стр. 87), и что, следовательно, они должны быть либо правдивыми, либо умышленно ложными; последнее крайне маловероятно, поскольку тогда они были бы "злодеями, у которых нет иной цели, кроме как учить честности, и мучениками без малейшей надежды на честь или преимущество" (там же, стр. 88). Но предположим, что Матфей и Иоанн написали несколько Евангелий, нам понадобятся доказательства того, что Евангелия, которыми мы располагаем, если предположить, что они являются копиями написанных таким образом, не претерпели значительных изменений с тех пор, как вышли из рук апостолов. Далее мы должны спросить, как Матфей может сообщать, исходя из "личных знаний и воспоминаний", обо всем, что происходит в его Евангелии *до того, как его вызвали со сбора налогов*, а также о многих инцидентах, при которых он не присутствовал? и не сильно ли ослабевает его надежность как свидетеля из-за того, что он не делает различия между тем, что было фактом, известным ему самому, и тем, что было простым слухом? Далее, мы замечаем, что некоторые учения

противоположны учению "честности", и что такие наставления, как Мф. ст. 39-42, если бы они были приняты, в точности подходили бы "злодеям"; что чрезвычайное прославление учителя, естественно, отразилось бы на "двенадцати", которые последовали за ним, и авторитет авторов, таким образом, был бы значительно увеличен и подтвержден; что чистое нравственное учение по некоторым пунктам не является гарантией нравственности учителя, поскольку тиран или амбициозный священник, естественно, захотел бы воспрепятствовать преступлениям того или иного рода в тех, кем он хотел править; что такой тиран или священник он не мог найти лучшего вероучения для достижения своей цели, чем кроткое, покорное, не сопротивляющееся, стремящееся к небесам христианство. Так, мы находим высказывание Мосхейма о Константине: "Действительно, вероятно, что этот правитель осознал замечательную тенденцию христианской доктрины и заповедей способствовать стабильности правительства, сохраняя граждан в их повиновении правящим властям и в практике тех добродетелей, которые делают государство счастливым" ("Eccles. История", стр. 87). Мы обнаруживаем, что Карл Великий насаждал христианство среди саксов мечом и огнем, надеясь, что это, среди прочего, "побудит их более покорно подчиниться правительству франков" (Там же, стр. 170). И мы видим миссионеров среди дикарей, узурпирующих "деспотическую власть над своими подданными прозелитами" (Там же, стр. 157); и "Св. Бонифаций", "апостол Германии", часто применяющий "насилие и террор, а иногда хитрость и обман, чтобы умножить число христиан" (Там же, стр. 169). Таким образом, "злодеи" очень часто "учат честности". Неверно и то, что эти апостолы были "мучениками [их мученическая смерть недоказана] без малейшей надежды на честь или преимущество"; напротив, они желали знать, чего они добьются, следуя за Иисусом. *"Итак, что же мы будем иметь?... Вы, последовавшие за Мной, сядете на двенадцати престолах"* (Мф. хix. 27-30); и, далее, в Евангелии от Марка ix. 28-31 нам сказано, что любой, кто откажется от чего-либо ради Иисуса, получит *"во сто крат теперь, в это время"*, а также вечную жизнь в грядущем мире. Несомненно, тогда было достаточно "перспектив" на "честь и преимущество"? Эти замечания в равной степени применимы к Марку и Луке, ни один из которых не претендует на роль очевидцев. О Марке мы ничего не знаем, кроме того, что говорится, что был человек по имени Иоанн, которого звали Марк (Деяния xii. 12 и 25), который убежал от своей работы (Деяния xv. 38); и человек по имени Марк, племянник Варнавы (Кол. iv. 10), который может быть, а может и не быть тем же самым, но, вероятно, является кем-то другим, как и Павел; и о человеке с тем же именем говорится (2 Тим. ii.) как о "полезном для служения", которым не был Иоанн Марк, и который (Филимон 24) был "соратником" Павла в Риме, в то время как Иоанн Марк был отвергнут в этом качестве Павлом в Антиохии. Почему Марк или Иоанн Марк должен был писать Евангелие, не будучи очевидцем, или почему Марк или Иоанн Марк должны быть идентичны Евангелисту Марку, могут надеяться понять только авторы христианских свидетельств.

А. Что подделки, носящие имена Христа, апостолов и первых отцов Церкви, были очень распространены в первоначальной Церкви.

"Мнения, или, скорее, догадки ученых о времени, когда книги Нового Завета были собраны в один том, а также об авторах этого собрания, крайне различны. Этот важный вопрос сопряжен для нас с большими и почти непреодолимыми трудностями в наше последнее время" (Книга Мосхейма "Eccles. Hist.", стр. 31). Эти трудности возникают, в значительной степени, из-за большого количества подделок, выдаваемых за труды Христа, апостолов и Отцов Церкви, имевших хождение в ранней Церкви. "Ибо вскоре после вознесения Христа на небеса несколько историй его жизни и доктрин, полных благочестивых обманов и сказочных чудес, были составлены людьми, чьи намерения, возможно, не были дурными, но чьи труды

изобличали величайшее суеверие и невежество. Но это было еще не все; появились произведения, которые были навязаны миру мошенническими людьми, как писания святых апостолов" (Там же, стр. 31). "Ими была принята другая ошибочная практика, которая, хотя и не была столь универсальной, как предыдущая, все же была чрезвычайно пагубной и оказалась источником бесчисленного зла для христианской церкви. Платоники и пифагорейцы считали максимой, что обманывать и даже использовать средство лжи для продвижения дела истины и благочестия не только законно, но даже похвально. Евреи, жившие в Египте, узнали и восприняли от них эту максиму еще до пришествия Христа, как неопровержимо явствует из множества древних записей; а христиане были заражены из обоих этих источников одним и тем же пагубным заблуждением, как явствует из ряда книг, ложно приписываемых великим и почтенным именам, из сивиллиных стихов и нескольких предполагаемых произведений, которые были распространены за границей в этом и следующем столетиях. На самом деле, не кажется вероятным, что все эти благочестивые махинации были возложены на приверженцев истинного христианства, на тех, кто придерживался справедливых и рациональных взглядов на религию Иисуса. Большая часть этих вымышленных сочинений, несомненно, происходила из плодотворного изобретения гностических сект, хотя нельзя утверждать, что даже истинные христиане были совершенно невинны и безупречны в этом вопросе" (Там же, стр. 55). "Этот неискренний и порочный метод удивлять своих противников хитростью и как бы низвергать их с помощью лжи и вымысла привел, среди прочих неприятных последствий, к появлению большого количества книг, которые были ложно приписаны некоторым великим людям, чтобы придать этим фальшивым произведениям больше доверия и веса" (Там же, стр. 77). Поскольку эти фальшивые писания получили столь широкое распространение, легко понять, что "Установить канон Нового Завета не так просто, как принято считать. Со своей стороны, я заявляю вместе со многими учеными людьми, что во всем мире я не знаю вопроса, связанного с большей запутанностью и ошеломляющими трудностями, чем этот. Действительно, существуют значительные трудности, связанные с каноном Ветхого Завета, о чем свидетельствуют масштабные споры по этому вопросу между протестантами и папистами в прошлом и в конце предыдущего столетия; но они разрешаются с гораздо большей легкостью, чем проблемы Нового Завета.... При составлении сборника ветхого Завета все, что требуется, - это опровергнуть утверждения нескольких малоизвестных книг, которые имеют лишь самые слабые претензии на то, чтобы считаться Священным Писанием; но в Новом Завете нам нужно опровергнуть не только несколько, но и огромное количество, которые нужно исключить [из] Канона, которые, кажется, имеют гораздо больше прав на признание, чем любая из апокрифических книг Ветхого Завета; и, кроме того, доказать подлинность всех тех, которые мы получаем, поскольку, по мнению некоторых, кого можно считать образованными, есть несколько книг. нет ни одного из них, авторитет которого не оспаривался бы в самые ранние века христианства.... Количество книг, претендующих на признание [каноническим], очень велико. мистер Толанд в своем знаменитом каталоге представил нам названия более восьмидесяти.... Есть еще много таких же, о которых он не упомянул" (Дж. Джонс о "Каноне Нового Завета", том i, стр. 2-4. Изд. 1788).

Следующий список даст некоторое представление о количестве апокрифических произведений, из которых четыре Евангелия и другие книги Нового Завета в конечном итоге стали каноническими: —

ЕВАНГЕЛИЯ.

1. Евангелие от Евреев.
2. Евангелие, написанное Иудой Искаротом.
3. Евангелие Истины, которым пользовались валентиниане.
4. Евангелие от Петра.
5. Евангелие от египтян.
6. Евангелие от Валентина.
7. Евангелие от Маркиона.
8. Евангелие от Двенадцати апостолов.
9. Евангелие от Василида.
10. Евангелие от Фомы (сохранилось).
11. Евангелие от Матфея.
12. Евангелие от Татиана.
13. Евангелие от Скифиана.
14. Евангелие от Варфоломея.
15. Евангелие от Апеллеса.
16. Евангелия, опубликованные Лукианом и Исихием
17. Евангелие совершенства.
18. Евангелие от Евы.
19. Евангелие от Филиппа.
20. Евангелие от Назарян (то же, что и первое)
21. Евангелие от евионитов.
22. Евангелие от Иуды.
23. Евангелие от Энkratитов.
24. Евангелие от Керинфа.
25. Евангелие от Меринфа.
26. Евангелие от Фаддея.
27. Евангелие от Варнавы.
28. Евангелие от Андрея Первозванного.
29. Евангелие от младенчества (сохранилось).

30. Евангелие от Никодима, или Деяния Пилата и Сошествие на Землю послание Христа Подземному миру (сохранилось).
31. Евангелие от Иакова, или Протевангелие (сохранилось).
32. Евангелие от Рождества Пресвятой Богородицы (сохранилось).
33. Арабское Евангелие младенчества (сохранилось).
34. Сирийское Евангелие о детстве Господа нашего Иисуса (сохранилось).

Разное.

35. Письмо Христа Агбарусу (сохранилось).
36. Письмо Христа Леопас (сохранилось).
37. Послание Христа к Петру и Павлу.
38. Послание Христа, составленное манихеями.
39. Гимн Христа (сохранился).
40. Волшебная книга Христа.
41. Молитва Христа (сохранилась).
42. Проповедь Петра.
43. Откровение Петра.
44. Учение Петра.
45. Деяния Петра.
46. Книга суда Петра.
47. Книга под именем Петра, подделанная Лентием.
48. Проповедь Петра и Павла в Риме.
49. Видение, или Деяния Павла и Феклы.
50. Деяния Павла.
51. Проповедь Павла.
52. Фрагмент под именем Павла, подделанный "анонимным автором времен Киприана".
53. Послание к Лаодикийцам от имени Павла (сохранилось).
54. Шесть писем к Сенеке от имени Павла (сохранились).
55. Анабатикон, или Откровение Павла.

56. Традиции Матиаса.
57. Книга Иакова.
58. Книга на имя Джеймса, подделанная эбионитами.
59. Деяния Андрея, Иоанна и Фомы.
60. Деяния Иоанна.
61. Книга под именем Иоанна, подделанная эбионитами.
62. Книга под именем Джона.
63. Книга под именем Иоанна, подделанная Лентием.
64. Деяния Андрея Первозванного.
65. Книга на имя Эндрю.
66. Книга Наксохриста и Леонидиса под именем Эндрю.
67. Книга под именем Томас.
68. Деяния Фомы.
69. Откровение Фомы.
70. Писания Варфоломея.
71. Книга под именем Матфея, подделанная эбионитами.
72. Деяния апостолов Левтона, или Селевка.
73. Деяния Апостолов, используемые эбионитами.
74. Деяния апостолов Лентиция.
75. Деяния Апостолов, используемые манихеями.
76. История Двенадцати апостолов, написанная Абдиасом (сохранилась).
77. Символ веры апостолов (сохранился).
78. Конституции Апостолов (сохранившиеся).
79. Деяния, написанные под именами апостолов, Леонтием.
80. Деяния, написанные Ленцием под именами апостолов.
81. Католическое послание в подражание апостолам Фемида против монтанистов.
82. Откровение Керинфа, номинально апостольское.

83. Книга Хелкесаитов, упавшая с Небес.
84. Книги Лентиция.
85. Откровение Стефана.
86. Сочинения Дионисия Ареопагита (сохранились).
87. История Иосифа плотника (сохранилась).
88. Письмо Агбаруса Иисусу (сохранилось).
89. Письмо Лентула (сохранилось).
90. История Вероники (сохранилась).
91. Письмо Пилата Тиберию (сохранилось).
92. Письма Пилата к Ироду (сохранились).
93. Послание Пилата к Кесарю (сохранилось).
94. Отчет правителя Пилата (сохранился).
95. Суд и осуждение Пилата (сохранилось).
96. Смерть Пилата (сохранилась).
97. История Иосифа Аримафрейского (сохранилась).
98. Месть Спасителя (дошедшая до нас).
99. Послание Варнавы.
100. Послание Поликарпа.
- 101-15. Пятнадцать посланий Игнатия (см. выше, страницы [217-220.](#))
116. Пастух Ермы.
117. Первое послание Климента к Коринфянам (возможно, частично аутентичное).
118. Второе послание Климента к Коринфянам.
119. Апостольские каноны Климента.
120. Признания Климента и Клементины.
- 121-122. Два послания святого Климента Римского (написаны по-сирийски).

- 123-128. Шесть книг Юстина Мученика.
- 129-132. Четыре книги Юстина Мученика.

Вышеизложенное взято из книги Джонса "О каноне, сверхъестественной религии", Евсевия, "Церковной истории" Мосхайма, "Апокрифических Евангелий" Каупера, "Христианских записей доктора Джайлза" и "Отцов Апостолов".

Прочитав этот список, студент сможет оценить ценность аргумента Пейли о том, что "если бы на заре существования учебного заведения было легко подделывать христианские писания и получать валюту для подделок, многие из них появлялись бы от имени самого Христа" ("Свидетельства", стр. 106). Пейли признает "одну попытку такого рода, заслуживающую самого незначительного внимания"; и в примечании добавляет еще три из упомянутых выше. Давайте посмотрим, каковы доказательства подлинности письма к Агбару, о "единственной попытке", о которой идет речь, приведенного Евсевием. Агбар, князь Эдессы, царствовавший "над народами за Евфратом с великой славой", был поражен неизлечимой болезнью и, услышав об Иисусе, послал к нему умолять об избавлении. Письмо Агбаруса доставляется Иисусу "в Иерусалим курьером Ананией", и ответ Иисуса, также написанный, возвращается теми же руками. Послание Иисуса звучит следующим образом и написано по-сирийски: "Благословен ты, о Агбар, который, не видя меня, уверовал в меня! Ибо написано обо мне, что те, кто видел меня, не поверят, что те, кто не видел меня, могут поверить и жить. Но в отношении того, что ты написал, чтобы я пришел к тебе, необходимо, чтобы я исполнил здесь все, для чего я был послан. И, после этого исполнения, таким образом снова быть принятым Тем, Кто послал меня. И после того, как я буду принят, я пошлю к тебе одного из моих учеников, чтобы он исцелил твою болезнь и даровал жизнь тебе и тем, кто с тобою". После вознесения Иисуса Фаддей, один из семидесяти, отправляется в Эдессу и поселяется в доме Товии, сына Товии, и исцеляет Агбаруса и многих других. "Все это было совершено в 340-м году" (Евсевий не указывает, на основании чего он ведет отсчет). Доказательство правдивости этого рассказа, приведенное Евсевием, заключается в следующем: "Об этом также у нас есть свидетельство в виде письменного ответа, взятого из публичных архивов города Эдессы, находившегося в то время под властью царя. Ибо в тамошних публичных реестрах, охватывающих древнюю историю и деяния Агбаруса, эти обстоятельства, касающиеся его, сохранились до наших дней. Однако нет ничего лучше, чем услышать сами послания, взятые нами из архивов, и их стиль, поскольку они были буквально переведены нами с сирийского языка" ("Eccles. История", bk. i., глава. xiii.). И Пейли называет это попыткой подделки, "заслуживающей самого незначительного внимания", и отвергает ее в нескольких строках. Было бы интересно узнать, для какого другого "Священного Писания", канонического или неканонического, существуют столь убедительные доказательства подлинности, как для этого; точность деталей в названиях; отсутствие каких-либо преувеличений, превышающих подразумеваемые при описании любого чуда; событие, зафиксированное в государственных архивах; увиденное там самим Евсевием; скопированное и переведенное им; такое свидетельство для любого из Евангелий сделало бы веру намного легче, чем сейчас. Утверждение Евсевия в то время было легко проверяемо (если воспользоваться любимым аргументом христиан в пользу истинности любого рассказа); и если Евсевий здесь написал ложно, какую ценность представляют его свидетельства по любому другому пункту? Вольнодумец может справедливо настаивать на том, что Евсевий *не* заслуживает доверия, и что его утверждение об архивах с такой же вероятностью ложно, как и истинно; но христианин едва ли может признать это, когда для него так много зависит от надежности великого церковного историка, все свидетельства которого потеряли бы ценность, если бы ему однажды позволили сознательно сфабриковать то, чего не существовало.

Мы уже обращали внимание на писания отцов-апостолов и указывали на многочисленные подделки, распространявшиеся под их именами, и на вытекающую из этого дымку, нависшую над всеми раннехристианскими авторами, пока мы не дойдем до времен Иустина Мученика. Таким образом, мы полностью разрушаем всю основу аргумента Пейли о том, что "исторические книги Нового Завета ... цитируются или на них ссылаются ряд христианских авторов, начиная с тех, кто был современником Апостолов или кто непосредственно следовал за ними" ("Свидетельства", стр. 111;), поскольку у нас нет определенных трудов каких-либо таких современников. Имея дело с позициями *f.* и *h.*, мы попытаемся доказать, что в трудах апостольских отцов — принимая их за подлинные — а также у Юстина Мученика и в других христианских произведениях примерно до 180 г. н.э. цитаты, которые, как утверждается, взяты из канонических Евангелий, убедительно показывают, что использовались другие Евангелия, а не наши нынешние; но для доказательства нашего первого утверждения не требуется никаких дополнительных доказательств, кроме длинного списка апокрифических произведений, приведенного на стр. 240-243, что подделки, носящие имя Христа, апостолов и первых отцов Церкви, были очень распространены в первоначальной Церкви.

Б. "Что нет ничего, что отличало бы канонические писания от апокрифических". "Их заявления надуманны и правдоподобны, по большей части прикрываясь именем самого нашего Спасителя, его апостолов, их спутников или непосредственных преемников. Обычно считается, что они цитировались первыми христианскими авторами с тем же авторитетом (по крайней мере, многими из них), что и священные книги, которые мы получаем. Этот мистер Толанд прилагает все усилия, чтобы убедить нас; но, что более важно, люди с большими достоинствами и честностью неосторожно опускали выражения подобного рода. *Всем известно* (говорит ученый Кейсобон против кардинала Барония), что Юстин Мученик, Климент Александрийский, Тертуллиан и остальные первобытные писатели имели обыкновение одобрять и цитировать книги, которые, как теперь известно всем людям, являются апокрифическими. Климент Александрийский (говорит его ученый комментатор Сильбургиус) был слишком увлечен апокрифическими сочинениями. М-р Додуэлл (в своей ученой диссертации об Иринее) сообщает нам, что до Траяна или, возможно, во времена Адриана канон не был установлен; предполагаемые сочинения еретиков принимались верующими, писания апостолов переплетались с их собственными и безразлично использовались в церквях. Не говоря уже о том, что ученый мистер Спенгейм замечает, что Климент Александрийский и Ориген очень часто цитируют апокрифические книги под прямым названием Священного Писания.... Ученым среди нас достаточно известно, насколько мистер Уистон расширил Канон Нового Завета. Ради тех, кто не читал его по-настоящему ценных книг, я бы заметил, что он воображает, что "Установления апостолов" богодухновенны и имеют больший авторитет, чем случайные труды отдельных апостолов и евангелистов. Что два Послания Климента, Учение апостолов, Послание Варнавы, Пастыря Ермы, вторая книга Ездры, Послания Игнатия и Послание Поликарпа должны быть причислены к священным подлинным книгам Нового Завета; а также что Деяния Павла, Откровение, Проповедь, Евангелие и Деяния Петра были священными книгами и, если бы они сохранились, имели бы тот же авторитет, что и все остальные" (Дж. Джонс, о "Книге пророков"). Канон", стр. 4-6). Тот же самый ученый писатель далее говорит: "То, что многие или большинство книг Нового Завета были отвергнуты еретиками в первые века, также несомненно. Говорят, что Фауст Манихей и его последователи отвергли весь Новый Завет, как написанный не апостолами. Маркион отверг все, кроме Евангелия от святого Луки. Манихеи много спорили против авторитета Евангелия от святого Матфея. Алогиане

отвергли Евангелие от святого Иоанна как не принадлежащее ему, а составленное Керинфом. Деяния апостолов были отвергнуты Севером и сектой его имени. Они же отвергли все Послания Павла, так же как эбиониты и хелкесаиты. Другие, которые отвергали не все, отвергали некоторые отдельные послания.... Некоторые книги Нового Завета не были приняты повсеместно, даже среди тех, кто не был еретиком, в первые века.... Авторитет некоторых из них оспаривался учеными людьми в более поздние времена" (Там же, стр. 8, 9).

Если признание ранних авторов рассматривать как доказательство подлинности цитируемых произведений, многие апокрифические документы должны иметь большое значение. Евсевий, который объединяет Деяния Павла, Пастыря Ермы, Откровение Петра, Послание Варнавы, Установления апостолов и Откровение Иоанна (ныне считающееся каноническим), говорит, что они не были включены в Канон (в его время), "несмотря на то, что они признаны большинством церковных авторов" ("Eccles. История", bk. iii., глава xxv.). Канон в его время был почти таким же, как и в настоящее время, но каноничность посланий Иакова и Иуды, 2-го послания Петра, 2-го и 3-го посланий Иоанна и Откровения оспаривалась еще тогда, когда он писал. Ириней причисляет "Пастыря Ермы" к Священному Писанию; "он не только знал, но и признавал книгу, называемую "Пастырь"" (Там же, bk. v., гл. viii.). "Пастырь из Ермы" - это еще одно произведение, которое почти обеспечило постоянный канонический ранг писаниям Нового Завета. Отцы Церкви цитировали его как Священное Писание и считали Богодухновенным, и оно публично читалось в церквях. Это имеет место вместе с Посланием Варнавы в Синайском кодексе, после канонических книг" ("Сверхъестественная религия", том i, стр. 261).

Два Послания Климента "сохранились до нас только в Александрийском кодексе", рукописи, отнесенной наиболее компетентными судьями ко второй половине пятого или началу шестого века, в которой эти Послания следуют за книгами Нового Завета. Второе Послание ... таким образом, он разделяет с первым честь канонического положения в одном из древнейших кодексов Нового Завета ("Sup. Rel.", том i, стр. 220). Эти послания также относятся к числу тех, которые упоминаются в Апостольских канонах. "До сравнительно позднего времени это [первое Послание Климента] цитировалось как Священное Писание" (Там же, стр. 222). Ориген цитирует Послание Варнавы как Священное Писание и называет его "Католическим посланием" (там же, стр. 237), и тот же самый Отец считает Пастыря Ермы также богодухновенным. ("Подлинность Евангелий" Нортон, том i, стр. 341). Евангелия, за исключением четырех канонических, цитируются как подлинные самими ранними христианскими авторами, как мы увидим в разделе "Установление позиции" h; таким образом, опровергается утверждение Пейли ("Свидетельства", стр. 187) о том, что у апостольских Отцов нет цитат из апокрифических произведений, факт заключается в том, что такие цитаты встречаются повсюду в их предполагаемых произведениях.

Часто утверждается, что выражения "так написано" достаточно, чтобы доказать, что следующая за ним цитата имеет канонический авторитет.

Теперь, что касается значения выражения "так написано", можно отметить, что ни в коем случае его использование в Послании Варнавы не могло указывать на нечто большее, чем индивидуальное мнение, и оно не могло, по причинам, которые будут приведены ниже, рассматриваться как представляющее мнение Церкви. В той же самой главе, в которой эта формула используется в связи с рассматриваемым нами отрывком, она также используется для введения цитаты из Книги Еноха [греч. *peri hou gegraptai hos Henoch legei*], а в другом месте (ок.

xii) он цитирует другую апокрифическую книгу как одного из пророков.... Он также цитирует (ок. vi.) апокрифическую книгу Мудрости как Священное Писание и подобным образом несколько неизвестных произведений. Когда вспоминается, что Послание Климента к Коринфянам, Пастырь Ермы, само Послание Варнавы и многие другие апокрифические произведения цитировались Отцами Церкви как Священное Писание, может быть понята особая ценность такого выражения" (Там же, стр. 242, 243). "Первые христианские писатели ... время от времени цитируют церковные книги, как если бы они были каноническими" (Уэсткотт о "Каноне", стр. 9). "Что касается использования слова [греч. *gegraptai*], вводящего цитату, тот же автор [Хильгенфельд] достаточно разумно настаивает на том, что это не может удивлять нас в то время, когда мы узнаем от Юстина Мученика, что Евангелия регулярно читались на публичных богослужениях [или, скорее, что так читались памятники апостолов]; однако не следует заходить слишком далеко, поскольку это включает претензию на особое божественное вдохновение, поскольку то же самое слово используется в послании в отношении апокрифической книги Еноха; и это ясно, также, от Юстина, что Канон Евангелий еще не был сформирован, а только формировался" ("Евангелия во Втором веке", преподобный У. Сэндей, стр. 73. Изд. 1876). И все же, несмотря на все это, Пейли говорит: "Фраза "так написано" была той самой формой, в которой евреи цитировали свои Священные Писания. Поэтому маловероятно, что он использовал бы эту фразу, причем без оговорок, по отношению к каким-либо книгам, кроме тех, которые приобрели своего рода авторитет в Священном Писании" ("Свидетельства", стр. 113). Тишендорф рассуждает в духе Пейли и говорит, что "поэтому было естественно применить эту форму выражения к писаниям Апостолов, как только они были помещены в Канон вместе с книгами Ветхого Завета. Поэтому, когда мы находим в древних церковных трудах цитаты из Евангелий, вводимые с этой формулой "так написано", мы должны заключить, что в то время, когда использовалось это выражение, Евангелия, безусловно, считались равными по авторитетности книгам Ветхого Завета" ("Когда были написаны наши Евангелия?", стр. 89. Английское изд., 1867). Доктор Тишендорф, если он верит в свои собственные аргументы, должен значительно расширить свой Канон Нового Завета.

Дальнейшее утверждение Пейли о том, что "эти апокрифические писания не читались в христианских церквях" ("Свидетельства", стр. 187), насквозь ложно. Евсевий рассказывает нам о пасторе из Ермы: "Мы знаем, что он уже был в общественном употреблении в наших церквях" ("Eccles. Hist., bk. iii., гл. 3). Послание Климента "публично читалось в церквях на воскресных собраниях христиан" ("Sup. Рел", том i, стр. 222). Дионисий Коринфский упоминает о той же ранней привычке читать любую ценную литературу в церквях: "В этом же письме он упоминает послание Климента к коринфянам, показывая, что чтение в церквях было обычным делом даже с самых ранних времен. "Сегодня, - говорит он, - мы миновали святой день Господень, в который мы прочитали ваше послание, при чтении которого наши умы всегда будут наполнены наставлением, как и то, что было написано нам ранее Климентом" (Евсевий "Eccles. История", bk. iv., гл. 23). "Чтение в церквях" должно приниматься как доказательство даже каноничности, а тем более подлинности, настолько далеко, что Евсевий замечает, что "спорные писания" "публично использовались многими в большинстве церквей" (Там же, bk. iii., гл. 31). Затем Пейли использует в качестве дополнительного знака различия между каноническими и неканоническими то, что последние "не были допущены к их объему" и "не фигурируют в их каталогах", но мы уже видели, что единственная копия первого послания Климента находится в Александрийском кодексе (см. перед этим стр.246), в то время как Послание Варнавы и Пастырь Ермы находят свое место в Синайском кодексе (см. перед этим стр.246); второе послание

Климента также находится в Синайском кодексе. в Александрийском кодексе, а оба послания находятся в Апостольских конституциях (см. предшествующую стр. 247). Канон Муратори — каким бы бесполезным он ни был, христиане используют его как свидетельство — заключает в скобки Апокалипсис Иоанна и Петра ("Sup. Rel.", т. ii., стр. 241). Каноник Уэсткотт говорит: ""Апокрифические" писания добавлялись к рукописям Нового Завета и читались в церквях; и начатая таким образом практика продолжалась долгое время. Послание Варнавы все еще читалось среди "апокрифических Писаний" во времена Иеронима; перевод "Пастыря из Ермы" найден в рукописи латинской Библии еще в пятнадцатом веке. Поддельное послание к лаодикийцам очень часто встречается в английских копиях Вульгаты, начиная с девятого века, и важный каталог апокрифов Нового Завета добавлен к Канону Священного Писания, присоединенному к Хронографии Никифора, опубликованной в девятом веке" ("О каноне", стр. 8, 9). Пятое различие Пейли, что они "не были замечены их [еретическими] противниками", так же неверно, как и предыдущие, поскольку даже фрагменты "противников", сохранившиеся в христианских документах, несут следы ссылок на апокрифические писания, хотя из-за ортодоксального обычая уничтожать неортодоксальные книги, ссылки еретиков любого рода трудно найти. Опять же, Пейли должен был знать, когда он утверждал, что неканонические писания не являются авторитетными, что еретики *действительно* апеллировали к евангелиям, отличным от канонических. Маркион, например, утверждал, что Евангелие отличается от общепризнанного, в то время как эбиониты утверждали, что их еврейское Евангелие было единственно верным. Евсевий далее сообщает нам о книгах, "приводимых еретиками под именем Апостолов, таких, а именно, которые составляют Евангелия от Петра, Фомы и Матфея и другие, кроме них, или таких, которые содержат Деяния апостолов Андрея, Иоанна и других" ("Eccles. История", bk. iii., гл. 25. См. Также перед с. 246). Трудно поверить, что Пейли был настолько вопиюще невежествен, что ничего не знал об этих фактах; сознательно ли он утверждал то, что, как ему было известно, совершенно не соответствовало действительности? Его последнее "замечание" не затрагивает нашей позиции, поскольку комментарии и т.д. Появились слишком поздно, чтобы представлять ценность в качестве доказательства предполагаемого превосходства канонических писаний в течение первых двух столетий. Другой раздел аргументации Пейли о том, что "когда цитируются Священные Писания [очень расплывчатое слово], на них ссылаются с особым уважением, как на книги *sui generis*", подтверждается приведенными выше подробностями относительно того, каким образом Отцы Церкви ссылались на писания, которые сейчас называются неканоническими, и доказательствами, приведенными в этом разделе, мы можем справедливо утверждать, что доказали, что, насколько позволяют внешние свидетельства, *нет ничего, что отличало бы канонические писания от апокрифических*.

Но есть другой класс свидетельств, на которые полагаются христиане, с помощью которых они стремятся воздвигнуть непреодолимый барьер между своими священными книгами и опасными неканоническими Писаниями, а именно, внутреннее различие между ними, достоинство одного и ребячество другого. О неканонических Евангелиях доктор Элликотт пишет: "Их реальные недостатки, их лживость, их абсурдность, их грубость, варварство их стиля и непоследовательность их повествований никогда не были оправданы" ("Кембриджские очерки" за 1856 год, стр. 153, цитируется во введении к "Апокрифическим Евангелиям" Б.Х. Каупера, стр. х. изд. 1867). "Мы знаем еще до того, как прочитаем их, что они слабы, глупы и бесполезны — что они являются презренными памятниками даже религиозной фантастики" (Там же, стр. xlvii). Насколько такие резкие выражения соответствуют действительности? Верно, что многие из

рассказанных историй абсурдны, но более ли они абсурдны, чем истории, изложенные в канонических Евангелиях? Одна история, повторяющаяся с вариациями, звучит следующим образом: "Этот младенец Иисус, когда ему было пять лет, играл на переправе через ручей, и он собрал текущую воду в пруды и немедленно очистил их, и одним своим словом он повелевал ими. И, сделав немного мягкой глины, он вылепил из нее двенадцать воробьев; и была суббота, когда он делал все это. И было также много других детей, игравших с ним. И некий Иудей, видя, что делал Иисус, играя в субботу, немедленно пошел и сказал Иосифу, отцу своему: вот, дитя твое у ручья, и взяло глины, и вылепило двенадцать птиц, и осквернило субботу. И пришел Иосиф на то место, и когда он увидел его, он воззвал к нему, говоря: почему ты делаешь это в субботу, чего делать не дозволено? И Иисус хлопнул в ладоши, и крикнул воробьям, и сказал им: уходите; и воробьи взлетели и улетели, производя шум. И евреи, увидевшие это, были поражены, пошли и рассказали своим вождям о том, что они видели, как делал Иисус" ("Евангелие от Фомы: апокрифические Евангелия", Б.Х. Каупер, стр. 130, 131). Очищать воду словом не более абсурдно, чем превращать воду в вино (Иоанна ii. 1-11); или чем посылать ангела беспокоить ее и тем самым делать ее целебной (Иоанна v. 2-4); или чем бросать дерево в горькие воды и делать их сладкими (Исх. xv. 25). Слепить двенадцать воробьев из мягкой глины не более странно, чем сделать женщину из ребра мужчины (Быт. ii. 21); и это не более или почти так же любопытно, как сделать глину из слюны и намазать ею глаза слепого, чтобы он прозрел (Иоанна ix. 6); более того, рассуждая в *стиле* Ф.Д. Мориса, можно привести очень веские доводы в пользу этого поступка. Таким образом, Иисус пришел, чтобы открыть людям Отца, и его чудеса были специально устроены, чтобы показать, как Бог действует в мире; превращая воду в вино и умножая количество хлебов, он напоминает людям, что именно рука Бога питает их всеми обычными процессами природы. В этом поучительном чуде превращения глины в воробьев, которые улетают по его приказу, Иисус раскрывает свое единство с Отцом, как Словом, которым изначально было сотворено все сущее; ибо "Господь Бог образовал из земли всякого зверя полевого и всякую птицу небесную" (Быт. ii. 19) при сотворении мира, и когда Сын был явлен, чтобы произвести новое творение, какое более подходящее чудо мог он совершить, чем это воспоминание о рае, ясно намекающее евреям, что Иегова, который в древности образовал птиц небесных из земли? земля присутствовала среди них в воплощенном Слове, совершая ту же самую могущественную работу? Именно таким образом Морис, Робертсон и другие представители их школы трактуют чудеса Христа, описанные в канонических Евангелиях (см. Морис о чудесах, Проповедь IV, в разделе "Что такое Откровение?"). Число двенадцать также имеет большое значение, поскольку оно относится к коленам Израиля, а местный колорит — недовольные евреи и нарушенная суббота — находится в совершенной гармонии с другими Евангелиями. Действие Иисуса, оправдывающее поведение, на которое жалуются, совершением чуда, находится в полном соответствии с аналогичными примерами, описанными в полученных историях. Однако утверждается, что некоторые из чудес Иисуса, описанных в апокрифах, позорят его из-за своего разрушительного характера; сын Анны, писца, проливает воду, собранную младенцем Иисусом, и Иисус сердится и говорит: "Ты тоже засохнешь, как дерево"; и "внезапно мальчик совсем засох" (Ап. Гос., стр. 131). Это, по-видимому, находится в полном единстве с духом, который Иисус проявил в более поздней жизни, когда проклял смоковницу за то, что она не принесла плодов в неподходящее время года, и "вскоре смоковница засохла" (Мф. xxi. 19). Или ребенок, намеренно столкнувшийся с ним, падает замертво; или у мастера, поднявшего на него руку, отсыхает рука, которой он пытается нанести удар. Позже, об Иуде, который предал его, мы читаем, что, "упав вниз головой, он разорвался посреди тела, и все внутренности его вытекли" (Деяния i. 18); в то время как в Ветхом Завете, где

говорится о Христе, нам говорят, в цифрах, мы узнаем, что, когда Иеровоам попытался схватить пророка, "рука его, которую он простер против него, высохла, так что он не мог снова притянуть ее к себе" (1 Царств xiii. 4). Если разрушительность считается пагубной, когда рассказывается об Иисусе, что мы скажем о бессмысленном истреблении стада свиней, которое Иисус наполнил бесами и отправил мчаться в море? (Матф. viii. 28-34.) Чудо, которое совершает ребенок, чтобы исправить ошибку своего отца в плотницком деле, взявшись за слишком коротко обрезанное дерево и удлинив его, конечно, не глупее чуда, сотворенного мужчиной, когда денег не хватает, и он (Мф. xvii. 24-27) посылает Петра поймать рыбу с деньгами во рту (почему, кстати, не выловили непосредственно монету? монета могла бы насадиться на крючок с такой же вероятностью, как рыба с монетой во рту проглотить крючок). Другие чудеса, описанные в апокрифических Евангелиях, исцеления и воскрешения мертвых, идентичны по духу тем, что рассказаны о нем в канонических евангелиях. Мы также можем отметить, что, если не было каких-то общепринятых преданий о чудесах, сотворенных Иисусом в его доме, нет причин для очевидного ожидания какой-то помощи, которая, как говорят, была оказана Марией, когда гости захотели вина на свадьбе (Иоанна ii. 3-5). То, что в стихе 11 говорится, что это было его первое чудо, является лишь одним из многих несоответствий евангельских историй. Переходя от этих евангелий младенчества к тем, которые повествуют о страданиях Иисуса, мы найдем в "Евангелии от Никодима, или Деяниях Пилата" многое, что показывает их полное соответствие общепринятым писаниям Нового Завета. Этот момент настолько важен, как уравнивание канонических и неканонических евангелий, что не нужно никаких оправданий для доказательства его с помощью несколько обширных выдержек. Евангелие начинается следующим образом: "Я, Анания, провинциальный староста, будучи учеником закона, из божественных Писаний узнал Господа нашего Иисуса Христа и пришел к Нему верою; и также был признан достойным святого крещения. Теперь, исследуя записи о том, что было совершено во времена Господа нашего Иисуса Христа, которые евреи сохранили при Понтии Пилате, я обнаружил, что эти Деяния были написаны на иврите, и по благоволению Божьему я перевел их на греческий для сведения всех, кто призывает имя Господа нашего Иисуса Христа, при правительстве Господина нашего Флавия Феодосия, 17-го года, и в 6-е консульство Флавия Валентиниана, в 9-м индиктионе ". Здесь следует отметить, насколько это ценно, что Иустин Мученик (1-я Апология, глава xxxv.) отсылает римлян к Деяниям Пилата как к открытым для них публичным документам, что является свидетельством гораздо более веским, чем любое каноническое Евангелие. "На 15-м году правления Тиберия Цезаря, царя римлян, и Ирода, царя Галилеи, на 9-м году его правления, 8-го числа перед апрельскими календами, то есть 25 марта; в консульство Руфа и Рубеллиона; в 4-й год 202-й Олимпиады, когда Иосиф Каиафа был первосвященником Иудеев. Все, что после креста и страстей Господа нашего Иисуса Христа, Бога-Спасителя, Никодим записал на иврите и оставил потомкам, является подобным образом" ("Апокрифические Евангелия", Б.Х. Каупер, стр. 229, 230). В первой главе мы узнаем, как иудеи пришли к Пилату и обвинили Иисуса, "что он называет себя сыном Божьим и царем; более того, он оскверняет Субботы и желает отменить закон наших отцов". После некоторого разговора приводят Иисуса, и в гл. 2 мы читаем послание жены Пилата: "Пилат, созвав иудеев, сказал им: вы знаете, что моя жена религиозна и склонна исповедовать иудаизм вместе с вами. Они сказали ему: да, мы знаем это. Пилат говорит им: вот, жена моя послала ко мне сказать: не делайте ничего общего с этим праведником, ибо я очень пострадал из-за него ночью. Но Иудеи отвечали и сказали Пилату: разве мы не говорили тебе, что он чародей? Смотри, он послал сон твоей жене". Суд продолжается, и Пилат заявляет о невиновности Иисуса, а затем совещается с ним, как в Евангелии от Иоанна xviii. 33-37. Затем следует вопрос (главы iii. и iv.): "Пилат говорит

ему: что есть истина? Иисус говорит ему: истина с небес. Пилат говорит: разве истина не на земле? Иисус говорит Пилату: ты видишь, как те, кто говорит истину, судятся теми, кто имеет власть на земле. И, оставив Иисуса в претории, Пилат вышел к иудеям и сказал им: "я не нахожу в нем вины". Далее описывается разговор между Пилатом и иудеями более полно, чем в канонических источниках, и после этого следует сцена с большим пафосом, которая гораздо больше согласуется с остальной частью рассказа, чем с общепринятой историей, в которой толпа представлена в один голос взывающей о его смерти. Никодим (глава v.) первым встает и говорит от имени Иисуса: "Освободи его и не желай ему зла. Если чудеса, которые он творит, от Бога, они останутся в силе; но если от людей, то они сойдут на нет... Итак, теперь освободите этого человека, ибо он не заслуживает смерти". Затем (главы vi, vii и viii): "Один из евреев, вскочив, попросил правителя сказать ему пару слов. Правитель сказал: если хочешь говорить, говори. И еврей сказал: я тридцать восемь лет лежал на своей постели в муках и немощах. И когда пришел Иисус, многие бесноватые и люди, страдающие различными болезнями, были исцелены им; и несколько молодых людей сжалились надо мной, и сняли меня с моей постели, и привели меня к нему; и когда Иисус увидел меня, он сжалился и сказал мне слово: возьми свою постель и ходи; и я взял свою постель и пошел. Иудеи сказали Пилату: спроси его, в какой день он был исцелен. Исцеленный сказал: в субботу. Иудеи сказали: разве мы не говорили тебе этого? что в субботу он исцеляет и изгоняет бесов? И другой еврей, вскочив, сказал: я родился слепым; я слышал голос, но не видел человека; и когда Иисус проходил мимо, я закричал громким голосом: "Сжался надо мной, Сын Давидов", и он сжалился надо мной и положил свои руки на мои глаза, и я сразу увидел. И другой еврей, вскочив, сказал: я был калекой, и он вылечил меня одним словом. А другой сказал: я был прокаженным, и он исцелил меня одним словом. И некая женщина закричала издали и сказала: у меня было кровотечение, и я прикоснулась к краю его одежды, и мое кровотечение, продолжавшееся двенадцать лет, прекратилось. Иудеи сказали: у нас есть закон не допускать женщину к свидетельствованию. И другие, множество, как мужчин, так и женщин, плакали и говорили: этот человек - пророк, и демоны подвластны ему. Пилат сказал тем, кто говорил, что бесы были подвластны ему: почему ваши учителя также не были подвластны ему? Они сказали Пилату: мы не знаем. А другие говорили, Что он воскресил Лазаря из гроба, когда тот был мертв четыре дня. И правитель, испугавшись, сказал всему множеству Иудеев: зачем вам проливать невинную кровь?" История продолжается почти так же, как в Евангелиях, при этом указываются имена злоумышленников; и когда Пилат говорит евреям о трехчасовой темноте, они отвечают: "Солнечное затмение произошло обычным образом" (глава xi). xiii. дает полный отчет о разговоре между евреями и римскими солдатами, о котором говорится в Евангелии от Матфея. xxviii. 11-15. Остальные главы повествуют о действиях евреев после воскресения и не представляют особого интереса. Существует второе Евангелие от Никодима, в некоторых пунктах отличающееся от процитированного выше, которое предположительно "составлено евреем по имени Эней; переведено с еврейского языка на греческий Никодимом, римским топархом". Затем мы находим вторую часть Евангелия от Никодима, или "Сошествие Христа в Подземный мир", в которой рассказывается о том, как Иисус сошел в Ад и как он приказал связать сатану, а затем он "благословил Адама на челе крестным знамением; и он сделал это также с патриархами, и пророками, и мучениками, и праотцами, и взял их, и вышел из Ада". Эта история явно перекликается с традицией в 1. Пет. iii. 19, 20, где говорится, что Иисус "пошел и проповедовал духам в темнице", и что проповедь помещена между его смертью (ст. 18) и его воскресением (ст. 21). О спасении крещением (ст. 21) также упоминается в этой связи у Никодима, где (глава xi) крестятся мертвые. Латинские версии Евангелий от Никодима отличаются в деталях от

греческих, но не больше, чем четыре канонических. В них, как и во всех апокрифических произведениях, нет ничего особенного, что отличало бы их от общепринятых Писаний; невероятности и противоречия изобилуют во всех; чудеса делают их все одинаково невероятными; мириады цепей сходства связывают их все друг с другом, требуя либо отказа от всего как от сказочного, или принятие всего как исторического. Рассматриваем ли мы внешние или внутренние свидетельства, мы приходим к одному и тому же выводу, *что нет ничего, что отличало бы канонические произведения от неканонических.*

С. *Что неизвестно, где, когда и кем были отобраны канонические произведения.* Каким бы разрушительным ни было это утверждение для подлинности Нового Завета, христианские ученые практически не оспаривают его. Каноник Уэсткотт откровенно говорит: "Нельзя отрицать, что Канон формировался постепенно. Состояние общества и внутренние отношения Церкви представляли препятствия для немедленного и абсолютного решения этого вопроса, которыми сейчас пренебрегают только потому, что они перестали существовать. Традиция, которая представляет святого Иоанна как фиксирующего содержание Нового Завета, выдает дух более поздней эпохи" (Уэсткотт "О каноне", стр. 4). "Однако путь, по которому мы должны следовать, часто неясен и разбит. Свидетельства самых ранних христианских авторов не только некритичны и случайны, но и фрагментарны" (Там же, стр. 11). "Начиная с конца второго века, история Канона проста, а его доказательства ясны... До этого времени более или менее трудно разобраться в деталях вопроса.... Здесь, однако, мы снова сталкиваемся с особыми трудностями. Доказательность Канона затруднена как общими характеристиками эпохи, в которую он был зафиксирован, так и конкретной формой доказательств, от которых он в первую очередь зависит. Дух древнего мира был по существу некритичен" (Там же, с. 6-8). Рассматривая "ранние версии Нового Завета", Уэсткотт признает, что "нелегко переоценить трудности, с которыми сталкивается любое исследование ранних версий Нового Завета" ("О каноне", стр. 231). Он говорит о "сравнительно скудных материалах и расплывчатых или противоречивых традициях" (Там же). Он тщательно изучил "оригинальные версии Востока и Запада"; старейшей является "Пешито" на сирийском, *то есть* арамейском или сиро-халдейском. Это, конечно, должен быть всего лишь перевод Завета, если верно, что оригинальные книги были написаны на греческом. Время, когда была сформирована эта версия, неизвестно, и Уэсткотт утверждает, что "сама неясность, которая нависает над ее происхождением, является доказательством ее почтенного возраста" (там же, стр. 240); и он относит это к "первой половине второго века", признавая при этом, что делает это "без убедительных оснований" (Там же). Пешито опускает второе и третье послания Иоанна, второе послание Петра, послание Иуды и Апокалипсис. Происхождение западной версии на латыни столь же неясно, как и сирийской; и она также неполна по сравнению с нынешним Каноном, поскольку в ней опущены послание Иакова и второе послание Петра (там же, стр. 254). Все свидетельства, с таким трудом собранные воедино ученым Каноником, наглядно доказывают наше предположение. Но все признают, что "невозможно установить какое-либо определенное время, когда было составлено собрание этих книг либо Апостолами, либо каким-либо советом вдохновенных или ученых мужей, близким к их времени.... Вопрос слишком очевиден, чтобы о нем нужно было много говорить" (Джонс "О каноне", т. i, стр. 7). Джонс добавляет, что он надеется опровергнуть "эти надуманные возражения... в четвертой части этой книги", в которой он пытается доказать, что Евангелия и Деяния являются *подлинными*, так что не имеет большого значения, когда они были собраны вместе. Вовремена Евсевия Канон все еще оставался неурегулированным, поскольку он входит в число спорных и поддельных произведений, таких

как послания Иакова и Иуды, второе послание Петра, второе и третье Иоанна и Апокалипсис ("Eccles. История", bk. iii., глава ii. 25). Нет необходимости приводить какие-либо дополнительные доказательства в поддержку нашей позиции, что неизвестно, где, когда и кем были отобраны канонические произведения.

Г.. Что примерно до 180 г. н.э. среди христиан не осталось и следа ЧЕТЫРЕХ евангелий. Первый шаг, который мы делаем в нападении на четыре канонических Евангелия, помимо писаний Нового Завета в целом, состоит в том, чтобы показать, что не было никакого "священного кватерниона", о котором говорилось ранее, около 180 г. н.э., т.е., предполагаемого времени Иринея. Говорят, что Ириней был епископом Лиона в конце II века; мы находим, что он упоминается в письме, отправленном Церквами Вены и Лиона "братьям в Азии и Фригии", как "наш брат и товарищ Ириней" и как пресвитер, которого они очень уважали ("Eccles. История", Б.К. v., гл. 1, 4). В этом письме рассказывается о преследовании, которое произошло "на 17-м году правления императора Антонина Вера", т.е. в 177 году нашей эры. Пейли датирует письмо примерно 170 годом н.э., но поскольку оно относится к преследованиям 177 года н.э., трудно понять, как оно могло быть написано примерно за семь лет до начала преследований. Говорят, что в ходе этого преследования был убит Потин, епископ Лионский; его сменил Ириней (Ibid. bk. v., гл. 5), который, следовательно, не мог быть епископом ранее 177 г. н.э., в то время как его, вероятно, следовало бы поставить годом или двумя позже, поскольку после гонений требуется время, чтобы руками Иринея разослать отчет о нем в Азию, и следует предположить, что он вернулся и обосновался в Лионе до того, как написал свои объемистые труды; Следовательно, 180 год н.э. - это почти невероятно ранняя дата, но, во всяком случае, это самая ранняя, на которую можно претендовать для проверки свидетельств, подлежащих сейчас проверке. Работы против ересей, вероятно, были написаны, первые три - около 190 года нашей эры, а остальные - около 198 года нашей эры. Ириней - первый христианский писатель, который упоминает *четыре* Евангелия; он говорит: "Матфей создал свое Евангелие, написанное среди евреев, на их собственном диалекте, в то время как Петр и Павел провозгласили Евангелие и основали церковь в Риме. После их ухода Марк, ученик и толкователь Петра, также передал нам в письменной форме то, что было им проповедано. И Лука, спутник Павла, посвятил себя написанию проповедуемого им Евангелия. Впоследствии Иоанн, ученик нашего Господа, тот самый, что лежал у него на груди, также опубликовал Евангелие, когда он был еще в Эфесе в Азии" (Цитируется Евсевием, кор. v, гл. 8, из 3-й кор. "Опровержения и низвержения ложного учения" Иринея).

Причины, которые заставили Ириней поверить, что в Церкви должно быть не меньше и не больше четырех Евангелий, настолько убедительны, что заслуживают того, чтобы быть здесь зафиксированными. "Невозможно, чтобы Евангелий было больше или меньше, чем они есть на самом деле. Ибо, поскольку в мире, в котором мы живем, есть четыре зоны [иногда переводятся как "углы" или "четверти"] и четыре католических духа, в то время как Церковь рассеяна по всему миру, а столпом и основанием Церкви является Евангелие и дух жизни, ей подобает иметь четыре столпа, со всех сторон источающие бессмертие и заново оживляющие людей. Из этого факта очевидно, что Слово, Творец всего, Тот, Кто восседает на Херувимах и содержит в себе все сущее, Тот, Кто был явлен людям, дал нам Евангелие в четырех аспектах, но связанное вместе одним Духом.... Ибо Херувимы тоже были четырехликими, и их лица были изображениями устройства Сына Божьего.... И, следовательно, Евангелия согласуются с этими

вещами, среди которых восседает Христос Иисус" ("Ириней", кн. iii., глава xi., раздел 8). Преподобный доктор Джайлс, пишущий о Джастине Мученике, великом христианском апологете, откровенно говорит: "Сами имена евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна никогда им не упоминаются — ни разу не встречаются во всех его работах. Поэтому было бы ребячеством говорить, что он цитировал существующие у нас Евангелия и таким образом доказывает их существование в том виде, в каком они существуют сейчас, в его собственное время.... Он нигде не упоминал, подобно тем Отцам Церкви, которые жили несколькими веками позже него, что есть *четыре* Евангелия, более важные и оцененные, чем любые другие.... Все это было творением более поздней эпохи, но Юстину Мученику этого недостает, и этот недостаток приводит нас к выводу, что наши четыре Евангелия тогда еще не вышли из неизвестности, но все еще, если и существовали, то смешивались с большей массой христианских традиций, которые примерно в это же время начали фиксироваться письменно" ("Christian Records", стр. 71, 72).

Если бы эти четыре Евангелия появились до 180 года н.э., мы наверняка нашли бы какие-нибудь упоминания о них в Мишне. "Мишна, собрание еврейских преданий, составленное примерно в 180 году, не упоминает христианство, хотя в нем есть глава, озаглавленная "О культуре Перегрино, странном богослужении". Доктор Пейли считает, что это упущение ничего не доказывает, поскольку, по его словам, "нельзя оспаривать, что христианство было совершенно хорошо известно миру в то время". Конечно, нельзя оспаривать, что христианство *начало* быть известным миру, но можно усомниться в том, что оно еще не вышло из низших классов людей, среди которых оно зародилось. В библейской критике преобладающей ошибкой является предположение, что весь мир был живо воспринят к тому, что происходило в его маленьких и малоизвестных уголках. Существование христиан, вероятно, было известно составителям Мишны в 180 году, хотя они и не соизволили заметить их, но они не могли иметь никакого представления о Новом Завете, или они, несомненно, заметили бы это; если, по крайней мере, мы правы, приписывая ему столь высокий характер, вызывающий (как мы знаем) восхищение каждого в каждой стране, в которую он переносится" (там же, стр. 35).

Существует, однако, одно предполагаемое доказательство существования четырех, и только четырех, Евангелий, выдвинутое Пейли: Татиан, последователь Юстина Мученика, достигший расцвета около 170 года, составил гармонию или собрание Евангелий, которое он назвал Diatessaron, из Четырех. Это название, как и сама работа, примечательно, потому что оно показывает, что тогда, как и сейчас, было четыре и только четыре Евангелия, широко используемых христианами ("Свидетельства", стр. 154, 155). Пейли лишь позже заявляет, что "последователь Юстина Мученика" стал еретиком и присоединился к энкратитам, аскетической и мистической секте, которая учила воздержанию от брака, мяса и т.д.; Он также не говорит нам, насколько сомнительно, что на самом деле содержал Диатессарон — ныне утраченный —. Он вежливо уверяет нас, что это гармония четырех Евангелий, хотя все свидетельства против него. Ириней, цитируемый Евсевием, говорит о Татиане, что "отступив от Церкви и преисполнившись самомнения учителя и тщеславно возгордившись, как будто он превзошел всех остальных", он изобрел несколько новых доктрин, и Евсевий далее сообщает нам: "Их глава и основатель Татиан, составив определенное собрание Евангелий, я не знаю как, дал этому название Диатессарон, то есть Евангелие от четырех, или Евангелие, составленное из четырех" ("Экклз. История", бк. iv., гл. 29). Мог ли Евсевий написать, что Татиан сформировал это, *я не знаю, как*, если бы это была гармония Евангелий, признанная Церковью, когда он писал? и как получилось, что Пейли все это знает, а Евсевий - нет? И еще далее, после

упоминания "Диатессарона" Евсевий говорито *другой книге Татиана*: "Эта книга, действительно, кажется самой изящной и прибыльной из всех его работ" (Ibid). Выгоднее, чем гармония четырех Евангелий! Насколько можно судить по названию, данному Евсевием, оно, по-видимому, подразумевает одно Евангелие, написанное четырьмя авторами. Епифаний утверждает: "Говорят, что Татиан составил Евангелие от четырех человек, которое некоторые называют Евангелием от евреев" ("Sup. Rel.", т. ii., стр. 155). Здесь мы получаем Диатессарон, отождествляемый с широко распространенным и популярным ранним Евангелием от евреев. Феодорит (около 457 г. н.э.) говорит, что он обнаружил более 200 таких книг, которыми пользовались в Сирии, христиане не замечали "злого замысла композиции"; и это "гармония Евангелий" Пейли! Феодорит утверждает, что он забрал эти книги "и вместо них представил Евангелия четырех евангелистов; " как странно, имея дело с таким полезным произведением, как "Гармония Евангелий", полностью конфисковать его и назвать злым умыслом! Чтобы подчеркнуть ценность этого труда как свидетельства о "четырех, и только четырех, Евангелиях", Виктор Капуанский сообщает нам, что оно также называлось *Diapente, то есть* "пятью" ("Sup. Rel.", т. ii., стр. 153). На самом деле, вообще нет никаких оснований называть это произведение, содержание которого совершенно неизвестно, *гармонией* Евангелий; представление о том, что это гармония, является чистейшим из предположений. Есть некоторые незначительные свидетельства в пользу отождествления Диатессарона с Евангелием от евреев. "Те, однако, кто назвал Евангелие, используемое Татианом, Евангелием от евреев, должно быть, читали этот труд, и все, что мы знаем, подтверждает их вывод. Фактически, эта работа получила широкое распространение именно в тех местах, где ранее Евангелие от Евреев было особенно распространено. Тот странный факт, что самое раннее упоминание о "гармонии" Татиана сделано через полтора столетия после ее предполагаемого составления, что ни один писатель до 5 века не видел самого произведения, более того, что только два автора до этого периода вообще упоминают о нем, получает свое естественное объяснение в заключении, что Татиан на самом деле вообще не сочинял никакой гармонии, а просто использовал то же Евангелие, что и его учитель Юстин Мученик, а именно Евангелие от евреев, каковым именем называли его Евангелие те, кто был лучше осведомлен " ("Sup. Rel.", т. ii., стр. 158, 159). Поскольку никто не претендует на то, что есть какие-либо упоминания о *четырех* Евангелиях до времен Ириния, за исключением этой "гармонии", которая, как утверждают одни, датируется примерно 170 годом н.э., а другие - между 170 и 180 годами, было бы пустой тратой времени и места доказывать далее точку зрения, признаваемую всеми. Таким образом, этот шаг нашего рассуждения опирается на твердую и неопровержимую почву — *что примерно до 180 г. н.э. среди христиан нет и следа ЧЕТЫРЕХ Евангелий*.

Е. *Что до этой даты Матфей, Марк, Лука и Иоанн не были выбраны в качестве четырех евангелистов.* Эта позиция неизбежно вытекает из предыдущей, поскольку четыре евангелиста не могли быть выбраны до тех пор, пока не будут признаны четыре Евангелия. Здесь, опять же, доктор Джайлс поддерживает аргумент, который мы выдвигаем. Он говорит: "Иустин Мученик ни разу не упоминает по имени евангелистов Матфея, Марка, Луку и Иоанна. Это обстоятельство имеет большое значение; ибо те, кто утверждает, что наши четыре канонических Евангелия являются современными записями служения нашего Спасителя, приписывают их Матфею, Марку, Луке и Иоанну, и никаким другим авторам. В этом они, в определенном смысле, последовательны; поскольку современные труды [? истории] очень редко анонимны. Если да, то как можно доказать, что они современны? Следует помнить, что Иустин Мученик писал в 150 году; но ни он, ни какой-либо другой писатель до него даже в

самой отдаленной степени не упоминали о четырех конкретных Евангелиях, носящих имена Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Пусть те, кто думает иначе, приведут отрывки, в которых можно найти такое упоминание" ("Христианские записи", преподобный доктор Джайлс, стр. 73). Два из этих имен, однако, появились немного раньше, будучи упомянутыми как евангелисты Папием из Иераполиса. Его показания будут полностью рассмотрены ниже при установлении позиции г..

Ф. *Что нет никаких доказательств того, что четыре Евангелия, упомянутые примерно в ту дату, совпадали с теми, которые мы имеем сейчас.* Это подводит нас к наиболее важному пункту нашего исследования; ибо теперь мы атакуем саму суть христианской позиции, а именно, что, хотя Евангелия не упоминаются по имени до Иринея, их существование все же может быть окончательно доказано цитатами из них, которые можно найти в трудах Отцов Церкви, живших до Иринея. Пейли говорит: "Исторические книги Нового Завета, подразумевая под ними четыре Евангелия и Деяния Апостолов, цитируются или упоминаются рядом христианских авторов, начиная с тех, кто был современником Апостолов или непосредственно следовал за ними, и продолжая в тесной и регулярной последовательности от их времени до настоящего времени". И он настаивает на том, что "средство доказательства, указанное в этом предложении, является из всех других наиболее бесспорным, наименее подверженным каким-либо методам мошенничества и не уменьшается с течением времени" ("Доказательства", стр. 111, 112). В качестве доказательств были приведены авторы: Варнава, Климент, Ерма, Игнатий, Поликарп, Папий, Иустин Мученик, Гегезипп и послание из Лиона и Вены. Прежде чем рассматривать предполагаемые цитаты настолько подробно, насколько позволит наше пространство, необходимо сделать два или три предварительных замечания о ценности этого предлагаемого свидетельства в целом.

Во-первых, большая часть работ, выдвинутых в качестве свидетелей, сами оспариваются, и их собственные даты неизвестны; их ныне признанные труды являются лишь остатками массы подделок, и доктор Джайлс справедливо говорит: "Процесс исключения, который постепенно сократил так называемые труды первого столетия с двух фолиантов до пятидесяти тонких страниц, в случае любых других нечестивых работ подготовил бы исследователя к тому, чтобы с отвращением отбросить от себя небольшой остаток, даже если он не был полностью уличен в фальсификации; ибо в них нет ничего плохого". нет другого зафиксированного случая столь широкой диспропорции между тем, что является подлинным, и тем, что поддельно" ("Христианские записи", стр. 67). Их свидетельства абсолютно бесполезны, пока они сами не будут подтверждены; и из приведенного выше описания их (стр. [214-221](#) и [232-235](#)) изучающий может судить о ценности доказательств в зависимости от апостольских Отцов. Профессор Нортон замечает: "Когда мы пытаемся усилить это свидетельство, апеллируя к писаниям, приписываемым Отцам Церкви, мы, по сути, ослабляем его силу. На самом конце цепочки доказательств, где она должна быть наиболее прочной, мы прикрепляем дефектные звенья, которые не будут иметь никакого веса" ("Подлинность Евангелий", том i, стр. 357). Опять же, предположим, что мы признаем этих свидетелей, их повторение высказываний о Христе или ссылки на его жизнь не доказывают — в отсутствие цитат, указанных ими как взятые из Евангелий, написанных Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном, — что, поскольку подобные высказывания или действия записаны в нынешних канонических Евангелиях, следовательно, эти последние существовали в их дни и были в их руках. Ларднер говорит по этому поводу: "Здесь, однако, возникает одна трудность, и это трудность, которая может часто возникать, когда мы рассматриваем этих самых ранних авторов, которые были знакомы с Апостолами, и других, кто видел или слышал нашего Господа; и были, в некотором смысле, так же хорошо

знакомы с учением и историей нашего Спасителя, как и сами Евангелисты, если только их цитаты или аллюзии не очень выразительны и ясны. Таким образом, вопрос здесь заключается в том, ссылается ли Климент в этих местах на слова Христа, записанные или же он напоминает коринфянам слова Христа, которые он и они, возможно, слышали от Апостолов или других очевидцев нашего Господа. Ле Клерк в своей диссертации о четырех Евангелиях придерживается мнения, что Климент ссылается на письменные слова нашего Господа, которые были в руках коринфян и хорошо им известны. С другой стороны, я нахожу, подумал епископ Пирсон, что Климент говорит о словах, которые он слышал от самих Апостолов или их учеников. Я, конечно, не задаю вопросов, но три первых Евангелия были написаны до этого времени. И я вполне удовлетворен тем, что Климент мог сослаться на наши письменные Евангелия, хотя он и не совсем согласен с ними в выражениях. Но ссылается ли он на них, нелегко определить в отношении человека, который, весьма вероятно, знал эти вещи до того, как они были записаны; и даже после того, как они были записаны, мог продолжать говорить о них в той же манере, в какой он привык это делать, как о вещах, о которых он был хорошо осведомлен, не обращаясь к самим Священным Писаниям" ("Достоверность", п. II., т. i., стр. 68-70). Каноник Уэсткотт, утверждая, что на Апостольских отцов большое влияние оказали Послания Павла, продолжает замечать: "До сих пор ничего не было сказано о совпадениях между Апостольскими Отцами и Каноническими Евангелиями. Исходя из характера дела, случайные совпадения в языке не могут быть приведены таким же образом для доказательства использования истории в качестве письма. Одни и те же факты и слова, особенно если они недавние и поразительные, могут быть сохранены в нескольких повествованиях. Ссылки в доапостольскую эпоху на речи или действия нашего Господа, как мы находим их записанными в Евангелиях, показывают, насколько это возможно, что то, о чем рассказывают Евангелия, тогда считалось правдой; но из этого не обязательно следует, что они уже использовались и были фактическим источником рассматриваемых отрывков. Напротив, способ, которым Климент ссылается на учение нашего Господа — "Господь сказал", а не "говорит", — по-видимому, подразумевает, что он был обязан традиции, а не каким-либо письменным свидетельствам, словами, наиболее близкими к тем, которые все еще встречаются в наших Евангелиях. Следовательно, главное свидетельство Апостольских Отцов относится к существу, а не к подлинности Евангелий" ("О каноне", стр. 51, 52). Изучение Отцов Церкви дает нам мало свидетельств относительно "сущности Евангелий"; но весь отрывок здесь приведен для того, чтобы показать, насколько каноник Уэсткотт, пишущий в защиту Канона, оказывается вынужденным отказаться от позиции, занимаемой более ранними апологетами. Доктор Джайлс соглашается со справедливостью этих замечаний Ларднера и Уэсткотта. Он пишет: "Высказывания Христа, без сомнения, ценились его учениками и последователями как домашние драгоценности. Почему же тогда мы не можем отнести цитирование слов Христа, встречающееся у Апостольских Отцов, к источнику такого рода? Если мы рассмотрим несколько из этих цитат, только что высказанное предположение превратится в реальность.... То же самое можно сказать о каждом отдельном предложении, встречающемся у любого из Отцов Церкви, которое, на первый взгляд, можно принять за решительную цитату из одного из Евангелий от Матфея, Марка, Луки или Иоанна. Невозможно отрицать истинность этого наблюдения; ибо мы видим, что оно подтверждается тем фактом, что апостольские Отцы действительно цитируют Моисея и других авторов ветхого Завета поименно — "Моисей сказал", "но Моисей говорит" и т.д. — во многих отрывках. Но мы нигде не встречаем слов: "Матфей сказал в своем Евангелии", "Иоанн сказал" и т.д. Они всегда цитируют не слова евангелистов, а непосредственно слова самого Христа, что дает основание предполагать, что, хотя высказывания Христа были в общей

моде, однако евангельских историй, в которые они впоследствии воплотились, тогда еще не существовало. Но противоположный взгляд на дело приводит нас к тому же выводу. Апостольские Отцы цитируют высказывания Христа, которых нет в наших Евангелиях.... Нет никаких доказательств того, что наш Новый Завет существовал при жизни Апостольских Отцов, которые, следовательно, не могли делать цитаты из книг, которых они никогда не видели" ("Христианские записи", стр. 51-53). "Нет никаких свидетельств того, что они [четыре Евангелия] существовали ранее середины второго века, поскольку они не названы ни одним писателем, жившим до этого времени" (Там же, стр. 56). В поисках доказательств существования Евангелий в более ранний период истории Церкви христианские апологеты до сих пор довольствовались тем, что то тут, то там хватались за фразы, несколько напоминающие фразы в канонических Евангелиях, и выдвигали это в качестве доказательства того, что Евангелия тогда были такими же, как те, которыми мы располагаем сейчас. От этого готового плана теперь следует отказаться, поскольку наиболее образованные христианские писатели теперь согласны с вольнодумцами в том, что такой метод совершенно неудовлетворителен.

И все же, опять же, принимая этих авторов в качестве свидетелей и допуская, что они цитируют из одних и тех же Евангелий, их цитаты лишь доказывают, что используемые ими отдельные фразы были в Евангелиях того времени, а также есть в современных; и многие такие случаи могли иметь место, несмотря на большие различия в остальных соответствующих Евангелиях, и ни в коем случае не доказывали бы, что Евангелия, которые они использовали, были идентичны нашим. Если бы Иосиф Флавий, например, когда-либо цитировал некоторые предложения Сократа, записанные Платоном, эта цитата, предполагающая, что Иосифу Флавию можно доверять, доказывала бы, что Платон и Сократ оба жили до Иосифа Флавия и что Платон записал некоторые высказывания Сократа; но это не доказывало бы, что версия Платона, находящаяся в наших руках сегодня, идентична той, которой пользовался Иосиф Флавий. Разрозненные и изолированные отрывки, вплетенные Отцами Церкви в их труды, не смогли бы доказать идентичность Евангелий второго века с Евангелиями девятнадцатого, даже если бы они были столь же похожи на параллельные отрывки в канонических Евангелиях, сколь и непохожи на них.

"Важно", - говорит способный анонимный автор "Сверхъестественной религии", - "чтобы мы постоянно помнили о том, что в ранней Церкви существовало огромное количество Евангелий, которые больше не сохранились, и от большинства из которых утеряны даже названия. Мы не будем здесь делать ничего большего, чем сослаться, в подтверждение этого факта, на предварительное заявление автора третьего Евангелия: "Поскольку многие ([греч. *polloi*]) взяли за изложение тех вещей, в которые мы, несомненно, верим, и т.д.". Следовательно, очевидно, что до написания нашего третьего синоптического Послания многие подобные работы уже были в обращении. Глядя на близкое сходство больших частей трех синоптиков, можно почти с уверенностью сказать, что многие из упомянутых здесь [греч. *polloi*] имеют близкую аналогию друг с другом и с нашими Евангелиями; и это, как известно, имело место, например, среди различных форм "Евангелия от евреев", отчетливые упоминания о котором мы встречаем задолго до того, как что-либо слышим о наших Евангелиях. Поэтому, когда в ранних произведениях мы встречаем цитаты, очень похожие или, мы можем добавить, даже идентичные отрывкам, которые встречаются в наших Евангелиях, — источник которых, однако, не упоминается и имя какого-либо автора не указано, - сходство или даже идентичность никоим образом не могут быть приняты в качестве доказательства того, что цитата обязательно взята из наших Евангелий, а не из какого-либо другого подобного произведения, ныне более не

сохранившегося; и особенно когда в тех же произведениях есть другие цитаты из апокрифических источников, отличных от наших Евангелий. Независимо от того, рассматриваются ли наши Евангелия как исторические записи или как писания, воплощающие простую традицию ранних христиан, их ни на минуту нельзя признать исключительными хранилищами подлинных слов и деяний Иисуса; и столь далекое от того, что многие произведения ранних времен использовали такие слова Иисуса в очень похожей форме, будучи либо странными, либо невероятными, действительно замечательным явлением является то, что среди них существуют такие существенные различия в изложении более важного исторического учения. Но хотя сходство с нашими Евангелиями в отрывках, цитируемых ранними авторами из неназванных источников, не может доказать использование наших Евангелий, отклонения от них предполагали бы или доказывали иное происхождение; и, по крайней мере, очевидно, что цитаты, которые не согласуются с нашими Евангелиями, ни в коем случае не могут указывать на их существование" ("Sup. Rel.", т. i., стр. 217-219).

Теперь мы обратимся к свидетельству апостольских отцов Пейли, всегда помня о полной бесполезности их свидетельства; каким бы бесполезным оно ни было, оно является единственным доказательством, которое христианами должны привести, чтобы доказать идентичность их Евангелий с теми, которые [предположительно были] написаны в первом веке. Давайте послушаем мнение епископа Марша: "Из Послания Варнавы нельзя сделать никакого вывода о том, что он читал какую-либо часть Нового Завета. Из подлинного послания, как его называют, Климента Римского, можно сделать вывод, что Климент читал первое Послание к Коринфянам. Из "Пастыря Ермы" нельзя сделать никакого вывода. Из посланий Игнатия можно заключить, что он читал Послание святого Павла к Ефессянам и что в его время существовали евангельские писания, хотя нельзя доказать, что он цитировал из них. Из Послания Поликарпа к Филиппийцам кажется, что он слышал о Послании святого Павла к этой общине, и он цитирует отрывок, который находится в первом Послании к Коринфянам, и другой, который находится в Послании к Ефессянам; но никакого положительного заключения нельзя сделать в отношении какого-либо другого послания или любого из четырех Евангелий" ("Михаэлис" Марша, том i, стр. 354, цитируется в книге Нортон "Подлинность Евангелий", том i., стр. 3). Это очень сильно говорит против подлинности этих записей, ибо "если бы четыре Евангелия и другие книги были написаны теми, кто был очевидцами чудес Христа, и пять Апостольских Отцов беседовали с Апостолами, не следует думать, что они не называли бы сами настоящие книги, которые обладали таким высоким авторитетом и на которые все христиане смотрели бы с таким большим уважением. Это единственный способ, которым их свидетельства могли бы быть полезны для подтверждения подлинности Нового Завета как произведения Апостолов; но это свидетельство, которое пять Апостольских Отцов не смогли предоставить. Во всех их оставшихся работах нет ни единого предложения, в котором можно было бы найти явный намек на Новый Завет" ("Христианские записи", преподобный доктор Джайлс, стр. 50).

Уэсткотт, утверждая, что Отцы-Апостолы знают большинство посланий, пишет с большим сомнением относительно их знания Евангелий (см. Выше стр. 264), и после тщательного приведения всех возможных цитат он резюмирует следующим образом: "1. Ни одно евангельское упоминание Отцов-Апостолов не может быть определенно отнесено к письменному свидетельству. 2. Судя по форме цитат, наиболее вероятно, что они были заимствованы из устной традиции. 3. Ни одна цитата не содержит какого-либо элемента, который в значительной степени не сохранился в наших Евангелиях. 4. Когда приведенный текст отличается от текста наших Евангелий, это представляет собой более позднюю форму

евангельской традиции. 5. Текст святого Матфея более точно, чем другие синоптические тексты, соответствует цитатам и ссылкам в целом" ("О каноне", стр. 62). По-видимому, нет никаких доказательств выводов 3 и 4, но мы приводим их все в том виде, в каком они есть. Но мы рассмотрим этих апостольских Отцов одного за другим, в порядке, использованном Пейли.

ВАРНАВА. Мы уже цитировали епископа Марша и доктора Джайлса относительно него. "В этом послании нет ничего, достойного названия свидетельства даже о существовании наших Евангелий" ("Sup. Rel.", т. i, стр. 260). Цитата, к которой иногда прибегают: "Много призванных, мало избранных", - упоминается Уэсткоттом как "вошедшая в поговорку фраза", а фразы, сходные по значению и манере, можно найти в iv. Ездра, viii. 3, ix. 15 ("Sup. Rel.", т. i, стр. 245); в последнем произведении слова встречаются в отношении, подобном тому, в котором мы находим их у Варнавы; в обоих описывается суждение, и в обоих выводится мораль о том, что много погибших и мало спасенных; тем более вероятно, что цитата взята из апокрифического произведения, поскольку многие другие цитаты взяты из него по всему посланию. Цитата "Дай всякому просящему у тебя" не встречается в предполагаемой древнейшей рукописи, Синайском кодексе, и является более поздней интерполяцией, явно вписанной каким-то переписчиком в соответствии с отрывком из книги Варнавы. Последняя предполагаемая цитата о том, что Христос избрал людей с дурным характером своими учениками, чтобы "показать, что Он пришел призвать не праведников, а грешников", является еще одной явно более поздней интерполяцией, поскольку она согласуется с рассуждениями Варнавы, и когда Ориген цитирует отрывок, он опускает эту фразу. В работе, которая "была написана по просьбе и опубликована за счет Общества христианских свидетельств", и которую, следовательно, справедливо можно рассматривать как мнение образованных, но наиболее ортодоксальных христиан, преподобный мистер Сэндей пишет: "Общий результат нашего изучения Послания Варнавы, возможно, может быть сформулирован так, что, хотя само по себе это не дает определенного и убедительного доказательства использования наших Евангелий, тем не менее, явления лучше согласуются с гипотезой о таком использовании. Это послание стоит во втором ряду Свидетельств и как свидетельство является скорее подтверждающим, чем принципиальным" ("Евангелия Второго века", стр. 76. Изд. 1876). И это все, что самая современная апологетическая критика может извлечь из послания, которое Пейли широко демонстрирует, говоря, что "если бы отрывок, приведенный в этом древнем письме, был найден в одном из посланий святого Павла, он был бы всеми расценен как высокое свидетельство Евангелия от святого Матфея" ("Свидетельства", стр. 113).

КЛИМЕНТ РИМСКИЙ. — "Тишендорф, который всегда готов заявить о малейшем языковом сходстве в качестве ссылки на новозаветные писания, признает, что, хотя это Послание богато цитатами из Ветхого Завета, и кое-где Климент также использует отрывки из Посланий Павла, он нигде не ссылается на Евангелия" ("Sup. Rel.", т. i, стр. 227, 228). Общество христианских свидетельств устами мистера Сэндея таким образом критикует Климента: "Итак, какое отношение Послание Климента имеет к вопросу о распространении и авторитете Синоптических Евангелий? Есть два отрывка некоторой длины, которые, без сомнения, являются евангельскими цитатами, хотя можно сомневаться в том, взяты они из канонических Евангелий или нет" ("Евангелия Второго века", стр. 61). Уравновесив аргументы "за" и "против" первого из этих отрывков, мистер Сэндей заключает: "Рассматривая аргументы обеих сторон, насколько мы можем их привести, я в целом склоняюсь к мнению, что Климент цитирует не из наших Евангелий; но я вполне осознаю ненадежность почвы, на которой покоится это мнение. Это хороший баланс вероятностей, и элемент незнания настолько велик, что вывод, каким бы

он ни был, должен быть чисто предварительным. Что-либо вроде уверенного догматизма по этому вопросу кажется мне совершенно неуместным. Почти то же самое можно сказать и о втором отрывке" (Там же, стр. 66).

Цитаты Климента, по-видимому, из какого-то другого евангельского произведения, будут отмечены в главе*h*, и это те, которые цитируются у Пейли.

ЕРМА.—Тишендорф отказывается от этой работы также как от свидетельства в пользу Евангелий. Ларднер пишет: "У *Ермы* нет прямых ссылок ни на какие книги Нового Завета" ("Достоверность", том i, часть 2, стр. 116). Однако он думает, что может проследить "намеки" на "слова Священного Писания". Уэсткотт говорит, что "*Пастырь* не содержит определенной цитаты ни из Ветхого, ни из Нового Завета" ("О каноне", стр. 197); но он также думает, что Ерма был "знаком" с некоторыми записями "учения Христа". Уэсткотт, однако, вообще не признает Ерму Апостольским Отцом, но относит его к середине второго века. "Что касается прямых исторических свидетельств подлинности Евангелий, то они не имеют значения. Ни одна книга не цитируется в нем по названию. Очевидных цитат из Евангелий нет" ("Подлинность Евангелий" Нортон, том i, стр. 342, 343).

ИГНАТИЙ. — Было бы напрасной тратой времени вообще беспокоиться об Игнатии, зная превратности, через которые прошли его предполагаемые работы (см. Предыдущие стр.217-220); а ссылки Пейли представляют собой такие расплывчатые "цитаты", что их можно смело оставить на суд читателя. Тишендорф, ссылаясь на две и три фразы в нем, несколько сбивчиво говорит: "Хотя мы не хотим придавать этим ссылкам решающее значение, и хотя они не исключают всех сомнений относительно их применимости к нашим Евангелиям, и, в частности, к Евангелию от Иоанна, они, тем не менее, несомненно, несут следы такой ссылки" ("Когда были написаны наши Евангелия", стр. 61, англ. изд.). Этот вывод относится, по мнению Тишендорфа, как к Поликарпу, так и к Игнатию. В этих Посланиях Игнатия мистер Сэндей рассматривает только Послания Кюретона (см. ante, стр.218) как подлинные, и в них он едва ли находит какие-либо совпадения с Евангелиями. Параллель с Евангелием от Матфея х. 16: "Итак, будьте мудры, как змеи, и безвредны, как голуби", сомнительна, поскольку возможно, "что Игнатий цитирует не непосредственно наше Евангелие, а один из оригинальных документов (таких как гипотетический "Spruch-Sammlung" Эвальда), на основе которого было составлено наше Евангелие" ("Евангелия Второго века", стр. 78). Аллюзия на "вифлеемскую звезду" может иметь, "как это, по-видимому, имеет место", отсылку к повествованию Матфея, ii... [но смотрите, ante, стр.233, где рассказ о звезде сильно отличается от евангельского уведомления]. Это (насколько мне известно) единственные совпадения, которые можно найти в кюretoновской версии" (Там же, стр. 78, 79).

ПОЛИКАРП. — Это послание находится под тяжелым грузом подозрений, и, кроме того, в нем мало достойных анализа цитат из Евангелий. Пейли цитирует: "Умоляя всевидящего Бога не вводить нас в искушение". Почему бы не закончить отрывок? Потому что, если бы он это сделал, контекст показал бы, что это не была цитата из Евангелия, идентичного нашему собственному — "умоляя всевидящего Бога не вводить нас в искушение, как сказал Господь, дух действительно желает, но плоть немощна". Если это вообще цитата, то она из какого-то утраченного Евангелия, поскольку эти слова нигде не встречаются в Синоптиках в таком соединении.

Итак, вкратце можно оставить в стороне этих апостольских Отцов, поскольку их свидетельство исчезает, как только его изучают, подобно туману, рассеивающемуся под лучами восходящего солнца. Мы вызовем других свидетелей Пейли.

ПАПИЙ.—Во фрагменте, сохраненном Евсевием, нет никакой цитаты; свидетельство Папия касается имен авторов двух Евангелий и будет рассмотрено в разделеg.

Иустин МУЧЕНИК. — Теперь мы переходим к самому важному из предполагаемых свидетелей, и, хотя студенты должны изучить детали спора в более крупных работах, мы постараемся кратко изложить им основные причины, по которым вольнодумцы отвергают Иустина Мученика как свидетельство подлинности существующих Евангелий, и в этом *резюме* мы начнем с сокращения главы iii "Сверхъестественной религии", том i, стр. 288-433, насколько это имеет отношение к нашей нынешней позиции. Предполагается, что Юстин Мученик умер около 166 года н.э., будучи казнен в царствование Марка Аврелия; по происхождению он был греком, но обратился в христианство с сильным оттенком иудаизма. Более пространная апология и Диалог с Трифоном - это произведения, на которые в основном опираются для доказательства подлинности. Дата первой Апологии, вероятно, относится к 147 году н.э.; диалог был написан позже, возможно, между 150 и 160 годами н.э. В этих трудах Иустин очень обильно цитирует Ветхий Завет, а также очень часто ссылается на факты христианской истории и на высказывания Иисуса. Из этих ссылок, к примеру, около пятидесяти встречаются в первой Апологии и более семидесяти в Диалоге с Трифоном; следует признать, что это значительное число позволяет определить источник, из которого он цитирует. Сам Юстин часто и отчетливо говорит, что его информация и цитаты взяты из "Воспоминаний апостолов", но, за исключением одного случая, который мы рассмотрим позже, когда он указывает на Петра, он никогда не упоминает имени автора. При изучении обнаруживается, что, лишь за одним или двумя краткими исключениями, многочисленные цитаты из этих "Мемуаров" более или менее сильно отличаются от параллельных отрывков в наших Синоптических Евангелиях и во многих случаях отличаются в тех же отношениях, что и аналогичные цитаты, встречающиеся в других сочинениях второго века, авторы которых, как известно, использовали неканонические Евангелия; и далее, что эти отрывки цитируются Юстином несколько раз с одинаковыми интервалами с одинаковыми вариациями. Более того, высказывания Иисуса цитируются из "Воспоминаний", которых вообще нет в наших Евангелиях, а факты из жизни Иисуса и обстоятельства христианской истории, почерпнутые из того же источника, не только не встречаются в наших Евангелиях, но и противоречат им. Христианские апологеты выдвигали различные теории, чтобы уменьшить силу этих возражений. Было высказано предположение, что Юстин цитировал по памяти, сокращал или комбинировал в соответствии со своей непосредственной целью; что "Мемуары" представляли собой гармонию Евангелий с дополнениями из какого-то апокрифического произведения; что наряду с нашими Евангелиями Юстин использовал апокрифические Евангелия; что он использовал наши Евангелия, предпочитая, однако, полагаться главным образом на апокрифическое. Столь разнообразные результаты показывают, насколько сомнительной должна быть ценность свидетельства Иустина Мученика. Компетентные критики почти повсеместно признают, что Иустину и в голову не приходило причислять "Мемуары апостолов" к каноническим сочинениям. Слово, переведенное как "Мемуары", правильнее было бы перевести как "Воспоминания" или "Памятные вещи", и ни один из этих трех терминов не является подходящим названием для произведений, причисляемых к каноническим Евангелиям. В ранней Церкви было распространено огромное количество поддельных сочинений под именами апостолов, и Юстин

не называет авторов "Воспоминаний", которые он цитирует, говоря только, что они были составлены "его Апостолами и их последователями", что ясно указывает на то, что он использовал некоторые коллективные воспоминания Апостолов и тех, кто следовал за ними. Слово "Евангелия" во множественном числе применяется к этим "Воспоминаниям" только один раз: "Об Апостолах - в составленных ими "Воспоминаниях", которые называются Евангелиями". "Последнее выражение [греч. *kaleitai euaggelai*], как заявили многие ученые, является явной интерполяцией. Это, по всей вероятности, заглавие на полях какой-нибудь старой рукописи, которое какой-нибудь переписчик впоследствии вставил в текст. Если Иустин действительно утверждал, что "Мемуары" назывались Евангелиями, то кажется непостижимым, почему он сам никогда не называл их так. Ни в каком другом месте своих сочинений он не применяет к ним множественное число, но, напротив, мы находим, что Трифон ссылается на "так называемое Евангелие", которое, по его словам, он внимательно прочитал и которое, конечно, может быть только "Воспоминаниями" Иустина, и снова, в другой части того же диалога, Иустин цитирует отрывки, записанные "в Евангелии". Термин "Евангелие" больше нигде не используется Иустином по отношению к письменному свидетельству". Публичное прочтение Воспоминаний, упомянутых Юстином, ничего не доказывает, поскольку многие работы, ныне признанные поддельными, были прочитаны таким образом (см. ante, стр. 248, 249). Джастин не считает эти Воспоминания богодухновенными, приписывая вдохновение только пророческим писаниям, и он принимает их за подлинные исключительно потому, что события, о которых они повествуют, предсказаны в Ветхом Завете. Отсутствие имени какого-либо автора примечательно, поскольку, цитируя из Ветхого Завета, он постоянно ссылается на автора по имени или на используемую книгу; но в очень многочисленных цитатах, предположительно из Евангелий, он никогда этого не делает, за исключением одного единственного случая, упомянутого ниже, когда он цитирует Петра. Исходя из теории, что перед ним были наши четыре Евангелия, это тем более странно, что он, естественно, отличил бы одно от другого. Единственное произведение в Новом Завете, упоминаемое по имени, - это Апокалипсис, написанный "неким человеком по имени Иоанн, одним из апостолов Христа", и невозможно, чтобы Иоанн упоминался таким образом, если Иустин уже цитировал Евангелие, носящее его имя, под общим названием "Воспоминания". Иустин явно цитирует *письменный* источник и исключает устную традицию, говоря, что в Воспоминаниях записано "все, что касается нашего Спасителя Христа". (Доказательства того, что Юстин цитирует записи, отличные от Евангелий, будут отнесены к позиции *h*, и здесь опущены.) Юстин ничего не знает ни о пастухах равнины, ни о явлении им ангела, ни о звезде, ведущей волхвов к месту, где был Иисус, хотя он и рассказывает историю рождения и визита волхвов. Два коротких отрывка из Иустина идентичны параллельным отрывкам из Евангелия от Матфея, но "нельзя слишком часто повторять, что простое совпадение коротких исторических высказываний в двух произведениях ни в коем случае не гарантирует вывода о том, что одно зависит от другого". В первой Апологии, главы xv, xvi и xvii. они почти полностью состоят из примеров учения Христа, и, за исключением этих двух кратких отрывков, ни одна цитата не согласуется устно с каноническими Евангелиями. Мы ссылались на один случай, когда имя Питера упоминается в связи с Воспоминаниями. Джастин говорит: "Утверждение также о том, что он (Иисус) изменил имя Петра, одного из Апостолов, и что это также написано в *его* "Мемуарах"" и т.д. Это отсылает "Мемуары" к Петру, и предполагается, что это, следовательно, отсылка к Евангелию от Марка, поскольку предполагалось, что Марк написал свое Евангелие под руководством Петра. В ранней Церкви существовало "Евангелие от Петра", вероятно, вариация на тему Евангелия от Евреев, столь высоко почитаемого и широко используемого первобытными писателями. Весьма вероятно, что это тот самый труд, на который так часто

ссылается Иустин, и что первоначально он носил простое название "Евангелие", или "Воспоминания Петра". Версия этого Евангелия была также известна как "Евангелие от апостолов", название, удивительно похожее на "Воспоминания апостолов" Юстина. Видя, что в трудах Юстина его цитаты, хотя и столь обильные, не согласуются с параллельными отрывками в наших Евангелиях, мы можем обоснованно заключить, что "нет никаких доказательств того, что он использовал какое-либо из наших Евангелий, и поэтому его нельзя процитировать даже для доказательства самого их существования, а тем более подлинности и характера записей, авторов которых он ни разу не называет". Исходя из этого случая, умело разработанного этим образованным и умным писателем (и мы искренне рекомендуем нашим читателям, если возможно, самим ознакомиться с его тщательным анализом, поскольку он делает весь вопрос полностью понятным для *английских* читателей и предоставляет им доказательства, благодаря которым они могут формировать свои собственные суждения, вместо того чтобы принимать готовые выводы), мы рассмотрим утверждение каноника Уэсткотта. Он признает, что трудности, ставящие в тупик свидетельства Юстина, "велики"; что существуют "дополнения к принятому повествованию и замечательные отклонения от его текста, которые в некоторых случаях повторяются Юстином и встречаются также в других сочинениях" ("О каноне", стр. 98). Мы с сожалением вынуждены констатировать, что доктор Уэсткотт, излагая этот случай своим читателям, несколько вводит их в заблуждение, хотя, несомненно, непреднамеренно. Он говорит о том, что Джастин сказал нам, что "Христос произошел от Авраама через Иакова, Иуду, Фареса, Иессея и Давида", и опускает тот факт, что Джастин ведет свое происхождение только от Марии и ничего не знает о происхождении от Иосифа, как у Матфея и Луки (см. Ниже, в разделе *h*). Он говорит о том, что Юстин упоминает мудрецов, "ведомых звездой", забывая, что Юстин ничего не говорит о руководстве, а только пишет: "То, что он восстанет подобно звезде из семени Авраама, Моисей показал заранее.... Соответственно, когда звезда возшла на небе во время его рождения, как записано в "Воспоминаниях" его Апостолов, волхвы из Аравии, распознав по этому знамению, пришли и поклонились ему" ("Dial.", гл. cvi.). Он говорит о том, что Джастин записал "пение псалма впоследствии" (после тайной вечери), опуская, что Джастин говорит только в общих чертах ("Dial.", гл. cvi., к которому нас отсылает доктор Уэсткотт), что "когда жил с ними (Христос), пел хвалу им". Боже". Но поскольку в дальнейшем мы будем иметь дело с этими расхождениями, нам нет необходимости останавливаться на них сейчас, а только предупреждаю наших читателей, что, поскольку даже такой человек, как доктор Уэсткотт, таким образом искажает факты, никогда не следует принимать какие-либо выводы, сделанные из подобных ссылок, не сравнив их с оригиналом. Одна из главных трудностей для английского читателя - получить надежный перевод. Приведу лишь один пример. В используемой здесь версии Джастина (опубликованной Т. Кларком, Эдинбург) мы находим в "Диалоге", гл. iii, следующий отрывок: "Его пот падал, как капли крови, когда он молился". И каноник Уэсткотт (стр. 104) упоминает об этом как о "кровавом поту". Однако в оригинале нет слова, аналогичного слову "от крови"; в отрывке говорится: "пот, как капли, падающие вниз", и это записано Юстином как доказательство того, что пророчество "кости мои излились, *как вода*" исполнилось во Христе. Неуклюжая попытка создать сходство с Евангелием от Луки ххii. 44 разрушает доводы Юстина. Далее (стр. 113) доктор Уэсткотт признает, что слова "кровавый" у Юстина нет; но при данных обстоятельствах, безусловно, было бы неверно утверждать, что Юстин упоминает "кровавый пот". Уэсткотт приводит только семь отрывков из всего собрания сочинений Юстина, в которых он отчетливо цитирует "Мемуары"; т.е. только семь, которые могут быть приведены как цитаты из канонических Евангелий — утверждение состоит в том, что "Мемуары" *являются* Евангелиями. Он искренне, хотя и наивно, говорит:

"Результат первого знакомства с этими отрывками поразителен". Действительно, очень поразительно; ибо "из семи пять устно согласуются с текстом святого Матфея или святого Луки, демонстрируя, действительно, три незначительных отличия в прочтении, не встречающихся нигде, но таких, которые легко объяснимы. Шестая представляет собой сжатое изложение слов, приведенных святым Матфеем; только седьмая представляет собой важное изменение в тексте стиха, которое, однако, в остальном очень неопределенно" (стр. 130, 131. Курсив наш собственный). Это то есть существует всего семь различных цитат, и все они, за исключением двух, отличаются от наших Евангелий. Весь анализ этих отрывков, проведенный доктором Уэсткоттом, подвергается суровой критике в "Религии сверхъестественного", а в издании книги доктора Уэсткотта 1875 года, из которого мы цитируем, некоторые выражения, которые он использовал ранее, немного изменены. Автор книги "Сверхъестественная религия" справедливо говорит: "Поразительный результат, если суммировать собственные слова каноника Уэсткотта, таков. Из семи предполагаемых цитат из "Воспоминаний", в которых, по его признанию, мы можем ожидать найти точное сохранение языка, пять представляют три варианта; один представляет собой сжатое резюме и вообще не согласуется устно; а седьмой представляет собой важный вариант " (т. i, стр. 394).

Доктор Джайлс очень решительно выступает против искажения Пейли показаний Джастина Мартира, жалуюсь: "Работы Джастина Мартира не нравятся одному из ста тысяч наших соотечественников. Как же тогда можно осуждать то, что ошибочные утверждения о нем являются актуальными?! Как можно осуждать то, что его показания были изменены, и его заставили говорить неправду!" ("Христианские записи", стр. 71). Затем доктор Джайлс утверждает, что Джастин, несомненно, назвал бы книги и их авторов, если бы они были актуальны и почитались в его время; что на тот момент существовало бесчисленное количество Евангелий; что Джастин упоминает события, которые встречаются только в таких апокрифических Евангелиях. Затем он сравнивает семнадцать отрывков из "Иустина мученика" с параллельными отрывками из Евангелий и приходит к выводу, что Иустин "передает нам высказывания Христа в их традиционных формах, а не словами, которые встречаются в наших четырех Евангелиях". Мы выберем два, чтобы показать его метод критики, перевод греческого, вместо того чтобы давать его, как он делает, в оригинале. В "Апологии", глава xv, Иустин пишет: "Если твой правый глаз соблазняет тебя, вырви его, ибо тебе выгоднее войти в царство Небесное с одним глазом, чем с двумя быть вверженным в огонь вечный". Этот отрывок очень похож на Мф. ст. 29: "Если правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну". Но это также похоже на Мф., xviii. 9: "И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; лучше тебе войти в жизнь с одним глазом, нежели с двумя глазами быть вверженным в геенну огненную". И это имеет такое же сходство с Евангелием от Марка ix. 47: "И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его; лучше тебе войти в Царствие Божие с одним глазом, чем с двумя глазами быть вверженным в геенну огненную". Однако, как ни странно, это не тождественно ни одному из трех слов. " (стр. 83, 84). "Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию". "В этом единственном случае наблюдается полное соответствие между словами Юстина и каноническими Евангелиями, три из которых, от Матфея, Марка и Луки, передают одно и то же высказывание Христа одними и теми же словами. Здесь в голову приходят самые разные мысли. Основаны ли эти три Евангелия на одном документе? Если да, то не взята ли цитата Иустина Мученика из того же анонимного документа, а не из трех Евангелий, поскольку он не называет их? С другой стороны, если Джастин точно процитировал их в этом случае,

почему он не сделал этого в других? Ни по какой другой причине, кроме того, что традиционные высказывания обычно таким образом нерегулярно точны или неточны, и Юстин, цитируя их, был столь же нерегулярно точен, сколь и они были" (Там же, стр. 85). "Результат, к которому приведет прочтение его работ, носит самый серьезный характер. Будет обнаружено, что он цитирует почти двести чувств или высказываний Христа, но едва ли делает хоть один ясный намек на все те обстоятельства времени или места, которые придают такой большой интерес учению Христа, записанному в четырех Евангелиях. Напрашивается вывод, что он цитирует высказывания Христа, переданные по традиции или записанные до того, как были составлены четыре Евангелия" (Там же, стр. 89, 90). Пейли и Ларднер оба довольно кратко описывают Юстина, называя каждый отрывок в его работах, слегка напоминающий любой отрывок из Евангелий, "цитатой"; в обоих случаях только незнание трудов Юстина может заставить любого читателя согласиться с выводами, которые они делают.

ГЕГЕЗИПП был иудейским христианином, который, согласно Евсевию, процветал около 166 года н.э. Говорят, что Сотер сменил Аницета на римском епископстве в том же году, а Гегезипп, по-видимому, находился в Риме во время епископства обоих. Он путешествовал с места на место, и его свидетельство Евангелиям состоит в том, что "в каждом городе преобладает учение, соответствующее тому, что провозглашено законом, пророками и Господом" (Еккл. История", бк. iv., гл. 22). Далее Евсевий цитирует историю смерти апостола Иакова, написанную Игесиппом, и в ней сообщается, что Иаков сказал иудеям: "Почему вы теперь спрашиваете меня об Иисусе, Сыне Человеческом? Сейчас Он восседает на небесах, по правую руку от великой силы, и вот-вот придет на облаках небесных". И когда его убивают, он молится: "О Господь Бог и Отец, прости им, ибо они не ведают, что творят" (см. "Еккл. История", бк. ii., гл. 23). Полная абсурдность рассмотрения этого как свидетельства Евангелий станет очевидной, если вспомнить, что таким образом подразумевается, что Иаков, брат и апостол Христа, ничего не знал о его словах, пока не прочитал их в Евангелиях, и что он был убит до того, как, по мнению большинства христиан, было написано Евангелие от Луки, единственное, из которого он мог процитировать молитву Иисуса. Стефан Гобарус сохранил еще один фрагмент Гегезиппа, в котором Гегезипп, выступая против утверждения Павла "того не видел глаз и не слышало ухо", противопоставляет ему изречение Господа: "Блаженны очи ваши, ибо они видят, и уши ваши, которые слышат". Этому есть параллель в Евангелии от Матфея. xiii. 16 и Луки x. 23. "Нам нет необходимости указывать, что изречение, на которое ссылается Гегезипп, хотя и передает тот же смысл, что и в двух Евангелиях, отличается от них так же существенно, как и они друг от друга, и, как мы могли бы ожидать, цитата взята из другого, хотя и родственного источника, такого как Евангелие от Евреев" ("Sup. Rel.", т. i., стр. 447). Почему Пейли не говорит нам, что Евсевий пишет о нем не то, что он цитировал Евангелия, а то, что "он также приводит некоторые подробности из Евангелия к евреям и из сирийского, и особенно из еврейского языка, показывая, что он сам был обращенным из евреев. Другие вопросы он также записывает как взятые из неписаного предания евреев" ("Eccles. Hist.", bk. iv., гл. 22). Итак, вот источник цитат из Гегезиппа, и все же Пейли скрывает это и намеренно говорит о нем как о отсылающем к нашему Евангелию от Матфея!

ПОСЛАНИЕ ЦЕРКВЕЙ ЛИОНА И ВЕНЫ. —Пейли спокойно датирует это 170 годом н.э., хотя описываемые в нем гонения происходили в 177 году н.э. (см. ante, стр. 257, 258). "Точные ссылки на Евангелия от Луки и Иоанна и на Деяния Апостолов", о которых говорит Пейли ("Свидетельства", стр. 125), найти нелегко. Уэсткотт говорит: "Оно не содержит ссылок по названию ни на одну книгу Нового Завета, но его языковые совпадения с Евангелиями от

святого Луки и Святого Иоанна, с Деяниями Апостолов, с Посланиями Святого Павла к Римлянам, Коринфянам (?), Ефессянам, Филиппийцам и Первым посланием к Тимофею, с первыми католическими посланиями святых Петра и Иоанна и с Апокалипсисом неоспоримы" ("О каноне", стр. 336). К сожалению, ни Пейли, ни доктор Уэсткотт не отсылают нас к рассматриваемым отрывкам, Пейли цитирует только один. Поэтому мы приведем одно из них полностью, предоставляя нашим читателям судить о нем как о "точной ссылке": "Ваттий Эпагаф, один из братьев, который изобиловал полнотой любви к Богу и людям, и чья походка и разговор были столь безупречны, хотя он был всего лишь молод, разделял то же свидетельство со старцем Захарией. Он ходил по всем заповедям и праведности Господней непорочный, исполненный любви к Богу и ближнему своему" ("Евсевий", bk. v., глава i). Похоже, это "точная ссылка" на главу 6 Евангелия от Луки, и мы признаем, что не должны были знать этого, если бы это не было отмечено в "Сверхъестественной религии". Тишендорф, с другой стороны, отправляет упоминание о Захарии к Протевангелию Иакова ("Sup. Rel.", т. ii., стр. 202).

Вторая "точная ссылка" заключается в том, что Ваттий обладал "Духом более обильным, чем Захария"; "такое ненужное и коварное сравнение вряд ли было бы сделано, если бы автор знал наше Евангелие и рассматривал его как богодухновенное Писание" ("Sup. Rel.", т. ii., стр. 204). Цитата "что наступит день, когда каждый, убивающий вас, будет думать, что он оказывает услугу Богу" - это одно из тех отдельных высказываний, относящихся к Христу, которые можно найти в любом описании его деяний или могли быть переданы по традиции. Это послание является последним свидетельством, вызванным Пейли до Ириния, и его действительно можно справедливо рассматривать как его современника.

Хотя Пейли не ссылается на "Клементины", книги, ложно приписываемые Клименту Римскому, иногда их приводят для доказательства существования Евангелий во втором веке. Но они бесполезны в качестве свидетелей, поскольку дата, в которую они сами были написаны, является предметом спора. "Критики по-разному датируют состав оригинальных "Признаний" примерно серединой второго века до конца третьего, хотя большинство согласны с тем, что относят их, по крайней мере, ко второму столетию" ("Sup. Rel.", т. II., стр. 5). "К сожалению, нет достаточных материалов для определения даты проповедей Клементины" ("Евангелия второго века", преподобный У. Сэндей, стр. 161). Часть Клементинов, называемая "Признаниями", бесполезна в качестве основы для аргументации, поскольку они "существуют только в латинском переводе Руфина, в котором цитаты из Евангелий, очевидно, были ассимилированы с каноническим текстом, который использует сам Руфин" (Ibid). Что касается остального, "нас сразу поражает небольшое количество точных совпадений, которые значительно меньше, чем те, которые можно найти в цитатах из Ветхого Завета" (Там же, стр. 168). "В Проповедях содержится очень много цитат из высказываний Иисуса и Евангельской истории, которые обычно вкладываются в уста Петра или вводятся такой формулой, как "Учитель сказал", "Иисус сказал", "Он сказал", "Пророк сказал", но автор ни в коем случае не называет источник, из которого взяты эти высказывания и цитаты.... Де Ветт говорит: "Цитаты из евангелических произведений и историй в сочинениях псевдо-Клементины, из-за их свободного и неудовлетворительного характера, допускают лишь неопределенные выводы относительно их письменного источника". Критики придерживались очень свободных и противоречивых взглядов относительно этого источника. Апологеты, конечно, утверждают, что цитаты в Проповедях взяты только из наших Евангелий. Другие приписывают их нашим Евангелиям с дополнительным апокрифическим произведением, Евангелием от Евреев или Евангелием от Петра. Некоторые, допуская вспомогательное использование некоторых наших Евангелий,

утверждают, что автор Проповедей предпочитает Евангелие от Петра; в то время как другие, признавая также сходство явлений, представленных этими цитатами, с явлениями, представленными цитатами Иустина, заключают, что автор вообще не цитирует наши Евангелия, но использует Евангелие от Петра или Евангелие от Евреев. Доказательства, допускающие такие расходящиеся выводы, явно не могут носить решающего характера" ("Sup. Rel.", том ii., стр. 6, 7).

На Василиде (учении около 135 г. н.э.) и Валентине (140 г. н.э.), двух ранних гностических учителей, нам не нужно задерживаться, поскольку от их трудов почти ничего не осталось, и все, что мы знаем о них, почерпнуто из трудов их антагонистов; утверждается, что они знали и использовали канонические Евангелия, и каноник Уэсткотт настаивает на таком взгляде на Василида, но автор "Сверхъестественной религии" характеризует это утверждение "как недостойное ученого и рассчитанное только на то, чтобы ввести читателей в заблуждение". который, как правило, не должен быть осведомлен о действительных фактах дела" (том ii, стр. 42). Василид говорит, что он получил свое учение от Главия, "толкователя Петра", и "однако очевидно, что Василид, основывая свои доктрины на этих апокрифических книгах как богодухновенных и на традиции, и называя особое Евангелие своим собственным именем, которое, следовательно, он явно принимает как выражение своих идей христианской истины, полностью игнорирует канонические Евангелия и не только не предлагает никаких доказательств их существования, но и доказывает, что он не признавал никаких таких произведений авторитетными. Следовательно, нет никаких оснований для предположения Тишендорфа о том, что Комментарий Василида "К Евангелию" был написан на основе наших Евангелий, но эта идея, напротив, самым решительным образом опровергается всеми фактами дела" ("Sup. Rel.", т. ii., стр. 45, 46). Как в случае с этим древним еретиком, так и в случае с Валентином невозможно отличить то, что приписывается ему, от того, что приписывается его последователям, и, таким образом, свидетельства, полученные от любого из них, даже слабее, чем обычно.

Маркион, величайший еретик второго века, должен был бы стать полезным свидетелем для христиан, если бы нынешние Евангелия были приняты в его время как канонические. Он был сыном христианского епископа Синопы в Понте и преподавал в Риме около двадцати лет, начиная примерно со 140 года нашей эры. Он признавал только одно Евангелие, и ожесточенные споры велись относительно того, каким было это Евангелие. Это известно нам только от его противников, которые обычно утверждают, что использованное им Евангелие было третьим Синоптическим, измененным и адаптированным в соответствии с его еретическими взглядами. Пейли говорит: "Этот опрометчивый и дикий полемист опубликовал переработанное или урезанное издание Евангелия от святого Луки" ("Свидетельства", стр. 167), но не снисходит до того, чтобы привести нам ни малейшего основания для столь широкого утверждения. Этот вопрос, однако, был тщательно обсужден среди немецких критиков, одна сторона утверждала, что Маркион искажил Евангелие от Луки, другая - что Евангелие Маркиона было более ранним, чем Евангелие от Луки, и что Евангелие от Луки было составлено по нему; в то время как некоторые, опять же, утверждали, что оба были версиями более старого оригинала. Из этого противоречия мы можем заключить, что между Евангелием Маркиона и третьим Синоптическим Посланием существовало сильное сходство, и что невозможно определить, какое из них более раннее. Решение вопроса становится безнадежным из-за того факта, что "основными источниками нашей информации о Евангелии Маркиона являются труды его самых ожесточенных обличителей Тертуллиана и Епифания" ("Sup. Rel.", т. ii., стр. 88). "В лучшем

случае, даже если гипотеза о том, что Евангелие Маркиона было искаженным Евангелием от Луки, подтвердится, Маркион не предоставит никаких доказательств в пользу подлинности или заслуживающего доверия характера нашего третьего Синоптического Текста. Его Евангелие было безымянным, и его последователи отвергли идею о том, что оно было написано Лукой; и рассматривалось даже как самое раннее свидетельство существования Евангелия от Луки, это свидетельство не подтверждает его подлинность и достоверность, а, напротив, осуждает его как искаженное и вставленное" (Там же, стр. 146, 147).

Вряд ли стоит ссылаться на предполагаемое свидетельство "Канона Муратори", поскольку дата этого фрагмента совершенно неизвестна. В 1740 году Муратори опубликовал этот документ в собрании итальянских древностей, заявив, что нашел его в библиотеке Амброзиана в Милане и что, по его мнению, рукопись, из которой он ее взял, просуществовала около 1000 лет. Неизвестно, кем был написан оригинал, и на нем нет даты: это всего лишь фрагмент, начинающийся словами: "при котором, тем не менее, он присутствовал и таким образом поместил его. Третья книга Евангелия от Луки". Далее говорится о "четвертом из Евангелий от Иоанна". Ценность свидетельства анонимного фрагмента неизвестной даты просторавна нулю. "Некоторые утверждают, что это полный трактат о книгах, полученных Церковью, фрагменты из которых были утрачены; в то время как другие считают его всего лишь фрагментом. Он написан на латыни, которая некоторыми представляется наиболее испорченной, в то время как другие утверждают, что она наиболее правильная. Кроме того, текст становится почти неразборчивым из-за всевозможных орфографических и грамматических неточностей, которые приписываются по-разному переписчику, переводчику или обоим сразу. Действительно, эластичность текста, возникающая в результате ошибок и неясности всех мыслимых описаний, такова, что с помощью остроумных догадок критики способны найти в нем почти любой смысл, который они пожелают. Существуют значительные расхождения во мнениях относительно языка оригинала фрагмента: большее число критиков утверждают, что сочинение является переводом с греческого, в то время как другие утверждают, что первоначально оно было написано на латыни. Его состав по-разному приписывается Церкви Африки и члену Церкви в Риме" ("Sup. Rel.", том ii., стр. 238, 239). На спорном фрагменте такого рода нельзя основывать никаких аргументов; нет даже доказательств того, что эта вещь вообще существовала до того, как Муратори ее опубликовал; на нее никогда не ссылается ни один ранний автор, и нет ни малейшего свидетельства того, что она была известна ранней Церкви.

После полного и тщательного анализа всех документов, ортодоксальных и еретических, предположительно написанных в первые два столетия после Рождества Христова, автор книги "Сверхъестественная религия" таким образом подводит итог: "Исчерпав литературу и свидетельства, относящиеся к этому вопросу, мы не нашли ни единого отчетливого следа ни одного из этих Евангелий в течение первых полутора столетий после смерти Иисуса.... Любой аргумент в пользу самого существования наших Синоптиков, основанный на их предполагаемом неприятии еретическими лидерами и сектами, имеет неизбежный недостаток, заключающийся в том, что само свидетельство, которое показало бы их существование, противоречило бы их подлинности. Однако нет никаких свидетельств их использования еретическими лидерами, и нет прямых ссылок на них ни у одного автора, еретического или ортодоксального, которого мы исследовали" (том ii., стр. 248, 249). И факт этого полного отсутствия доказательств идентичности не является единственным, что можно привести в поддержку нашего предположения, поскольку есть еще один факт, который очень сильно свидетельствует против идентичности ныне принятых Евангелий с теми, которые были

распространены в прежние времена, а именно, заслуживающее внимания обвинение, выдвинутое против христиан в том, что они изменяли свои священные книги; ортодоксы обвиняли неортодоксальных в искажении Священных Писаний, а еретики парировали обвинение с такой же настойчивостью. Эбиониты утверждали, что еврейское Евангелие от Матфея было единственным подлинным Евангелием, и считали четыре греческих Евангелия ненадежными. Маркиониты признавали только Евангелие, похожее на Евангелие от Луки, и ортодоксы обвинили их в том, что они изменили его под себя. Цельс, выступая против христианства, формулирует обвинение: "Некоторые верующие, подобно людям, доведенным пьянством до совершения насилия над самими собой, изменяли Евангельскую историю, начиная с ее первого составления, три, четыре раза и чаще, и переделывали ее так, чтобы иметь возможность опровергнуть выдвинутые против нее возражения" ("Origen Cont. Цельс", bk. ii., глава 27, цитируется Нортоном, стр. 63). Ориген признает, "что есть те, кто изменил Евангелия", но утверждает, что это было сделано еретиками и что это "не является упреком истинному христианству" (Там же). Только, преподобнейший Отец Церкви, если еретики обвиняют православных, а православные обвиняют еретиков в искажении Евангелий, то как мы можем быть уверены, что они дошли до нас в неизменном виде? Климент Александрийский отмечает внесенные изменения. Дионисий из Коринфа, жалуясь на изменения, внесенные в его собственные писания, свидетельствует об этом же факте: "Поэтому неудивительно, что некоторые также пытались исказить священные писания Господа, поскольку они пытались сделать то же самое в других произведениях, которые не идут ни в какое сравнение с этими" ("Евсевий", bk. iv., гл. 23). Фауст, манихеец, ярый противник Августина, пишет: "Ибо многие вещи были вставлены вашими предками в речи нашего Господа, которые, хотя и были произнесены под его именем, не согласуются с его верой; особенно с тех пор, — как уже неоднократно доказывалось нами, — что эти вещи были написаны не Христом и не его Апостолами, а спустя долгое время после их принятия, я не знаю, какого рода полуевреями, не согласными даже с самими собой, которые сочинили свою историю просто из отчетов и мнений; и все же, основывая все это на именах апостолов". Апостолами Господа или на тех, кто, как предполагалось, следовал за Апостолами; они лживо притворялись, что написали свою ложь и тщеславие *согласно* им" (Lib. 33, гл. 3, цитируется и переводится в "Diegesis", стр. 61, 62).

Правда в том, что в те дни, когда книги только писались, были широко открыты двери для изменений, дополнений и пропусков; эпизоды или замечания, написанные, возможно, на полях текста одним переписчиком, были перенесены в сам текст следующим переписчиком и впоследствии были неотличимы от оригинала. Таким образом, предполагается, что знаменитый текст о трех свидетелях (1 Иоанна, ст. 7) проник в текст. Имея дело с этим, ссылаясь на Новый Завет, Эйххорн указывает, что было легко изменить рукопись при ее переписывании, и что, поскольку рукописи были написаны для индивидуального использования, такие изменения считались допустимыми, и что измененная рукопись, в свою очередь, была скопирована, и такие изменения попали в обращение незамеченными. Владельцы рукописей добавляли к ним случаи из жизни Христа или какие-либо из его высказываний, о которых они слышали и которые не были записаны в их собственных копиях, и таким образом история росла и разрасталась, и к ней присоединялись дополнительные легенды, пока историческая основа не стала покрываться мифами. Огромное количество прочтений Нового Завета, не менее — по словам доктора Ангуса, одного из членов нынешнего Ревизионного комитета — 100 000, доказывает легкость, с которой те, кто отвечал за них, вносили изменения в рукописи. В жарких и ожесточенных спорах между различными школами монахов, естественно, апеллировали к

авторитету Священных Писаний, и что может быть более вероятным — даже более несомненным, — чем то, что эти монахи вносили изменения в свои рукописные копии, отдавая предпочтение позициям, за которые они по отдельности боролись?

Наиболее вероятный способ, которым Евангелия обрели свою нынешнюю форму, заключается в том, что различные предания, относящиеся ко Христу, были записаны в разных местах для наставления оглашенных, и что они, переходя из рук в руки и из уст в уста, превратились в большую массу разрозненных историй, общих для многих церквей. Эта масса постепенно просеивалась, упорядочивалась, придавалась исторической форме, которая должна была соответствовать предвзятым представлениям о Мессии, и таким образом четыре Евангелия постепенно обрели свой нынешний вид и были приняты всеми как наследие апостольской эпохи. Ни один внимательный читатель не может не заметить многочисленных совпадений в выражениях трех синоптиков и не сделать из этих совпадений вывод о том, что в основе трех историй лежало одно повествование. Эвальд предполагает существование *Spruchsammlung* — собрания изречений Христа, - но такого собрания недостаточно для объяснения явлений, на которые мы ссылаемся. Доктор Дэвидсон говорит: "Зачатки первоначального устного Евангелия были сформированы в Иерусалиме, в лоне первой христианской церкви; и языком его, должно быть, был арамейский, поскольку члены церкви состояли из галилеян, для которых этот язык был родным. Естественно предположить, что они привыкли беседовать друг с другом о жизни, деяниях и доктринах своего усопшего Господа, останавливаясь на деталях, которые интересовали их больше всего, и исправляя рассказы друг друга, когда такие рассказы были ошибочными или серьезно ущербными. Апостолы, которые были очевидцами общественной жизни Христа, могли придать повествованиям правильность, придав им определенный характер с точки зрения подлинности и формы. Таким образом, было составлено оригинальное устное Евангелие на арамейском языке. Однако мы не должны воспринимать его как изложенное в форме любого из наших нынешних Евангелий или как имеющее аналогичный объем; но как состоящее из ведущих подробностей из жизни Христа, вероятно, наиболее ярких и наиболее волнующих, таких, которые произвели бы наилучшее впечатление на умы учеников. Происшествия и высказывания, связанные с их Божественным Учителем, естественно, приобретали особую форму в результате повторения, хотя это была всего лишь рудиментарная форма. Они не были тесно связаны в регулярной или систематической последовательности. Они были устным зародышем и сущностью Евангелия, а не собственно Евангелием как таковым, по крайней мере, согласно нашим современным представлениям о нем. Но арамейский язык вскоре был отложен в сторону. Когда эллинисты проявили склонность принять христианство и присоединились к небольшому числу обращенных палестинцев, греческий был обязательно принят. Поскольку число членов церкви, говорящих по-гречески, значительно превышало число братьев, говорящих по-арамейски, устное Евангелие было переведено на греческий. С этого времени греческий, язык эллинистов, стал средством обучения. Истины и факты, прежде повторявшиеся на иврите, теперь обычно провозглашались апостолами и их новообращенными на греческом. Исторический цикл, который формировался в Иерусалимской церкви, приобрел определенный характер на греческом языке" ("Введение в Новый Завет", С. Дэвидсон, доктор права, стр. 405. Изд. 1848). Таким образом, мы обнаруживаем, что образованные христиане вынуждены признать невдохновенный сборник в качестве основы богодухновенного Евангелия и выдвинуть теорию, которая полностью несовместима с идеей о том, что Синоптические Евангелия были написаны Матфеем, Марком и Лукой. Наши Евангелия превратились в версии

более старого Евангелия, вместо того чтобы быть вдохновенным повествованием современников, говорящих "то, что мы действительно знаем".

Каноник Уэсткотт пишет о трех Синоптических Евангелиях, что "они представляют, как показывает их структура, общую основу, общие материалы, обработанные особым образом. Очевидно, что они содержат лишь очень небольшую выборку из слов и дел Христа, и все же их содержание в общих чертах включено в один план. Их содержание, очевидно, намного древнее, чем их форма.... Единственным объяснением узких и определенных рамок, которыми ограничена евангельская история (за исключением Евангелия от Иоанна), по-видимому, является то, что собрание репрезентативных слов и произведений было составлено авторитетным органом, таким как Двенадцать Апостолов, в очень ранний период, и что это, составившее основу популярного учения, приобрело исключительное значение, получив лишь второстепенные дополнения и модификации. Это Апостольское Евангелие — устная основа, как я пытался показать в другом месте, синоптических повествований — несомненно, восходит к самому началу христианского общества" ("О каноне", предисловие, стр. xxxviii, xxxix). Г-н Сэндей говорит об "оригинальных документах, на основе которых было составлено наше Евангелие" ("Евангелия Второго века", стр. 78), и он пишет: "Несомненно, на этот вопрос был бы пролит свет, если бы мы только знали, каков общий оригинал двух синоптических текстов" (Там же, стр. 65). "Первые три Евангелия нашего Канона удивительно похожи, их авторы сходятся в изложении одного и того же, не только в одинаковой манере, но и в самих словах, что должно быть очевидно каждому обычному читателю, обратившему хоть малейшее внимание на этот предмет.... [Далее следует ряд параллельных отрывков из трех синоптиков.] Согласие между тремя евангелистами в этих отрывках примечательно и наводит на вопрос, как могли возникнуть такие совпадения между произведениями, которые с первых лет христианства до начала семнадцатого века считались совершенно независимыми и имели каждое отдельное происхождение. Ответ на этот вопрос может быть, наконец, дан после более чем ста лет дискуссий с приемлемой определенностью, если нам будет позволено судить об этом предмете в соответствии с правилами разума и здравого смысла, с помощью которых разрешаются все другие подобные трудности. "Наиболее выдающиеся критики" — мы цитируем из "Михаэлиса Марша", том iii, часть 2, стр. 170 — "в настоящее время решительно придерживаются мнения, что необходимо принять одно из двух предположений — либо что три евангелиста скопировали друг с друга, либо что все трое черпали из *общего источника*, и что представление об абсолютной независимости в отношении состава наших трех первых Евангелий больше не выдерживает критики".... Альтернатива между *общим источником* и *копированием друг у друга* сейчас уже не в том положении, как во времена Михаэлиса или епископа Марша. Выбирать между этими двумя больше не сложно. Теперь никто не признает, что кто-либо из четырех евангелистов скопировал с трех других, 1. Потому что ни в одном из четырех нет ни малейшего упоминания о других. 2. Потому что, если можно предположить, что кто-либо из евангелистов, исходя из замечательного сходства какой-либо конкретной части его повествования, скопировал что-либо из других Евангелий, мы немедленно проливаем свет на так много других отрывков, совершенно несовместимых с тем, что другие трое рассказывали по тому же предмету, что мы немедленно спрашиваем, почему он не скопировал и из других по этим пунктам. Следовательно, нам остается только сделать вывод, что существовал общий источник, сначала традиционный, а затем письменный - [греч. *Απομνημονεύματα*], короче говоря, или "Мемориалы" и т.д. Юстина Мученика, и что из этого источника четыре канонических Евангелия вместе с тридцатью или сорока другими, многие из которых все еще

существуют, были в разные периоды раннего христианства составлены разными авторами" ("Христианские записи", доктор Джайлс, стр. 266, 270, 271). Декан Элфорд выдвигает несколько похожую теорию; он считает, что устное учение апостолов оглашенным и другим людям, простое изложение фактов, относящихся ко Христу, постепенно обрело форму и было записано, и что этим объясняется заметное сходство некоторых отрывков в разных Евангелиях. Он говорит: "Итак, я верю, что Апостолы, в силу не только того, что они были непосредственными свидетелями евангельской истории, но особенно из—*засвоего служения*, передали различным Церквям свое свидетельство *визложении фактов*, такое изложение в каждом конкретном случае модифицировалось индивидуальным умом самого Апостола и его пониманием того, что было необходимо для конкретной общины, которой он служил.... Было бы легко и интересно проследить за вероятным происхождением и развитием этого цикла повествований о словах и деяниях нашего Господа в Иерусалимской Церкви, как для иудеев, так и для эллинистов — последних под руководством таких учителей, как Филипп и Стефан, — заказанных и удостоверенных апостолами. В ходе такого процесса некоторые фрагменты, естественно, были бы записаны частными верующими для их собственного использования или использования друзей. И по мере распространения Церкви в Самарию, Кесарию и Антиохию в каждом из этих мест ощущалась бы нехватка аналогичных циклов устного обучения, которые, будучи обеспечены, отныне принадлежали бы этим соответствующим Церквям и были бы актуальны в них. И эти отрывки евангельской истории, устные или частично документальные, будут приняты с санкции Апостолов, которые были как во всем, так особенно в этом, назначенными и направляемыми Богом надзирателями всей Церкви. Это *общий субстрат апостольских учений*— никогда формально не принимавшийся всеми, но подверженный всем разнообразиям формулировок и расположения, дополнениям и пропускам, пригодный для передачи через множество индивидуальных умов и во многих различных местностях — *я полагаю, что был первоначальным источником общей части наших трех Евангелий*" ("Греческий тест", дин Элфорд, том i., Прологомены, гл. i., раздел 3, пар. 6; изд. 1859. Курсив дан дином Элфордом).

Теория Эйхгорна о росте числа Евангелий является общепринятой; он считает, что нынешние Евангелия не были широко распространены до конца II века, и что до этого времени в обиходе были другие Евангелия, значительно отличающиеся друг от друга, но опирающиеся на общий фундамент исторических фактов; все это, по его мнению, были версиями "первоначального Евангелия", своего рода грубым изложением жизни и бесед Христа, составленными без какого-либо метода или плана, и одним из них могли бы быть "Мемуары апостолов", автором которых был Юстин Мученик. говорит. Евангелия в том виде, в каком они у нас есть, представляют собой тщательные компиляции, сделанные из этих более ранних исторических источников, и мы замечаем, что в конце второго и начале третьего веков руководители Церкви пытались установить авторитет четырех более методично составленных Евангелий, чтобы проверить восприятие других Евангелий, на которые опирались еретики в своих спорах.

Штраус дает подробное *резюме* различных теорий формирования Евангелий, которых придерживались ученые люди, и показывает, как постепенно развивалась и укреплялась мифическая теория; "согласно Джорджу, *миф* - это создание факта из идеи" ("Жизнь Иисуса", Штраус, т. i., стр. 42; изд. 1846), а мифическая теория предполагает, что идеи о Мессии уже

существовали, и что история Евангелий выросла благодаря воплощению этих идей в факты: " Многие легенды о нем [Иисусе] не нужно было придумывать заново; они уже существовали в народной надежде на Мессию, будучи в основном заимствованными, с различными модификациями, из Ветхого Завета, и их нужно было просто перенести на Иисуса и приспособить к его характеру и доктринам. Человеку, который первым добавил какую-либо новую черту к описанию Иисуса, ни в коем случае не могло быть легче самому поверить в ее подлинность, поскольку его аргументом было бы: то-то и то-то должно было случиться с Мессией; Иисус был Мессией; следовательно, с ним произошло то-то и то-то" (там же, стр. 81, 82). "Однако не следует воображать, что какой-то отдельный человек сел за свой стол, чтобы выдумать их из собственной головы и записать, как он записал бы стихотворение; напротив, эти повествования, как и все другие легенды, формировались постепенно, по шагам, которые уже невозможно проследить; постепенно они приобрели последовательность и, наконец, получили фиксированную форму в наших письменных Евангелиях" (Там же, стр. 35). Из приведенных здесь соображений — отсутствие цитат из наших Евангелий у первых христианских авторов, как ортодоксальных, так и еретических; обвинения друг друга во введении песнопений и модификаций в Евангелия; легкость, с которой рукописи были изменены до появления книгопечатания; совпадения между Евангелиями, показывающие, что они взяты из общего источника; из всех этих фактов мы, наконец, заключаем, *что нет никаких доказательств того, что Четыре Евангелия, упомянутые примерно в ту дату (180 г. н.э.), были такими же, как те, которые мы имеем сейчас.*

Г. *Что есть доказательства того, что двое из них не были одним и тем же.* "Свидетельство Папия представляет большой интерес и важность в связи с нашим исследованием, поскольку он является первым церковным писателем, который упоминает традицию о том, что Матфей и Марк составили письменные свидетельства о жизни и учении Иисуса; но ни один вопрос не оспаривался так постоянно, как вопрос о тождестве произведений, на которые он ссылается, с нашими действительными Каноническими Евангелиями. Папий был епископом Иераполиса во Фригии в первой половине второго века и, как говорят, принял мученическую смерть при Марке Аврелии примерно в 164-167 годах нашей эры. Примерно в середине второго века он написал труд в пяти книгах, озаглавленный "Изложение оракулов Господних", который, за исключением нескольких фрагментов, сохранившихся до нас, главным образом, Евсевием и Иринеем, к сожалению, больше не сохранился. Эта работа была основана не столько на письменных источниках учения Иисуса, сколько на том, что Папий смог почерпнуть из предания, которое он считал более достоверным, поскольку, подобно своему современнику Гегезиппу, Папий открыто предпочитает предание любым письменным работам, с которыми он был знаком" ("Sup. Rel.", т. i., стр. 449, 450). Прежде чем привести свидетельство, приписываемое Папию, мы должны отметить два или три момента, которые повлияют на наше суждение о нем. Пейли говорит о нем, опираясь на авторитет Ириней, как о "слушателе Иоанна и спутнике Поликарпа" ("Свидетельства", стр. 121); но Пейли не сообщает нам, что Евсевий указывает, что Ириней ошибся в этом утверждении, и что Папий "никоим образом не утверждает, что он был слушателем и очевидцем святых апостолов, но сообщает нам, что он получил учения веры от их близких друзей" ("Eccles. История", bk. iii., гл. 39). Евсевий присоединяет отрывок из Папия, в котором говорится, что "если я встречался с кем-либо, кто был последователем старейшин где бы то ни было, я брал за правило спрашивать, каковы были заявления старейшин: что было сказано Андреем, Петром или Филиппом; что было сказано Фомой, Иаковом, Иоанном, Матфеем или любым другим из учеников нашего Господа; что было сказано Аристионом и

пресвитером Иоанном, учениками Господа" (Там же). Учитывая, что Папий умер между 164 и 167 годами н.э. и что ученики Иисуса были современниками самого Иисуса, любой ученик, которого Папий слышал мальчиком, достиг бы знаменательного возраста, а между возрастом ученика и юностью Папия воспоминания, вероятно, носили бы несколько туманный характер. Именно Папию мы обязаны замечательным рассказом о виноградных лозах (ante, стр. 234) царства Божьего, данным Иринеем, который утверждает, что "об этих вещах в письменном виде свидетельствует Папий, слушатель Иоанна и товарищ Поликарпа.... И он говорит, в дополнение: "Теперь эти вещи вызывают доверие у верующих". И он говорит, что "когда предатель, Иуда, не воздал им должное и задал вопрос, как же тогда то, что должно принести столь обильные плоды, может быть совершено Господом? Господь провозгласил: "Те, кто придут в эти (времена), увидят"" ("Иринея против ересей", Б.К. v., гл. 33, с. 4). Воспоминания Папия едва ли кажутся ценными по качеству. Далее мы отмечаем, что Папий вряд ли мог придавать большое значение апостольским писаниям, поскольку он заявляет, что "Я не думаю, что извлек столько пользы из книг, сколько из живого голоса тех, кто все еще сохранился" ("Eccles. История", bk. iii., гл. 39), то есть о тех, кто был последователями Апостолов. Как это замечание Папия соотносится с предполагаемым уважением, проявляемым к Каноническим Евангелиям первобытными авторами, должны объяснить христианские апологеты. Затем мы отмечаем, что у нас нет письма Папия, на которое можно было бы сослаться и которое претендовало бы на оригинальность. У нас есть только отрывки, якобы взятые из его сочинений, сохранившиеся в трудах Иринея и Евсевия, и ни один из этих церковных писателей не внушает изучающему полного доверия; даже Евсевий упоминает его с сомнением; "говорят, что существует пять книг Папия"; он приводит "некоторые странные притчи о нашем Господе и его учении, а также некоторые другие вещи, слишком невероятные"; "он был очень ограничен в своем понимании, что очевидно из его бесед" ("Eccles. История", bk. iii., гл. 39). Таким образом, мы видим, что свидетельство Папия дискредитировано с самого начала, однако, возможно, к выгоде христиан, поскольку его свидетельство фатально для канонических Евангелий. Говорят, что Папий написал: "И Иоанн Пресвитер также сказал это: Марк, будучи толкователем Петра, все, что он записал, он записал с большой точностью, но, однако, не в том порядке, в котором это было сказано или сделано нашим Господом, но, как уже было сказано, он был в компании с Петром, который дал ему такие наставления, какие были необходимы, но не для того, чтобы изложить историю бесед нашего Господа; а потому Марк ни в чем не ошибся, записав некоторые вещи так, как он их записал; ибо он был тщательно внимателен к одной вещи, чтобы не пропустить ничего из того, что он слышал". , или утверждать что-либо ложное в этих отчетах" ("Eccles. История", bk. iii., гл. 39). Насколько этот рассказ применим к Евангелию, ныне известному как "от святого Марка"? Далекие от того, чтобы демонстрировать следы петровского влияния, такие следы бросаются в глаза своим отсутствием. "Мало того, что некоторые из наиболее важных эпизодов, в которых Петр представлен в других Евангелиях как главное действующее лицо, полностью опущены, но во всем Евангелии наблюдается полное отсутствие чего-либо, что особенно характерно для петровского влияния и учения. Аргумент о том, что эти пропуски вызваны скромностью Петра, совершенно несостоятелен, поскольку не только Иринея, самый древний авторитет в этом вопросе, утверждает, что это Евангелие было написано только после смерти Петра, но и нет никакой скромности в том, чтобы опускать важные места в истории Иисуса просто потому, что сам Петр был каким-то образом причастен к ним, или, например, в уменьшении его раскаяния за такое отречение от своего учителя, которое не могло не занять печальное место в памяти Апостола. С другой стороны, нет адекватных записей по особым вопросам, которые могли бы быть восполнены глубоким знанием дел и высказываний Иисуса, которым обладал Петр, чтобы

уравновесить странные упущения. В первом Евангелии бесконечно больше от духа Петра, чем во втором. Таким образом, все внутренние свидетельства показывают, что эта часть предания о пресвитере Иоанне, переданная Папием, не применима к нашему Евангелию" ("Sup. Rel.", том i, стр. 459, 460). Но гораздо более сильное возражение против отождествления произведения, о котором говорит Папий, с нынешним Евангелием от Марка вытекает из описания документа, данного им самим. Расхождение, однако, становится еще более заметным, когда мы сравниваем с нашим фактическим вторым Евангелием рассказ о деяниях Марка, который Папий получил от пресвитера. Марк записал по памяти некоторые части [греч.: *enía*] учения Петра о жизни Иисуса, но поскольку Петр адаптировал свои инструкции к реальным обстоятельствам [греч.: *pros tas chreías*] и не давал последовательного отчета [греч.: *suntaxis*] о беседах или деяниях Иисуса, Марк лишь следил за точностью и не утруждал себя размещением в историческом порядке [греч.: *taxis*] своего повествования о том, что было сказано или сделано Иисусом, а просто записывал факты так, как он их помнил. Это описание заставило бы нас ожидать, что произведение состоит из фрагментарных воспоминаний об учении Петра, без упорядоченной последовательности или связи. Отсутствие упорядоченного расположения является наиболее заметной чертой в описании и ложится бременем на все остальное. Марк пишет "то, что он помнил"; "он не расположил по порядку то, что было сказано или сделано Христом"; а затем следуют извиняющиеся объяснения — сам он не был слушателем или последователем Господа, но черпал информацию из случайных проповедей Петра, который не пытался излагать последовательное повествование, и, следовательно, Марк не был неправ, просто записывая вещи без порядка, поскольку ему довелось их услышать или запомнить. Итак, в описанном здесь произведении Марка невозможно распознать наше нынешнее второе Евангелие, которое ни в какой существенной степени не отличается от порядка двух других Синоптиков и которое повсюду имеет наиболее очевидный характер упорядоченного расположения.... Таким образом, подавляющее большинство критиков сходятся во мнении, что рассказ о пресвитере Иоанне, записанный Папием, вообще не относится к нашему второму Каноническому Евангелию" ("Sup. Rel.", т. 1, стр. 460, 461). "Этот документ также упоминается Папием, цитируемым Евсевием; отчет, который они дают о нем, не применим к тому труду, которым мы сейчас располагаем. Ибо "Евангелие от святого Марка" утверждает, что дает непрерывную историю жизни Христа так же регулярно, как и три других Евангелия, но работа, замеченная Папием, прямо заявлена как заметки, которые время от времени записывались по мере того, как Петр передавал их, и не сказано, что Марк когда-либо приводил эти заметки в форму более совершенной истории" ("Христианские записи", преподобный доктор Джайлс, стр. 94, 95). "Трудно понять, в каких отношениях Евангелие от Марка более расплывчатое и бессвязное, чем Евангелия от Матфея и Луки.... Мы склонны согласиться с теми, кто считает выражение [греч. *ou taxei*] неподходящим для настоящего Евангелия от Марка. Насколько мы способны понять весь фрагмент, наиболее естественно считать, что Иоанн Пресвитер или Папий придают смысл [греческому: *ou taxei*], который не согласуется с характером канонического документа" ("Введение в Новый Завет", доктор Дэвидсон, стр. 158). Этот христианский комментатор испытывает такое отвращение к убеждению, которое он честно выражает, относительно непригодности рассматриваемой фразы применительно к Марку, что восклицает: "Мы предполагаем, что пресвитер Иоанн не был непогрешимым.... В данном случае он, по-видимому, ошибся в своем мнении. Его способность восприятия была слабой, иначе он увидел бы, что Евангелие, которое он описывает как написанное [греч. *ou taxei*], существенно не отличается по расположению от Евангелия от Луки. Подобно Папию, пресвитер, по-видимому, был лишен критических способностей и здравого смысла, иначе у него не могло бы возникнуть

идеи, настолько расходящейся с фактами" (Там же, стр. 159). Мы можем добавить, как бы то ни было, что "согласно единодушному убеждению ранней Церкви, это Евангелие было написано в Риме. Отсюда был сделан вывод, что она, должно быть, была составлена на языке римлян, то есть на латыни. Даже в старосирийской версии прилагается примечание, в котором говорится, что автор проповедовал Евангелие на римском языке в Риме; а в филоксенианской версии есть примечание на полях на тот же счет. Сирийские церкви, по-видимому, в целом придерживались этого мнения, о чем можно судить не только по этим версиям, но и по некоторым из их наиболее выдающихся церковных авторов, таким как Эбеджесу. Во многих греческих рукописях также есть аналогичное замечание относительно языка нашего Евангелия, первоначально взятого, возможно, из сирийского" (Там же, стр. 154, 155). Таким образом, мы приходим к выводу, что документ, на который ссылается пресвитер Иоанн, переданный Папием через Евсевия, не может быть идентичен существующему каноническому Евангелию от Марка. Не менее убедительно и свидетельство относительно Матфея: "О Матфее он сказал следующее: "Матфей составил свою историю на еврейском диалекте, и каждый перевел ее, как смог"" ("Eccles. История", Евсевий, bk. iii., гл. 39). Слово, переведенное здесь как "история", является [греч. *ta logia*] и было бы более правильно переведено как "оракулы" или "беседы", и вокруг этого термина возникло много споров, утверждалось, что [греч. *logia*] не может быть расширено таким образом, чтобы включать какие-либо записи о жизни Христа: "Невозможно ни на каких, кроме произвольных оснований и из заранее предрешенного заключения, утверждать, что произведение, начинающееся с подробной истории рождения и младенчества Иисуса, его генеалогии и проповеди Иоанна Крестителя, и что оно не может быть расширено таким образом, чтобы включать какие-либо записи о жизни Христа". завершающийся столь же подробной историей его предательства, суда, распятия и воскресения, в котором рассказываются все чудеса и очевидной целью которого является демонстрация того, что мессианское пророчество исполнилось в Иисусе, можно было бы озаглавить [греч.: *ta logia*] "Оракулы или речи Господа". По этим и другим причинам ... большинство критиков отрицают, что произведение, описанное Папием, может совпадать с Евангелием в нашем Каноне, носящим имя Матфея" ("Sup. Rel.", т. i, стр. 471, 472). Но факт, который делает неоспоримым различие между нынешним "Матфеем" и тем, о котором говорит Папий, заключается в том, что Матфей, согласно Папию, "писал на еврейском диалекте", то есть сиро-халдейском, или арамейском, в то время как канонический Матфей написан по-гречески. "Однако нет пункта, по которому свидетельство Отцов Церкви было бы более неизменным и полным, чем то, что произведение Матфея было написано на иврите или арамейском" ("Sup. Rel.", том i, стр. 475). Этот трудолюбивый автор цитирует Папия, Иринея, Пантенуса у Евсевия, Евсевия Оригена, Кирилла Иерусалимского, Епифания, Иеронима в поддержку своего утверждения и отмечает, что "ту же традицию повторяют Златоуст, Августин и другие" (Там же, стр. 475-477). "Мы считаем, что Матфей написал свое Евангелие на иврите, подразумевая под этим термином общий язык евреев его времени, потому что таково единообразное утверждение всех древних авторов, обращавшихся к этому предмету. Чтобы обойти других, чей авторитет менее весом, утверждается, что он писал на иврите Папием, Иринеем, Оригеном, Евсевием и Иеронимом. Ни один древний автор не выдвигает противоположного мнения" ("Подлинность Евангелий", Нортон, том i, стр. 196, 197). "Древние исторические свидетельства единодушны в утверждении, что Матфей написал свое Евангелие на иврите, то есть на арамейском или сиро-халдейском языке, который в то время был народным языком евреев в Палестине" (Дэвидсоновское "Введение в Новый Завет", стр. 3). После подробнейшего изложения свидетельств ученый доктор говорит: "Давайте теперь сделаем паузу, чтобы рассмотреть это изложение

оригинального Евангелия от Матфея. Оно пронизывает всю древность. Никто не сомневался в его истинности, насколько мы можем судить по их писаниям. Нет ни малейшего следа противоположной традиции" (Там же, стр. 37). Таким образом, трудность христианских апологетов заключается в том, что чтобы доказать, что Евангелие, написанное Матфеем на иврите, совпадает с Евангелием от Матфея на греческом, и что это были сдвиги, к которым они были вынуждены в ходе этих усилий. Дин Элфорд, неспособный отрицать, что все свидетельства, на которые можно было положиться, чтобы доказать, что Матфей вообще писал, также доказывают, что он писал на иврите, и понимающий, что несанкционированный перевод, который нельзя отождествить с оригиналом, никогда не может претендовать на каноничность, вернулся к замечательной идее о том, что он сам перевел свое Евангелие от Матфея на греческий; однако в издании его греческого Завещания, опубликованном в 1859 году, он отказывается от этой идеи в пользу идеи о том, что оригинальное Евангелие от Матфея было написано на греческом.

О своей более ранней теории перевода Мэтью Дэвидсон справедливо говорит: "Легко понять ее беспричинный характер. Это неуклюжий прием, придуманный с целью объединения двух противоречивых мнений — для сохранения авторитета древнего свидетельства, которое находится на стороне еврейского оригинала, и для решения, в то же время, трудностей, которые, как предполагается, возникли из-за раннего обращения греческого языка.... Сторонники двойной гипотезы идут навстречу древним свидетельствам. Кроме того, они считают, что Матфей писал на иврите для использования новообращенными евреями. Предполагают ли они также, что его греческое Евангелие предназначалось для того же класса? Если так, то в последнем не было никакой необходимости: для одних и тех же людей было достаточно одного Евангелия. Или они верят, что второе издание этой книги было разработано для христиан-язычников? если это так, то этому предположению противоречат внутренние свидетельства, которые доказывают, что она была написана специально для евреев. Короче говоря, эта гипотеза совершенно несостоятельна, и мы удивлены, что у нее нашлось так много сторонников" ("Введение в Новый Завет", стр. 52). Дело в том, что никто не знает, кто был переводчиком — или, скорее, автором — греческого Евангелия. Иероним честно говорит, что неизвестно, кто перевел его на греческий. У доктора Дэвидсона есть следующие странные замечания: "Автор действительно должен навсегда остаться неизвестным; но независимо от того, был ли он апостолом или нет, он должен был иметь высшую санкцию на свои действия. Его работа была выполнена с осознанием и под присмотром мужей-апостолов. Прием, который она встретила, доказал общую веру в его призвание и компетентность в выполнении поставленной задачи. Над ним осуществлялся Божественный надзор" (Там же, стр. 72, 73). Трудно понять, откуда доктор Дэвидсон знает, что божественный надзор осуществлялся над неизвестным человеком. Доктор Джайлс возражает против гипотезы о том, что наше греческое Евангелие является переводом: "Если святой Матфей написал свое Евангелие на иврите, почему оригинал погиб? Существующий греческий текст является либо переводом с иврита, либо это отдельная работа. Но это не может быть переводом по многим причинам, 1. Потому что нет ни малейших свидетельств того, что это перевод. 2. Потому что неразумно полагать, что подлинное произведение, написанное по вдохновению, исчезнет или будет заменено неаутентифицированным переводом, поскольку все переводы менее аутентичны, чем их оригиналы. 3. Потому что в нашем настоящем Евангелии от святого Матфея есть много черт, общих для Евангелий от святого Марка и Святого Луки; из чего можно было бы сделать вывод, что последние также являются переводами. Кроме того, в Евангелии от Святого Матфея нет

ничего такого, что касалось бы его стиля или построения, что позволило бы сделать вывод о том, что оно является переводом, в большей степени, чем все другие книги, содержащиеся в Новом Завете. По этим причинам мы приходим к выводу, что "Еврейское Евангелие от святого Матфея", которое, возможно, никто не видел со времен Пантенуса, привезшего его из Индии, и "Греческое Евангелие от святого Матфея" являются отдельными и независимыми произведениями" ("Христианские записи". Преподобный доктор Джайлс, стр. 93, 94). Не следует забывать, что в ранней Церкви существовало Евангелие на иврите, которое было широко распространено и часто использовалось. Эбиониты, или иудейские христиане, позже известные как назаряне, считали его единственным подлинным Евангелием, и Епифаний, писавший в четвертом веке, говорит: "У них есть Евангелие от Матфея очень полное; ибо хорошо известно, что оно сохранилось у них в том виде, в каком оно было впервые написано на иврите" ("Opp.", i. 124, цитируется Нортоном). Но это Евангелие, известное как "Евангелие от евреев", отличалось от греческого "Евангелия от святого Матфея". Если бы это было то же самое, Джером не счел бы нужным переводить его; цитат, которые он приводит из него, достаточно, чтобы доказать, что нынешнее Евангелие от Матфея - это не то, о чем говорили в древности. "Из трудов святого Иеронима можно вывести следующие положения: 1. Подлинное Евангелие от Матфея было написано на иврите. 2. Евангелие от Евреев использовалось назарянами и евионитами. 3. Это Евангелие было идентично арамейскому оригиналу Евангелия от Матфея" ("Введение в Новый Завет" Дэвидсона, стр. 12). К этим аргументам можно добавить тот важный факт, что цитаты из Ветхого Завета в Евангелии от Матфея взяты из Септуагинты, а не из еврейской версии. Оригинальное еврейское Евангелие от Матфея, несомненно, не содержало бы цитат из греческого перевода еврейских Писаний, а не из еврейского оригинала. Если наше нынешнее Евангелие является точным переводом оригинального Евангелия от Матфея, мы должны верить, что еврей Матфей, писавший для евреев, не использовал еврейские Писания, с которыми были бы знакомы его читатели, но приложил все усилия, чтобы найти ненавистную Септуагинту, и заново перевел ее на иврит. Таким образом, мы обнаруживаем, что хваленое свидетельство, якобы записанное Папием, о том, что Матфей и Марк написали два наших первых синоптических Евангелия, полностью опровергается при рассмотрении, и что вместо доказательства подлинности нынешних Евангелий оно прямо доказывает обратное, поскольку данное там описание произведений, приписываемых Матфею и Марку, неприменимо к произведениям, которые теперь носят их имена, так что мы находим, что у Папия *есть доказательства того, что два Евангелия не были одними и теми же.*

Х. *Что есть свидетельства того, что более ранние записи не были Евангелиями, которые сейчас считаются Каноническими.* Эта позиция основана на неоспоримом факте, что "евангельские цитаты" в раннехристианских писаниях очень сильно отличаются от предложений несколько схожего характера в канонических Евангелиях, а также на том обстоятельстве, что цитаты, которых нет в канонических Евангелиях, встречаются в упомянутых произведениях. Как мы уже видели, выдвигаются различные теории для объяснения различий в выражении и расположении: говорят, что Отцы церкви цитировали свободно, цитировали по памяти, комбинировали, расширяли, конденсировали по своему усмотрению. Чтобы доказать эту общую небрежность цитирования, христианские апологеты во многом полагаются на то, что, по их утверждению, аналогичная небрежность проявляется при цитировании из Ветхого Завета; и м-р Сэндей использовал этот аргумент с большим мастерством. Но из этого не следует, что вариации в цитатах из Ветхого Завета проистекают из небрежности; как правило, они с такой же вероятностью проистекают из множественности версий, поскольку мы находим, что сам м-р

Сэндей говорит, что "большинство цитат, с которыми мы встречаемся, взяты из LXX. Версия; и текст этой версии был, особенно в данное конкретное время, неопределенным и колеблющимся. Есть свидетельства того, что она, должно быть, существовала в нескольких формах, которые более или менее отличались от сохранившихся рукописей. Поэтому было бы опрометчиво сразу делать вывод, поскольку мы находим цитату, отличную от настоящего текста LXX., что она отличается от той, которую использовал автор, приводящий цитату" ("Евангелия Второго века", стр. 16, 17). Кроме того, не следует забывать, что вариации иногда слишком постоянны, чтобы проистекать из неточности цитирования, и что одни и те же вариации не всегда принадлежат одному автору. Позиция, за которую мы боремся, будет наиболее ясно оценена, если привести во всей полноте один из отрывков, на который больше всего полагаются христианские апологеты; и мы возьмем, в качестве примера предполагаемой цитаты, длинный отрывок из Климента, гл. xiii.:—

МЭТЬЮ.

ст. 7. Блаженны жалкие, ибо они будут пожалеты.

vi. 14. Ибо, если вы будете прощать людям их прегрешения, ваш Небесный Отец простит и вас.

vii. 12. Итак, во всем, что бы вы ни хотели, чтобы люди поступали с вами, точно так же поступайте и вы с ними.

vii. 2. Ибо каким судом вы судите, вы будете судимы, и какой мерой вы отмеряете, той будет отмерено вам.

КЛИМЕНТ.

Особенно вспоминая слово Господа Иисуса, когда он говорил, уча кротости и долготерпению.

Ибо так Он сказал:

Сжальтесь, чтобы вас пожалели; простите, чтобы это было прощено вам. Как вы поступаете, так и будет сделано с вами; как вы даете, так и будет дано вам; как вы судите, так и будет судимо вам; как вы добры, так и вам будет оказана доброта:

той мерой, которой вы меряете, ею и вам будет отмерено.

ЛУКА.

vi. 36. Итак, будьте милостивы, как милостив и Отец ваш.

vi. 37. Оправдайте, и вы будете оправданы.

vi. 31. И как вы хотели бы, чтобы они поступали с вами, поступайте и вы с ними подобным образом.

vi. 18. Давайте, и дано будет вам.

vi. 37. И не судите, и вы не будете судимы. Ибо какой мерой вы отмеряете, такой будет отмерено вам снова.

Приведенный здесь английский как можно точнее отражает как сходства, так и различия греческого текста. Какой читатель, читая это, сможет поверить, что Климент кое-что выбрал здесь и немного там из Канонических Евангелий, а затем сплел их в одно связное целое, которое он сразу же представил так, как сказал Христос? Непредубежденному исследователю гипотеза сразу же напрашивается сама собой — во времена Климента, должно быть,

существовал какой-то другой документ, содержащий изречения Христа, из которых была взята эта цитата. Только требования христианской апологетической работы запрещают всеобщее принятие столь простого и естественного решения вопроса. М-р Сэндей говорит: "Несомненно, на этот вопрос был бы пролит свет, если бы мы только знали, каков общий оригинал двух синоптических текстов ... Различия в этих неканонических цитатах не превышают различий между самими синоптическими Евангелиями; тем не менее, гораздо большая часть критиков считает, что сходства в Синоптиках объясняются общим письменным источником, которым пользовались либо все трое, либо двое из них" ("Евангелия Второго века", стр. 65). Ясно, что Иисус не мог произнести эти отрывки словами, приведенными Матфеем, Климентом и Лукой, повторяя себя в трех различных формах, то связно, то фрагментарно; по крайней мере, два из трех должны давать несовершенный отчет. Мистер Сэндей, говоря об "общем оригинале двух синоптических текстов", ясно показывает, что он не считает Синоптическую версию оригинальной, и тем самым помогает подтвердить наше утверждение о том, что Евангелия, которыми мы располагаем сейчас, не единственные, которые были в ходу в ранней Церкви, и что у них не было общего оригинала. исключительный авторитет — фактически, то, что они не были "Каноническими". Далее мистер Сэндей, ссылаясь на Поликарпа, говорит: "Я не могу не думать, что где-то существовала письменная версия, отличная от наших Евангелий, к которой у него и Климента был доступ... Следует заметить, что все цитаты относятся либо к двойным, либо к тройным Синоптикам, где у нас уже есть доказательство существования рассматриваемого изречения более чем в одной форме, а не к тем частям, которые характерны для отдельных евангелистов. Таким образом, автор "Сверхъестественной религии" не лишен оснований, когда говорит, что они могут быть взяты из других сборников, отличных от наших настоящих Евангелий. Такую возможность нельзя исключать" ("Евангелия Второго века", стр. 86, 87). Другой отрывок из Климента еще более непохож на что-либо в канонических Евангелиях: в главе. xlvī. мы читаем:—

МЭТЬЮ.	КЛИМЕНТ.	ЛУКА.	МАРК.
xxvi. 24. Горе тому человеку, которым предан Сын человеческий; хорошо для него, если бы этот человек не родился.	Он сказал:	xvii. 1. Горе тому, через кого они (преступления) приходят.	xiv. 21. Горе тому человеку, через которого предан Сын человеческий, хорошо для него, если бы этот человек не родился.
xviii. 6. Но кто обидит одного из этих малых, верующих в Меня, тому было бы лучше, если бы на шею ему повесили большой мельничный жернов и он утонул бы в глубине морской.	Горе этому человеку; лучше для него, что он не родился, чем то, что он оскорбил одного из моих избранных;	2. Для него было бы лучше, если бы ему повесили на шею большой жернов и бросили в море, чем если бы он обидел одного из этих малышей.	ix. 42. И всякий, кто обидит одного из этих малышей, которые верят в Меня, для него лучше, если бы ему повесили на шею большой жернов и бросили в море.
	лучше для него		

прикрепить (к нему)
жернов и утопить его в
море, чем если бы он
обидел одного из
моих малышей.

"Эта цитата явно не из наших Евангелий, а взята из другого письменного источника....

Малейшего сравнения этого отрывка с нашими Евангелиями достаточно, чтобы убедить любого непредубежденного человека в том, что это не комбинация текстов и не цитата по памяти. Язык повсюду заметно отличается, и, чтобы провести хотя бы поверхностную параллель, необходимо взять фрагмент речи Иисуса на Тайной вечере о предателе, который должен предать его (Мф. xxvi. 24), и присоедините это к фрагменту его замечаний в связи с маленьким ребенком, которого он поставил посреди (xviii. 6)" ("Sup. Rel.", том i, стр. 233, 234).

У Поликарпа обнаруживается отрывок, очень похожий на приведенный у Климента, глава xiii, но не воспроизводящий его в точности, который подвергается той же критике, что и у Климента.

Если мы хотим доказать, что использовались Евангелия, отличные от Канонических, доказательство у нас в руках. В гл. xlv. у Климента мы читаем: "Написано: прилепляйтесь к святому, ибо прилепляющиеся к ним станут святыми". В главе. xlv.: "И наши Апостолы знали через Господа нашего Иисуса Христа, что возникнут разногласия по поводу должности епископата". Автор книги "Сверхъестественная религия" приводит нам отрывки, несколько напоминающие эти. Он сказал: "Будут расколы и ереси", у Юстина Мученика ("Трифон", глава xxxv): "Будут, как сказал Господь, лжеапостолы, лжепророки, ереси, стремление к превосходству", из "Проповедей Клементины": "От них произошли лжехристы, лжепророки, лжеапостолы, которые разделили единство Церкви", у Гегезиппа (том i, стр. 236).

У Варнавы мы читаем, глава vi: "Господь говорит, что Он творит новое творение в последние времена. Господь говорит: вот, я делаю первое как последнее". Глава vii: Иисус говорит: "Те, кто желает узреть Меня и войти в Мое царство, должны через скорбь и страдания ухватиться за меня".

У Игнатия мы находим: Ep. Phil., глава vii.: "Но Дух провозгласил, сказав эти слова: ничего не делайте без епископа". "Однако в том же Послании есть одна цитата, представленная как таковая, источника которой Евсевий не знал, но которую Ориген относит к "Проповеди Петра", а Иероним, по-видимому, нашел в назаретской версии "Евангелия от евреев". Эта фраза приписывается нашему Господу, когда он явился "окружавшим Петра и сказал им: Прикоснись ко мне и увидишь, что я не бестелесный дух". Если бы не утверждение Оригена о том, что эти слова встречаются в "Проповеди Петра", их можно было бы без особого труда отнести к Евангелию от Луки xxiv. 39" ("Евангелия второго века", стр. 81). И на них, несомненно, ссылались бы именно так, и страшен был бы гнев христиан против тех, кто отказался признать эти слова доказательством каноничности Евангелия от Луки во времена Игнатия.

Если, обращаясь к Юстину Мученику, мы возьмем один или два отрывка, похожих на другие отрывки, которые можно найти в Каноническом тексте, мы увидим различия того же типа, что мы уже отмечали у Климента. В пятнадцатой и шестнадцатой главах первой "Апологии" мы находим собрание изречений Христа, большинство из которых следует прочитать в Нагорной проповеди; приводя их, Юстин не упоминает никаких письменных работ, из которых он

цитировал. Он говорит: "Мы считаем правильным, прежде чем дать вам обещанное объяснение, процитировать несколько заповедей, данных самим Христом" ("Апология", глава xiv). Если бы они были взяты из Евангелий, написанных апостолами, возможно ли, что Иустин не воспользовался бы их авторитетом, чтобы прокормить себя?

От МАТФЕЯ.

ст. 46. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? разве даже мытари не такие же?

ст. 44. Но я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, делайте добро ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и преследующих вас.

Соответствующий отрывок из Евангелия от Луки еще дальше от Иустина (Луки vi. 32-35). Следует заметить, что и здесь Евангелие от Иустина меняет порядок, в котором параллельные отрывки встречаются в наших синоптиках. Это действительно так, с четкостью замысла, которая, даже без учета фактических особенностей дикции и построения, указывала бы на особый и непохожий источник. Этот отрывок отличается от наших Евангелий, но Юстин повторяет те же фразы в том же порядке в других местах" ("Sup. Rel", v. i., стр. 353, примечание 2).

МЭТЬЮ.

ст. 42. Дай просящему у тебя, и от того, кто хочет занять у тебя, не отворачивайся.

Луки vi. 34. И если вы даете займы тем, от кого надеетесь получить, то какая вам благодарность; ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить столько же снова.

Мф. vi. 19, 20. Не копите себе сокровищ на земле, где моль и ржавчина истребляют, и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небесах, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут.

xvi. 26. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, но потеряет свою душу? или что должен дать человек в обмен на свою душу?

ИУСТИН.

А о нашей любви ко всем он учил так:: Если вы любите любящих вас, что нового вы делаете? ибо даже блудники делают это; но я говорю вам: молитесь за врагов ваших, и любите ненавидящих вас, и благословляйте проклиняющих вас, и возносите молитвы за обижающих вас.

ЮСТИН.

Он сказал: давайте всякому просящему, и от желающего занять не отворачивайтесь; ибо если вы даете займы тем, от кого надеетесь получить, что нового вы делаете? ибо даже мытари делают это.

Но вы, не копите себе сокровищ на земле, где моль и ржавчина истребляют, и разбойники проникают внутрь, но копите себе на небесах, где ни моль, ни ржавчина не истребляют.

Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою погубит? или что он даст взамен этого? Итак, вознеситесь на небеса, где ни моль, ни ржа не истребляют.

Этот отрывок у Иустина явно не прерывается и образует единое целое; чтобы провести параллель с Синоптиками, мы должны перейти от Матфея v., 42, к Луке vi., 34, затем к Матфею vi., 19, 20, от Матфея xvi. 26 и обратно к Матфею vi. 19; вероятен ли такой метод цитирования, особенно когда мы замечаем, что Иустин, цитируя отрывки на данную тему (как в начале главы xv о целомудрии), разделяет цитаты подчеркнуто "И", отмечая цитату, взятую из другого места? Эти отрывки покажут изучающему, насколько необходимо, чтобы он не принимал несколько слов в качестве доказательства цитаты из синоптики, не прочитав весь отрывок, в котором они встречаются. Совпадение полдюжины слов не является цитатой, когда контекст другой, и нет разрыва между контекстом и словами, на которые делается ссылка. "Абсурдно и в высшей степени произвольно анализировать отрывок, цитируемый Иустином, как последовательное и гармоничное целое, и находить более или менее приблизительные параллели с его различными фразами, разбросанными по отдаленным частям наших Евангелий, едва ли одна из которых существенно не отличается от прочтения Иустина, утверждать, что он свободно цитирует эти Евангелия по памяти, изменяя, вычеркивая, комбинируя и переплетая тексты, и изменяя их порядок, но, тем не менее, используя их, а не другие. Совершенно очевидно, что такое утверждение является не чем иным, как простым предположением" ("Sup. Rel.", том i, стр. 364). Вывод г-на Сэндея относительно Джастина таков: "Априорные вероятности этого случая, а также фактические явления Евангелия Джастина, в равной степени имеют тенденцию показывать, что он действительно использовал либо опосредованно, либо непосредственно наши Евангелия, но что он не придавал им исключительного авторитета, и что он, вероятно, использовал наряду с ними другие документы, которые больше не сохранились" ("Евангелия во Втором Столетии", стр. 117). Нет необходимости множить анализ цитат, поскольку система, примененная к двум приведенным выше цитатам, может быть применена студентом для себя в других случаях. Но остается гораздо более весомое доказательство того, что "Мемуары апостолов" Иустина не были Каноническими Евангелиями; а именно, что Иустин использовал выражения и упоминал случаи, которых *нет* в наших Евангелиях, и некоторые из которых *есть* в Апокрифических Евангелиях. Например, в первой "Апологии", гл. xiii., мы читаем: "Нас учили, что единственная честь, достойная его, - это не сжигать огнем то, что он создал для нашего пропитания, но использовать это для себя и тех, кто нуждается, и с благодарностью возносить ему благодарственные воззвания и гимны за наше творение, и за все средства к здоровью, и за различные качества различных вещей, и за смену времен года; и представлять перед ним прошения о нашем повторном существовании в нетлении через веру в него. Нашим учителем этих вещей является Иисус Христос, который также был рожден для этой цели". "Он увещевал нас вести всех людей терпением и кротостью от стыда и любви ко злу" (Там же, глава xvi). "Ибо жеребенок осла стоял, *привязанный к виноградной лозе*" (Там же, глава xvi). xxxii.). "Ангел сказал Деве: наречешь ему имя Иисус, ибо Он спасет народ Свой от грехов их" (гл. xxxiii.). "Они мучили Его, и посадили его на судилище, и сказали: суди нас" (глава xxxv.). "Господь наш Иисус Христос сказал: во всем, чем я возьму тебя, в этом Я буду судить тебя" ("Трифон", глава xlviii.). Это лишь некоторые из многих отрывков, сходства с которыми нет в канонических Евангелиях.

Лучший способ показать истинность утверждения Пейли о том, что "из трудов Юстина, которые все еще сохранились, можно собрать достаточно полный отчет о жизни Христа, во всех пунктах согласующийся с тем, что изложено в наших Священных Писаниях; действительно, в значительной степени взятый из этих Писаний, но все же доказывающий, что именно этот отчет, а не какой—либо другой, был известен и сохранился в ту эпоху" ("Свидетельства", стр. 77),

— это привести историю Юстина, упоминая каждое упоминание о Христе в его трудах, которое дает что-либо о его предполагаемой жизни, только опуская отрывки, относящиеся исключительно к его учению, подобные приведенным выше. Подавляющее большинство из них взято из "Диалога с Трифоном", утомительного произведения, в котором Иустин пытается убедить еврея в том, что Христос - Мессия, цитатами из еврейских Писаний (в которые, кстати, входит Ездра, что ставит эту книгу в один ряд с другими богодухновенными томами). Примечательной особенностью этого Диалога является то, что любой предполагаемый инцидент из жизни Христа воспринимается как истинный не потому, что он подтвержден как исторический, а просто потому, что о нем было предсказано; Христос Юстина, по сути, является идеалом, составленным из пророчеств евреев и адаптированным к еврею по имени Иисус.

Христос был отпрыском, истинно рожденным от Отца, до сотворения чего-либо еще, Словом, рожденным от Бога, до всех его дел, и он являлся до своего рождения, иногда как пламя огня, иногда как ангел, как в Содоме, Моисею, Иисусу Навину. Соломон называл Его Мудростью, а Пророки и христиане - Царем, Вечным Священником, Богом, Господом, Ангелом, Человеком, Цветком, Камнем, Краеугольным камнем, Жезлом, Днем, Востоком, Славой, Скалой, Мечом, Иаковом, Израилем, Военачальником, Сыном, Помощником, Искупителем. Он был рожден в Мир осенением Бога Духом Святым, который есть не что иное, как само Слово, и произведен на свет без полового союза девственницей от семени Иакова, Иуды, Фареса, Иессея и Давида, о его рождении возвестил ангел, который сказал Деве назвать его именем Иисус, ибо он должен спасти свой народ от их грехов. Иосиф, супруг Марии, хотел развестись с ней, но в видении ему было приказано не разводиться со своей женой, ангел сказал ему, что то, что было в ее чреве, было от Святого Духа. Во время первой переписи населения, проведенной в Иудее при Кирении, первом римском прокураторе, он покинул Назарет, где жил, и отправился в Вифлеем, к которому он принадлежал, поскольку его семья происходила из колена Иудина, а затем получил приказ отправиться в Египет с Марией и младенцем и оставаться там до тех пор, пока другое откровение не предупредит их о возвращении в Иудею. В Вифлееме Иосиф не мог найти ночлега в деревне, поэтому поселился в пещере неподалеку, где родился Христос и был положен в ясли. Здесь он был найден волхвами из Аравии, которые побывали в Иерусалиме и спросили, какой царь там родился, поскольку они видели, как на небе возшла звезда. Они поклонились младенцу, дали ему золота, ладана и смирны и, предупрежденные откровением, отправились домой, не сказав Ироду, где они нашли ребенка. Итак, Ирод, когда Иосиф, Мария и младенец отправились в Египет, как им было приказано, приказал перебить всех детей, находившихся тогда в Вифлееме. Архелай наследовал Ироду, а ему самому наследовал другой Ирод. Ребенок рос, как и все остальные мужчины, и был человеком некрасивым и бесславным, работал плотником, делал плуги и ярма, и когда ему исполнилось тридцать лет, более или менее, он отправился на Иордан креститься у Иоанна, который был вестником его приближения. Когда он вошел в воду, в Иордане зажегся огонь, а когда он вышел из воды, Святой Дух сошел на него, как голубь, и в то же мгновение с небес раздался голос: "Ты сын мой; сегодня я родил тебя". Он был искушаем сатаной и испытывал сходные с людьми страсти; он был незапятнанным и безгрешным, непорочным и праведным человеком; он исцелял хромых, паралитиков и слепорожденных, и он воскрешал мертвых; из-за его могущественных дел его называли чародеем и обманщиком людей. Он стоял посреди своих братьев-апостолов и, живя с ними, пел хвалу Богу. Он изменил имена сыновей Зеведея на Боанергес, а другого Апостола - на Петр. Он приказал

своему знакомому привести ему осла и жеребенка осла, который был привязан к виноградной лозе, а сам сел на коня и поехал в Иерусалим. Он опрокинул столы менял в храме. Он дал нам хлеб и вино в память о том, что Он взял нашу плоть и пролил свою кровь. Он принял на себя все проклятия, и его ранами исцелен род человеческий. В день, в который он должен был быть распят (в другом месте названный предыдущей ночью), он повел трех учеников на гору, называемую Елеонской, и молился; его пот каплями падал на землю, его сердце, а также кости дрожали; люди пошли на Елеонскую гору, чтобы схватить его; он был схвачен в день Пасхи и распят во время Пасхи; Пилат отправил связанного Иисуса к Ироду; перед Пилатом он хранил молчание; они посадили Христа на судилище и сказали: "Судите нас"; он был распят при Понтии Пилате; Пилат был связан по рукам и ногам. его руки и ноги были пронзены; они бросили жребий за его одежду и разделили ее; те, кто видел его распятым, качали головами и насмехались над ним, говоря: "Пусть тот, кто воскрешал мертвых, спасет себя сам". "Он сказал, что он Сын Божий; пусть он сойдет; пусть Бог спасет его". Он отдал свой дух Отцу, и после того, как он был распят, все его знакомые оставили его, отрекшись от него. Он воскрес на третий день; он был распят в пятницу и воскрес в "день Солнца", и явился апостолам и научил их читать пророчества, и они раскаялись в своем бегстве, после того как он убедил их, что он заранее предупредил их о своих страданиях и что об этих страданиях было предсказано. Они видели, как он возносился. Небесным правителям было приказано впустить Царя Славы, но, увидев его неприглядным и обесчещенным, они спросили: "Кто этот Царь Славы?" Бог будет хранить Христа на небесах до тех пор, пока он не победит своих врагов - дьяволов. Он вернется во славе, воскресит тела мертвых, оденет хороших бессмертием и отправит плохих, наделенных вечной чувствительностью, в вечный огонь. У Него есть вечное царство.

Эти упоминания об Иисусе разбросаны по всем произведениям Юстина без какого-либо хронологического порядка, фраза здесь, фраза там; только в одном или двух случаях две или три вещи связаны даже в одной главе. Они расположены здесь связно, насколько это возможно, в общепринятом порядке, и мы позаботились о том, чтобы ничего не пропустить. Стоит отметить различия между этим и нашими Евангелиями, а также содержащиеся в нем ссылки на другие Евангелия. Христос явно последующее время к отцу, будучи родила от него; он понимает себя, он здесь отождествляется с Духом Святым; это *Девы*, кто нисходит от Давида, то, чего нет и намека приведены в наших Евангелиях; причина, по имени Иисус сказал Деве, а не к Иосифу; мы ничего не слышим пастухов и слава Господня круглый пение ангелов, Иисус некрасивый, и работает делать плуги и ярма, которые, мы ничего не слышим в Евангелии; пожар на Крещение не упоминается в Евангелиях, и голос с небес говорит в словах не нашел в них; он называется мага, которого обвинение мы ничего не знаем из четырех; жеребенок осел привязан к лозе, и это обстоятельство было опущено в канонических писаний; это ни где не сказано в Новом Завете, что хлеб Вечери Господней дано в память о *воплощении*, а, наоборот, это в память о *смерти* Христа; распятие не говорится, имели место во время Пасхи, а наоборот четвертое Евангелие помещает его прежде, другие после, Пасхи; мы ничего не слышим Христа поставили на судилище в Евангелиях: в *одежде* не делится по словам Джона, который проводит различие между *одежде* и в *одежде*, который не признается Джастин; насмешки толпы бывают разные; отрицание Христа всем апостолам и является неканоничным, а также их оставят его *после* распятия; мы не слышим в "день Солнца" в наших Евангелиях, ни правителей неба и их прием от Христа. На самом деле, существует больше расхождений, чем совпадений, между деталями истории Иисуса, приведенной Юстином, и той, что приводится в Четырех Евангелиях,

и все же Пейли говорит, что: "все упоминания у Юстина сделаны без упоминания автора; что доказывает, что эти книги были совершенно печально известны и что других рассказов о Христе в то время не существовало, или, по крайней мере, других, которые были бы приняты и оценены настолько, чтобы было необходимо отличать их от остальных" ("Свидетельства", стр. 123). И Пейли действительно хватает смелости заявить, что "кажется чрезвычайно очевидным то, что во всех произведениях Юстина, из которых можно извлечь почти полную жизнь Христа, есть только два примера, в которых он ссылается на что-либо сказанное или сделанное Христом, что не связано с ним в наших нынешних Евангелиях; что показывает, что эти Евангелия, и только они, можно сказать, были авторитетами, из которых христиане того времени черпали информацию, от которой они зависели" (там же, стр. 122, 123). Пейли, вероятно, никогда не предполагал, что жизнь Христа должна быть "извлечена" из "всех произведений Джастина". Это сделано выше, и читатель может сам судить о правдивости Пейли. Один из "двух примеров" приводится следующим образом: "Другой касается обстоятельства крещения Христа, а именно огненного или светящегося явления на воде, которое, согласно Епифанию, замечено в Евангелии от Евреев; и которое может быть правдой; но которое, независимо от того, верно оно или ложно, упоминается Юстином с явным приуменьшением по сравнению с тем, что он цитирует как основанное на авторитете Священного Писания. Читатель обратит внимание на это различие. "И затем, когда Иисус пришел к реке Иордан, где крестил Иоанн, когда Иисус сошел в воду, в Иордане также возгорелся огонь; и когда он вышел из воды, *апостолы этого нашего Христа написали*, что Святой Дух снизошел на него в виде голубя" (Там же, стр. 123). Курсив здесь выделен самим Пейли. Теперь пусть читатель обратится к самому отрывку, и он обнаружит, что Пейли намеренно изменил конструкцию фраз, чтобы провести "различие", которого не проводит Юстин, вставив ссылку на апостолов в другое место, отличное от того, которое содержится у Юстина. Правдоподобно ли, что такая двуличность сегодня используется в качестве аргумента? можно только надеяться, что подавляющее большинство христиан, цитирующих Пейли, невежественны и, следовательно, не осознают лживости апологета; цитируемый отрывок взят из "Диалога с Трифоном", глава 88, и звучит следующим образом: "Затем, когда Иисус пошел к реке Иордан, где крестил Иоанн, и когда он вошел в воду, в Иордане возгорелся огонь; и когда он вышел из воды, Святой Дух снизошел на него подобно голубю; апостолы этого самого нашего Христа написал" [таким образом]. Фраза, выделенная Пейли курсивом, завершает рассказ, и если она относится к одной части истории, то относится и ко всем; таким образом, читатель может сам убедиться, что Джастин не делает никаких "приуменьшений", но излагает историю целиком, с огнем, Святым Духом и всем остальным, как из "Мемуаров". Глумление над Христом на кресте по-разному сформулировано у Юстина и в Евангелиях, и он отчетливо говорит, что цитирует "Воспоминания". "Они в насмешку произносили слова, которые записаны в воспоминаниях его Апостолов: "Он сказал, что он Сын Божий; пусть он сойдет: пусть Бог спасет его"" ("Циферблат", гл. ci.).

Если мы обратимся к Клементинам, то точно так же обнаружим отрывки, отсутствующие в канонических Евангелиях. "И сказал Петр: мы помним, что наш Господь и Учитель, повелевая нам, сказал: сохрани тайны для меня и сынов дома Моего" ("Дом". xix. глава 20). "И Питер сказал: Следовательно, если в Священных Писаниях что-то истинно, а что-то ложно, наш Учитель справедливо сказал: "Будьте хорошими менялами", поскольку в Священных Писаниях есть некоторые истинные изречения и некоторые ложные" ("Дом", ii, глава. 51; см. также iii. глава. 50. и xviii. глава. 20). Это изречение Христа встречается у многих Отцов Церкви. "Тем, кто думает,

что Бог искушает, как сказано в Священном Писании, он [Иисус] сказал: "Искуситель - это нечестивый, который также искушал самого себя"" ("Дом." iii. глава. 55).

О "Проповедях" Клементины мистер Сэндей замечает: "добавлены несколько апокрифических высказываний и некоторые апокрифические детали. Таким образом, автор "Клементины" называет Иоанна "гемеробаптистом", *то есть* членом секты, которая практиковала ежедневное крещение. Он рассказывает о слухе, который стал распространенным в царствование Тиберия, о "весеннем равноденствии", о том, что в то же время в Иудее должен появиться Царь, который будет творить чудеса, заставляя слепых видеть, хромых ходить, исцеляя все болезни, включая проказу, и воскрешая мертвых; в случае с хананеянкой (которую, как и Марка, он называет сиропоникийкой) он добавляет ее имя "Юста", а ее дочь - "Бернис". Он также ограничивает служение нашего Господа одним годом" ("Евангелия Второго века", стр. 167, 168). Но нет необходимости множить подобные отрывки; трех или четырех было бы достаточно, чтобы доказать нашу позицию: откуда они были взяты, если не из записей, отличающихся от ныне известных Евангелий? Следовательно, мы приходим к выводу, что в многочисленных евангельских отрывках, цитируемых Отцами Церкви, которых нет в Канонических Евангелиях, мы находим *доказательства того, что более ранние записи не были Евангелиями, которые сейчас считаются Каноническими.*

I. *Что сами книги имеют признаки их более позднего происхождения.* Мы должны сделать этот вывод из фраз, разбросанных по Евангелиям, которые показывают, что авторы были неосведомлены о местных обычаях, привычках и законах и, следовательно, не могли быть евреями, современниками Иисуса в то время, когда он предположительно жил. Мы находим яркий пример такого невежества в упоминании Луки о переписи населения, которая, как предполагается, привела Иосифа и Марию в Вифлеем непосредственно перед рождением Иисуса. Если Иисус родился в предполагаемое время, то "римская перепись, о которой идет речь, должна была проводиться либо при Ироде Великом, либо в начале правления Архелая. Это в высшей степени невероятно, ибо в тех странах, которые не были сведены в форму провинций, но управлялись общественным положением, налоги взимались этими князьями, которые платили дань римлянам; и таково было положение вещей в Иудее до низложения Архелая.... Евангелист освобождает нас от дальнейшего изучения этого более или менее исторического или произвольного сочетания, добавляя, что такое налогообложение было впервые произведено, когда Кирений (Квирин) *был губернатором* Сирии [греч. *haegemoneuontos taes Surias Kuraeniou*], поскольку достоверно известно, что оценка Квирина не проводилась ни при Ироде, ни в начале правления Архелая, в период, когда, согласно Луке, родился Иисус. Квирин в то время не был губернатором Сирии, и эту должность в последние годы правления Ирода занимал Лентий Сатурнин, а после него Квинтилий Вар; и вскоре после смерти Ирода Квирин был назначен губернатором Сирии. О том, что Квирин провел перепись Иудеи, мы определенно знаем от Иосифа Флавия, который, однако, отмечает, что его послали выполнить эту меру, когда страна Архелая была разделена на провинцию Сирия (сравните "Ant.", bk. xvii. гл. 13, с. 5; bk. xviii. гл. 1, с. 1; "Войны иудеев", bk. ii. гл. 8, с. 1; и гл. 9, с. 1) таким образом, примерно через десять лет после того времени, когда, согласно Матфею и Луке, должен был родиться Иисус" ("Жизнь Иисуса" Штрауса, том i, стр. 202-204).

Путаница в датах, приведенная в Евангелии от Луки, доказывает, что автор был несведущ во внутренней истории Иудеи и соседних провинций. Рождение Иисуса, согласно Луке, должно было произойти через шесть месяцев после рождения Иоанна Крестителя, а поскольку Иоанн

родился во время правления Ирода, Иисус также должен был родиться при том же царе или же в начале правления Архелая. Однако Лука говорит, что он родился во время переписи населения в Иудее, которая, как мы видели чуть выше, состоялась десятью годами позже. "Следовательно, Евангелист, чтобы провести перепись, должен был представить себе положение вещей таким, каким оно было после низложения Архелая; но чтобы провести перепись, распространившуюся на Галилею, он должен был представить, что царство оставалось неразделенным, как во времена Ирода Великого. [Штраус объяснил, что превращение царства Архелая в римскую провинцию не повлияло на Галилею, которой все еще правил Ирод Антипа как союзный князь, и что перепись, проведенная римским губернатором, следовательно, не распространится на Галилею и не сможет повлиять на Иосифа, который, живя в Назарете, будет подданным Ирода. Смотрите, как иллюстрацию этого, Евангелие от Луки ххiii. 6, 7.] Таким образом, он имеет дело с явными противоречиями; или, скорее, у него чрезвычайно печальное знакомство с политическими отношениями того периода; ибо он распространяет перепись не только на всю Палестину, но также (о чем мы не должны забывать) на весь римский мир" ("Жизнь Иисуса" Штрауса, том i, стр. 206).

Прочитав один из отрывков Иосифа Флавия, упомянутых выше, доктор Джайлс говорит: "Не может быть никаких сомнений в том, что это миссия Кирения, которая, как предполагал Евангелист, была поводом для посещения родителями Христа Вифлеема. Но такая ошибка выдает со стороны автора большое невежество в еврейской истории и еврейской политике; ибо, если бы Христос родился в царствование Ирода Великого, никакая римская перепись или набор населения не могли бы проводиться во владениях независимого царя. Однако, если Христос родился в год переписи, то не только Ирод Великий, но и Архелай, его сын, был мертв. Более того, эти два события никоим образом нельзя свести воедино; ибо даже после смерти Архелая только Иудея стала римской провинцией; Галилеей по-прежнему управлял Ирод Антипа как независимый князь, и родителям Христа не потребовалось бы выезжать из своей страны в Иерусалим с целью переписи населения, которая не охватывала их собственную страну, Галилею. Кроме того, общеизвестно, что римская перепись проводилась от дома к дому, по месту жительства каждого, а не по месту рождения или семейного свидания каждого племени" ("Христианские записи", стр. 120, 121). Другим "поражающим свидетельством позднего состава Евангелий являются выражения, обозначающие идеи, которые не могли иметь никакого значения во времена Христа и его учеников, но, должно быть, были развиты впоследствии, в то время, когда христианская религия утвердилась на более широкой и все возрастающей основе" (Там же, стр. 169). Доктор Джайлс собрал многие из них, и мы берем их с его страниц. В Евангелии от Иоанна, i. 15, 16, мы читаем: "Иоанн свидетельствовал о нем и восклицал, говоря: это был тот, о ком Я говорил; Тот, кто идет после Меня, предпочтен предо Мною, ибо он был прежде Меня. И от полноты Его все мы получили, и благодать за благодать". В то время никто не получил от "полноты Христа", и высказывание в устах Иоанна Крестителя является анахронизмом. Слово "крест" несколько раз символически использовалось Христом как выражение терпения и самоотречения; но до его собственного распятия это выражение было бы непонятным, и он, конечно, не выбрал бы фразеологизм, который его ученики не могли понять; "Несущий крест" - это более поздняя фраза, распространенная среди христиан. В Евангелии от Матфея xi. 12 Иисус, говоря, когда Иоанн Креститель был еще жив, говорит: "От дней Иоанна Крестителя до наших дней" — выражение, которое подразумевает промежуток времени. Слово "евангелие" не употреблялось христианами до конца второго века; однако мы находим его в Евангелии от Матфея iv. 23, ix. 35, ххiv. 14, ххvi. 13; от Марка i. 14, viii. 35, x. 29, хiii.

10, xiv. 9; от Луки ix. 6. Нечистый дух, или, скорее, духи, которые были посланы в свиней (Марка v. 9, Луки viii. 30), ответил на вопрос: "Как твое имя?" что его имя было Легион. "Четыре Евангелия написаны по-гречески, а слово "легион" - латинское; но в Галилее и Перее люди говорили не на латыни и не по-гречески, а на иврите или одном из его диалектов. Слово "легион" было бы совершенно непонятным для учеников Христа и почти для всех в стране" (Там же, стр. 197). Рассказ Матфея о том, что Иисус ехал верхом на ослице и жеребенке, чтобы исполнить пророчество: "Се, царь твой грядет к тебе, кроткий, сидящий на осле, а жеребенок - на ослином жеребенке" (xxi. 5. 7), показывает, что Матфей не понимал еврейской идиомы, которая должна переводиться как "сидящий на осле, даже на жеребенке, на ослином жеребенке", и описал невозможный подвиг верховой езды, чтобы исполнить неправильно понятое пророчество. Вся сцена судебного процесса демонстрирует незнание римских обычаев: судья то и дело встает между обвиняемым и людьми, предлагая выпороть его и отпустить — что не согласуется с римским правосудием; затем вручает ему народу терновый венец и пурпурную мантию. Римская администрация не снизошла бы до такой несправедливой и недостойной процедуры. Масса противоречий в Евангелиях, отмеченных в разделе k, показывают, что они не могли быть написаны учениками, обладавшими личными знаниями о рассказываемых событиях; в то время как тот факт, что они написаны по-гречески, как мы увидим ниже, в разделе j, доказывает, что они не были написаны "необразованными и невежественными" евреями и не были современными записями, составленными непосредственными последователями Иисуса. Из этих фактов мы делаем вывод, что на самих книгах видны следы их более позднего происхождения.

J. *Что язык, на котором они написаны, является предполагаемым доказательством их подлинности.* Мы здесь имеем дело с предполагаемой историей еврейского пророка, написанной евреями, и все же мы находим ее написанной на греческом, языке, не широко известном среди евреев, как мы узнаем из свидетельства Иосифа Флавия: "Я настолько полностью усовершенствовал работу, которую я предложил себе выполнить, что ни один другой человек, будь он еврей или иностранец, будь у него когда-либо такая большая склонность к ней, не смог бы так точно передать эти рассказы грекам, как это сделано в этих книгах. Ибо те, кто принадлежит к моей собственной нации, свободно признают, что я намного превосхожу их в знаниях, принадлежащих евреям. Я также приложил немало усилий, чтобы выучить греческий и понять элементы греческого языка, хотя я так долго привык говорить на нашем родном языке, что не могу произносить греческий с достаточной точностью; ибо наша нация не поощряет тех, кто изучает языки многих народов ... по этой причине, поскольку было много тех, кто с большим терпением прилагал свои усилия, чтобы получить это знание, едва ли было всего двое или трое, преуспевших в этом, которые были немедленно хорошо вознаграждены за свои усилия" ("Ant." bk. xx. глава 11, раздел 2). Далее он говорит нам, что "я устал и продолжал медленно, поскольку это была обширная тема, и переводить нашу историю на иностранный и для нас непривычный язык было трудно" (Там же, Предисловие). Возможно, главной причиной такого всеобщего незнания греческого языка было варварское отвращение раввинов к иностранной литературе. "Никто не станет причастником вечной жизни, если будет читать иностранную литературу. Отвратителен тот, как свинопас, столь же отвратителен тот, кто учит своего сына мудрости греков" (перевод с латыни раввина Акибы, приведенный в примечании к книге Кейма "Иисус из Назарета", том i. стр., 295). Примечательно также, что Евангелисты цитируют в основном Септуагинту и что лояльные евреи избегали бы этого, поскольку "перевод Библии на греческий уже был причиной скорби и даже ненависти в Иерусалиме" (Там же, стр. 294). Перед лицом

этого нас просят поверить, что галилейский рыбак, по свидетельству Деяний iv. 13, необразованный и невежественный, опередил весь свой народ, за исключением "двух или трех преуспевших" в изучении греческого, и написал философский и исторический трактат на этом языке. Также то, что Матфей, мытарь, представитель самого деградировавшего класса евреев, был столь же образован и опубликовал историю на том же языке. Однако эти два чуда эрудиции были неизвестны Иосифу Флавию, который прямо заявляет, что двое или трое, выучивших греческий, были "немедленно хорошо вознаграждены за свои труды". Этот аргумент не говорит против Марка и Луки, поскольку никто ничего не знает об этих двух писателях, и они, возможно, были греками, поскольку все, что мы знаем об обратном. Если Марка, однако, отождествлять с Иоанном Марком, сыном сестры Варнавы, то это также будет свидетельствовать против него. Оставляя в стороне главную трудность, указанную выше, на первый взгляд крайне маловероятно, чтобы эти еврейские писатели использовали греческий, даже если бы они знали его, вместо своего собственного языка. Они писали историю еврея; почему они должны были переводить все его высказывания вместо того, чтобы записывать их по мере того, как они срывались с его губ? Их работа лежала среди евреев. Через восемь лет после смерти Иисуса они упрекнули одного из своих, Петра, за то, что он ел с "мужами необрезанными" (Деяния xi. 3); девятнадцать лет спустя они по-прежнему ходили только "к обрезанию" (Гал. ii. 9); двадцать семь лет спустя они все еще были в Иерусалиме, обучая евреев и тщательно исполняя закон (Деяния xxi. 18-24); после этого мы больше о них не слышим, и, должно быть, все они были стариками и вряд ли изменили еврейские привычки своей жизни. Кроме того, зачем им это делать? вся их сфера деятельности была полностью еврейской, и, если бы они были достаточно образованны, чтобы вообще писать, они, несомненно, писали бы на благо тех, среди кого работали. Единственная параллель для такого любопытного явления, как эти греческие Евангелия, написанные невежественными евреями, была бы найдена, если бы рыбак из Корнуолла и юрист из нижнего Лондона, оба совершенно не знающие немецкого, написали по-немецки высказывания и поступки плотника из Мидлсекса, а поскольку их работа была полностью ограничена низшими слоями населения, которые ничего не знали по-немецки, и они хотели, чтобы в пределах их досягаемости были представлены полные сведения о жизни плотника, они распространили их среди них только на немецком языке и никогда ничего не писали о нем по-английски. Греческий текст Евангелий доказывает, что они были написаны в более поздние времена, когда христианство нашло своих приверженцев среди языческого населения. Действительно, можно было бы справедливо утверждать, что греческий текст является предположением о том, что символ веры вообще возник не в Иудее, а был ответвлением языческой мысли, а не еврейской. Как бы то ни было, греческий текст запрещает нам верить, что эти Евангелия были написаны еврейскими современниками Иисуса, и мы приходим к выводу, *что язык, на котором они написаны, является предполагаемым доказательством их подлинности.*

К. *Что они сами по себе совершенно недостойны доверия из-за (1) чудес, которыми они изобилуют. (2) Многочисленные противоречия одного другому. (3) Тот факт, что история героя, доктрины, чудеса были актуальны задолго до предполагаемых дат написания Евангелий, так что эти Евангелия представляют собой просто лоскутное одеяло, составленное из более старых материалов.*

(1) *Чудеса, которыми они изобилуют.* Пейли спрашивает: "Почему мы должны сомневаться в подлинности этих книг? Не потому ли, что они содержат рассказы о сверхъестественных событиях? Я полагаю, что это, в сущности, и является реальной, хотя и тайной причиной наших

колебаний относительно них; ибо, если бы писания, подписанные именами Матфея и Иоанна, не касались ничего, кроме обычной истории, сомнений в том, что эти писания принадлежат им, было бы не больше, чем в отношении признанных работ Иосифа Флавия или Филона; то есть, не было бы никаких сомнений вообще" ("Свидетельства", стр. 105, 106). В этом аргументе есть определенная доля истины. Мы действительно — однако открыто, а не тайно — сомневаемся в любой книге, которая считается описанием чудес, написанных очевидцем их; чем важнее содержание книги, тем тщательнее проверяются ее достоверность; чем более необычна история, которую она содержит, тем тщательнее проверяются ее свидетельства. Имея дело с Иосифом Флавием, мы проверяем его подлинность, прежде чем вообще полагаться на его историю; обнаружив, что нет никаких сомнений в том, что книга была написана им, мы оцениваем ее как отчет явно осторожного писателя. Когда мы доходим до отрывков, подобных тому, что содержится в "Войнах Иудеев", bk. vi. глава 5, раздел 3, где среди знамений, предупреждавших евреев о падении храма, говорится: "Телица, которую первосвященник вел на заклание, родила ягненка посреди храма", — мы не верим этому, так же как и в то, что дьяволы вселились в свиней. Если бы такие басни, вместо того чтобы образовывать кое-где наросты на истории Иосифа Флавия, которые можно вырезать без ущерба для основного летописания, были настолько вплетены в историю, что стали ее неотъемлемой частью, так что никакой истории не осталось бы, если бы их все убрали, тогда мы должны были бы отвергнуть Иосифа Флавия как рассказчика басен, а не писателя истории. Если бы настаивали на том, что Иосиф Флавий был очевидцем и записал то, что он видел, тогда мы должны были бы ответить: либо ваша история вообще написана не Иосифом Флавием, а ложно приписана ему, чтобы приписать ей то, что она написана современником и очевидцем; либо же ваш Иосиф Флавий — шарлатан, который притворился, что видел чудеса, чтобы повысить свой престиж. Если бы эта предполагаемая история Иосифа Флавия была широко распространена и оказала большое влияние на человечество, тогда ее подлинность была бы очень тщательно изучена и каждое слабое место в свидетельствах в ее пользу было бы проверено, точно так же, как сегодня проверяются Евангелия. Мы можем добавить, что абсурдно проводить параллель между Евангелистами и Иосифом Флавием, как будто мы знали об одном не больше, чем о других. Иосиф Флавий рассказывает о своей собственной жизни, рассказывая нам о своей семье, своем детстве и своем образовании; затем он рассказывает нам о своих путешествиях, обо всем, что он делал, и о книгах, которые он написал, и на самих книгах указано его авторство; например, мы читаем: "Я, Иосиф, сын Матиаса, по происхождению еврей, также священник и тот, кто сначала сам сражался против римлян и был вынужден присутствовать при том, что было сделано впоследствии, являюсь автором этого труда" ("Войны евреев", Предисловие, разд. Я). К какому из Евангелий предпослано такое объявление? даже у Луки, где историк пишет предисловие, не сказано: "Я, Лука", и анонимные записи, должно быть, сомнительной подлинности. Кто из Евангелистов рассказал нам о своей собственной жизни, чтобы мы могли судить о его возможностях узнать то, что он рассказывает? О какой из их историй приводится такое внешнее свидетельство, как о Таците Иосифу Флавию, несмотря на презрение, которое утонченный римлянин испытывал ко всей еврейской расе? Ничто не может ввести в большее заблуждение, чем говорить об Иосифе Флавии и евангелистах так, как будто их писания стояли на одном уровне; все признаки подлинности присутствуют в одном; все признаки подлинности отсутствуют в другом.

Мы будем возражать против рассказов о чудесах в Евангелиях — во-первых, что доказательств недостаточно и они намного ниже количества доказательств, приведенных в поддержку более

современных чудес; во-вторых, что Церковь заявляла о своей способности творить чудеса на протяжении всей своей истории и заявляет об этом до сих пор, и, следовательно, невозможно отметить какой-либо период, когда чудеса прекратились; и, в-третьих, что христианские чудеса не только недоказанны, но и что все чудеса невозможны, равно как и бесполезны, если это возможно.

Пейли, отстаивая истинность христианских чудес, *и только этих*, пытается установить каноны, которые исключают все остальные. Таким образом, он исключает: "I. Такие описания сверхъестественных событий, которые встречаются только в исторических источниках некоторых эпох, предшествовавших сделке.... II. Опубликованные в одной стране отчеты о том, что происходило в далекой стране, без каких-либо доказательств того, что такие отчеты были известны или получены дома III. Преходящие слухи.... IV. Голая история (фрагменты, не связанные с последующими событиями, зависящими от чудес).... V. Определенным образом и в определенной степени конкретность в именах, датах, местах, обстоятельствах и в порядке событий, предшествующих или последующих.... VI. Истории, от которых ничего не зависит, в которых нет никакого интереса, ничего нельзя сделать или изменить в результате того, что в них верят.... VII. Отчеты, которые приходят простов *подтверждение* уже сформированных мнений.... Не обязательно признавать чудом то, что может быть сведено к *ложному восприятию* (такие чудеса, как исцеление слепых, хромых и т.д., не могут быть сведены к этой статье), ... или *обман* ... или *предварительные* чудеса (когда из многих попыток одна увенчалась успехом)... или *сомнительный* (возможно, объяснимый совпадением или эффектом воображения) ... или *преувеличение*" ("Свидетельства", стр. 199-218). Затем Пейли критикует некоторые чудеса, о которых говорит Юм, и выступает против них. Он очень справедливо критикует их и избавляется от них, но не видит, что тот же стиль аргументации избавил бы его от евангельских. Кардинал де Рец видит в церкви в Сарагосе человека, который зажигал лампы, и каноники сказали ему, "что он несколько лет стоял у ворот только на одной ноге. Я видела его с двумя. Пейли настаивает на том, что "нигде не указано, что он (кардинал) либо осматривал конечность, либо задавал пациенту, или вообще кому-либо, хоть один вопрос по этому поводу" ("Свидетельства", стр. 224). Хорошо аргументировано, доктор Пейли; а в человеке, который сидел за прекрасными воротами Храма, который осматривал конечность или расспрашивал пациента? Каноны I и II. исключите евангельские чудеса, если только не будет доказано, что Евангелия написаны теми, чьи имена они носят, и даже тогда нет никаких доказательств того, что Матфей, Марк, Лука или Иоанн опубликовали свои Евангелия в Иудее или что их рассказы были "получены дома". Сомнение и мрак, нависшие над происхождением самих Евангелий, бросают такой же мрак на все, о чем они повествуют. "Преходящие слухи", "ложное восприятие", "обман", "сомнительный" и "преувеличение" — для всего этого открыта дверь в медленном и постепенном составлении сборника легенд, ныне известного как "Евангелия". Мы утверждаем, что свидетельство Евангелий о чудесах не может быть принято до тех пор, пока сами Евангелия не будут аутентичны, и что доказательств в поддержку чудес, следовательно, недостаточно. Штраус очень ясно показывает нам, как чудеса, описанные в Евангелиях, стали приписываться Иисусу. "То, что еврейский народ во времена Иисуса ожидал чудес от Мессии, само по себе естественно, поскольку Мессия был вторым Моисеем и величайшим из пророков, а Моисею и пророкам национальная легенда приписывала чудеса всех видов.... Но не только в народном ожидании было предопределено, что Мессия должен творить чудеса вообще - конкретные виды чудес, которые он должен был совершать, были установлены, также в соответствии с ветхозаветными образами и декларациями. Моисей раздавал людям мясо и питье

сверхъестественным образом (Исх. xvi. xvii.): того же самого, как прямо говорят раввины, ожидали от Мессии. По молитве Елисея глаза в одном случае были закрыты, в другом - открылись сверхъестественным образом (2 Царств vi.): Мессия также должен был открыть глаза слепым. Этим пророком и его учителем были воскрешены даже мертвые (1 Царств xvii; 2 Царств iv); следовательно, и Мессии не могло быть недостатка во власти над смертью. Среди пророчеств, Ис. xxxv, 5, 6 (сост. xlii. 7), оказал особое влияние на формирование этой части мессианской идеи. Здесь сказано о мессианских временах: "Тогда откроются глаза слепого и раскроются уши глухого; тогда хромым прыгнет, как олень, и язык немой запоет" ("Жизнь Иисуса", т. ii., стр. 235, 236) Говоря о предполагаемом исцелении слепого, Штраус замечает: "Как мы должны представить себе внезапное восстановление зрения слепому глазу словом или прикосновением? как чисто чудесное и магическое? Это означало бы отказаться от размышлений на эту тему. Как магнетическое? Нет прецедента, когда магнетизм оказывал влияние на заболевание такой природы. Или, наконец, как психическое? Но слепота - это нечто настолько независимое от ментальной жизни, настолько полностью материальное, что мысль о ее устранении вообще, а тем более о ее внезапном устранении посредством ментальной операции, не следует принимать во внимание. Следовательно, мы должны признать, что историческая концепция этих повествований для нас не просто трудна; и мы переходим к вопросу, не можем ли мы доказать вероятность того, что легенды такого рода могли возникнуть неисторически.... То, что эти деяния Елисея были задуманы, несомненно, со ссылкой на отрывок из книги Исая, как реальное открытие глаз слепым, подтверждается приведенным выше отрывком из раввинов [утверждающим, что Мессия будет делать все, что в древние времена делалось руками праведников, т. i., стр. 81, примечание], и, следовательно, от Мессии ожидалось исцеление слепых. Теперь, если христианское сообщество, вышедшее из недр иудаизма, считало Иисуса мессианской личностью, оно должно проявлять тенденцию приписывать ему все мессианские качества, и, следовательно, тот, о котором идет речь" (Там же, 292, 293).

Таким образом, не только чудеса становятся сомнительными из-за сомнительного характера записей, в которых они содержатся, но и существует ясное и разумное объяснение, почему мы должны ожидать найти их в любой истории о предполагаемом Мессии. Христианские апологеты, по-видимому, упустили из виду содержащееся в Евангелиях утверждение о том, что Иисус возражал против придания гласности его предполагаемым чудесам; естественный вывод, который скептики делают из этого утверждения, заключается в том, что чудес вообще никогда не было, и что предполагаемая скромность Иисуса выдумана для того, чтобы объяснить невежество людей относительно предполагаемых чудес. Судья Стрейндж справедливо замечает: "Обращение к чудесам - очень сомнительное средство. Теперь, поскольку Иисус неоднократно представлялся увещающим тех, от имени кого они были совершены, держать это дело в секрете для себя, и поскольку, когда такие знамения, по просьбе, были отвергнуты им, и желание иметь их было подавлено как греховное, следует заключить, несмотря на утверждения об обратном, что авторы были осведомлены о том, что эти чудеса не вызвали такого общественного резонанса, который должен был бы придаваться им, если бы они действительно были разыграны, и мы остаемся при заключении, что на самом деле таких демонстраций не было" ("The Portraiture и миссия Иисуса", стр. 23). Очевидно, что чудеса бесполезны в качестве доказательства, если они не совершаются публично, а секретность, которой пользовался Иисус, наводит на мысль скорее о мошенничестве, чем о чудесной силе, и

о привкусе фокусника, чем о "Боге". Но, кроме того, существуют гораздо более веские свидетельства о чудесах более поздней Церкви, чем о чудесах Христа или апостолов, и если свидетельства в поддержку чудес на что-то годятся, то эти более современные чудеса должны вызывать у нас доверие. Евсевий рассказывает о следующем чуде Нарцисса, тридцатого епископа Иерусалимского, 180 г. н.э., как об одном из многих: "Пока диаконы несли службу, у них кончилось масло; после чего весь народ был очень удручен, Нарцисс приказал людям, которые управляли светильниками, набрать воды из соседнего колодца и принести ему. Сделав это, как только было сказано, Нарцисс помолился над водой, а затем с твердой верой во Христа повелел им налить ее в светильники. Когда они также сделали это, вопреки всем естественным ожиданиям, посредством необычайного и божественного воздействия природа воды была изменена на качество масла, и большинство братьев сохранили небольшое количество с того времени до нашего времени как образец совершившегося тогда чуда" ("Eccles. История", bk. vi., глава 9). Святой Августин лично свидетельствует не об одном чуде, которое произошло в его собственном присутствии, и приводит длинный список исцелений, совершенных в его время. "Одно можно утверждать, что ничего важного не упущено, и в отношении существенных деталей они столь же ясны, как и масса других случаев, о которых сообщалось. В каждом случае указаны имена и адреса, и было замечено, что все эти чудеса происходили в Гиппоне или поблизости от него, а также в его собственной епархии. Совершенно очевидно, что в каждом случае факт чуда утверждается в самых прямых и позитивных выражениях" ("Sup. Rel.", т. i, стр. 167, 168).

Никто не может отрицать, что христианские церкви заявляли о чудесных силах со времен Христа и по сей день, и что нет перерыва, на который можно указать как на дату прекращения этих сил. "От первого из Отцов Церкви до последнего из пап преемственность епископов, святых, мучеников и чудес продолжается без перерыва; и развитие суеверия было настолько постепенным и почти незаметным, что мы не знаем, в каком конкретном звене нам следует разорвать цепь традиции. Каждая эпоха несет в себе свидетельство о замечательных событиях, которыми она отличалась; и ее свидетельства кажутся не менее весомыми и уважаемыми, чем свидетельства предшествующего поколения, пока мы незаметно не начинаем обвинять себя в собственной непоследовательности, если в восьмом или двенадцатом веке отказываем Беде достопочтенному или святому Бернарду в той же степени доверия, которую во втором веке мы столь щедро оказывали Юстину или Иринею. Если истинность любого из этих чудес оценивается по их очевидной пользе и уместности, то в каждую эпоху нужно было убеждать неверующих, опровергать еретиков и обращать народы-идолопоклонники; и всегда можно было привести достаточные мотивы, чтобы оправдать вмешательство небес. И все же, поскольку каждый сторонник откровения убежден в реальности, и каждый разумный человек убежден в прекращении чудесных сил, очевидно, что должен был быть *какой-то период*, в который они были либо внезапно, либо постепенно изъяты из христианской Церкви. Какая бы эпоха ни была выбрана для этой цели, смерть апостолов, обращение Римской империи или исчезновение арианской ереси, бесчувственность христиан, живших в то время, в равной степени вызовут справедливое удивление. Они все еще поддерживали свои притязания после того, как потеряли свою власть. Доверчивость выполняла роль веры; фанатизму было позволено говорить языком вдохновения; а последствия несчастного случая или выдумки приписывались сверхъестественным причинам. Недавний опыт подлинных чудес должен был наставить христианский мир на пути Провидения и приучить их взор (если мы можем использовать очень неадекватное выражение) к стилю Божественного Художника" (Гиббон "Упадок и низвержение",

том ii., глава xv., стр. 145). Говорили, что чудодейственные силы были даны самим Христом своим ученикам. "Уверовавших будут сопровождать эти знамения: именем Моим они будут изгонять бесов; они будут говорить мяукающими языками; они будут брать в руки змей; и если они выпьют что-либо смертоносное, это не повредит им; они возложат руки на больных, и те будут здоровы" (Марка xvi. 17, 18). Эта власть осуществляется Апостолами (см. Деяния повсюду), верующими в Церквях (1 Кор. xii. 9, 10; Гал. iii. 5; Иакова, ст. 14, 15); во всяком случае, по мнению христиан, это было в силе в то время, о котором говорится в этих книгах. Юстус, прозванный Варсавой, выпивает яд и остается невредимым (Евсевий, кн. iii, гл. xxxix.). Мученическая смерть Поликарпа, которая, как предполагается, наступит в следующем поколении, сопровождается чудом (Послание Смирнской церкви; Апостольские отцы, стр. 92; см. ante, стр. 220, 221). В Иераполисе дочери апостола Филиппа рассказывают Папию, как там кто-то воскрес из мертвых (Евсевий, bk. iii., гл. xxxix.). Иустин Мученик ссылается на чудеса, творившиеся в его время в самом Риме (второе "Послание апостола Филиппа", гл. vi.). Ириней настаивает на том, что еретики не могут творить чудеса, как католики: "они не могут ни даровать зрение слепым, ни слух глухим, ни прогнать всякого рода демонов... они также не могут исцелить слабого, или хромого, или паралитика" ("Против еретиков", bk. ii., глава xxxi., раздел 2). Тертуллиан призывает христиан отказаться от мирских удовольствий, напоминая им об их великой силе: "что благороднее, чем попираť богов народов, изгонять злых духов, совершать исцеления?" ("De Spectaculis," sec. 29). "Ориген утверждает, что христиане все еще обладают способностью изгонять демонов и исцелять болезни именем Иисуса; и он заявляет, что видел многих людей, излеченных таким образом от безумия и бесчисленных других зол" (цитируется по "Оригену против Цельса" в "Sup. Rel.", т. i, стр. 154. Массу свидетельств по этому вопросу можно найти в главе v. этой работы, посвященной "Постоянному потоку притязаний на чудеса"). На свидетельство святого Августина уже ссылались. святой Амвросий обнаружил кости св. Гервасий и Протасий; и "эти мощи были положены в Фаустинианскую базилику, а на следующее утро переведены в Амвросианскую базилику; во время этого перевода слепой человек по имени Север, мясник по профессии, исцелился, прикоснувшись носовым платком к носилкам, на которых лежали мощи, а затем приложив его к глазам. Он был слеп несколько лет, был известен всему городу, и чудо было совершено перед огромным количеством людей; и засвидетельствовано также святым Остином [Августином], который в то время находился в Милане, в трех частях его сочинений, и Паулином в "Жизни святого Амвросия" ("Жизнеописания отцов, мучеников и т. Д.", преп. Альбан Батлер, том xii, стр. 1001, 1002; изд. 1838; опубликовано в двух томах, каждый из которых содержит шесть томов). Священные стигматы святого Франциска Ассизского (умер в 1226 году) видели и прикасались к ним святой Бонавентура, папа Александр IV, папа Григорий IX, пятьдесят монахов, множество монахинь и бесчисленные толпы (там же, т. x., стр. 582, 583). Этот же святой подвергся операции по прижиганию, и "когда хирург собирался применить раскаленное железо, святой обратился к огню, сказав: "Брат огонь, я умоляю тебя, прижги меня осторожно, чтобы я мог вынести тебя". Он был обожжен очень глубоко, от уха до брови, но, казалось, совсем не чувствовал боли" (там же, стр. 575). Чудеса святого Франциска Ксаверия (умер в 1552 году) засвидетельствованы со всех сторон и привели к обращению толп индейцев; даже в 1744 году, когда архиепископ Гоа по приказу португальского короля Иоанна V. в сопровождении вице-короля, маркиза Кастель-Нуово, посетил мощи святого, "тело было найдено без малейшего дурного запаха" и "не претерпело ни малейших изменений или симптомов разложения" (там же, т. xii, стр. 974). Цепь чудес простирается вплоть до наших дней. В этом году (1876) в Лурде Пресвятая Дева была коронована кардиналом-архиепископом Парижа в присутствии тридцати пяти прелатов и ста тысяч человек. Во время мессы,

отслуженной нунцием в Гротте, 61-летняя Мадлен Лансеро из Пуатье, известная многим паломникам как неспособная ходить без костылей в течение девятнадцати лет, была радикально излечена. Это чудо достовернее, чем любое другое в евангельской истории; и все же ни один протестант даже не потрудился исследовать этот вопрос и не верит, что его истинность находится в пределах возможного. Таким образом, мы видим, что с 30 года нашей эры не прошло ни одного столетия, которое не было бы густо засеяно чудесами, и нет причин, по которым мы должны верить в чудеса первого века и отвергать чудеса последующих восемнадцати; и при этом первый век даже не является "началом чудес", поскольку до этой даты еврейские и языческие чудеса можно было бы найти в изобилии. Почему Библейские чудеса должны быть разорваны с их связями по всему миру, чтобы вера в них была похвальной верой, в то время как вера во все остальное - предосудительной доверчивостью? "Факт, однако, в том, что евангельским чудесам предшествовали и сопровождались другие чудеса того же типа; и мы можем здесь просто упомянуть изгнание бесов и чудесное исцеление от болезней как популярные примеры; за ними также последовала длинная череда других, столь же достоверных, случаи которых становились все реже по мере того, как распространение знаний рассеивало народное легковерие. Даже в наши дни время от времени сообщается о случайном чуде в отдаленных районах, где невежество и суеверия, которые раньше приводили к их столь обильному распространению, еще не полностью рассеяны" ("Sup. Rel.", т. i, стр. 148). "Невежество и его неизменный спутник, суеверие, сделали больше, чем просто любовь ко всему чудесному, чтобы породить и увековечить веру в чудеса, и не может быть никаких сомнений в том, что устранение невежества всегда приводит к прекращению чудес" (Там же, стр. 144).

Особые возражения часто выдвигались против одного класса чудес— общего для Евангелий и всех повествований о чудесах, который серьезно подрывал веру даже самих христиан, а именно против исцеления тех, кто "одержим бесами". Экзорцизм всегда был излюбленным видом чуда, но в наши дни очень немногие верят в возможность одержимости, и, следовательно, формулировки Евангелистов по этому вопросу вызвали много беспокойства в умах. Пребендари Роу в работе "Возможное, достоверное и историческое сверхъестественное в Новом Завете" — одном из томов, выпущенных Обществом христианских доказательств в ответ на "Религию сверхъестественного", — полностью рассматривает эту трудность; было высказано мнение, что одержимость была просто формой мании, и по этому мистер Роу говорит: "Теперь, исходя из предположения, что одержимость была простой манией, и ничем более, следующие предположения являются единственно возможными. Во-первых, что наш Господь действительно проводил различие между манией и одержимостью; но что евангелисты неточно передали его слова и действия, опираясь на свои собственные субъективные впечатления, или, короче говоря, приписали ему выражения, которых он на самом деле не произносил. Во-вторых, наш Господь знал, что одержимость была формой мании, и, говоря об этом, принял современные представления того времени, и что эти слова действительно были произнесены им. В-третьих, обладая аналогичными знаниями, он использовал язык как часть лечебного процесса. В-четвертых, что он признал обоснованность этого различия и что оно было реальным в те времена" ("Сверхъестественное в Новом Завете", стр. 251, 252). Мистер Роу утверждает, что: "Если одержимость - это мания, то в языке, который евангелисты приписали нашему Господу, нет ничего, что ставило бы под угрозу правдивость его характера. Если, с другой стороны, мы предположим, что обладание было объективным фактом, то в наших существующих научных знаниях о человеческом разуме нет ничего, что доказывало бы, что

обладание в Новом Завете было невозможно" (Там же). Мистер Роу отвергает первую альтернативу и признает точность евангельских записей. Но он считает, что если бы одержимость была просто манией, Иисус, зная природу болезни, мог бы разумно использовать язык, подходящий для бреда, как наиболее вероятный способ излечения; он не мог бы спорить с маньяком о том, что тот находится под бредом, но справедливо использовал бы любой метод, который лучше всего подходил для обеспечения выздоровления. Если отвергнуть эту идею и сохранить реальность одержимости демонами как наиболее соответствующую поведению Иисуса, то мистер Роу утверждает, что нет никаких оснований считать невозможным, чтобы добрые или злые духи могли влиять на человека, и что психологическая наука не дает нам оснований отрицать возможность такого влияния.

Полная бесполезность чудес — если предположить, что они возможны, — достойна упоминания. Они не должны приниматься как доказательства божественной миссии, поскольку лжепророки могут использовать их так же хорошо, как и истинные (Втор. xiii, 1-5; Мф. xxiv, 24; 2 Фес. ii, 9; Откр. xiii, 13-15 и т.д.) и, возможно, сам Бог действует так, чтобы обмануть их (Втор. xiii, 3). Сатана может творить чудеса для подтверждения подлинности ложных доктрин своих эмиссаров, и нет никакого критерия, позволяющего отличить чудо, сотворенное Богом, от чуда, сотворенного сатаной. Следовательно, чудо совершенно бесполезно, ибо авторитет учителя зиждется на морали, которой он учит, и если это хорошо, то принимается без чуда, подтверждающего его доброту, так что подтверждающее чудо излишне. Если она плоха, ее отвергают, несмотря на чудо, подтверждающее ее авторитет, так что подтверждающее чудо обманчиво. Единственное применение чуда могло бы заключаться в подтверждении откровения непознаваемых фактов, которые не имели ничего общего с каким-либо моральным учением; и поскольку такое откровение не могло быть исследовано, поскольку оно касалось непознаваемого, было бы в высшей степени опасно — и, возможно, богохульно — принимать его на веру в чудо, поскольку с такой же вероятностью это могло быть откровение, сделанное сатаной, чтобы причинить вред, как и Богом, чтобы принести пользу человечеству. Допуская существование Бога и сатаны, казалось бы вероятным — если судить о христианстве по его плодам, — что христианская религия является таким зловещим откровением лукавого.

Возражение, которое мы выдвигаем, однако, имеет гораздо более широкий размах, чем утверждение об отсутствии доказательств новозаветных чудес; оно направлено против всех, а не только против христианских чудес. "Что касается невозможности сверхъестественных явлений, то пантеизм и атеизм имеют совершенно одинаковые основания. Если кто-либо из них выдвигает истинную теорию вселенной, любое сверхъестественное явление, которое обязательно подразумевает наличие сверхъестественного агента, вызвавшего его, невозможно, и весь спор о том, были ли чудеса когда-либо на самом деле совершены, предрешен заранее. Современный атеизм, хотя и не осмеливается категорически утверждать, что Бога не существует, определенно утверждает, что нет никаких доказательств того, что он существует. Из этого следует, что если нет доказательств того, что Бог существует, то не может быть и доказательств того, что чудо когда-либо совершалось, поскольку сама идея чуда подразумевает идею Бога, совершающего его. Следовательно, если атеизм истинен, все споры о чудесах бесполезны. Они просто невозможны, и спрашивать, произошло ли невозможное событие, абсурдно. Для такого человека историческое исследование в том, что касается чуда, должно быть предрешенным. Это могло бы представлять небольшой интерес как предмет любопытства; но даже если бы можно было привести самые недвусмысленные доказательства того, что имело место событие, которое мы называем сверхъестественным, максимум, что это

могло бы доказать, это то, что в природе имел место какой-то самый экстраординарный и ненормальный факт, причины которого мы не знали. Но доказать чудо любому человеку, который последовательно отрицает, что у него есть какие-либо доказательства существования какого-либо существа, которое не является частью материальной вселенной и не включено в нее или развилось из нее, невозможно" ("Сверхъестественное в Новом Завете" Пребендари Роу, стр. 14, 15). Мы утверждаем, что Природа включает в себя все, и что, следовательно, *сверхъестественное* невозможно. Следовательно, каждый новый факт, каким бы удивительным он ни был, должен находиться в Природе; и хотя наше невежество может на некоторое время помешать нам узнать, к какой категории следует отнести вновь наблюдаемое явление, тем не менее несомненно, что более широкое знание выделит ему свое собственное место и что более тщательное наблюдение сведет его к закону, *то есть*, в пределах наблюдаемой последовательности или совпадения явлений. Естественное для немыслящих совпадает с их собственными знаниями, а сверхъестественное для них просто означает сверхизвестное; поэтому в невежественные века чудеса происходят каждый день, и по мере расширения знаний чудесное уменьшается. Книги ненаучных эпох — то есть вся ранняя литература — полны чудесных событий, и можно принять за аксиому критики, что чудесное неисторично.

(2). *Многочисленные противоречия одного с другим.*— Мы представим здесь лишь несколько наиболее вопиющих противоречий в Евангелиях, оставив нетронутой массу мелких разночтений. Мы находим главное из них, когда сравниваем три синоптических Послания с Четвертым Евангелием, но даже между этими тремя есть некоторые непримиримые различия. Противоречивые генеалогии Христа, приведенные в Евангелиях от Матфея и Луки, частично осложненные третьей противоречивой генеалогией в Хрониках, долгое время приводили в отчаяние христианских гармонистов. "Сравнивая эти списки, мы обнаруживаем, что между Давидом и Христом есть только два имени, которые встречаются как у Матфея, так и у Луки — Зоровавеля и Иосифа, предполагаемого отца Иисуса. Проследивая список вниз от Давида, было бы легче объяснить это, по крайней мере, до определенного момента, поскольку Матфей следует линии Соломона, а Лука - линии Нафана - оба они были сыновьями Давида. Но даже в нисходящей линии, дойдя до Салафиэля, где две генеалогии снова соприкасаются, мы, к нашему удивлению, обнаруживаем, что у Луки он сын Нери, в то время как у Матфея имя его отца Иехония. Начиная с Зоровавеля и ниже, списки снова расходятся, пока мы не доходим до Иосифа, который у Святого Луки указан как сын Хели, в то время как у святого Матфея его отца зовут Иаков" ("Христианские записи", доктор Джайлс, стр. 101). Согласно Хроникам, Иофам - праправнук Охозии; согласно Матфею, он его сын (признавая, что Охозия из Хроник - это Озия из Матфея); согласно Хроникам, Иехония - внук Иосии, согласно Матфею, он его сын; согласно Хроникам, Зоровавель - сын Педаии, согласно Матфею, он сын Салафиэля, согласно Луке, он сын Нери; согласно Хроникам, Зоровавель оставил после себя восемь сыновей. дети, но среди них нет ни Абиуда Матфея, ни Резуны Луки. Такое же несоответствие обнаруживается, когда Матфей и Лука снова соприкасаются друг с другом в Иосифе, муже Марии; согласно одному, Иаков родил Иосифа, согласно другому, Иосиф был сыном Илии. Чтобы довершить абсурдность всего этого, нам даны две генеалогии Иосифа, который вообще не имеет отношения к Иисусу, если история о непорочном зачатии верна, в то время как о Марии, через которую, как говорят, Иисус унаследовал свою человечность, не приводится ни одной. Таким образом, в Евангелиях у нас вообще нет генеалогии Иисуса. Были выдвинуты различные теории, чтобы примирить непримиримое; некоторые говорят, что генеалогия у Луки - это генеалогия Марии, в отношении

этого предположения достаточно отметить, что "Мария, дочь" едва ли может быть обозначена словом "Иосиф, сын". Также сказано, что Иосиф был юридически сыном Иакова, хотя, естественно, сыном Хели, поскольку предполагается, что Иаков умер бездетным, и что его брат Хели, согласно левитскому закону, женился на вдове Иакова; но здесь деда и прадедушки Иосифа должны быть одними и теми же, поскольку предполагается, что Хели и Иаков были братьями. Кроме того, если бы Иосиф по закону был сыном Иакова, то следовало бы привести только генеалогию Иакова, поскольку это была бы только генеалогия Иосифа. Ни один человек не может вести свою родословную по отцовской линии по двум разным линиям. Чтобы внести еще большую безнадежную путаницу, мы находим в Хрониках упоминания о двадцати двух поколениях, где Матфей называет семнадцать, а Лука - двадцать три; в то время как от Давида до Христа Матфей называет двадцать восемь, а Лука - сорок три, что является самым поразительным расхождением.

"Если мы сравним генеалогии Матфея и Луки вместе, мы обнаружим еще более поразительные расхождения. Некоторые из этих различий действительно несущественны, поскольку две таблицы расположены в противоположных направлениях.... Более важной является значительная разница в количестве поколений за равные периоды: у Луки сорок одно поколение между Давидом и Иисусом, в то время как у Матфея их всего двадцать шесть. Главная трудность, однако, заключается в следующем: в некоторых частях генеалогии у Луки предками Иисуса считаются совершенно разные люди, чем в Евангелии от Матфея. Это правда, оба автора согласны в том, что происхождение Иисуса через Иосифа происходит от Давида и Авраама, и что имена отдельных членов серии соответствуют от Авраама до Давида, а также двум именам в последующей части: Салафиэлю и Зоровавелю. Но трудность становится отчаянной, когда мы обнаруживаем, что, за этими двумя исключениями примерно на полпути, все имена от Давида до приемного отца Иисуса полностью различаются у Матфея и Луки. В Евангелии от Матфея отец Иосифа назван Иаковом; в евангелии от Луки - Хели. У Матфея сыном Давида, через которого Иосиф произошел от этого царя, является Соломон; у Луки - Нафан; и так далее, линия нисходит, у Матфея, через расу известных Царей; у Луки, через неизвестную побочную ветвь, совпадающую только в отношении Салафиэля и Зоровавеля, в то время как они все еще различаются именами отца Салафиэля и сына Зоровавеля.... Рассмотрение непреодолимых трудностей, которые неизбежно затрудняют всякую попытку привести эти две генеалогии в гармонию друг с другом, приведет нас в отчаяние от попыток примирить их и заставит нас признать вместе с более свободомыслящими критиками, что они взаимно противоречат друг другу. Следовательно, они оба не могут быть истинными.... Фактически, тогда ни одна таблица не имеет никакого преимущества перед другой. Если первое неисторично, то таково же и второе, поскольку крайне маловероятно, чтобы генеалогия малоизвестной семьи, подобной семье Иосифа, простиравшаяся на протяжении столь долгого ряда поколений, сохранялась во время всей суматохи изгнания и последовавшего за ним смутного периода.... Согласно пророчествам, Мессия мог произойти только от Давида. Итак, когда галилеянин, чье происхождение было совершенно неизвестно и о котором, следовательно, никто не мог доказать, что он не происходил от Давида, приобрел репутацию Мессии, что может быть более естественным, чем то, что традиция в различных формах рано приписала ему происхождение от Давида и что были составлены генеалогические таблицы, соответствующие этой традиции? которые, однако, поскольку они не были построены на основе определенных данных, обязательно демонстрировали бы такие различия и противоречия, которые, как мы находим,

действительно существуют между генеалогиями Матфея и Луки" ("Жизнь Иисуса" Штрауса, том I, стр. 130, 131 и 137-139).

Рассказы о нескольких ангельских предостережениях Марии и Иосифу кажутся взаимоисключающими. Большинство теологов, говорит Штраус, "справедливо утверждая, что молчание одного Евангелиста относительно события, о котором рассказывает другой, не является отрицанием события, они смешивают два рассказа следующим образом: 1, ангел сообщает Марии о ее приближающейся беременности (Лука); 2, затем она отправляется к Елизавете (то же Евангелие); 3, после ее возвращения, когда выясняется ее положение, Иосиф обижается (Матфей); после чего, 4, его также посещает ангельское видение (то же Евангелие). Но такое расположение событий, как уже отмечал Шлирмахер, сопряжено с трудностями; и кажется, что то, что рассказывается одним Евангелистом, не только предполагается, но и исключается другим. Ибо, во-первых, поведение ангела, явившегося Иосифу, нелегко объяснить, если тот же самый или другой ангел ранее являлся Марии. Ангел (в Евангелии от Матфея) говорит так, как будто его сообщение было первым в этом деле. Он не ссылается на послание, ранее полученное Марией, и не упрекает Иосифа за то, что он не поверил ему; но, более того, сообщение Иосифу имени ожидаемого ребенка и подробное изложение ему причин, по которым его следует так назвать (Матф. I. 21), было бы совершенно излишним, если бы ангел (согласно Луки I. 31) уже указал это имя Марии. Еще более непонятным является поведение обрученных сторон в соответствии с таким раскладом событий. Если бы Марию посетил ангел, который сообщил ей о приближающейся сверхъестественной беременности, разве первым побуждением хрупкой женщины не было бы поспешить сообщить своему нареченному значение божественной вести и таким образом предотвратить унижительное открытие своего положения и пагубные подозрения со стороны ее нареченного мужа? Но именно это открытие Мария позволяет Иосифу сделать у других и, таким образом, возбуждает подозрение; ибо очевидно, что выражение [греч. *heurethae en gastri echousa*] (Мат. I. 18) означает открытие, сделанное независимо от какого-либо сообщения со стороны Марии, и столь же ясно, что только таким образом Иосиф узнает о ее ситуации, поскольку его поведение представлено как результат этого открытия [греч. *(euriskesthai)*] " ("Жизнь Иисуса", т. I., стр. 146, 147).

Штраус приводит любопытный список, показывающий постепенный рост мифа, связанного с рождением Иисуса (мы можем заметить, что № 3 явно неуместен, когда речь идет об Ольсгаузене: его следует отнести к ранним Отцам Церкви, от которых Ольсгаузен его унаследовал): —

"1. Современники Иисуса и составители генеалогий: Иосиф и Мария, муж и жена —Иисус, отпрыск их брака.

2. Возраст и авторы наших историй о рождении Иисуса: Мария и Иосиф были только обручены; Иосиф не принимал участия в зачатии ребенка и до своего рождения не имел супружеской связи с Марией.

3. Ольсгаузен и другие: после рождения Иисуса Иосиф, хотя и был тогда мужем Марии, отказывается от своих супружеских прав.

"4. Епифаний, Протевангелий, Якоби и другие: Иосиф - дряхлый старик, о котором больше нельзя думать как о муже; приписываемые ему дети от предыдущего брака. Более того, он принимает Марию не как невесту или жену; он просто берет ее под свою опеку.

"5. Протеванг., Златоуст и другие: Девственность Марии не только не была разрушена никакими последующими рождениями детей у Иосифа, она ни в малейшей степени не была нарушена рождением Иисуса.

"6. Иероним: Не только Мария, но и Иосиф соблюдали абсолютную девственность, и мнимые братья Иисуса не были его сыновьями, а просто двоюродными братьями Иисуса" ("Жизнь Иисуса", т. i, стр. 188).

Таким образом, мы видим, как постепенно формируется миф, к нему добавляется кусочек за кусочком, пока история не станет полной.

Рассказ Луки о встрече Елизаветы и Марии явно мифический, а не исторический: "Помимо намерения рассказчика, можно ли считать естественным, что два друга, навещающие друг друга, даже среди самых экстраординарных событий раздражаются длинными гимнами и что их беседа полностью теряет характер диалога, естественную форму в таких случаях? Только благодаря сверхъестественному влиянию умы двух друзей могли быть настроены на состояние возвышения, столь чуждое их повседневной жизни. Но если действительно гимн Марии следует понимать как работу Святого Духа, то удивительно, что речь, исходящая непосредственно из божественного источника вдохновения, не должна более поражать своей оригинальностью, но должна быть настолько пересыпана воспоминаниями из Ветхого Завета, заимствованными из хвалебной песни, произнесенной матерью Самуила (1 Цар. ii) при аналогичных обстоятельствах. Соответственно, мы должны признать, что компиляция этого гимна, состоящего из воспоминаний из Ветхого Завета, была составлена естественным образом; но, допуская, что его композиция была совершенно естественной, ее нельзя приписать простодушной Марии, но тому, кто поэтически развил распространенную традицию относительно рассматриваемой сцены" ("Жизнь Иисуса" Штрауса, том i, стр. 196, 197).

Отсчеты времени, данные для рождения Христа, несовместимы. Согласно Матфею, он родился в царствование царя Ирода: согласно Луке, он родился через шесть месяцев после Иоанна Крестителя, чье рождение относится к царствованию того же монарха; однако у Луки он также родился во время переписи населения, которая должна была состояться по крайней мере на десять лет позже; таким образом, Лука противоречит Матфею, а также противоречит самому себе. Расхождения, связанные с рождением, еще не исчерпаны; минуя любопытные различия между Матфеем и Лукой, Матфей ничего не знает о визите пастухов, а Лука ничего о визите волхвов и последующем умерщвлении младенцев, мы приходим к прямому конфликту между евангелистами; Матфей сообщает нам, что Иосиф, Мария и младенец бежали в Египет из Вифлеема, чтобы избежать гнева царя Ирода, и что они возвращались в Иудею, когда Иосиф, услышав, что там правит Архелай, повернул в Галилею, пришел и поселился "в пустыне". город под названием Назарет." Лука, напротив, говорит, что, когда дни очищения Марии завершились, они отнесли младенца в Иерусалим и представили его в Храме, а затем, после этого, вернулись в Галилею, в "свой собственный город Назарет". Более того, если бы Ирод захотел найти его, он мог бы взять его в Храме, где его представление вызвало большой переполох. У Матфея поворот в Галилею явно является чем-то новым; у Луки это возвращение домой; а у Луки нет промежутка времени, в который можно было бы вставить бегство в Египет.

Мы можем добавить удивление, почему Галилея была более безопасным местом жительства, чем Иудея, поскольку Антипа, ее правитель, был сыном Ирода и, *на первый взгляд*, был таким же опасным, как и его брат Архелай.

Поведение Ирода кажется невероятным, если мы примем рассказ Матфея: "Первый встревоженный вопрос Ирода к волхвам - выяснить время появления звезды. Он "усердно расспрашивает" (ii. 7); и у него, должно быть, был мотив для этого. Каким был этот мотив? Могла ли у него быть какая-то другая цель, кроме определения возраста, до которого не должно быть позволено жить младенцам в окрестностях Вифлеема? Но, согласно повествованию, Ироду никогда не приходила в голову мысль убивать детей, пока он не обнаружил, что над ним "насмехались мудрецы"; и мифический характер истории раскрывается этим предвосхищением мотивов, которые в то время, о котором идет речь, не могли существовать. И все же, далее, Ирод, который, хотя и в высшей степени жесток, несправедлив и беспринципен, представлен как человек немалой проницательности, ясности цели и силы воли, и который испытывает смертельную ревность к младенцу, который, как он *знает*, недавно родился в Вифлееме, местечке всего в нескольких милях от Иерусалима, здесь описывается не как отправляющий своих собственных эмиссаров частным образом, чтобы предать его смерти, или отправляющий их с волхвами, или удерживающий волхвов в Иерусалиме, пока он не выяснит правду об их рассказе и правильности ответа жрецов и книжников, а также о том, что он просто позволил Магам уйти самим, в то же время приказав им вернуться с информацией, которой он, как показал себя, так лихорадочно добивался. Это странное поведение может быть объяснено только судебной слепотой; но те, кто прибегает к такому объяснению, должны предположить, что оно было совершено для того, чтобы спасти новорожденного Христа от смерти, которой таким образом угрожали; и если они принимают эту гипотезу, они должны далее полагать, что такое устройство также обеспечило смерть большого числа младенцев вместо одного. Естественное нежелание принимать такую идею могло бы вызвать вопрос: зачем Волхвы вообще были приведены в Иерусалим? Если они знали, что звезда была звездой Христа (ii. 2), и это знание привело их в Иерусалим, почему этого было недостаточно, чтобы направить их прямо в Вифлеем и таким образом предотвратить убийство невинных? Почему звезда покинула их после своего первого появления и больше не появлялась до тех пор, пока они не покинули Иерусалим? или, если она не покинула их, почему они спросили у Ирода и священников дорогу, по которой им следовало идти, когда, согласно гипотезе, звезда была готова указывать путь?" ("Английская жизнь Иисуса" Томаса Скотта, стр. 34, 35; изд. 1872). К этим невероятностям следует добавить тот замечательный факт, что Иосиф Флавий, излагающий очень подробную историю Ирода, полностью опускает любой намек на это чудовищное преступление.

История об искушении Иисуса полна противоречий. В Евангелии от Матфея iv. 2, 3 подразумевается, что первое посещение искушителя было совершено *после* сорокадневного поста, в то время как Марк и Лука говорят о том, что он подвергался искушениям в течение сорока дней. Согласно Матфею, ангелы пришли к нему, когда дьявол оставил его; но, согласно Марку, они служили ему все это время. Согласно Матфею, искушение низвергнуть себя является вторым испытанием, а предложение царств мира - третьим: у Луки порядок обратный. В дополнение к этим противоречиям мы должны отметить абсурдность истории. Дьявол "посадил его на вершину храма". Летали ли Иисус и дьявол вместе по воздуху, пока дьявол не сбил Иисуса с ног? Что думали люди в нижних дворах о дьяволе и человеке, стоящих на острие храма на виду у всего Иерусалима? Неужели столь необычное происшествие не вызвало удивления в городе? Где находится высокая гора, с которой Иисус и дьявол видели весь земной

шар? Правда ли, что дьявол дает власть, кому пожелает? Если это так, то почему говорится, что эти силы "предначертаны Богом"?

Другое "расхождение", касающееся отречения Петра от Христа, служит еще более убедительным доказательством того, что эти записи не дошли до нас с точностью, присущей современному персонажу, и тем более с авторитетом вдохновения. Четыре рассказа об отречении Петра значительно различаются. Вариации будут более понятными, если представить их в табличной форме" ("Христианские записи" Джайлса, стр. 228). Мы представляем таблицу, слегка измененную по расположению и исправленную в некоторых деталях:—

	МЭТЬЮ.	МАРК.	ЛУКА.	ИОАНН.
1-й.	Сидел снаружи, во дворце, с девицей.	Внизу, во дворце, у камина, к служанке.	Посреди зала, где судили Иисуса, сидела у огня служанка.	Войдя к девице, которая прикрывала дверь.
2-й.	Вышел на крыльцо, выйдя из комнаты, отвечая второй служанке.	На крыльце, выйдя из комнаты, отвечая второй горничной.	Все еще в холле, отвечая мужчине.	В холле, стоя у камина, отвечая прохожим.
3-й.	На крыльце, обращаясь к прохожим.	На крыльцо, к прохожим.	Все еще в холле, к мужчине.	Все еще в холле, с мужчиной.

В дополнение к этим расхождениям мы обнаруживаем, что Иисус пророчествует, что Петр трижды отречется от него "до того, как пропоет петух", в то время как у Марка петух пропоет сразу после первого отречения: у Луки Иисус и Петр остаются на протяжении всей сцены отречения в одном зале, чтобы Господь мог повернуться и посмотреть на Петра; в то время как Матфей и Марк помещают его "внизу" или "снаружи" и заставляют третье отречение происходить на внешнем крыльце — месте, где Иисус, судя по контексту, определенно не мог его видеть.

Как долго длилось служение Иисуса? Лука относит его крещение к пятнадцатому году правления Тиберия (iii. 1), и он мог быть распят при Понтии Пилате в любое время в течение последующих семи лет. Синоптики упоминают только одну Пасху, и на ней Иисус был распят, что ограничивает его служение одним годом, если только он не нарушил закон Моисея и не пренебрег праздником; очевидно, что его триумфальный въезд в Иерусалим - это его первый визит туда в зрелом возрасте, поскольку мы видим, что весь город пришел в движение и люди спрашивают: "Кто это? И народ сказал: это Иисус, Пророк из Назарета Галилейского" (Мф. xxi. 10, 11). Его личность была бы хорошо известна, если бы он раньше посетил Иерусалим и творил там чудеса. Однако, если мы обратимся к Четвертому Евангелию, его служение должно длиться не менее двух лет. Согласно Иринею, он "не очень хотел быть пятидесятилетним", когда евреи спорили с ним ("Против ересей", bk. ii., гл. 22, с. 6), и он преподавал почти двадцать лет. Доктор Джайлс отмечает, что "первые три Евангелия ясно описывают события только одного года; доказать, что они ошибочны или неполноценны в такой важной детали, как эта, значило бы сильно умалить их ценность" ("Христианские записи", стр. 112). "Согласно первым трем

Евангелиям, общественная жизнь Христа длилась всего один год, в конце которого он отправился в Иерусалим и был распят" (Там же, стр. 11). "Состоялся бы этот допрос [при триумфальном въезде], если бы Иисус часто посещал Иерусалим и был там хорошо известен? Толпа, ответившая на этот вопрос и знавшая Иисуса, состояла из тех, "кто пришел на праздник", — святой Иоанн указывает на это [xii. 12], — но жители Иерусалима не знали его и, следовательно, спрашивали: "Кто это?" (Там же, стр. 113). Дело в том, что мы ничего не знаем наверняка о рождении, жизни и смерти этого предполагаемого Христа. Его история - сплошное сплетение противоречий. Невозможно поверить, что Синоптики и четвертое Евангелие вообще рассказывают историю одного и того же человека. Речи Иисуса в Синоптических Евангелиях просты, хотя и параболичны; в Четвертом они мистичны и постоянно неправильно понимаются людьми. Отмечены исторические расхождения. Четвертое Евангелие сообщает нам (гл. 1), что в начале своего служения Иисус был в Вифаваре, городке недалеко от слияния Иордана с Мертвым морем; здесь он обрел трех учеников, Андрея и еще одного, а затем Симона Петра: на следующий день он отправляется в Галилею и находит Филиппа и Нафанаила, а на следующий день — довольно быстрым путешествием — он присутствует с этими учениками в Кане, где совершает свое первое чудо, после чего отправляется с ними в Капернаум и Иерусалим. В Иерусалиме, куда он отправляется на "еврейскую Пасху", он изгоняет торговцев из храма и замечает: "Разрушьте этот храм, и через три дня я воздвигну его": это замечание вызывает первое из странных недоразумений между Иисусом и евреями, характерных для этого Евангелия, простых заблуждений, которые Иисус никогда не утруждает себя исправлением. Затем Иисус и его ученики идут к Иордану, крестя, откуда Иисус отправляется с ними в Галилею, потому что он слышит, что фарисеи знают, что он становится более популярным, чем Креститель (гл. iv., 1, 3). Все это происходит до того, как Иоанна бросают в тюрьму, что является удобным указанием времени. Мы переходим к началу служения Иисуса, о котором рассказывают трое. Иисус находится на юге Палестины, но, услышав, что Иоанн брошен в темницу, он отправляется в Галилею и поселяется в Капернауме. Нет никаких упоминаний о каком-либо служении в Галилее и Иудее до этого; напротив, только "с того времени" *"Иисус начал проповедовать"*. Он один, без учеников, но, прогуливаясь у моря, он встречает Петра, Андрея, Иакова и Иоанна и призывает их. Теперь, если четвертое Евангелие истинно, эти люди присоединились к нему в Иудее, последовали за ним в Галилею, снова на юг, в Иерусалим, и обратно в Галилею, видели его чудеса и признали его Христом, поэтому кажется странным, что они оставили его и нуждались во втором призыве, и еще более странно, что Петр (Луки, ст. 1-11) был так поражен чудом с рыбами. Изгнание торговцев из храма помещено синоптиками в самом конце его служения, а замечание, последовавшее за ним, использовано против него на суде: вероятно, это было сделано непосредственно перед этим. Следующая точка соприкосновения - история 5000 человек, накормленных пятью хлебами (глава vi); предыдущая глава повествует о посещении Иерусалима, незамеченном этими тремя: действительно, кажется, что истории написаны о двух людях, один из которых "пророк из Галилеи", проповедующий в ее городах, другой концентрирует свою энергию на Иерусалиме. Рассказ о чудесном кормлении во всем похож; не таков последующий рассказ о множестве людей. В четвертом Евангелии Иисус и толпа, как обычно, вступают в спор, и он теряет многих учеников: среди троих Лука ничего не говорит о непосредственно последовавших событиях, в то время как Матфей и Марк сообщают нам, что толпы — что было бы естественно — столпились вокруг него, чтобы коснуться даже края его одежды. Это то же самое, что и всегда: в трех случаях толпа любит его; в четвертом она придирается к нему и спорит с ним. Мы должны снова пропустить пребывание Иисуса в Галилее, согласно трем, и его посещение Иерусалима, согласно одному, и перейти к его

триумфальному въезду в Иерусалим. Здесь мы замечаем удивительное расхождение: в синоптических Евангелий рассказывают, что он шел в Иерусалим из Галилеи, и, приехав по дороге в Виффагию, он послал за осла и сел на него в Иерусалиме: четвертое Евангелие повествует, что он пребывал в Иерусалиме, а выходя из него, из опасения от иудеев, он ушел на пению, а не в Галилею, но по эту сторону Иордана, на то место, где Иоанн сначала крестил, *например*, в Вифаваре, и *там он жил*. Оттуда он отправился в Вифанию и воскресил к жизни гниющего трупа: поразительное чудо никогда не обращался к ранее истории в доказательство своего барского величия, хотя много людей из иудеев, как говорят, видели, Лазарь после Своего воскресения; это чудо и послужило причиной для активной враждебности священников, с этого дня вперед.' Затем Иисус удаляется в Ефраим близ пустыни, из какого города он уходит в Вифанию, и оттуда с торжеством в Иерусалим, где его встречали люди, на что они слышали, что он сотворил это чудо. Две учетные записи не имеют совершенно ничего общего, кроме Входа Господня в Иерусалим, и предшествующие события синоптиков исключить те из четвертого Евангелия, как это делает последний их. Если Иисус обитал в Вифаваре и Ефреме, он не мог быть родом из Галилеи; если он начал с Галилеи, он не жил на юге. Иоанна xiii.-xvii. стоят особняком, за исключением упоминания о предателе. При аресте Иисуса его ведут (гл. xviii. 13) Анне, которая отправляет его к Каиафе, в то время как другие отправляют его непосредственно к Каиафе, но это несущественно. Затем его отводят к Пилату: иудеи не входят в зал суда, чтобы, будучи оскверненными, не съесть пасху, праздник, который, согласно Синоптикам, закончился, поскольку Иисус и его ученики ели его накануне вечером. Иисус предстает перед народом в шестой час (гл. xix. 14), в то время как Марк сообщает нам, что он был распят за три часа до этого — в третьем часу — указание времени, которое согласуется с другими, поскольку все они сообщают, что с шестого по девятый час была темнота, *т.е.*, была густая темнота в то время, когда, "согласно Святому Иоанну", Иисус был разоблачен. Здесь наш евангелист находится в безнадежном конфликте с тремя. Рассказы о воскресении непримиримы во всех Евангелиях и взаиморазрушительны. Остается заметить среди этих расхождений один или два момента, которые не были уместны в ходе повествования. На протяжении всего четвертого Евангелия мы находим, что Иисус постоянно отстаивает свое право на титул Мессии. Андрей говорит о нем как о таковом (i. 41); самаряне признают его (iv. 42); Петр владеет им (vi. 69); люди называют его так (vii. 26, 31, 41); Иисус утверждает это (viii. 24); это предмет закона (ix. 22); Иисус говорит об этом так, как он уже утверждал (x. 24, 25); Марфа признает это (xi. 27). Таким образом, мы обнаруживаем, что с самого начала Иисус открыто претендовал на этот титул, и евреи открыто отстаивали его право на него. Но — в трех — ученики признают его Христом, и он поручает им "не говорить *никому*, что он был Иисусом Христом" (Мф. xvi. 20; Марк. viii. 29, 30; Лука. ix. 20, 21); и это в том же году, когда он обвиняет евреев в том, что они не признают этого Мессианства, поскольку он сказал им, кем он был "с самого начала" (гл. viii. 24, 25): так что, если "Иоанн" был прав, мы не видим цели всей тайны, связанной с этим, о которой повествует Евангелие. Синоптики. Мы также отмечаем, что Петра, по их рассказу, хвалят за то, что он исповедал его, ибо плоть и кровь не открыли ему этого, в то время как в четвертом Евангелии "плоть и кровь" в лице Андрея открывают Петру, что Христос найден; и, кажется, Петру мало хвалят за признание, которое было сделано двумя или тремя годами ранее Андреем, Нафанаилом, Иоанном Крестителем и самаритянами. Противоречие едва ли может быть более прямым. В Евангелии от Иоанна vii. Иисус признает, что евреи знают место его рождения (28), и они заявляют (41, 42), что он родом из Галилеи, в то время как Христос должен был родиться в Вифлееме. Матфей и Лука ясно говорят, что Иисус родился в Вифлееме; но здесь Иисус признает правильность знаний тех, кто приписывает его место рождения Галилее, вместо

того, чтобы разрешить их затруднения, объяснив, что, хотя он вырос в Назарете, он родился в Вифлееме. Но наш автор, по-видимому, не знал об их рассказах ("Согласно святому Иоанну", от Анни Безант. Серия Скотта, стр. 11-14, изд. 1873). Таковы лишь некоторые из противоречий в Евангелиях, которые вынуждают нас отвергать их как исторические повествования.

(3) *Тот факт, что история героя, доктрины, чудеса были актуальны задолго до предполагаемых дат написания Евангелий* и т.д. Существуют две мифические теории относительно развития истории Иисуса, которые требуют нашего внимания; первая, наиболее известным представителем которой является Штраус, которая признает историческое существование Иисуса, но рассматривает его как фигуру, вокруг которой вырос миф, сформированный мессианскими ожиданиями евреев; вторая, которая безразлична к его историческому существованию и рассматривает его как нового героя древнего солнцепоклонничества, преемника Митры, Кришны, Осириса, Вакха и т.д. Для этой школы не имеет значения, был ли Иисус из Назарета или нет, точно так же, как не имеет значения, существовали ли Кришна или Осирис в истории или нет; это *Христос*, бог Солнца, а не *Иисус*, еврейский крестьянин, которому они поклоняются в христианском мире и который, следовательно, является объектом их интереса.

Согласно первой теории, все, чего ожидали от Мессии, было приписано Иисусу. "Когда не просто особая природа и способ совершения события вызывают критическое подозрение, его внешние обстоятельства представляются чудесными и тому подобное; но когда аналогичным образом существенная субстанция и основа либо непостижимы сами по себе, либо находятся в поразительной гармонии с какой-либо мессианской идеей евреев того времени, тогда не только конкретный предполагаемый ход и способ совершения сделки, но и все событие в целом должно рассматриваться как неисторическое" (Штраус "Жизнь Иисуса", том i, стр. 94). Мифическая теория принимает историческую основу для многих историй об Иисусе, но она не стремится объяснить чудесное, сводя его к естественному — как, например, объясняя, что история о преображении возникла из факта тайной встречи Иисуса с двумя мужчинами и из яркости солнечного света, ослепляющего глаза учеников, — но она приписывает невероятные части истории мессианским теориям, распространенным среди евреев. Мессия сделал бы то—то и то-то; Иисус был Мессией; следовательно, Иисус сделал то-то и то-то - таков, утверждают сторонники мифологической теории, был метод, с помощью которого был разработан миф. Теория находит некоторое подтверждение, например, в своеобразном отношении Юстина Мученика, который верит во многие вещи об Иисусе не потому, что так записано о нем в истории, а потому, что пророки утверждали, что такие вещи должны произойти с Мессией. Таким образом, Иисус происходит от Давида, потому что Мессия должен был прийти из рода Давида. О его рождении возвещает ангел-визитер, потому что рождение Мессии должно почитаться не менее, чем рождение Исаака или Самсона; он рожден от девы, потому что Бог говорит о Мессии: "В этот день я родил тебя", подразумевая прямое отцовство Бога, и потому что пророчество в Ис. vii. 14 применяется к Мессии на более поздние евреи (см. Септуагинта перевод, [греч. Парфенос], *чистой Девой*, в то время как древнееврейское слово [на иврите: проект almah] означает, молодая женщина; на иврите слово Виргинские [иврит: betulah] не используется в тексте из книги пророка Исаии), идеи "Сын Божий" и "сын девственницы" дополняя друг друга; родился в Вифлееме, потому что есть Мессия должен был родиться (Мика В. 1); объявил пастухам, потому что Моисей был посещаемым среди стада, и Дэвид взят из овчарни в Вифлееме; возвестили звезды, потому что звезды должны возникать от Иакова (числ. XXIV. 17), и "придут народы к свету твоему" (ИС. ЛК. 3); поклонялись волхвы, потому что звезда

была замечена на Валаам, маг, и астрологи будут те, кто будет наиболее заметить звезды; подарки эти восточные мудрецы, потому что цари Аравии и Савы должна приносить дары (Пс. lxxii. 10); спасены от уничтожения младенцев ревнивым королем, потому что Моисея, одного из великих видов Мессии, так был спасен будет; полеты в Египет и возвращение оттуда, потому что Израиль опять прообразом Мессии, так бежали и возвратились, и "из Египта воззвал я сына моего" (Ос. XI. 1); в двенадцать лет в храме, потому что в обязанности законом, возлагается на еврейского мальчика в этом возрасте, и где должен Мессия, то найдете сохранить в храм своего отца? распознанный при его крещении божественным голосом, чтобы исполнить Ис. xlii. 1; парящий над голубем, потому что носящийся Дух (Быт. i. 2) считался подобным голубю, и Дух должен был быть особенно излит на Мессию (Ис. xlii. 1); искушаемый дьяволом, чтобы испытать его, потому что Бог испытывал своих величайших слуг и, несомненно, испытал бы Мессию; постившийся сорок дней в пустыне, потому что прообразы Мессии — Моисей и Илия — таким образом постились в пустыне; исцеляющий всевозможные болезни, потому что Мессия должен был исцелять (Ис. xxxv. 5, 6); проповедующий, потому что Мессия должен был проповедовать (Ис. lxi. 1, 2); распятый, потому что руки и ноги Мессии должны были быть пронзены (Пс. xxii. 16); осмеянный, потому что Мессия должен был быть осмеянным (там же, 6-8); его одежды разделены, потому что так было сказано о Мессии (Там же, 18); молчать перед своими судьями, потому что Мессия не должен был открывать своих уст (Ис. 7); похороненный богатыми, потому что Мессия должен был таким образом найти свою могилу (Ib. 9); воскресший, потому что Мессия не мог быть оставлен в аду (Ps. xvi. 10); сидящий одесную Бога, потому что там Мессия должен был воссесть как царь (Ps. cx. 1). Таким образом, была отлита форма Мессии, и все, что нужно было сделать, - это отлить человеческий металл; те, кто утверждал, что Мессия пришел в лице Иисуса из Назарета, приспособили его историю к истории Мессии, залив историю Иисуса в форму, уже изготовленную для Мессии, и таким образом миф превратился в историю.

Эта теория значительно подкрепляется изучением пророчеств, цитируемых в Новом Завете, поскольку мы обнаруживаем, что они очень плохо "изложены"; возьмем в качестве образца те, которые упоминаются в Евангелиях от Матфея i и ii. "И ныне, все это было сделано, чтобы исполнилось то, что было сказано о Господе через пророка, говорящего: вот, дева будет во чреве" и т.д. (i. 22, 23). Если мы обратимся к Ис. vii., откуда взято пророчество, мы увидим искажение отрывка, необходимое для того, чтобы превратить его в "мессианское пророчество". Ахаз, царь Иудеи, находится под сильным давлением царей Самарии и Сирии, и Господь обещал ему избавление до того, как сын девы, Эммануил, достигнет возраста, когда можно будет различать добро и зло. Трудно сказать, каким образом Ахаз мог быть дан в качестве знамения рождения, которое должно было произойти только более чем через 700 лет, и мы не можем поверить, что Ахаз не был избавлен от своих врагов до тех пор, пока Иисус не стал достаточно взрослым, чтобы отличать добро от зла. Согласно Евангелиям, имя "Эммануил" никогда не давалось Иисусу, а в пророчестве даровано ребенку просто как обещание, что, поскольку "Бог" "с нами", Иуда будет избавлен от своих врагов. Об одном и том же ребенке ясно говорится как о ребенке Исая и его жены в Ис. viii. 3, 4; а в стихах 6-8 мы находим, что два царя Самарии и Сирии будут завоеваны царем Ассирии, который наполнит "землю твою, о Эммануил!" таким образом, отчетливо указывается на обетованное дитя, жившее в то время. Еврейское слово, переведенное как "девственница", не означает, как мы уже показали, "непорочная девственница", как переведено в Септуагинте. Оно используется для обозначения молодой женщины, женщины на выданье или даже для описания женщины, которую обнимает мужчина. Предполагаемое пророчество Михея в Евангелии от Матфея ii. 5, 6 так же

неприменимо ко Христу, как и пророчество Исаяи. Возвращаясь к Михею, мы обнаруживаем, что тот, "кто будет правителем в Израиле", родится в Вифлееме, но Иисус никогда не был правителем в Израиле, и поэтому это описание не может быть применено к нему; кроме того, заканчивая отрывок из книги Михея (ст. 5), мы читаем, что этот же правитель "будет миром, когда ассирийцы придут в нашу землю", так что пророчество имеет местное и непосредственное исполнение в обстоятельствах того времени. Матфея ii. 15 превращается в пророчество только благодаря использованию второй половины исторической ссылки в Книге Осии на исход Израиля из Египта; было бы столь же разумно доказать таким образом, что Библия учит отрицанию Бога: "как сказано пророком Давидом, Бога нет". Исполнение изречения пророка Иеремии так же верно, как и все предыдущие (стихи 17, 18); Иеремия просит Рахель не плакать о детях, которые уведены в рабство, "ибо они снова придут из земли врага... дети твои возвратятся в пределы свои" (Иер. xxxi. 16, 17). Очень применимо к зарезанным младенцам, и так честно со стороны "Матфея" процитировать именно ту часть "пророчества", которая служила его цели, опустив то, что меняло весь его смысл. После этих примеров мы не удивляемся, обнаружив, что, будучи не в состоянии найти пророчество, которое можно было бы исказить в соответствии со своей целью, наш евангелист спокойно изобретает его и (стих 23) использует пророчество, которого нет в том, что было "изречено пророками". Нет необходимости рассматривать все другие отрывки, известные как мессианские пророчества, поскольку со всеми ними можно обращаться, как указано выше; руководящее правило состоит в том, чтобы в каждом случае обращаться к Ветхому Завету и не доверять цитате, приведенной в Новом, а затем читать весь контекст "пророчества", вместо того чтобы довольствоваться несколькими словами, которые, насильно вырванные из их естественного значения, придали им поверхностное сходство с историей, записанной в Евангелиях.

Вторая теория, рассматривающая Иисуса как нового героя древнего солнцепоклонничества, полна величайшего интереса. Дюпюи в своем великом труде о солнцепоклонстве ("Происхождение наших культов") подробно описал различные мифы о солнце и указал на их общие черты. Вкратце эти моменты сводятся к следующему: герой рождается примерно 25 декабря без полового акта, поскольку солнце, вступающее в день зимнего солнцестояния, появляется в знаке Девы, небесной девственницы. Его мать остается вечно девственной, поскольку лучи солнца, проходя через зодиакальный знак, оставляют его нетронутым. Его младенчество сопряжено с опасностями, потому что новорожденное солнце слабо светит среди зимних туманов, которые угрожают поглотить его; его жизнь полна тяжелого труда и опасностей, кульминацией которых является весеннее равноденствие в последней борьбе с силами тьмы. В этот период день и ночь равны, и оба борются за господство; хотя ночь закрывает солнце, и он кажется мертвым; хотя он сошел с глаз долой, под землю, все же он восходит снова с триумфом, и он восходит в знаке Агнца, и таким образом является Агнцем Божьим, унося тьму и смерть зимних месяцев. Отныне он торжествует, становясь все сильнее и блистательнее. Он восходит в зенит, и там он сияет "одесную Бога", сам Бог, сама сущность Отца, сияние его славы и "выразительный образ его личности", "поддерживая все" своим теплом и своей животворящей силой; оттуда он изливает жизнь и тепло на своих почитателей, отдавая им самого себя, чтобы стать их жизнью; его сущность переходит в виноград и зерно, поддерживающие здоровье; вокруг него двенадцать последователей, двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев в году. его день, День Господень, - воскресенье, день Солнца, и его ежегодный путь, постоянно возобновляющийся, каждый год отмечается новыми

памятниками о его карьере. Знаки появляются в длинном ряду героев солнца, образуя череду божеств, в действительности старых, хотя и с новыми именами.

Возможно, стоит отметить, что Иисус, как говорят, родился в Вифлееме, слово, которое доктор Инман переводит как дом "горячего" ("Древние веры", том i, стр. 358; изд. 1868); Вифлеем обычно переводится как "дом хлеба", и сомнение возникает из—за того, что буквы иврита изначально не были обозначены, а точки, эквивалентные гласным звукам, были вставлены в более поздние времена; это, естественно, приводит к большой широте интерпретации, гласные вставляются всякий раз, когда автор или переводчик считает, что они должны входить или там, где этого требует традиционное чтение (см. Часть 1., стр. 13 и 31, 32).

Каждый момент в истории Иисуса может иметь параллели с более ранними рассказами; о рождении Кришны было предсказано; он родился от Деваки, хотя она была заперта в башне, и ни одному мужчине не разрешалось приближаться к ней. Дэвы воспели его рождение — индуистский эквивалент слова "ангелы", — и вокруг того места, где он находился, засиял яркий свет. Его преследовал гнев короля-тирана Кансы, который боялся, что Кришна вытеснит его в королевстве. Младенцы в округе были убиты, но Кришна чудесным образом спасся. Он воспитывался среди бедняков, пока не достиг зрелости. Он проповедовал чистую мораль и повсюду творил добро. Он исцелял прокаженных, больных, увечных и воскрешал мертвых. Женщина помазала ему голову; он омыл ноги браминам; его преследовали, и в конце концов он был убит, будучи распят. Он спустился в ад, воскрес из мертвых и вознесся на небеса (см. "Азиатские исследования", том i; о "Богам Греции, Италии и Индии" сэра Уильяма Джонса, эссе, которое, хотя и очень несовершенное, содержит много в высшей степени поучительного). Он живописно изображен стоящим на змее, олицетворении зла; его нога сокрушает ее голову, в то время как клык змеи пронзает его пятку; также, с нимбом вокруг головы, этот нимб всегда является символом бога Солнца; также, с пронзенными руками и ногами - священными стигматами — и с дырой в боку. На самом деле, некоторые из его изображений невозможно было отличить от изображений распятого Иисуса.

Имя "Кришна" сэром Уильямом Джонсом и многими другими пишется как "Кришна", и я видел, как оно пишется как "Кришна". Сходство, которое оно имеет, когда написано таким образом, с "Христом", только очевидное, этимологического сходства нет. Кришна происходит от санскритского "Криш" - царапать, рисовать, раскрашивать. Кришна означает черный или фиолетового цвета; Христос происходит от греческого [греческий: кристос] - помазанник. Полковник Вэллэнси, по словам сэра У. Джонса, сообщил ему, что "Кришна" по-ирландски означает Солнце ("As. Res.", стр. 262; изд. 1801); и нет никаких сомнений в том, что индуистский Кришна - бог Солнца; "фиолетовый цвет" вполне может быть отсылкой к глубокой синеве летнего неба.

Если Моисей - прообраз Христа, разве Вакх не должен быть удостоен такой же чести? В древних орфических стихах говорилось, что он родился в Аравии; был подобран в ящике, который плавал по воде; был известен под именем Мизес, что означает "извлеченный из воды"; у него был жезл, который он мог превращать в змею и с помощью которого он творил чудеса; возглавляя свою армию, он пересек Красное море сухим путем; он разделил реки Оронт и Гидасп своим жезлом; он черпал воду из камня; там, где он проходил, земля была полна вина, молока и меда (см. "Диегезис", стр. 178, 179).

Имя Христос Иисус - это просто помазанный Спаситель, или же Крестос Иисус, добрый Спаситель; титул, не свойственный Иисусу из Назарета. Мы находим Hesus, Jesous, Да или Иес. Это последнее имя, [греч.: Iaes], было одним из титулов Бахуса, и простое окончание "us" превращает его в "Иисус"; отсюда происходит священная монограмма I.H.S., на самом деле греческая [греч.: UАeS] — IES; греческую букву [греч.: Ae], которая является заглавной буквой E, по невежеству приняли за латинскую H, и таким образом древнее имя Бахус было преобразовано в латинскую монограмму Иисуса. В обоих случаях буквы окружены ореолом - солнечными лучами, символизирующими солнечное божество, к которому они относятся. Этот ореол окружает головы богов, олицетворяющих солнце, и постоянно встречается в индийских скульптурах и картинах.

Геракл с его двенадцатью подвигами - еще один источник христианских легенд. "Хорошо известно, что под Геркулесом в физической мифологии язычников подразумевалось *Солнце*, или *солнечный свет*, и его двенадцать знаменитых подвигов были отнесены к прохождению солнца через двенадцать знаков зодиака; и это, возможно, не без некоторого основания. Но подвиги Геркулеса, по—видимому, имели еще более высокий смысл и изначально были задуманы как символические памятники того, что настоящий *Сын Божий* и *Спаситель мира* должен был делать и страдать ради нас — [греч. Noson Theletaeria panta komixon] - "*Приносящий лекарство от всех наших недугов*", как говорится в орфическом гимне о Геркулесе" ("Еврейский словарь" Паркхерста, стр. 520; изд. 1813). Поскольку история о Геракле появилась первой по времени, она должна быть либо пророчеством о Христе, недопустимым предположением, либо одним из источников, из которых была почерпнута история о Христе.

Эскулап, языческий "Добрый врач" и "добрый Спаситель", исцелял больных и воскрешал мертвых. Он был сыном Бога и Корониды, и его охранял пастух.

Прометей - еще один предтеча Христа, распростертый в крестообразной позе на скалах, мучимый Юпитером, Отцом, за то, что он принес помощь человеку и победу для человека своими муками, светом и знанием.

Осирис, великий египетский Бог, имеет много общего с христианским Иисусом. Он был и богом, и человеком и когда-то жил на земле. Он был убит злым Тифоном, но воскрес из мертвых. После своего воскрешения он стал Судьей всех людей. Раз в год египтяне праздновали его смерть, оплакивая его убийство дьяволом: "эта скорбь по поводу смерти Осириса не избежала некоторых насмешек; ибо Ксенофан, ионианин, остроумно заметил жрецам Мемфиса, что если они считают Осириса человеком, они не должны поклоняться ему, а если они считают его Богом, им не нужно говорить о его смерти и страданиях.... Из всех богов только у Осириса было место рождения и место погребения. Местом его рождения была гора Синай, которую египтяне называли горой Нисса. Отсюда произошло греческое имя бога Дионис, которое совпадает с еврейским Иегова-Нисси" ("Египетская мифология и египетское христианство" Сэмюэля Шарпа, стр. 10, 11; изд. 1863). Различные места претендовали на почетное его захоронение. "Серапис" было именем бога, образованным из "Осириса" и "Аписа", священного быка, и мы находим (см. ante, стр. 206), что император Адриан писал, что "поклоняющиеся Серапису - христиане", и что епископы Сераписа были епископами Христа; хотя истории различаются в деталях, что естественно, поскольку христианская история модифицирована другими мифами — Осирис, например, женат, — общая схема та же. В разделе II мы увидим, насколько насквозь языческим является происхождение христианства.

Мы находим, что Первые Отцы Церкви были достаточно готовы прибегнуть к этим аналогиям, чтобы рекомендовать свою религию. Иустин Мученик утверждает: "Когда мы говорим, что слово, которое является первым рождением Бога, было произведено без сексуального союза, и что он, Иисус Христос, наш учитель, был распят и умер, и воскрес, и вознесся на небеса, мы не утверждаем ничего отличного от того, во что вы верите относительно тех, кого вы считаете сынами Юпитера. Ибо вы знаете, скольких сыновей ваши уважаемые писатели приписывают Юпитеру; Меркурий, истолковывающий слово и учитель всех; Эскулап, который, хотя и был великим врачом, был поражен ударом молнии и таким образом вознесся на небеса; и Вакх тоже, после того как его разорвало на части; и Геркулес, когда он предал себя огню, чтобы спастись от тяжких трудов; и сыновья Леды, диоскуры; и Персей, сын Данаи; и Беллерофонт, который, хотя и происходил из смертных, восстал из мертвых. на небеса на коне Пегасе" ("Первая апология", гл. xxi). "Если мы утверждаем, что Слово Божье было рождено от Бога особым образом, отличным от обычного зарождения, пусть это, как сказано выше, не будет чем-то экстраординарным для вас, кто говорит, что Меркурий - это ангельское слово Бога. Но если кто-то возражает против того, что он был распят, то и в этом он стоит наравне с теми предполагаемыми сыновьями вашего Юпитера, которые пострадали так, как мы сейчас перечислили.... И если мы даже утверждаем, что он был рожден от девственницы, примите это так же, как вы принимаете Персея. И когда мы говорим, что он исцелял хромых, паралитиков и слепорожденных, мы, кажется, говорим то, что очень похоже на деяния, которые, как говорят, были совершены Эскулапом" (Там же, гл. xxi.). "Платон подобным образом говорил, что Радамант и Минос накажут нечестивцев, которые были до них; и мы говорим, что то же самое будет совершено, но рукой Христа" (там же, гл. viii.) В гл. 15. Юстин утверждает, что дьяволы изобрели всех этих богов для того, чтобы, когда придет Христос, его история казалась еще одной чудесной сказкой, подобной ее предшественницам! В целом, мы едва ли можем удивляться, что Цецилий (около 211 г. н.э.) насмеялся над ранними христианами этими фактами: "Все эти выдумки слабоумных самоуверенных людей и глупые утешения, разыгрываемые в сладости песен лживыми поэтами, вами, слишком доверчивыми созданиями, были постыдно реформированы и переданы вашему собственному Богу" (цитируется в книге Р. Тейлора "Диегезис", стр. 241). То, что доктрины христианства имели то же происхождение, что и история Христа и приписываемые ему чудеса, мы докажем в разделе ii., в то время как раздел iii. докажет то же самое в отношении его морали. Судья Стрейндж справедливо замечает: "Еврейские Священные Писания и традиционное учение их врачей, ессеев и терапевтов, греческих философов, неоплатонизм Александрии и буддизм Востока дали достаточный материал для составления доктринальной части новой веры; божественно сотворенные персонажи греческого и римского пантеонов, сказания о египетском Осирисе и индийских Раме, Кришне и Будде послужили материалом для создания образа нового спасителя человечества; и каждая окружающая мифология послужила образцом для подражания". о "могущественных деяниях", которые должны были быть приписаны ему для привлечения и порабощения его последователей: и таким образом, сначала из иудаизма, и, наконец, из недр язычества, мы получили наше зрелое выражение христианства" ("Портрет и миссия Иисуса", стр. 27). Исходя из массы фактов, собранных воедино выше, мы утверждаем, что Евангелиями по себе совершенно недостойны доверия, исходя из (1) чудес, которыми они изобилуют, (2) многочисленных противоречий одного другому, (3) того факта, что история героя, доктрины, чудеса были актуальны задолго до предполагаемых дат написания Евангелий; так что эти Евангелия представляют собой просто лоскутное одеяло, составленное из более старых материалов.

Таким образом, мы исследовали шаг за шагом предполагаемые свидетельства христианства, как внешние, так и внутренние; мы обнаружили, что невозможно полагаться на его внешних свидетелей, в то время как внутреннее свидетельство фатально для его утверждений; оно одновременно неподтвержденно снаружи и невероятно внутри. После серьезного изучения и тщательного сопоставления доказательств мы оказываемся вынуждены утверждать, что СВИДЕТЕЛЬСТВА ХРИСТИАНСТВА НЕНАДЕЖНЫ.

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ДАТЫ ГЛАВНЫХ ХРИСТИАНСКИХ И ЕРЕТИЧЕСКИХ АВТОРИТЕТОВ.

н. э.

Между 92 и 125 годами	Климент Римский	Очень сомнительно
Между 90 и 138 годами	Варнава " "	
Говорят , что он принял мученическую смерть при Игнатии " "		
Между 117 и 138 годами	Квадрата " "	
Возможно , 138	Гермас " "	
Около 150-170 гг.	Папий " "	
Около 135-145 гг.	Василид и " "	
Валентин		
Около 140-160 Маркион		
, как говорят , принял мученическую смерть 166 Поликарп		Очень сомнительно ,
Говорят , что он принял мученическую смерть 166 Джастин Мученик		
После 166	Гегезипп	
Около 177 г. Послание из Лиона		
и Вены		
Между 150 и 290 гг.	Клементины	Реальная дата совершенно неизвестна
Между 166 и 176 годами Дионисий Коринфский		
Около 176	Афинагор	
между 170 и 175 годами Татиан		
с 177 по около 200 год	Ириней	
около 193 года Тертуллиан		
около 200 года	Цельс	Очень сомнительно
205	Климент Александрийский	
преуспел на посту главы		
школы.		
Около 205 г.	Порфирий	
205-249	Origen	

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ДЕСЯТЬ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ.

61 год н. э.
при Нероне
81 " Домициане "
107 " Траяне
166 " Марке Аврелии
193 " Севере
235 при Максимине
249 " Деции
254 " Валериане
272 " Аврелиане
303 " Диоклетиане

ДАТЫ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ При ПРЕДПОЛАГАЕМОМ РОЖДЕНИИ ХРИСТА.

Augustus Cæsar

A.D.

14 Tiberius
33 Caligula
41 Claudius
54 Nero
68 Galba
 Отон
69 Вителлий
69 Веспасиан
79 Тит
81 Домициан
96 Нерва
98 Траян, связанный с
117 Адрианом
138 Антонином Пием
161 Марком Аврелием
180 Коммодом
192 Пертинаксом
193 Юлианом
Севером
211 Каракаллой и Гетой
217 Макрином
218 Гелиогабалом
222 Александром Севером
235 Максиминном
237 Гордианами
 Максим и Гальбин
238 Максим, Гальбин и Гордиан
238 Только Гордиан

244 Филипп
249 Деций
251 Галл
253 Валериан
260 Галлиен
268 Клавдий
270 Аврелиан
275 Тацит
276 Флориан
276 Проб
282 Кар
283 Карин и Нумериан
285 Диоклетиан
286 Максимиан, связанный
305 Галерий и Констанций
305 Север и Максимин
306 Константин
 Licinius
 Максенций
324 Один Константин

УКАЗАТЕЛЬ К РАЗДЕЛУ I. ЧАСТИ II.

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ КНИГ.

Адриан... 206
цитируется Мередит...[225](#)Агбар, письмо Евсевия...[243](#)Акиба, цитируется Кеймом...[315](#)Элфорд, Греческий Завет...[288](#)Апостольские отцы...[215](#), [216](#), [217](#), [218](#), [220](#), [221](#), [230](#)Афинагор, Апология...[226](#)Августин, Синтагма, цитируется в Диегезе...[234](#)
Варнава, Послание...[233](#), [302](#)Безант, Согласно святому Иоанну...[337](#)Батлер, "Жития отцов" и т. Д. ...[324](#)
Цецилий, цитируемый в "Диегезе"...[348](#)Цельс, цитируемый Нортоном...[233](#)Климент, Первое послание...[233](#), [299](#), [300](#), [301](#)Клементина, Проповеди...[310](#)цитируется в "Сверхъестественной религии"...[301](#)Корпус Игнатианов, цитируемый в "Апостольских отцах"...[218](#)
Дэвидсон, Введение в Новый Завет...[286](#), [294](#), [295](#), [296](#), [298](#)
Элликотт, цитируемый в Апокрифических Евангелиях Каупера...[250](#)Эпиктет...[206](#)Епифаний, цитируемый Нортоном...[297](#)Евсевий, Церковная история...[216](#), [230](#), [231](#), [234](#), [243](#), [246](#), [248](#), [250](#), [257](#), [260](#), [277](#), [279](#), [284](#), [290](#), [291](#), [292](#), [294](#), [321](#), [323](#)цитируется у Апостольских отцов...[217](#)
Фауст, цитируемый в Diegesis...[284](#)
Гиббон, Упадок Римской империи...[195](#), [206](#), [209](#), [213](#), [227](#), [322](#)Джайлс, христианские записи...[197](#), [207](#), [230](#), [259](#), [261](#), [263](#), [265](#), [267](#), [276](#), [288](#), [293](#), [297](#), [313](#), [328](#) [335](#), [336](#)

Гегезипп, цитируется в "Сверхъестественной религии"...302 Главная, Введение в Новый Завет...197, 203

Игнатий, Послание к смирнянам...220 Ефессянам...233" Филиппийцам...302 Инман, Древние веры...344 Ириней, Против ересей...258, 291, 323, 336" цитируется в Кейме..."234" цитируется у Евсевия...258

Джонс, Канон Нового Завета..."240, 245, 257 Джонс, сэр У., Азиатские исследования..."345

Иосиф Флавий, Иудейские древности 195, 198, 315" войны евреев...317" рассуждение о Аид, 198 Юстин мученик, первый извинения, 231, 253, 302, 347" второй Апологии...226, 323" диалог с Трифоном иудеем...231, 275, 302, 310 Ювеналий...203

Кейм, Иисус Назара...197, 202, 315

Ларднер, ответил Доктор Чандлер, цитата из Diegesis...196" авторитет Евангелий...209, 210, 211, 216, 218 230, 263, 269 Ливий...222

Марк Аврелий...206 Марш, которого цитирует в Нортоне...267" указаны в Джайлз...287 Мередит, Пророк из Назарета...223 Мосхайм, священнослужитель История...214, 216, 217, 235, 237, 238, 239 Муратори, канон...282

Никодима, Евангелие...253 Нортон, подлинность Евангелий...215, 216, 219, 247, 263, 269, 295

Оригена, которого цитирует в Гиббон...213" " Диегезис...234" " Сверхъестественная религия...323

Палей, свидетельства христианства...198, 202, 203, 205 208, 209, 210, 212, 228, 229, 231 235, 236, 243, 244, 247, 248, 260 262, 269, 273, 281, 290, 309, 317 319.

Папия, которого цитирует Евсевий...291 Irenæus...291 Паркхерст, еврейский лексикон...346 Плиний, письма...203 Пилата, акты...253

Кодрат, которого цитирует Евсевий...230

Ренан, ви де Хесус...197 подряд Сверхъестественное в Новом Завете...325, 327

ВС, Евангелия во втором веке...248, 269, 270 279, 287, 298, 300, 302, 305, 311 Скотт, на английском жизни Иисуса...334 Шарпа, египетская мифология...347 Смирну, и в Окружном послании Церкви...221 странно, портретная и миссии Иисуса...198, 201, 210 321, 348 Штраус, Жизнь Иисуса, 289, 312, 320, 330, 331, 332 Светоний...201, 202, 225 Сверхъестественной Религии...215, 216, 219, 229, 246, 247, 248 249, 260, 261, 266, 268, 269, 271 276, 278, 279, 280, 281, 282, 283 290, 292, 293, 295, 301, 302, 303 304, 322, 325

Тацит, Анналы...199, 222, 225 Тейлор, Diegesis...196, 200, 201, 205, 206, 208, 212, 346 Тертуллиан, Извинения...226 де Spectaculis...323 указаны в Гиббон...213" Мередит...225 Фомы, Евангелие от...251 Тишендорф, когда появились наши Евангелия написаны?...248, 270

Уэсткотт, на основе канона Нового Завета. 216, 229, 247, 249 256, 268, 270, 274 275, 278, 286

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВ.

Аналогии христианских доктрин...347 Апокрифических Евангелий, образцы из...250 Книги, признанные...245 Подлинность Апологии Квадрата...230" Послание Варнавы"...229" " Климент ...214" " Игнатий ...217" " Поликарп ...216" " Смирна ...220" Видение Ермы...216

Книг, читаемых в церквях...248" в томе Священных Писаний"...249

Христианских Агапей...223 Христианство выгодно тиранам...237

Даты рождения Христа...333 Даты отцов и т.д. ...349 Даты римских императоров...350 Диатессарон Татианский...259
 Свидетельства Адриана...206 "Апостольские отцы"...263, 267" Барнабас...268" Василид и Валентин...280" Каноник Муратори...282" Климент ...269" Клементины...279" Гегезипп ...277" Гермас ...269" Игнатий ...270" Иосиф Флавий...195" Иустин мученик ...271" Маркион " ...281" Марк Аврелий " ...206 Папий...271" Плиний"...203 Поликарп...270 Светоний...201 Тацит...199
 Подделки в ранней Церкви...238 Список...240 четырех Евангелий: при признании...257" почему только четыре..."258
 Евангелий, изменения, внесенные в...283" противоречия в...328" противоречия между синоптическим и четвертым...337" рост...285, 289" недоказанная идентичность современного и древнего ...262" многие текущие ...266" более позднего происхождения...311" из Матфея и Марк, не принадлежащие Папию...290" оригинал, отличный от канонического"...298" сходство канонического и неканонического"...245" синоптический"...286" время отбора неизвестно...256 Генеалогий Иисуса...328 Греческий, малоизвестный евреям...314
 Незнание Ранних Отцов...232
 Кришна, значение...345
 Продолжительность служения Иисуса...336 Жизнь Христа от Иустина Мученика...306 Мучеников, небольшое количество...212 Маловероятных убийств младенцев...333 Евангелие от Матфея, написанное на иврите...394 Чудеса...316 Мораль ранних христиан...221 Мифическая теория Иисуса...340
 Отрывков из Отцов Церкви, а не из канонических Евангелий...301 Преследование, отсутствие...209 Фразы "так написано"...247 Позиции, изложенные относительно Евангелий...236 Позиция А...238 В...245 С...256 D...257 Е...261 F...262 G...290 Н...298 I...311 J...314 K...316 Пророчества, мессианские...342
 Молчание еврейских писателей...198, 201, 259 Языческий" ...193, 206 История Христа дохристианская...340 Поклонение Сыну и Христу...343
 Искушение Христа...334 Десять гонений...350 Прообразов Христа...345

РАЗДЕЛ II. — ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫЧЕСКОЕ.

Существуют два древних и широко распространенных вероучения, в которых мы должны главным образом искать истоки христианства, а именно, поклонение Солнцу и Природе. Сомнительно, кто из них старше, и они тесно переплетены, центральная идея каждого из них одна и та же; лично я склонен думать, что поклонение природе старше из двух, потому что оно проще и ближе; варвар, медленно превращающийся в человека, скорее всего, поклонялся бы силе, которая была для него самой удивительной, силе зарождения новой жизни; признание солнца великим производителем жизни, по-видимому, подразумевает некоторый рост разума и воображения; поклонение солнцу кажется идеализацией поклонения природе, ибо и в том, и в другом почитается одна и та же порождающая сила, и вокруг идеи этого создания новой жизни вращаются все вероучения. Христианские символы и церемонии говорят изучающему древние религии так же ясно, как звезды говорят астроному, а горные породы геологу; христианские церкви так же полны ископаемых остатков старых верований, как слои земли костей вымерших

животных. Таким образом, мы ожидаем обнаружить семейное сходство, пронизывающее все восточные вероучения, одним из которых является христианство, и мы не удивимся, обнаружив сходные символы, выражающие сходные идеи; фактически, кардинальные символы вновь появляются во всех этих смежных религиях; дева с младенцем; троица в единстве; крест; они уходят корнями глубоко в природу человека и встречаются в каждом восточном вероучении. Точно так же мы можем проследить таинства и церемонии, а также множество второстепенных догм. Оглядываясь назад на эти древние вероучения, необходимо избавиться от современной моды считать любой природный объект нескромным. Сэр Уильям Джонс справедливо замечает, что в Индостане "кажется, никогда не приходило в голову законодателям или народу, что что-либо естественное может быть оскорбительно непристойным; особенность, которая пронизывает все их писания и разговоры, но не является доказательством порочности их морали" ("Азиатские исследования", том i, стр. 255). Иногда совершается грубая несправедливость по отношению к древним верованиям, если рассматривать их с современной точки зрения; в те дни каждая сила Природы считалась божественной, и самой божественной из всех считалась сила творения, поклонялись ли солнцу, чьи лучи пропитывали землю, или мужским и женским органам зачатия, универсальным создателям жизни в животном мире; таким образом, мы находим во всех древних скульптурах изображения фаллоса и йони, выраженные как естественно, так и символически, изображения, становящиеся все более условными и утонченными по мере развития цивилизации; в мире младенцев это может быть сказано, что оно было "обнаженным и не стыдилось"; по мере того как оно становилось старше и облакалось в человеческую форму, оно также облачалось в свои религиозные символы, но поскольку тело остается неизменным под одеждой, идея, скрытая под эмблемами, остается той же.

Таким образом, союз мужчины и женщины является основой всех религий; небо сочетается браком с землей, как мужчина женится на женщине, и этот союз является первым браком. Сатурн - это небо, мужская или активная энергия; Рея - это земля, женская или восприимчивая; и они являются отцом и матерью всего сущего. Древние персы называли небо Юпитером, или Юпитер, "Джу-Отец". Солнце является проводником воспроизводящей силы неба, и его лучи оплодотворяют землю, так что из нее зарождается вся жизнь. Таким образом, солнцу начинают поклоняться как Отцу всего сущего, и солнце является эмблемой, венчающей изображения Верховного Бога; весеннее равноденствие - это воскресение солнца, и знак зодиака, в котором оно тогда находится, становится символом его животворящей силы; таким образом, бык, а впоследствии и баран стали его знаком как Жизнедателя, и бог Солнца изображался как бык, или как баран (или ягненок), или же с его рогами, эмблемой, и земные животные стали священными ради него. Митра, бог Солнца Персии, изваян верхом на быке; Осирис, бог Солнца Египта, носит рога быка, и ему поклоняются как Осирису-Апису, или Серапису, богу Солнца в знаке Аписа, быка. Позже, в результате прецессии равноденствий, солнце в день весеннего равноденствия перешло в знак барана (называемого в Персии агнцем), и мы находим Юпитера Аммона, Юпитера с бараньими рогами, и Иисуса Агнца Божьего. Все эти символы обозначают солнце, побеждающее тьму и смерть, дающее жизнь миру. Фаллос - другой великий символ Жизнедателя, порождающий жизнь в женщине, как солнце в земле. Бахус, Адонис, Дионисий, Аполлон, Геркулес, Гермес, Таммуз, Юпитер, Иегова, Джао или Джах, Молох, Ваал, Ашер, Махадева, Брахма, Вишну, Митра, Атис, Амон, Бел и многие другие - все они являются Жизнедателями под разными именами; они Солнце, Творец, Фаллос. Красный - это их подходящий цвет. Когда солнце или Фаллос нарисованы не в их естественной форме, это

обозначается символом: символ должен быть вертикальным, твердым или же горящим, либо коническим, либо заостренным на одном конце. Таким образом, факел, пламя огня, конус, змея, тирс, треугольник, буква **Т**, крест, посох, скипетр, кадуцей, посох с набалдашником, высокое дерево, прямой камень, шпиль, башня, минарет, прямой шест, стрела, копье, меч, дубина, прямой обрубок и т.д. — все это символы воспроизводящей силы мужской энергии в Природе Верховного Бога.

Одним из наиболее распространенных и наиболее универсально используемых является КРЕСТ. Вырезанный сначала просто как фаллос, он постепенно совершенствовался; мы встречаем его в виде трех шаров, один над двумя; на него указывает буква **Т**, которая при малейшем изменении превратилась в крест, ныне известный как латинский: так, "Варнава" говорит, что "крест должен был выражать благодать буквой **Т**" (ante, стр. 233). Мы находим крест в Индии, Египте, Тибете, Японии всегда как знак животворящей силы; его носили как амулет девушки и женщины, и, по-видимому, специально носили женщины, служившие в храмах, как символ того, что было для них религиозным призванием. Крест - это, по сути, не что иное, как утонченный фаллос, и в христианской религии он является важной эмблемой своего языческого происхождения; ему поклонялись, его вырезали в храмах и носили как священную эмблему поклонники солнца и природы, задолго до того, как появились христиане, которые его обожали, вырезали и носили. Толпа, преклоняющая колени перед крестом в римско-католической и Высшей англиканской церквях, является простым воспроизведением толпы, преклонявшей колени перед ним в храмах древних дней, а девушки, которые носят его среди нас, — в самом невинном неосознании его реального значения — в точности копируют индийских и египетских женщин более древних времен. Символом Сатурна были крест и бараний рог. Юпитер носил крест с рогом. Венера - круг с крестом. У египетских божеств крест и овал. (Их значение будет рассмотрено ниже.) Друзиды искали дубы с двумя основными ветвями, растущими в форме креста, и, если им не удавалось найти такие, прибавляли балку крест-накрест. Главные пагоды Индии построены, как и многие христианские церкви, в форме креста. Я читал в книге по церковной архитектуре, что церкви должны строиться либо в форме креста, либо в форме корабля, символизирующего ковчег; *т.е.* их следует строить либо в форме фаллоса, либо в форме йони, поскольку корабль или ковчег являются одним из символов женской энергии (см. Ниже, стр. 361).

РАСПЯТИЕ, или крест с распростертой на нем человеческой фигурой, также находили в древние времена, хотя и не так часто, как простой крест. Распятие, по-видимому, возникло из круга горизонта, разделенного на четыре части: Северную, Южную, Восточную и Западную, и бог Солнца, нарисованный внутри круга или на нем, соприкасался с каждой из сторон света, его ноги и голова касались или пересекались с двумя, в то время как его вытянутые руки указывали на другие стороны. Платон говорит, что "следующая после Верховного Бога сила была рассечена во вселенной, или изображена в форме креста". Кришна нарисован и изваян на кресте. Египтяне таким образом рисовали Осириса, и иногда мы находим круг, нарисованный разделительными линиями, а в середине распростерто мертвое тело Осириса. Роберт Тейлор приводит другое происхождение распятия: "Невежественная благодарность суеверных людей, в то время как они обожали реку [Нил], от разливов которой зависело плодородие их провинций, не могла не придать представления о святости столбам, которые были возведены вдоль ее течения и которые с помощью *поперечной балки* указывали высоту, на которую можно было ожидать подъема воды в том месте, где была установлена балка. Этот крест сразу же предупреждал путешественника о необходимости обеспечить свою безопасность и служил

эталоном ценности земли. Другие реки могут увеличить плодородие страны, через которую они протекают, но Нил является абсолютной причиной такого огромного плодородия Нижнего Египта, который без этой реки превратился бы в пустыню, такую же ужасную, как самые песчаные районы Африки. Он снабжает его как почвой, так и влагой, и поэтому к нему с благодарностью обращались не просто как к обычному речному богу, но по прямому титулу египетского Юпитера. Таким образом, кресты по берегам реки, естественно, были посвящены потоку и были наиболее выразительной эмблемой удачи, мира и изобилия. Эти две идеи невозможно было разделить: оплодотворяющий поток был *водами жизни*, которые несли все благословения и даже само существование в провинции, через которые они протекали. Выразительную аллегорическую дополнял еще один, наиболее очевидный иероглиф. *Демон Голода*, который, если воды перестанут заливать их или не достигнут высоты, указанной положением поперечной балки на вертикали, будет править во всех своих ужасах над их опустошенными землями. Таким образом, это символическое олицетворение было представлено в виде жалкого изможденного негодяя, выросшего "как нежное растение и как корень из сухой земли, у которого не было ни формы, ни привлекательности; и когда они должны были увидеть его, в нем не было той красоты, которую они желали бы видеть в нем". Его внешность была скудной; острое страдание изнурило его до костей. Его терновый венец указывал на бесплодие территорий, на которых он правил. Тростинка в его руке, собранная на берегах Нила, указывала на то, что только могучая река, оставаясь в своих берегах и, таким образом, воздерживаясь от своей обычной щедрости, вложила в его руки нереальный скипетр. Он был пригвожден ко кресту в знак полного своего поражения. И надпись над его печально известным титулом "СЕЙ ЕСТЬ ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ" выразительно указывала на то, что *голод*, *Нужда* или *Нищета* правили судьбами самой рабской, нищенской и подлой расы людей, с которой они имели честь быть знакомыми" ("Diegesis", стр. 187). Хотя весьма вероятно, что жалкий вид, придаваемый распятому Иисусу, скопирован с какого-то такого оригинала, какой набрасывает здесь мистер Тейлор, мы с достаточной долей уверенности можем сказать, что общая идея распятия имела солнечное происхождение, описанное выше.

С понятием креста очень тесно связана идея ТРОИЦЫ В ЕДИНСТВЕ, и нам не нужно долго задерживаться на ней. Он так же универсален в восточных религиях, как крест, и исходит из той же идеи; вся жизнь проистекает из троичности в единстве в человеке, и, следовательно, Бог - три в одном. Эта троичность, конечно, символизируется крестом, и особенно лотосом, и любыми листьями "три в одном"; отсюда в христианство пришли традиционные тройные листья, которые так часто встречаются на церковной резьбе, в *лилии*, треугольнике и т.д., которые сейчас — как и в старину - считаются эмблемами троичности. Личности троичности встречаются у каждой со своим именем; в Индии Брахма, Вишну, Шива, и именно Вишну становится воплощением; в Египте в разных городах были разные троичности, и "у нас есть иероглифическая надпись в Британском музее еще во времена правления Севека в восьмом веке до христианской эры, показывающая, что доктрина Троицы в Единстве уже была частью их религии, и что в каждой из двух упомянутых групп три бога создавали только одно лицо" ("Египетская мифология и египетская христология", автор S. Шарп, стр. 14). Мистер Шарп, возможно, отправился в гораздо более ранние времена и "уже" обнаружил поклонение троичности в единстве; еще в те времена, когда первый преклонился в поклонении перед воспроизводящей силой мужского триединства. Осирис, Гор и Ра образуют одну из египетских троичностей; Гор-Сын также является одним из троичности в единстве, воплощенной в амулет и называемой Великим Богом, Богом-Сыном и Богом-Духом.

Гор - убийца Тифона, дьявола, и иногда его изображают стоящим на голове и пронзающим голову копьем, напоминая нам о Кришне, воплощении Вишну, втором лице индийской Троицы.

Эти троицы, однако, не были полными сами по себе, поскольку женский элемент необходим для зарождения жизни; следовательно, мы обнаруживаем, что у большинства народов к троице присоединяется четвертое лицо, как Исида, мать Гора, в Египте, и Мария, мать Иисуса, в христианском мире; египетская троица часто представлена как Осирис, Гор и Исида, но в более общем плане мы находим женщину, составляющую четвертый элемент, в дополнение к триединому, и символизируемую овалом или кругом, типичным для женского органа размножения; таким образом, *crux ansata* египтян, "символ жизни", который египетские божества держат в руке, представляет собой крест или овал, т.е. Т, с овалом наверху; круг с крестом внутри, опять же, символизирует союз мужчины и женщины; также шестилучевую звезду, пентакль, двойной треугольник, треугольник и круг, яму со столбом в ней, ключ, посох с полумесяцем, сложный крест. Тот же союз изображен во всех андрогинных божествах, в Элохиме, Ваалиме, Баалафе, Арба-иле, бородатой Венере, женственном Юпитере, деве с младенцем. В странах, где поклонение Йони было более популярным, чем поклонение Фаллосу, ДЕВА с МЛАДЕНЦЕМ была любимым божеством, и к этому мы сейчас обратимся.

Здесь, как и в истории креста, мы обнаруживаем переплетение поклонения солнцу и природе. Женский элемент - это иногда Земля, а иногда личность. Имена богинь столь же разнообразны, как и боги. Ис, Исида, Иштар, Астарта, Милитта, Сара, Мрира, Майя, Парвати, Мария, Мириам, Ева, Юнона, Венера, Диана, Артемида, Афродита, Гера, Рея, Кибела, Церера и другие - это земля под многими именами; восприимчивая женщина, создательница жизни, Йони. Черный - это особый цвет женских божеств, а черные Исида и Гор, черная Мария и Иисус обладают особой святостью. Их эмблемами являются: земля, луна, морская звезда, круг, овал, треугольник, гранат, дверь, ковчег, рыба, корабль, подкова, пропасть, пещера, отверстие, небесная дева и т.д. Сначала они носили титулы, которые сейчас носит Мария, девственная мать Иисуса, и почитались как "царица небесная". Иштар из Вавилонии была "Матерью богов" и "Царицей звезд". Египетская Исида была "нашей Непорочной Госпожой". Ее изображали в короне из звезд и с полумесяцем. Венера была ковчегом, над которым восседал голубь, или луной, плывущей по воде. Это "мать", "мама", "эмма", "умма" или "женщина". Символы везде одни и те же, хотя и обозначены разными именами. Повсюду это Мария, мать; женское начало в природе, которому поклоняются бок о бок с мужским началом. Она участвует в работе творения и спасения и имеет своего рода равенство с Отцом всего сущего; отсюда мы слышим о непорочном зачатии. В некоторых историях она производит на свет ребенка в одиночку, даже без божественного содействия. Дева Зодиака изображена на древних скульптурах и рисунках в виде женщины, кормящей грудью ребенка, а паамилианские праздники отмечались в день весеннего равноденствия и были эквивалентом христианского праздника Благовещения, когда сила всевышнего осеняла Марию Назаретскую. Так, в Индии мы имеем Деваки и Кришну; в Египте — Осириса и Гора - "Спасителя мира"; в христианском мире - Марию и Христа; изображения и резьба по дереву Индии и Египта были бы неотличимы от европейских, если бы не различия в одежде. Апис, священный египетский бык, всегда рождался без земного отца, а у его матери никогда не было второго теленка. Таким образом, более поздний бог Солнца, Иисус, рождается без полового акта, и Мария больше никогда не рождает детей. Юпитер посещает Леду в образе лебедя; Бог посещает Марию в образе осеняющего голубя. Приветствие Гавриила Марии удивительно похоже на приветствие Меркурия Электре: "Приветствую тебя, счастливейшая из всех женщин, ты, которую Юпитер почтил своим ложем; твоя кровь даст

законы миру, я посланник богов". Мать Фохи, великого китайского бога, стала *окруженной*, идя по стопам великана. Мать Геркулеса не потеряла своей девственности. Дикари Сан-Доминго представляли главное божество в виде женской фигуры, называемой "богоматерью". В пятницу, в день Фрейи, или Венеры, многие христиане по-прежнему едят только рыбу, поскольку рыба является священным женским божеством.

В комтизме мы находим новейшее развитие культа женщины, при котором "эмоциональный пол" становится священным полом, который нужно охранять, лелеять, поддерживать, обожать; и, таким образом, в самой молодой религии обнаруживается печать самой древней.

Таким образом, женственности поклонялись во все века мира, а материнство обожествлялось всеми верованиями: от дикаря, преклонявшегося перед женским символом материнства, до философа-комиста, обожающего женщину "в прошлом, настоящем и будущем" как мать, жену и дочь, поклонение женскому элементу в природе шло бок о бок с поклонением мужскому; поклонение одно и то же во всех религиях и тянется непрерывной нитью от варварских эпох до настоящего времени.

Доктрины о посредничестве, божественности Христа и бессмертии души столь же дохристианские, как и символы, которые мы рассмотрели.

Идея *Посредника* пришла к нам из Персии, и этот титул носил Митра до того, как его приписали Христу. Зороастр учил, что существует само существование, неизвестное, вечное, "Зеруане Акерне", "время без границ". Из этого вышел Ормузд, добрый, светлый, создатель всего. Противоположностью Ормузду является Ариман, плохой, темный, искажающий все. Между этими двумя великими божествами стоит Митра, Посредник, который Примирает все сущее с Богом, который един с Ормуздом, хотя и отличен от него. Митра, как мы видели, - это Солнце в знаке Быка, точно параллельное Иисусу, Солнце в знаке Агнца, причем и то, и другое символизируется тем знаком зодиака, в котором солнце находилось в момент весеннего равноденствия предполагаемой даты его рождения. "Митра - это духовный свет, борющийся с духовной тьмой, и благодаря его трудам царство тьмы будет освещено собственным небесным светом; Вечный вернет все в свою пользу, мир будет искуплен для Бога. Нечистое должно быть очищено, а зло обращено в добро, при посредничестве Митры, примирителя Ормузда и Аримана. Митра - это Добро, его имя Любовь. По отношению к Вечному он - источник благодати, по отношению к человеку он - жизнедатель и посредник. Он приносит "Слово", как Брахма приносит Веды, из уст Вечного. (См. "De Isid" Плутарха. и Осирид.; также "О религии ветеринара" доктора Хайда. Чел., гл. 22; см. также "Эссе о пантеизме" преподобного Дж. Ханта.) Незадолго до возвращения евреев из среды людей, находившихся во власти этих идей, была написана великолепная глава Книги Пророка Исайи (xl), или, точнее, серия глав, составляющих заключительную часть книги: "Утешайте, утешайте народ мой, говорит Бог ваш. Приготовьте путь Господень, проложите прямую дорогу в пустыне для нашего Бога. Каждая долина возвысится, и каждая гора и холм станут низкими, и изгибы станут прямыми, а неровности равнинными". Затем следует великолепное описание величия и верховенства Бога, а за ним следуют главы, повествующие о Мессии, или принце-победителе, который избавит нацию от ее врагов и вернет им свет божественного благоволения, и которые предсказывают тысячелетнее царство, золотой век очищенного и прославленного человечества. Таким образом, очевидно, что вдохновение для написания этих сочинений пришло к еврейскому народу из-за его контакта с религиозной мыслью персов, а не из какого-либо сверхъестественного источника. С этого

времени евреи начали придерживаться более достойных представлений о Боге и лелеять надежды на золотой век, царство небесное, которое должен был открыть Мессия, который должен был быть посланным посланником Бога. И это царство должно было стать царством праведности, днем чудесного света, правлением, при котором все зло и тьма должны были погибнуть" ("Платон, Филон и Павел", преподобный Дж.У. Лейк, стр. 15, l6.)

Рост философской стороны догмы *оБожественности Христа* так же ясно прослеживается в языческой и иудейской мысли, как догма о воплощении Бога-Спасителя в мифах о Кришне, Осирисе и т.д. В дохристианские времена выделялись два великих учителя учения о "Логосе", "Слове" Божьем — грек Платон и еврей Филон. Мы заимствуем следующую выдержку из стр. 19, 20 упомянутой выше брошюры м—ра Лейка, как показывающую общую теологическую позицию Платона; ее сходство с христианским учением будет сразу очевидно (не следует забывать, что Платон жил в 400 году до н.э.):

Спекулятивная мысль и религиозное учение Платона распространены во всех его объемистых трудах; но ниже приводится популярное изложение их мадам Дасье, содержащееся в ее введении к тому, что было классифицировано как "Божественные диалоги":

"Что есть только один Бог, и что мы должны любить его и служить ему, а также стараться походить на него в святости и праведности; что этот Бог вознаграждает смирение и наказывает гордыню.

"Что истинное счастье человека состоит в соединении с Богом, а его единственное несчастье - в разлуке с ним.

"Что душа - это просто тьма, если она не освещена Богом; что люди неспособны даже хорошо молиться, если Бог не научит их той молитве, которая единственная может быть им полезна.

"Что нет ничего прочного и субстанционального, кроме благочестия; что это источник всех добродетелей и что это дар Божий.

- Что лучше умереть, чем грешить.

- Что лучше страдать от несправедливости, чем совершать ее.

"Что "Слово" ([греческий: логос]) сформировало мир и сделало его видимым; что знание Слова позволяет нам жить очень счастливо здесь, на земле, и что таким образом мы обретаем счастье после смерти.

— "Что душа бессмертна, что мертвые воскреснут, что будет окончательный суд - как над праведниками, так и над нечестивыми, когда люди предстанут только со своими добродетелями или пороками, которые станут поводом для их вечного счастья или несчастья".

Именно этот Логос был "изображен во вселенной в форме креста" (ante, стр. 358). Вселенная, которая является всего лишь материализованной мыслью Бога, создана его Логосом, его Словом, которое является выражением его мысли. В христианском символе веры это Логос, Слово Божье, которым сотворено все сущее (Иоанна i. 1-3). Само название, так же как и мысль, остается одним и тем же, листаем ли мы страницы Платона или Иоанна. Филон, великий еврейский платоник, живший в Александрии в конце прошлого века до нашей эры и в первой половине первого века после Рождества Христова, говорит о Логосе в терминах, которые на наш

слух кажутся чисто христианскими. Филон занимал высокое положение среди евреев Александрии, будучи "человеком выдающимся по всем статьям, братом Александра алабарха [правителя евреев] и человеком, не лишенным знаний в философии" (Иосиф Флавий "Иудейские древности", bk. xviii., гл. 8, с. 1). Это "Александр был выдающейся личностью среди всех своих современников как по своей семье, так и по богатству" (Там же, bk. xx, гл. 5, с. 2). Он был главным человеком в еврейском посольстве к Каю (Калигуле) в 39-40 годах н.э., а тогда был седовласым стариком. Кейм говорит, что в то время ему было около шестидесяти или семидесяти лет, и относит его рождение примерно к 20 году до нашей эры. Он пишет: "Теология Филона в значительной степени основана на его своеобразном сочетании еврейской, платонической и неоплатонической концепции Бога. Бог Ветхого Завета, возвышенный Бог, как его называет современная гегелевская философия, находился в тесной связи с концепцией Бога греческих философов, которые верили, что Высшее Существо может быть точно определено отрицанием всего конечного. В соответствии с этим Филон также описывал Бога как простую Сущность; он отвергал для него всякое имя, всякое качество, даже Доброе, Прекрасное, Благословенное, Единое. Поскольку он все еще лучше, чем добро, выше, чем Единство, его никогда нельзя познать *как*, но только *тем*, что он есть: его совершенное имя — это всего лишь четыре таинственные буквы (Jhvh), то есть чистое Бытие. Действительно, такими средствами нельзя было добиться ни более полного богословия, ни влияния Бога на мир. И все же задача философии, так же как и религии, заключалась в том, чтобы пролить свет Божий на мир и снова привести его к Богу. Но как могло это Существо, скрытое от мира, быть привлечено к нему? Для Филона, как и для всей философии того времени, проблема могла быть решена только нелогично. И все же, изменив его возвышенную природу, это можно было бы сделать. Если не своим существом, то все же своей работой он влияет на мир; его силы, его ангелы, все лучшее и могущественное в нем, инструмент, истолкователь, посредник и вестник Бога; его образец и его первенец, Сын Божий, Второй Бог, даже сам Бог, божественное Слово или Логос, общаются с миром; он - идеальный и действительный тип мира и человечества, архитектор и вседержитель мира, манна небесная и камень в пустыне" ("Иисус из Назарета", том i, стр. 281, 282).

"Человек падший.... Нет человека без греха, и даже совершенный человек, если он рождается, не избежит этого.... И все же есть искупление, пожеланное самим Богом и осуществленное поступком мудрого человека. Преемники Адама все еще сохраняют типы своих отношений с Отцом, хотя и в неясной форме, каждый человек обладает знанием добра и зла и неподкупным суждением, подчиненным разуму; его духовной силе даже сейчас помогает Божественный Логос, образ, копия и отражение благословенной природы. Отсюда следует, что человек может различить и увидеть все пятна, которыми он вольно или невольно запятнал свою жизнь, что человек посредством своего самопознания может решить обуздать свои страсти, презреть свои удовольствия и желания, вести битву покаяния и быть справедливым любой ценой, а также посредством основных добродетелей человечности, благочестия и справедливости подражать добродетелям Отца.... В таком совершенстве, которое возможно для всех, даже для женщин и рабов, поскольку никто не является рабом по природе, мудрый человек поистине богат. Благороден и свободен тот, кто может с гордостью произнести изречение Софокла: "Бог - мой правитель, а не один среди людей!" Такой человек - священник, царь и пророк, он больше не просто сын и исследователь Логоса, он спутник и сын Бога.... Бог - вечный проводник и руководитель мира, сам ни в чем не нуждающийся и отдающий все своим детям. По своей доброте он не наказывает как судья, но как податель благодати терпит всех. С ним все

возможно; он имеет дело со всем, даже с тем, что почти не подлежит искуплению. От него весь мир надеется на прощение грехов, Логос, первосвященник и заступник, и патриархи молятся об этом; он дарует это не ради мира, а по своей собственной милости тем, кто может по-настоящему верить. Он любит смиренных и спасает тех, кто, как он знает, достоин исцеления. Его благодать избирает благочестивых еще до их рождения, даруя им победу над чувственностью и стойкость в добродетели. Он открывает себя святым душам своим Духом и своим божественным светом ведет тех, кто слишком слаб по своей природе даже для понимания внешнего мира, за пределы человеческой природы к тому, что божественно" ("Иисус из Назарета", стр. 283-287). Таковы наиболее важные отрывки из *резюме* философии Филона Кейма, и его сходство с христианской доктриной безошибочно, и это добавляет еще одно доказательство того факта, что христианство является александрийским, а не иудейским. Будет полезно добавить к этому наброску отрывки, тщательно собранные из работ Филона Джейкобом Брайантом, который пытался доказать на основании их сходства с отрывками из Нового Завета, что Филон был христианином, забывая, что работы Филона в основном были написаны, когда Иисус был ребенком и юностью, и что он ни разу не упоминает Иисуса или христианство. Не следует забывать, что Филон жил в Александрии, а не в Иудее, и что между хананеями и эллинскими евреями существовала самая ожесточенная вражда, так что — даже будь история Иисуса правдивой — она не могла дойти до Филона раньше 40 года н.э., когда он был старым и седовласым. Мы снова цитируем из трактата м-ра Лейка, который печатает параллельные отрывки, и хотели бы обратить особое внимание на сходство фразеологии, а также идеи:

"Отождествление Христа Нового Завета с Логосом Филона.

Филон, описывая Логос, говорит: —

"Логос есть Сын Бога Отца". —De Profugis.

"Первенец от Бога". —De Somniis.

"И древнейшее из всех существ". —De Conf. Линг

"Логос есть образ и подобие Божие". —De Monarch.

"Логос превосходит ангелов". —De Profugis.

"Логос выше всех существ в мире". —De Leg. Allegor.

"Логос есть орудие, которым был сотворен мир". —De Leg. Allegor.

"Божественное слово, которым все было упорядочено и расположено". —De Mundi

В Новом Завете, говоря об Иисусе, говорится:—

"Сей есть Сын Божий". Иоанна i. 34.

"И когда он снова введет в мир своего первенца". -Евр. i. 6.

"Что он первенец всякого творения". -Кол. i. 15.

"Христос, образ невидимого Бога".—Кол. i. 15.

"Яркость его (Божьей) славы и выраженный образ его личности". —Евр. i. 3.

"Будучи сделан намного лучше ангелов". Пусть все ангелы Божьи поклоняются ему". —Евр. i. 4, 6.

"Ты подчинил все под ноги Его". —Евр. ii. 8.

"Все было сотворено Им (Словом или Логосом), и без Него не было сотворено ничего из того, что было сотворено". —Иоанна i. 3

"Иисус Христос, которым все". -1 Кор. viii. 6.

Opificio.

"Логос есть свет мира и интеллектуальное солнце". — De Somniis.

"Только Логос может видеть Бога". —De Confus. Линг.

"Он — древнейшее из творений Божьих". - Де Путаница.

"И был прежде всего". — Де Лег. Allegor.

"Логос почитается так же, как Бог". —De Somniis.

"Логос был вечен". — Де Планта. Нет.

"Логос поддерживает мир, является связующей силой, которой все объединено". —De Profugis.

"Логос ближе всего к Богу, без какого—либо разделения; будучи, так сказать, зафиксированным на только истинное существующее Божество, ничто не встает между ними, чтобы нарушить это единство". - De Profugis.

"Логос свободен от всякой скверны греха, добровольного или невольного". — De Profugis.

"Которым также Он сотворил миры". —Евр. i. 2.

"Слово (Логос) было истинным светом". — Иоанна i. 9.

"Жизнь и свет людей". —Иоанна i. 4.

"Я есмь свет миру". —Иоанна viii. 12.

"Кто от Бога, тот видел Отца". —Иоанна vi. 46.

"Никто никогда не видел Бога. Единородный Сын, пребывающий в лоне Отца, Он провозгласил Его". —Иоанна i. 18.

"Ныне, Отче, прославь Меня от Себя самого той славой, которую Я имел у Тебя прежде, чем был мир". —Иоанна xvii. 5.

"Он был в начале у Бога". —Иоанна i. 2.

"Прежде всех миров". -2 Тим. i. 9.

"Христос, который над всеми, Бог, благословенный во веки веков". —Рим. ix. 5.

"Который, будучи в образе Бога. считал, что быть равным Богу — не грабеж". -Фил. ii. 6.

"Христос пребывает вовеки". — Иоанна xii. 34.

"Но Сыну Он говорит: престол Твой, о Боже, во веки веков". —Евр. i. 8.

"Поддерживая все словом Своей силы". —Евр. i. 3.

"Им состоит все". —Кол. i. 17.

"Я и Отец Мой едины". —Иоанн x. 30.

"Чтобы они были едины, как мы". —Иоанн xvii. 11.

"Единородный Сын, сущий в лоне Отчем". — Иоанна i. 18.

"Кровь Христа, Который непорочно принес Себя в жертву Богу". —Евр. ix. 14.

"Который не делал греха, и лукавство не было найдено в устах Его". -1 Пет. ii. 22.

"Логос, источник жизни".

"Для каждого человека имеет величайшее значение неустанное стремление приблизиться к божественному Логосу, Слову Всевышнего, которое является источником всякой мудрости; чтобы, испив много из этого священного источника, вместо смерти, он мог быть вознагражден жизнью вечной". —De Profugis.

Логос есть пастырь Божьего стада.

"Божество, подобно пастуху и в то же время подобно монарху, действует с самым совершенным порядком и прямою и назначило своего Первенца, праведного Логоса, как замену могущественного принца, заботиться о своем священном стаде". - De Agriculture.

Логос, по словам Филона, является "Великим правителем мира; он — творческая и царственная сила, и через них были созданы небеса и весь мир". -De Profugis.

"Логос есть врач, исцеляющий всякое зло". — De Leg. Allegor.

Логос — Печать Божья.

"Логос, которым был создан мир, является печатью, по оттиску которой все создано и передается по подобию и образу совершенного Слова Божьего". — De Profugis.

"Душа человека — это оттиск печати,

"Всякий, кто будет пить воду, которую Я дам ему, не будет жаждать вовек, но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды". — восходящий в жизнь вечную". —Иоанна iv. 14.

"Великий пастырь стада"... Господь наш Иисус. — Евр. xiii. 20.

"Я пастырь добрый, и знаю овец моих, и мои познаются".—Иоанна x. 14.

Христос... пастырь и хранитель ваших душ". 1 Пет. ii. 25.

"Ибо Христу надлежит царствовать, доколе Он не повергнет всех врагов своих под ноги свои". 1 Кор. xv. 25

"Христос, превыше всякого начальства, и силы, и владычества, и всякого имени, которое наречено, не только в этом мире, но и в мире грядущем... и Бог все положил под ноги его". — Еф. i. 21, 22

"Дух Господень на мне, потому что Он помазал меня исцелять сокрушенных сердцем". -Луки iv. 18.

Христос - Печать Божья.

"В которого также, после того как вы уверовали, вы были запечатлены святой печатью обетования" (Еф. i. 13).

"Иисус, сын человеческий... на нем запечатлен Бог Отец". —Иоанна vi. 27.

"Христос, сияние его (Божьей) славы и

прототипом и первоначальной характеристикой которой является вечный Логос". —De Plantatione Noë.

Логос - источник бессмертной жизни.

Филон говорит, "что когда душа стремится к своей лучшей и благороднейшей жизни, тогда Логос освобождает ее от всякого рабства и дарует ей дар бессмертия". — Де К.К. Эруд. Благодать".

Филон говорит о Логосе не только как о Сыне Божьем и его первенце, но и называет его "своим возлюбленным Сыном". —De Leg. Allegor.

Филон говорит, "что добрые люди допускаются в собрание святых наверху".

"Те, кто откажутся от человеческих доктрин и станут благонамеренными учениками Бога, будут одним целым". день, переведенный в нетленный и совершенный порядок существ". - De Sacrifices.

Филон говорит, "что праведный человек, когда он умирает, переводится в другое состояние Логосом, которым был сотворен мир". Ибо Бог своим сказанным Словом (Логосом), с помощью которого он сотворил все сущее, поднимет совершенного человека из отбросов этого мира и возвысит его рядом с собой. Он поместит его рядом со своей персоной". —De Sacrificiis.

выразительный образ его личности". -Евр. i. 3.

Христос - источник вечной жизни.

"Мертвые (во Христе) воскреснут нетленными". -1 Кор. xv. 52

"Потому что и сама тварь будет избавлена от рабства тления в славную свободу детей Божьих". —Рим. vii. 21.

Новый Завет называет Христа Возлюбленным Сыном: "Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение" —Матф. iii). 17; Луки ix. 35; 2 Пет. i. 17

"Сын любви Его". — Кол. i. 13.

"Но вы пришли к горе Сион и во град Бога живого, и к бесчисленному сонму ангелов, и к духам праведных людей, достигших совершенства". — Евр. xii. 22, 23.

"Благодаря Отца, Который собрал нас, чтобы мы были участниками наследия святых во свете". —Кол. i. 12.

Новый Завет заставляет Иисуса сказать:

"Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет Его Отец, пославший Меня; и Я воскрешу Его в последний день". — Иоанна vi. 44.

"Никто не приходит к Отцу, как только через Меня". —Иоанна xvi. 6.

"Где Я, там и раб мой будет"... его почитает отец мой". —

Филон говорит, что Логос — истинный Первосвященник, безгрешный и помазанный Богом: -

"Это мир, в котором пребывает Логос, Первенец Бога, этот великий Первосвященник. И Я утверждаю, что этот Первосвященник — не человек, но Святое Слово Божье; который не способен ни на вольный, ни на невольный грех, и поэтому его голова помазана елеем". —De Profugis.

Филон упоминает Логос как великого Первосвященника и Посредника за грехи мира. Говоря о восстании Кореи, он вводит Логос, говоря: —

"Это я стоял посередине между Господом и вами.

Священный Логос настаивал с усердием и без снисхождения, чтобы он мог встать между мертвыми и живыми. Haeres.

Логос, Бог-Спаситель, который приносит спасение в награду за покаяние и праведность.

"Если тогда люди будут иметь в самой своей душе справедливое раскаяние, изменятся и смирят себя за свои прошлые ошибки, признавая и исповедуя свои грехи, такие люди найдут прощение у Спасителя и милосердного Бога и получают наиболее избранное и великое преимущество быть подобными Логосу Божьему, который изначально был великим архетипом, по которому была сформирована душа человека". —De Execrationibus.

Новый Завет говорит об Иисусе как о Первосвященнике:

"Итак, видя, что у нас есть великий Первосвященник, вознесенный на небеса, Иисус, Сын Божий, давайте твердо держаться нашего исповедания". -Евр. iv. 14.

"Ибо таким Первосвященником стал для нас святой, безвредный, непорочный, отделенный от грешников". —Евр. vii. 26.

В Новом Завете говорится о Христе:

"Мы имеем такого Первосвященника, который посажен одесную престола величия на небесах, посредника лучшего завета". —Евр. viii. 1-6.

- Но Христос пришел в качестве Первосвященника ... сразу вошел во святилище, получив за нас вечное искупление, — Евр. ix. 11, 12.

В Новом Завете говорится об Иоанне, предтече Иисуса, что он проповедовал "крещение покаяния для прощения грехов". — Марка i. 4.

Иисус говорит: —

"Вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь". — Иоанна v. 40.

"Возлюбленные, мы теперь сыны Божьи; и еще

не видно, какими мы будем; но мы знаем, что, когда Он явится, мы будем подобны Ему". -1 Иоанна iii. 2.

"Как мы родились по образу земного, так и будем носить по образу небесного". -1 Кор. xv. 49.

"Ибо если мы были посажены вместе по подобию смерти Его, то будем и по подобию воскресения Его". — Рим. vi. 5."

Итак, здесь мы получаем завершенную идею Христа как Слова Божьего и видим, что христианству так же не хватает оригинальности в этих вопросах, как и во всем остальном. Мы можем также отметить, что эта платоновская идея была распространена среди евреев до Филона, хотя он излагает ее нам более основательно и всесторонне разработанной: в иудейских апокрифических книгах мы находим идею Логоса во многих отрывках "Мудрости", если не считать единственного случая.

Широко распространенное существование этого понятия признается дином Милманом в его "Истории христианства". Он говорит: "Это Существо более или менее отчетливо олицетворялось в соответствии с более популярными или более философскими, более материальными или более абстрактными представлениями той эпохи или народа. Это было учение от Ганга или даже берегов Желтого моря до Иллиса; это был фундаментальный принцип индийской религии и индийской философии; это была основа зороастризма; это был чистый платонизм; это был платонический иудаизм александрийской школы. Можно было бы процитировать много прекрасных отрывков из Филона о невозможности того, чтобы первое самосущее Существо стало доступным человеческому восприятию; и даже в Палестине, без сомнения, Иоанн Креститель и сам Господь наш излагали не новую доктрину, а скорее общее мнение более просвещенных, когда они заявляли, что "ни один человек никогда не видел Бога". В соответствии с этим принципом, евреи в толковании старых Писаний, вместо прямого и осязаемого общения от одного великого Божества, использовали одно или несколько промежуточных существ в качестве каналов общения. Согласно одной признанной традиции, на которую ссылается святой Стефан, закон был передан "распоряжением ангелов"; согласно другой, эта должность была поручена одному ангелу, иногда называемому ангелом Закона (см. Гал. 19); у других - Метатрон. Но более обычным представителем Бога для чувств и разума человека была Мемра, или Божественное Слово; и замечательно, что то же самое название встречается в индийской, персидской, платоновской и александрийской системах. Таргумисты, самые ранние еврейские комментаторы Священных Писаний, уже применяли этот термин к Мессии; нет необходимости также обращать внимание на то, каким образом он был освящен путем его введения в христианскую схему. Это единообразие концепции и совпадение языка указывают на общее согласие человеческого разума с необходимостью некоторого посредничества между чистой духовной природой Божества и моральной и интеллектуальной природой человека" (цитируется Лейком). И "это единообразие концепции и совпадение языков указывает" также на то, что христианство лишь восприняло и повторило религиозные идеи, существовавшие в более ранние времена. Как это может быть откровением от Бога, которое

было хорошо известно в мире задолго до того, как Бог открыл его? Признание приоритета языческой мысли - это разрушение сверхъестественных притязаний христианства, основанных на той же мысли; то, что не может быть сверхъестественным после Христа, что было естественным до него, или то, что ниспослано с небес, что уже было на земле как продукт человеческого разума. Преподобный мистер Лейк справедливо говорит: "У нас есть доказательства — ясные, убедительные, неопровержимые доказательства — относительно того, чем на самом деле является эта доктрина. Мы можем проследить место его зарождения в философских размышлениях древнего мира, мы можем отметить его постепенное развитие и рост, мы можем видеть, как в ранней юности оно переходило (через Филона и других) из греческой философии в течение еврейской мысли; затем, после некоторого отдыха в иудаизме периода христианской эры, мы видим, как оно слегка меняет свой характер, проходя через Гамалиила, Павла - авторов Четвертого Евангелия и Послания к Евреям — через Юстина Мученика и Тертуллиана, в поток раннехристианской философии. мысль, а теперь из возвышенной философской спекуляции она становится ничтожной и извращается в церковную догму и, наконец, затвердевает как замороженная масса абсурда, глупости и богохульства в Никейском и афанасианском символах веры" ("Филон, Платон и Павел", стр. 71, 72).

Идея БЕССМЕРТИЯ ни в коем случае не была "выведена на свет" Христом, как это утверждается. Древние евреи явно не имели представления о жизни после смерти; "ибо в смерти нет воспоминания о тебе; в могиле кто возблагодарит тебя?" (Пс. vi. 5). "Подобно убитым, которые лежат в могиле, о которых ты больше не вспоминаешь.... Покажешь ли ты чудеса мертвым? Восстанут ли мертвые и восславят ли тебя? Будет ли провозглашена твоя любящая доброта в могиле? или твоя верность в разрушении? Будут ли известны чудеса твои во тьме? и праведность твоя в земле забвения?" (Пс. lxxviii. 5, 10-12). "Мертвые не восхваляют Господа" (Пс. cxv. 17). "Я сказал в сердце моем о состоянии сынов человеческих, чтобы Бог явил их и чтобы они увидели, что они сами - звери. Ибо то, что постигает сынов человеческих, постигает и зверей; даже одно постигает их: как умирает один, так умирает и другой; да, у всех у них одно дыхание; так что человек не имеет превосходства над зверем" (Екклесиаст. iii. 18, 19). "В могиле нет ни работы, ни устройства, ни знания, ни мудрости" (Там же, ix. 10). "Могила не может восхвалять тебя, смерть не может прославлять тебя: те, кто спускается в преисподнюю, не могут надеяться на твою истину. Живой, живой, он восхвалит тебя" (Ис. xxxviii. 18, 19). В строгом соответствии с этой верой, что смерть - это конец человека, евреи до пленения рассматривали богатство, силу, процветание и все земные блага как награду за добродетель. После плена они меняют свой тон; в послевавилонских псалмах отчетливо говорится о жизни после смерти: "И плоть моя упокоится в надежде. Ибо ты не оставишь души моей в аду" (Пс. xvi. 9, 10); вместе с другими отрывками. В апокрифических еврейских Писаниях вера в бессмертие появляется снова и снова.

Говорить, что Иисус "пролил свет на жизнь и бессмертие через Евангелие", даже евреям, - значит отстаивать свою позицию вопреки всем доказательствам. Если от евреев мы обратимся к языческим мыслителям, то бессмертие провозглашено ими задолго до того, как евреи о нем мечтали. Египтяне в своем похоронном ритуале проходили через суд души перед Осирисом: "Воскрешение мертвых ко второй жизни было глубоко укоренившимся религиозным мнением среди египтян с древнейших времен ("Египетская мифология", Шарп, стр. 52), и они, по-видимому, верили в переселение душ через низших животных и окончательное возвращение в первоначальное тело; с этой целью они сохраняли тело в виде мумии, чтобы душа по возвращении могла найти свое первоначальное обиталище все еще существующим: любой, кто

верит в переселение душ через низших животных". воскрешение тела должно явно следовать примеру древних египтян. В более поздние времена более просвещенные египтяне верили только в духовное воскресение, но основная масса людей цеплялась за идею телесного воскресения (Там же, стр. 54). "Религиозные воззрения, содержащиеся в погребальных папирусах, в основном относятся к более поздним временам египетской истории, возможно, к пяти столетиям непосредственно перед христианской эрой. Свиток папируса, похороненный вместе с мумией, часто описывает похороны, а затем переходит к возвращению души в тело, воскресению, различным испытаниям и трудностям, с которыми умерший встретится и преодолеет в загробном мире, и райскому саду, в котором он ожидает судного дня, судебного разбирательства в этот день, а затем показывает наказание, которое ожидало бы его, если бы он был признан виновным" (Там же, стр. 64). Мы уже видели, что бессмертию души учил Платон (ante, стр.364). Индуисты учили, что счастье или несчастье в загробной жизни зависит от жизни здесь. "Если долг выполнен, доброе имя будет обретено, а также счастье, здесь и после смерти" ("Махабхарата", xii, 6538, в "Религиозных и моральных чувствах индийских писателей" Дж. Мьюира, стр. 22). "Махабхарата" была написана, или, скорее, собрана, во втором веке до Рождества Христова. "Бедный царь Рангидева с чистым умом даровал воду и оттуда вознесся на небеса.... Царь Нрига щедро раздал тысячи коров брахманам; но из-за того, что он отдал одну корову, принадлежащую другому человеку, он попал в ад" (Там же, xiv. 2787 и 2789. Мьюир, стр. 31, 32). "Давайте теперь обратимся к теологии Индии, о которой сообщает Мегасфен около 300 г. до н.э. ("Древние фрагменты" Кори, стр. 226, и *последующие*). "Они, брахманы, рассматривают нынешнюю жизнь просто как представление о людях, которые должны родиться в ближайшее время, а смерть - как рождение в жизнь реальности и счастья для тех, кто правильно философствует: по этой причине они старательно готовятся к смерти"" ("Древние веры" Инмана, том ii., стр. 820). Зороастр (1200 или, возможно, 2000 год до н.э.) учил: "Душа, будучи ярким огнем, силой Отца остается бессмертной и является владицей жизни" (Там же, стр. 821). "Индейцы верили в бессмертие души и сознательное будущее существование. Они учили, что сразу после смерти души людей, как хороших, так и плохих, вместе направляются по назначенному пути к мосту собирателя, узкой тропинке на небеса, по которой могут пройти только души благочестивых, в то время как нечестивые падают с него в пропасть вниз; что молитвы его живых друзей имеют большую ценность для умершего и очень помогают ему в его путешествии. Когда его душа входит в обитель блаженства, ее приветствуют словами: "Как счастлив ты, пришедший сюда, к нам, смертным, к бессмертию!" Затем благочестивая душа радостно направляется дальше, к Ахура-Маздао, к бессмертным святым, золотому трону и Раю" (Там же, стр. 834). Из этих представлений автор истории Иисуса вывел свое представление об "узком пути", который вел на небеса, и о "тесных вратах", через которые многие не смогли бы пройти. Цицерон (bk. vi. "Содружество", цитируется Инманом) говорит: "Будьте уверены, что для всех тех, кто каким-либо образом способствовал сохранению, обороне и расширению своей родной страны, есть определенное место на небесах, где они будут наслаждаться вечностью и счастьем". Нет необходимости далее множить цитаты, чтобы показать, что наше последнее развитие этих восточных верований лишь подтвердило учение более ранних этапов религиозной мысли.

"Но, по крайней мере, - настаивают христиане, - возвышенной идеей ЕДИНСТВА БОГА мы обязаны откровению, и это более величественно, чем политеизм языческого мира". Не правда ли, однако, что точно так же, как христиане настаивают на том, что Отец, Сын и Святой Дух - это всего лишь один Бог, так и мыслители древности верили в одно Высшее Существо, в то время как многочисленные боги были всего лишь ангелами и святыми христианства, его посланниками, его подчиненными, а не соперниками? Все дикари - политеисты, точно так же, как и евреи, чей бог "Иегова" был всего лишь их особым богом, более сильным, чем боги окружающих их народов, боги, существование которых они никогда не отрицали; но по мере развития мысли высшие умы в каждой нации поднялись над множеством божеств к идее единого Высшего Существа, действующего многими способами, и самые высокие полеты "пророков" еврейских Писаний могут быть сопоставлены с полетами мудрецов других вероучений. Зороастр учил, что "Бог есть первый, неразрушимый, вечный, нерожденный, неделимый, непохожий" ("Древние фрагменты", Кори, стр. 239, цитируется Инманом). В "Сабейской литании" (только два отрывка из этого древнего труда сохранились у Эль Варди, великого арабского историка) мы читаем: "Ты - Вечный, в ком сосредоточен весь порядок.... Ты обнимаешь все сущее. Ты - Бесконечный и Непостижимый, который стоит особняком" ("Священная антология" М.Д. Конвея, стр. 74, 75). "Есть только одно Божество, великая душа. Его называют Солнцем, ибо он - душа всех существ. То, что Едино, мудрые называют по-разному. Мудрые поэты словами делают прекраснокрылого многообразным, хотя он и Един" ("Ригведа", 1500 г. до н.э., из "Антологии", стр.76). "Только Божественный Разум является целым собранием богов.... Он (Брамин) может созерцать замок, воздух, огонь, воду, тонкий эфир в своем собственном теле и органах; в своем сердце - Звезду; в своем движении - Вишну; в своей силе - Хару; в своей речи - Агни; в пищеварении - Митру; в производстве - Брахму; но он должен считать высший Вездесущий Разум повелителем их всех" ("Ману", около 1200 г. до н.э.; его кодекс собран около 300 г. до н.э.; из "Антологии", стр. 81). На древнем камне в Бонддха-Гайе есть санскритская надпись Будде, в которой мы находим: "Почтение тебе, воплощение Божества и Вечный. ОМ! [таинственное имя Бога, эквивалентное чистому существованию, или еврейскому Jhvh] обладатель всего сущего в жизненной форме! Ты - Брахма, Вишну и Махеша!... Я преклоняюсь перед тобой, кто прославлен под тысячью имен и в различных формах" ("Азиатские исследования", Эссе xi, мистера Уилмота; том i, стр. 285). Учение Платона гласит, "что есть только один Бог" (ante, стр. 364), и куда бы мы ни посмотрели, мы обнаруживаем, что более вдумчивые провозглашали единство Божества. Следовательно, эта доктрина должна идти тем же путем, что и все остальные, и следует признать, что хваленое откровение - это, опять же, всего лишь домыслы человеческого разума, не подкрепленные посторонней помощью.

Переходя от этих кардинальных доктрин к второстепенным догмам и церемониям христианства, мы все равно обнаружим, что это не что иное, как пережиток язычества.

КРЕЩЕНИЕ, по-видимому, практиковалось как религиозный обряд во всех солярных вероучениях и, следовательно, естественно, нашло должное место в новейшей солярной вере. "Идея использования воды как символа духовного омовения слишком очевидна, чтобы удивляться древности этого обряда. Доктор Хайд в своем трактате "Религия древних персов", xxxiv. 406, сообщает нам, что она преобладала среди этого народа. "Они не используют обрезание для своих детей, а только крещение или омовение для внутреннего очищения души. Они приносят ребенка к священнику в церковь и ставят его перед солнцем и огнем, и по завершении церемонии они считают его еще более священным, чем прежде. Господь говорит,

что они приносят воду для этой цели в коре Каменного дерева; это дерево на самом деле является Хаумом Волхвов, о котором мы говорили ранее в другом случае. Иногда это делается и иным способом, погружая его в большой сосуд с водой, как рассказывает нам Тавернье. После такого омовения или крещения священник налагает на ребенка имя, данное его родителями" ("Христианские записи", преподобный доктор Джайлс, стр. 129).

"Купели для крещения в наших протестантских церквях, и мы вряд ли можем сказать больше, маленькие цистерны у входа в наши католические часовни, являются не имитацией, а непрерывным продолжением того же *aquaminaria*, или *amula*, которые, как показывает ученый Монфокон в своих "Древностях", были сосудами со святой водой, которые язычники ставили у входа в свои храмы, чтобы окроплять себя при входе в эти священные здания" ("Диегезис", Р. Тейлор, стр. 219). У индусов омыться в Ганге - значит возродиться, а вода святая, потому что она течет со стоп Брахмы. Тертуллиан, утверждая, что вода, как самое раннее и наиболее благоприятствуемое творение Бога, над которым витал дух — Вишну также называют Нараян, "движущийся по водам", — была освящающей по своей природе, говорит: "Что ж, но народы, которым чуждо всякое понимание духовных сил, приписывают своим идолам наделение вод той же силой". Так они и делают, но они обманывают себя водами, которые овдовели. Ибо омовение - это канал, по которому они посвящаются в некоторые священные обряды какой-нибудь печально известной Исиды или Митры; и самих богов они также почитают посредством омовений.... На Апполлинарийских и Элевсинских играх они крестятся; и они предполагают, что результатом их совершения этого является возрождение и снятие наказаний за их лжесвидетельство.... Признавая этот факт, мы признаем здесь также усердие дьявола, соперничающего с делами Божьими, в то время как мы обнаруживаем, что он также практикует крещение своих подданных" ("О крещении", глава v.). Поскольку "дьявол" сделал это первым, едва ли справедливо обвинять его в копировании.

С крещением тесно связана идея возрождения, рождения свыше. При крещении очищение совершается божеством мужского пола, олицетворяемым в воде, текущей с трона или ног бога. При возрождении без воды очищение совершается божеством женского пола. Земля - мать всего сущего, и "поскольку при рождении новое существо выходит из матери, поэтому предполагалось, что появление из земной расщелины было эквивалентно новому рождению" ("Древние веры" Инмана, том i, стр. 415; изд. 1868). Отсюда обычай протискиваться через отверстие в скале, или проходить через перфорированный камень, или между камнями, установленными специально для этой цели, и под ними; естественная расщелина в скале или в земле считалась особо священной, и к некоторым из этих длительных паломничеств в восточных землях до сих пор совершаются. Выбравшись из ямы, преданный рождается заново, и грехи прошлого больше не вменяются ему в вину.

КОНФИРМАЦИЯ также была обрядом, применявшимся древними персами. "Впоследствии, на пятнадцатом году его жизни, когда он начинает надевать тунику, шудру и пояс, чтобы он мог приобщиться к религии и придерживаться догматов веры, священник дарует ему конфирмацию, чтобы с этого времени он мог быть принят в число верующих и на него самого можно было смотреть как на верующего" (доктор Хайд о "Религии древних персов", тр. доктора Джайлса в "Христианских записях", стр. 129, 130).

ВЕЧЕРЯ ГОСПОДНЯ. —Хлеб и вино, по-видимому, были регулярным подношением богу Солнца, в лучах которого созревают кукуруза и виноград, и о котором действительно можно сказать, что

он таким образом пресуществляется в пищу человека. Персы предлагали Митре хлеб и вино; жители Тибета и Татарии делали то же самое. Для Царицы небесной пеклись лепешки, замешиваемые из теста, и приносились ей в жертву с благовониями и возлияниями (Иер. vii. 18 и xlv. 19). Иштар поклонялись пирожными или булочками, приготовленными из лучшей муки, смешанной с медом, и древние греки предлагали то же самое: этот хлеб, по-видимому, иногда предлагался только божеству, иногда также съедался верующими; точно так же хлеб и вино предлагаются Богу в Евхаристии, и ему молятся принять "нашу милостыню *и приношения*". Пасхальные куличи, преподносимые священнослужителем своим прихожанам — старинный английский обычай, ныне редко встречающийся, — это куличи Иштар овальной формы, символизирующие йони. Мы уже подробно рассмотрели очевидное сходство между христианскими Агапе и вакханальными мистериями (ante, стр. 222-227). Вечеря Адонея, Адонаи, буквально "вечеря Господня", составляла часть этих праздников, идентичных по названию вечера христианских мистерий. Элевсинские мистерии, совершаемые в Элевсине в честь Цереры, богини зерна, и Бахуса, бога вина, заставляют нас думать о хлебе и вине, так сказать, самой сущности богов, которым там поклонялись. И Мосхайд объясняет нам происхождение многих христианских евхаристических церемоний. Он пишет: "Глубокое уважение, которое уделялось греческим и римским мистериям, и необычайная святость, которая им приписывалась, были еще одним обстоятельством, побудившим христиан придать своей религии мистический вид, чтобы поставить ее в один ряд с религией язычников по своему достоинству. С этой целью они дали название таинствам учреждениям Евангелия и особенно украсили этим торжественным названием святое Причастие. В этом священном учреждении, как и в крещении, они использовали некоторые термины, употребляемые в языческих мистериях; и в конце концов зашли так далеко, что даже переняли некоторые из обрядов и церемоний, из которых состояли эти знаменитые мистерии. Это подражание началось в восточных провинциях; но после времен Адриана, который первым ввел мистерии среди латинян, за ним последовали христиане, жившие в западных частях империи. Следовательно, значительная часть церковного служения в этом столетии [100-200 гг. н.э.] имела определенный привкус языческих мистерий и значительно напоминала их во многих деталях" ("Eccles. История", 2 век, стр. 56).

Вся система ЖРЕЧЕСТВА была перенесена в христианство из язычества; египетское жречество, однако, было в значительной степени наследственным и в этом отличается от христианского, хотя и напоминает еврейское. С другой стороны, жрецы храма Деа (Сирия) соблюдали celibat, как и некоторые ордена египетских жрецов. Некоторые классы священников очень напоминали христианских монахов, живущих в монастырях и подвергающихся многим аскезам; они молились два раза в день, часто постились, мало говорили и жили обособленно в своих кельях, предаваясь уединенным размышлениям; в самых незначительных вещах можно проследить то же сходство. "Когда римско-католический священник бреет макушку, это потому, что египетский священник делал то же самое раньше. Когда английский священник — хотя он и произносит свою проповедь в шелковой или шерстяной мантии — может читать Литургию только в льняной одежде, это потому, что лен был одеждой египтян. За две тысячи лет до того, как римский епископ притворился, что владеет ключами от неба и земли, в городе Фивы жил египетский жрец с громким титулом Назначенного хранителя двух врат небес" ("Египетская мифология", С. Шарп, предисловие, стр. xi.). Белые одежды современных жрецов - это пережитки той же старой веры; более роскошное облачение - это древнее одеяние жрецов, совершающих богослужения в храме женских божеств; палантин - характерная черта женского

платья; паллий - эмблема йони; альб - это сорочка; овальная или круглая риза - это снова йони; христианская митра - это высокий колпак египетских жрецов, а ее своеобразная форма - это просто открытый рот рыбы, женская эмблема. На старинных скульптурах священники часто носят рыбью голову с открытым ртом, направленным вверх, и ее едва ли можно отличить от нынешней митры. Современный посох - крючковатый посох, эмблема фаллоса; овальная оправа для божественных предметов снова является женским символом. Таким образом, священные медали обычно овальные, и Богородица постоянно изображается в овальной рамке с младенцем на руках. В некоторых старых молитвенниках, изображающих Благовещение, мы видим Богородицу стоящей с голубем, парящим перед ней, и из голубя исходит луч света, от конца которого, когда он касается ее живота, исходит овал с младенцем Иисусом.

Звонящий колокольчик— используемый на Мессе в момент освящения, является символом мужского и женского начала вместе — хлопущка, мужчина, внутри полый раковины, женщина - и использовался на солнечных службах в момент жертвоприношения. Положение пальцев священника при благословении собрания - это старое символическое положение пальцев солнечного священника. Церковные авторы справедливо говорят, что латинская форма с поднятыми двумя пальцами — скопированная в англиканских церквях — представляет троицу; но троица, которую она представляет, является реальной человеческой троицей: более сложная греческая форма предназначена также для обозначения креста. Украшение креста цветами, особенно в пасхальный период, практиковалось в солнечных храмах, и там фаллос, установленный вертикально на алтаре, был украшен весенними цветами и почитался как "Господь и Податель Жизни, исходящий от Отца", и действительно был един с ним, с самим собой. Священные книги египтян были написаны богом Тотом, точно так же, как священные книги христиан были написаны богом Святым Духом. Четки и крест использовались буддистами в Тибете и Татарии. Глава религии в этих странах, Великий Лама, избирается священниками определенного ранга, как папа римский избирается своими кардиналами. Верующие соблюдают посты, приносят жертвы за умерших, исповедуются, употребляют святую воду, почитают реликвии, совершают процессии; у них есть монастыри, обитатели которых дают обеты бедности и целомудрия; они бичевали себя, имеют священников и епископов — фактически, они осуществляют всю систему католицизма, и делали это за столетия до Рождества Христова, так что римско-католический священник, во время своей первой миссии среди них, воскликнул, что дьявол изобрел имитацию христианства, чтобы обмануть и погубить людей. Как и в случае с крещением, имитация старше оригинала!

"Обряды и учреждения, с помощью которых греки, римляне и другие народы прежде свидетельствовали о своем религиозном почитании вымышленных божеств, теперь были приняты, с некоторыми незначительными изменениями, христианскими епископами и использовались в служении истинному Богу. [Так христианский писатель объясняет сходство, которое его откровенность вынуждает его признать; мы должны сказать, что христианство, выросшее из язычества, естественным образом сохранило многие из своих обычаев.].... Следовательно, случилось так, что в те времена религия греков и римлян очень мало отличалась по своему внешнему виду от религии христиан. У них обоих был самый помпезный и великолепный ритуал. Великолепные одежды, митры, диадемы, восковые свечи, посохи, процессии, люстрации, изображения, золотые и серебряные вазы и многие подобные предметы пышности в равной степени можно было увидеть как в языческих храмах, так и в христианских

церквях" (Mosheim "Eccles. История", четвертый век, стр. 105). Дюлор говорит: "Этих двух Отцов Церкви [Юстина и Тертуллиана] нисколько не смущает это поразительное сходство; они оба говорят, что дьявол, заранее зная об установлении христианства и обрядах этой религии, вдохновил язычников на то же самое, чтобы соперничать с Богом и вредить христианскому богослужению" ("Histoire Abrégée de Differens Cultes", т. i., стр. 522; изд. 1825).

Идея об *ангелах и дьяволах* также распространилась с дальнего Востока; евреи переняли ее у вавилонян, а от евреев и египтян она перешла в христианство. В персидском богословии было семь ангелов высшего порядка, которые когда-либо окружали Ормузда, доброго творца; и от этого евреи получили семь архангелов, всегда стоящих перед Господом, а христиане - "семь духов Божьих" (Откр. 1) и "семь ангелов, которые стояли перед Богом" (Там же, viii. 2). У персов было четыре ангела — по одному в каждом уголке мира; в Откровении говорится о "четырех ангелах, стоящих на четырех углах земли" (vii. 1). Персы использовали их в качестве посредников со Всевышним; большинство христиан сейчас делают то же самое, и все христиане делали так в прежние времена. Ориген, Тертуллиан, Златоуст и другие Отцы Церкви говорят об ангелах как о правителях земли, планет и т. Д. Михаил - ангел Солнца, как и Геракл, и он сражается с драконом и побеждает его, как Геракл Питона, Гор чудовище Тифона, Кришна змея. Персы верили в дьяволов так же, как и в ангелов, и у них также был свой вождь, Ариман, образец сатаны. Эти дьяволы — или росы, или дэвы - боролись против добра и в конце концов были бы уничтожены, а Ариман был бы прикован цепями в бездне, как сатана в Откр. хх. Ариман спустился на землю с небес в виде огромного дракона (Откр. xii. 3 и 9), ангелы вооружились против него (Там же, стих 7). Штраус замечает: "Если бы вера в небесных существ, занимающих особое положение при небесном дворе и отличающихся особыми именами, происходила из богооткровенной религии евреев — если бы такая вера была установлена Моисеем или каким-нибудь более поздним пророком, — тогда, согласно взглядам супранатуралиста, они могли бы — нет, должны быть — признаны правильными. Но именно в маккавейском евангелии от Даниила и в апокрифическом евангелии от Товита впервые появляется это учение об ангелах в его более точной форме; и оно, очевидно, является продуктом влияния персидской религии Зенд на еврейское сознание. У нас есть свидетельство самих евреев о том, что они принесли имена ангелов с собой из Вавилона" ("Жизнь Иисуса", том i, стр. 101).

Доктор Калиш, отметив, что "представления [евреев] об ангелах колебались и изменялись", говорит, что "в ранний период вера в духов была занесена в Палестину из восточной Азии по обычным каналам политического и коммерческого обмена", и что еврейским "представлениям языческая мифология предлагает поразительные аналогии"; "было бы неоправданно, - продолжает ученый доктор, - проводить различие между "установившейся верой евреев" и "народным суеверием"; у нас нет средств провести границу между обоими; мы должны рассматривать одно совпадать с другим, иначе мы были бы вынуждены отказаться от всякого исторического исследования. Вера в духов и демонов была не уступкой, сделанной образованными людьми предрассудкам масс, а уступкой, которую все — как образованные, так и необразованные — сделали языческому политеизму" ("Исторический и критический комментарий к Ветхому Завету". Левит, часть ii., стр. 284-287. Изд. 1872). "Когда евреи, всегда открытые иностранному влиянию в вопросах веры, жили под персидским владычеством, они впитали, среди многих других религиозных воззрений своих хозяев, особенно их доктрины об ангелах и духах, которые в регионе Евфрата и Тигра были наиболее пышно развиты". Некоторые из ангелов теперь "отличаются именами, которые, по признанию самих евреев, заимствованы у их языческих правителей"; "их глава - Митрон, или Метатрон, соответствующий персидскому

Митре, посреднику между вечным светом и вечной тьмой; он является воплощением божественного всемогущества и вездесущности, хранителем мира, наставником Моисея и хранителем закона, но также и ужасным мстителем за непослушание и нечестие, особенно в его качестве Верховного Судьи мертвых" (Там же, стр. 287, 288). Это "ангел Господень", который шел перед детьми Израиля, о котором Бог сказал: "Имя Мое в нем" (см. Исх. xxiii. 20-23), и который многими христианскими комментаторами идентифицируется как второе лицо в Троице. Вера в дьяволов - это другая сторона веры в ангелов, и "мы видим, прежде всего, что сатана достигает все большего и более опасного возвышения как в отношении своей силы, так и в разнообразии своих функций". "Этот замечательный прогресс в демонологии не может быть удивительным, если мы примем во внимание, что персидская система, известная как система Зороастра и основанная на дуализме добра и зла, достигла наибольшего расцвета и своего наиболее полного развития примерно во времена вавилонского изгнания" (Там же, стр. 292, 293). Персидский символ веры предоставляет нам, как хорошо сказал д-р Калиш, "источники, из которых была почерпнута демонология Талмуда, Отцов Церкви и Католической церкви" (Там же, стр. 318).

Все идеи о суде над мертвыми, о уничтожении мира огнем и о наказании нечестивых также являются чисто языческими. Иустин Мученик истинно говорит, что когда Минос и Радамант накажут нечестивых, "мы говорим, что то же самое будет сделано, но рукой Христа" ("Апология" 1, гл. viii). "Когда мы говорим, что все будет сожжено, мы, по-видимому, излагаем доктрину стоиков; и хотя мы утверждаем, что души нечестивых, будучи наделены чувствами даже после смерти, подвергаются наказанию, и что души добрых, будучи освобождены от наказания, проводят блаженное существование, мы, по-видимому, говорим то же самое, что поэты и философы" (Там же, глава xx). В египетском вероучении Осирис обычно является Судьей мертвых, хотя иногда Гор представлен в этом образе; мертвый человек обвиняется перед Судьей Тифоном, лукавым, поскольку сатана является "обвинителем братьев"; сорок два эксперта заявляют о невиновности обвиняемых в преступлениях, которые они отдельно отмечают; ангел-регистратор записывает приговор; за душу заступаются меньшие боги, которые приносят себя в качестве искупительной жертвы (см. "Египетскую мифологию" Шарпа, стр. 49-52). Яма, или огненное озеро, - это удел осужденных. Хороший пропуск в Рай, где находится древо жизни: плод этого дерева дарует здоровье и бессмертие. В персидской мифологии древо жизни посажено у ручья, который течет от трона Ормузда (Откр. xxii. i и 2). У индуистского вероучения та же история, и она также встречается у китайцев.

Монашеская жизнь пришла к нам из Индии и Египта; в обеих странах существуют уединения и общины. Бартоломи Сент-Илер в своей книге о Будде дает описание буддийских монастырей, которое достойно прочтения. Из Египта зараза аскетизма распространилась по христианскому миру. От Филона мы также узнаем, что большая часть египетских евреев приняла монашеские правила и жизнь самоотречения, которые мы уже отмечали среди египетских жрецов. Они носили название терапевтов. Они проводили время в уединенных размышлениях и молитвах и увидели друг друга только на седьмой день. Они не вступали в брак; женщины вели такую же уединенную и религиозную жизнь, как и мужчины. Пост и умерщвление плоти были основой их добродетелей" ("Египетская мифология", С. Шарп, стр. 79). В этих египетских пустынях выросли те дикие и фанатичные фанатики — некоторые евреи, некоторые язычники, и, по-видимому, между ними не было никакой разницы, — которые, появившись позже под именем христиан, легли в основу западного монашества. Именно эти монахи разорвали Ипатию на куски в великой Александрийской церкви и составили силу "той дикой и неграмотной партии, которая

считала все виды эрудиции, особенно философского толка, пагубными и даже разрушительными для истинного благочестия и религии" (Мосхайм "Eccles. История", стр. 93). Не может быть никаких сомнений в идентичности христиан и терапевтов, и эта идентичность является реальным ключом к распространению "христианства" в Египте и окружающих странах. Евсевий сообщает нам, что Марк, как говорят, был первым, кто проповедовал Евангелие в Египте, и "с самого начала там собралось такое огромное множество верующих, как мужчин, так и женщин, что вследствие их чрезвычайной философской дисциплины и аскетизма Филон счел их занятия, собрания и развлечения заслуживающими места в его описаниях" ("Eccles. История", bk. ii., глава xvi). Мы посмотрим, что Филон нашел в Египте, прежде чем упоминать дату, в которую он жил. Евсевий утверждает (мы сокращаем bk. ii., гл. xvii), что Филон "постигает правила, которые все еще соблюдаются в наших церквях даже до настоящего времени"; что он "с величайшей точностью описывает жизнь наших аскетов"; эти терапевты, которых Евсевий называет христианами, были "повсюду рассеяны по миру", но их предостаточно "в Египте, в каждом из его округов, и особенно около Александрии". В каждом доме одна комната была отведена для богослужения, чтения и медитации, и здесь хранились "вдохновенные изречения пророков и гимны", у них были также "комментарии древних людей", которые были "основателями секты"; "весьма вероятно, что древние комментарии, которые, по его словам, у них есть, являются самими Евангелиями и писаниями апостолов". Евсевий считает, что никто не может "быть настолько твердолобым, чтобы опровергнуть его утверждение о том, что эти терапевты были христианами, когда их практику нельзя найти ни у кого, кроме как в религии христиан"; и "почему мы должны добавлять к этому их собрания, отдельные жилища мужчин и женщин на этих собраниях и выполняемые ими упражнения, которые все еще в моде у нас в наши дни, и которые, особенно в праздник страстей нашего Спасителя, мы привыкли проводить в посте и бодрствовании, а также в изучении божественного слова? Все это вышеупомянутый автор точно описал и изложил в своих трудах, и это те же самые обычаи, которые соблюдаем только мы в наши дни, особенно бдения во время великого праздника, упражнения во время них и гимны, которые обычно декламируются среди нас.... Кроме того, он описывает степень достоинства тех, кто управляет вверенными им церковными службами, дьяконов и президентств епископата как наивысшую ". Так, Филон писал о "первоначальных обычаях, переданных от апостолов". Здесь важно отметить следующие моменты: что во времена Филона эти христиане были рассеяны по всему миру; что имевшиеся у них комментарии, которые, по словам Евсевия, были христианскими Евангелиями, были трудами *древних* людей, основавших секту, так что основателями были люди, жившие задолго до Филона; что они были тщательно организованы, доказывая тем самым, что их секта не была новой в его время; что "дисциплина", организованное объединение, ранги священников и т.д. Подразумевали долгое существование секты до того, как Филон изучил ее, и что то, что такое существование явно не соответствовало каким-либо преследованиям, которые тогда были направлены против него. Филон пишет о процветающих и упорядоченных сообществах, основанных людьми, которые давным-давно скончались и завещали свои труды своим последователям для наставления и руководства. А какого числа родился Филон? Он сам дает нам четкое указание на время; в 40 году нашей эры он был отправлен с посольством к императору Калигуле в Рим, чтобы пожаловаться на преследования, которым евреи подвергались со стороны Флакка; он описывает себя как "седовласого старика", жившего в 40 году нашей эры. Преподобный Дж.У. Лейк считает, что в тот период ему было шестьдесят пять или семьдесят лет, и, следовательно, его рождение произошло за двадцать пять или тридцать лет до рождения Иисуса ("Платон, Филон и Павел", преподобный Дж.У. Лейк, стр. 33, 34). Гиббон в примечании к главе 15, том ii. (стр. 180) говорит,

что "доказав, что он (трактат о терапевтах) был составлен еще во времена Августа, Баснаж продемонстрировал, вопреки Евсевию и толпе современных католиков, что терапевты не были ни христианами, ни монахами". Или, скорее, он доказал, что христиане существовали до времен Христа, с тех пор, как умер Август 14 г. н.э., а до этой даты Филон обнаружил давно существующую секту, придерживающуюся христианских доктрин и практикующую "апостольские" обычаи. Человек, который в 40 году нашей эры был седовласым, говорил о христианских Евангелиях как о писаниях древних людей, основателей хорошо организованной секты. Теперь мы видим, почему христианство имеет так много общего с египетской мифологией. Потому что она выросла из Египта; ее Евангелия пришли оттуда; ее обрядам научились там; ее дева - Исида; ее Христос - Осирис и Гор; маска откровения Бога спадает с нее, и мы видим истинное лицо, древнеегипетскую религию, с чертами, кое-где сформированными родственными идеями других восточных верований, все из которых перетекли в Александрию и смешались в ее бурлящем котле мысли.

Существует также еврейская секта, которую мы не должны упускать из виду, имея дело с источниками христианства, а именно, известная как ессеи. Гиббон считает терапевтов и ессеев взаимозаменяемыми терминами, но более тщательное исследование не подтверждает этот вывод, хотя две секты сильно похожи друг на друга и имеют много общих доктрин; однако он говорит правду: "Суровая жизнь ессеев, их посты и отлучения от церкви, общность имущества, любовь к безбрачию, их рвение к мученичеству и теплота, хотя и не чистота их веры, уже создали живой образ примитивной дисциплины" ("Decline and Fall", том ii., гл. . xv., стр. 180). Именно к Иосифу Флавию мы должны обратиться за рассказом о ессеях; краткий очерк о них дан в "Иудейских древностях", bk. xviii, глава i. Он говорит: "Доктрина ессеев такова: все лучше всего приписывается Богу. Они учат бессмертию душ и почитают, что к награде за праведность нужно искренне стремиться; и когда они посылают в храм то, что они посвятили Богу, они не приносят жертв, потому что у них самих более чистое сияние; по этой причине они исключены из общего двора храма, но приносят свои жертвы сами; и все же их образ жизни лучше, чем у других людей; и они полностью посвящают себя земледелию ". У них было все общее, они не вступали в брак и не держали слуг, поэтому никто не называл себя хозяином (Мф. xxiii. 8, 10). В "Иудейских войнах", bk. ii., глава viii., Иосиф Флавий дает нам более полный отчет. "Среди евреев есть три философские секты. Последователи первого из них - фарисеи; второго - саддукеи; и третья секта, претендующая на более суровую дисциплину, называется ессеями. Эти последние - евреи по происхождению и, по-видимому, питают большую привязанность друг к другу, чем другие секты [Иоанна xiii. 35]. Эти ессеи отвергают удовольствия как зло [Мф. xvi. 24], но почитают воздержание и победу над нашими страстями добродетелью. Они пренебрегают браком.... Они не отрицают абсолютно пригодность брака [Мф. xix. 12, последнее предложение стиха, 1 Кор. vii. 27, 28, 32-35, 37, 38, 40].... Эти люди презирают богатство [Мф. xix. 21, 23, 24] ... среди них есть закон, согласно которому те, кто приходит к ним, должны сделать то, что у них есть, общим для всего ордена [Деяния iv. 32-37, ст. 1-11].... У них также есть управляющие, назначенные для ведения их общих дел [Деяния vi. 1-6].... Если кто-либо из их секты приходит из других мест, то то, что у них есть, открыто для них, как если бы это было их собственное [Мф. x. 11].... По этой причине они ничего не берут с собой, когда путешествуют в отдаленные районы [Мф. x. 9, 10].... Что касается их благочестия к Богу, то оно очень необычно; ибо перед восходом солнца они ни слова не говорят о мирских материях, но возносят определенные молитвы, которые они получили от своих предков, как если бы они молились о его восходе [ессеи тогда были солнцепоклонниками].... Священник произносит молитву перед

употреблением мяса; и никому запрещено пробовать пищу до произнесения молитвы. Тот же священник, пообедав, снова произносит молитву после еды; и когда они начинают и когда заканчивают, они восхваляют Бога, как Того, Кто дарует им пищу [Еф. ст. 18-20. 1 Кор. х. 30, 31. 1 Тим. iv. 4, 5].... Они справедливо изливают свой гнев и обуздывают свою страсть [Еф. iv. 26].... Все, что они говорят, также тверже клятвы; но клятвы они избегают и почитают это хуже лжесвидетельства; ибо они говорят, что тот, кому нельзя верить, не поклявшись Богом, уже осужден [Мф. ст. 34-37]". Мы вставляем эти ссылки в рассказ Иосифа Флавия о ессеях, чтобы показать идентичность учения Евангелий и ессеев. Ессеи отлучали от церкви тех, кто тяжело грешил; каждый обещал при вступлении в общество проявлять благочестие, соблюдать справедливость, никому не причинять вреда, проявлять верность всем, и особенно тем, кто у власти, любить истину, порицать ложь, оберегать свои руки от воровства, а свою душу от незаконных приобретений. Сходство между ессеями и ранними христианами по многим пунктам настолько сильно, что невозможно отрицать связь между ними; если Иисус из Назарета вообще существовал в истории, он, должно быть, принадлежал к секте ессеев, которые публично проповедовали многие из своих доктрин и пытались популяризировать их. Таким образом, мы приходим к выводу, что еврейская сторона христианства - это просто ессейство, но что большая часть религии чисто языческая, и что ее возникновение под именем христианства следует искать в Александрии, а не в Иудее.

Святые, сыгравшие столь важную роль в истории христианства, являются исключительно старыми языческими божествами под новыми именами. Древние верования были переплетены с повседневной жизнью людей и передавались практически без изменений, хотя и с измененными названиями. "Древние заблуждения, несмотря на прогресс знаний, уважались. Цивилизация, по мере своего роста, лишь утончала их, приукрашивала или скрывала под аллегорической завесой" ("История различных культур", Дюлоре, т. i., стр. 20). Замечательный отрывок из жизни Григория, прозванного Тауматургом, *то есть* чудотворцем, наиболее ясно иллюстрирует этот момент. Этот отрывок следующий [здесь он приведен на латыни]: "Когда Григорий понял, что невежественная толпа упорствует в своем идолопоклонстве из-за удовольствий и чувственных удовольствий, которыми они наслаждались на языческих празднествах, он разрешил им предаваться подобным удовольствиям, прославляя память святых мучеников, надеясь, что со временем они по собственной воле вернуться к более добродетельному и правильному образу жизни". Нет никаких сомнений в том, что этим разрешением Григорий разрешил христианам танцевать, резвиться и пировать на языческих праздниках. гробницы мучеников в соответствующие праздники и делать все то, что язычники привыкли делать в своих храмах во время праздников, устраиваемых в честь их богов" (Мосхейм "Eccles. История", 2 век; примечание, стр. 56). "Добродетели, которые раньше приписывались языческим храмам, их сиянию, статуям их богов и героев, теперь приписывались христианским церквям, воде, освященной определенными формами молитвы, и изображениям святых людей. И те же привилегии, которыми первые пользовались во тьме язычества, были дарованы последним при свете Евангелия или, скорее, под тем облаком суеверий, которое затемняло его славу. Это правда, что до сих пор изображения были не очень распространены [этому нет доказательств]; не было и никаких статуй вообще [столь же недоказанных]. Но в то же время столь же несомненно, сколь экстравагантно и чудовищно, что поклонение мученикам постепенно моделировалось в соответствии с религиозными услугами, которые оказывались богам до пришествия Христа" (Там же, 4 век; стр. 98). Дело в том, что везде, где существовал популярный бог, он переходил в пантеон христианского мира под новым именем по мере

распространения "христианства". Дюлор в своей цитированной выше работе приводит массу деталей — в основном весьма неприятных, — которые не оставляют сомнений на этот счет. Сутью старого культа, как мы видели, было поклонение Природе, и любимым божеством был Приап; этому богу поклонялись под именами Сен-Фонтен, Сен-Герлихон или Грелюшон, Сен-Реми, Сен-Жиль, Сен-Арно, СС. Космо и Дамиан и т.д. В различных провинциях Франции, Италии и других римско-католических землях; и его поклонение с его характерными обрядами самого непристойного характера сохранялось на практике, по крайней мере, до 1740 года во Франции и 1780 года во Франции. в Италии. (Смотрите на протяжении всей вышеупомянутой работы.) Если бы христиане знали немного больше о своем вероучении, они были бы гораздо менее гордыми им и гораздо менее набожными, чем сейчас.

Мистер Гленни в брошюре, перепечатанной из "In the Morning Land", указывает на сходство между христианством и "осирианством", как он называет религию Осириса: ""Особый характер Осириса, - говорит сэр Гарднер Уилкинсон, - его пришествие на землю на благо человечества с титулами "Носителя добра" и "Открывателя Истины"; его умерщвление по злобе Лукавого; его погребение и воскресение, а также то, что он стал судьей мертвых, являются наиболее интересные особенности египетской религии. Это была великая тайна; и этот миф и поклонение ему относились к древнейшим временам и были универсальны в Египте ". И с этой центральной доктриной осирианства, столь совершенно схожей с доктриной христианства, связаны доктрины, в точности аналогичные тем, которые ассоциируются в христианстве с его центральной доктриной. В древнем осирианстве, как и в современном христианстве, Божество понимается как Троица, однако три Бога объявляются только одним Богом. В древнем осирианстве, как и в современном христианстве, мы находим поклонение божественной матери и младенцу. В древнем осирианстве, как и в современном христианстве, существует доктрина искупления. В древнем осирианстве, как и в современном христианстве, мы находим видение страшного суда и воскресения тела. И, наконец, в древнем осирианстве, как и в современном христианстве, санкциями морали являются, с одной стороны, огненное озеро и мучительные демоны, а с другой - вечная жизнь в присутствии Бога. Возможно ли тогда, что такое сходство доктрин не должно вызывать самых серьезных вопросов относительно связи верований о Христе с верованиями об Осирисе; относительно причины этого удивительного схождения доктрин христианства с доктринами осирианства; более того, относительно возможности того, что вся доктринальная система современной ортодоксии является всего лишь трансформацией мифа об Осирисе?" ("Христос и Осирис", стр. 13, 14).

Таким образом, мы обнаруживаем, что основные доктрины и церемонии христианства имеют чисто языческое происхождение и что "христианство" существовало задолго до Христа. Христианство - это всего лишь, как мы уже говорили, лоскутное одеяло, составленное из старых материалов; от позднейших евреев пришло Единство Бога; от Индии и Египта - Троица в Единстве; от Индии и Египта - распятый Искупитель; от Индии, Египта, Греции и Рима - девственная мать и божественный сын; от Египта - его священники и его ритуалы; от ессеев и терапевтов - его аскетизм; от Персии, Индии и Египта - его Таинства; от Персии и Вавилонии - его ангелы и дьяволы; от Александрии - слияние в одно из многих направлений мысли. В этом символе веры нет ничего оригинального, за исключением его особого обращения к невеждам и младенцам; среди его приверженцев "не так много мудрецов по плоти"; это обращение к тьме мира, а не к его свету: к суеверию, а не к знанию; к вере, а не к разуму. Каковы его корни, таковы и его плоды, и когда — после беглого взгляда на его мораль — мы обратимся к его истории, мы увидим, что испорченное дерево приносит испорченные плоды, и что из злого ствола тонко

замаскированного язычества прорастают смертоносные ветви древа Упас-христианства, задерживающие рост молодой цивилизации Запада и одурманивающие своим ядовитым пометом Европу, которая лежала под его сенью, погруженная в беспамятный сон в течение Веков Тьмы и Веры.

УКАЗАТЕЛЬ К РАЗДЕЛУ II. ЧАСТИ II.

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ КНИГ.

Цицерон, Содружество, процитировано Инманом...376Кори, Древние фрагменты, процитированы Инманом...377
Дюлор, История развития различных культур...383, 390
Евсевий, Церковная история...386
Гиббон, "Упадок"...388Гленни, "В утренней стране"...391
Хайд, процитированный Джайлзом...378, 379
Инман, "Древние религии"...376, 379
Джонс, сэр У., "Азиатские исследования"...356, 377Иосиф Флавий, "Иудейские древности"...364, 388"Иудейские войны"...389Иустин Мученик, Первая апология...385
Калиш, исторический и критический комментарий...384, 385Кейм, Иисус Назорейский...365
Лейк, Платон, Филон и Павел...363, 364, 367, 374, 388
Махабхарата, цитируемая Мьюиром...376Ману, цитируемый в Антологии...377Милман, История христианства, цитируемая Лейком...373Мосхайм, Церковная история...380, 382, 386, 390, 391
Платон ...358", - резюмировал Mme. Дасье...364
Ригведа, цитируемая в Антологии...377
Сабейская литания, цитируемая в антологии...377Шарп, Египетская мифология...360, 375, 381, 385, 386Штраус, "Жизнь Иисуса"...383
Тейлор, "Диегезис"...359, 378Тертуллиан, "О крещении"...379
Зороастр, цитируемый Инманом...376

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВ.

Ангелы и дьяволы...383
Крещение...378
Конфирмация...379Крест...357Распятие...358
Дьяволы и ангелы...383Божественность Христа...363
Ессеи...388
Бессмертие...374
Суд мертвых...385
Логосы, идеи...364Вечеря Господня...379
Посредник...362Митра...362Монашество...385
Происхождение вероучений...355

Осирианство и христианство...391

Филон, дата...367, 387Учение Платона...364Священство...381

Святые, древние боги...391Символы мужской энергии...356" " женская энергия..."361 нынешние церемонии...381

Терапевты...386Троица...359

Союз мужчины и женщины основа религии...355Единство Бога...377

Дева с младенцем...360

Учение Зороастра...362, 376

РАЗДЕЛ III.— ЕГО МОРАЛЬ ПОДВЕРЖЕНА ОШИБКАМ.

Что справедливо можно включить в понятие "христианская мораль"? Некоторые из наиболее просвещенных христиан ограничили бы этот термин моралью Нового Завета и исключили бы еврейский кодекс как результат варварской эпохи. Но вольнодумец может справедливо утверждать, что любые моральные правила, которым учит Библия, являются частью христианской морали. Согласно статутам 9 и 10 Вильгельма III, глава 32, "Священные Писания Ветхого и Нового Завета" объявляются "имеющими божественный авторитет", и в кодексе Моисея не указано никаких исключений; этот статут обязателен для всех британских подданных, получивших христианское образование, и предусматривает наказания для тех, кто его нарушает. Согласно статье VI. Англиканской церкви, Священное Писание определяется как "те канонические книги Ветхого и Нового Завета, авторитет которых никогда не вызывал сомнений в Церкви", и список прилагается. В статье VII. нас учат, что "Заповеди, называемые моральными", должны соблюдаться, но что "гражданские предписания" кодекса Моисея не должны "по необходимости приниматься ни в каком обществе"; из чего мы можем заключить, что Церковь не считает себя обязанной "по необходимости" насаждать полигамию, проституцию, убийство еретиков и рабство. Она не осмеливается называть такие предписания аморальными, но и не чувствует себя обязанной соблюдать их, за что мы должны быть благодарны. Переходя от закона страны к самой Библии, мы обнаруживаем, что кодекс Моисея, безусловно, должен быть признан божественным. Сам Иисус провозглашает: "Не думайте, что Я пришел нарушить закон и пророков, Я пришел не разрушить, но исполнить", и это подчеркивается заявлением: "Итак, всякий, кто нарушит *одну из этих наименьших* заповедей и научит этому людей, тот будет наречен наименьшим в царстве Небесном". Широкая церковная партия будет очень немногочисленной, если это действительно так. Обращаясь к Ветхому Завету, мы обнаруживаем, что некоторые из самых аморальных заповедей произнесены самим Богом сразу после "Десяти заповедей"; несомненно, то, что "Господь сказал" из "густой тьмы, где был Бог", с вершины Синая "в дыму, при громе и молнии и звуке трубы", едва ли может быть благоговейно обозначено как "итог варварской эпохи"? Тем не менее, именно в этих обстоятельствах Бог учил, что слуга-еврей может быть куплен на семь лет; что жена может быть дана ему его хозяином и что жена и дети, рожденные от этого союза, принадлежат хозяину; что слуга может стать свободным, только бросив свою жену и своих собственных детей и оставив их в рабстве (Исх. xxi. 1-6). Именно при таких обстоятельствах Бог учил, что мужчина может продать свою дочь в качестве "служанки" (эвфемизм переводчика для обозначения наложницы), и что, "если она не угодит своему хозяину", ее можно выкупить обратно, или если он "возьмет себе

другую" (переводчик использует слово "жена", чтобы придать сделке вид респектабельности), она может освободиться (Ibid. 7-11). Именно при таких обстоятельствах Бог учил, что если мужчина забьет раба до смерти, он не должен быть наказан при условии, что раб умрет только "через день или два", потому что раб был всего лишь "его деньгами" (Ibid. 20, 21). Зачем винить Легри, если он действует только с разрешения, данного Богом с горы Синай? Доктор Коленсо пишет: "Я никогда не забуду отвращения, с которым очень умный уроженец христианской общины, с помощью которого я переводил эти слова на язык зулу, впервые услышал их как слова, произнесенные тем же самым великим и милосердным Существом, которому я учил его доверять и боготворить. Вся его душа восставала против мысли, что великий и благословенный Бог, милосердный Отец всего человечества, будет говорить о слуге или горничной просто как о "деньгах" и позволит ужасному преступлению остаться безнаказанным, потому что жертва жестокого обращения прожила несколько часов. Мое собственное сердце и совесть в то время полностью сочувствовали ему" ("Пятикнижие и книга Иисуса Навина", стр. 9, изд. 1862). Именно в этих обстоятельствах Бог учил, что вор, у которого нет ничего своего, должен быть "продан за свою кражу" (Исх. xxii. 3). Именно при таких обстоятельствах Бог учил: "Ты не должен оставлять ведьму в живых" (Там же, 18). Этому жестокому и порочному приказу были принесены в жертву мириады несчастных людей; в Средние века погибли сотни тысяч; во Франции и Германии "во многих округах и крупных городах ежегодно сжигали по две, три и четыре сотни ведьм, в некоторых из них ежегодные казни уничтожали почти один процент. всего населения.... Реформация, уничтожившая так много суеверий, оставила это, самое одиозное из всех, в полной активности. Церковники Англии, лютеране Германии, кальвинисты Женевы, Шотландии и Новой Англии соперничали в своей строгости с самыми фанатичными римскими католиками. Действительно, кальвинисты, хотя и были наиболее противоположны Римской церкви из всех, были в этом отношении, возможно, самыми неявными подражателями ее заблуждений" ("Библия; что это такое" К. Брэдли, стр. 262). "Говорят, что в течение семнадцатого века только в Англии за колдовство было казнено 40 000 человек. В Шотландии это число, вероятно, было пропорционально численности населения намного больше; ибо несомненно, что даже за последние сорок лет шестнадцатого века было казнено не менее 17 000 человек" (Там же, стр. 263). Пуритане в Новой Англии прославили себя своей беспощадной строгостью по отношению к волшебникам и ведьмам. Франция была первой страной, остановившей волну жестокости. В 1680 году Людовик XIV. "издал прокламацию, запрещающую в будущем любое судебное преследование за колдовство; и предписывающую, чтобы даже те, кто может исповедовать это искусство, были наказаны только как самозванцы". В Англии "последняя казнь была в Хантингдоне в 1716 году"; в Шотландии - в Дарноке в 1722 году. Последним человеком, сожженным как ведьма, была Мария Зангер в Вюрцбурге, в Баварии, в 1749 году (Там же, стр. 265). Такой плод принесло повеление Бога с Синая. Именно в этих обстоятельствах Бог учил, что любой, кто приносит жертву какому-либо Богу, кроме себя, должен быть "полностью уничтожен" (Исх. xxii. 20). Практический эффект этого мы сейчас увидим в сочетании с другими отрывками.

Если мы перейдем от этих заповедей, данных с такой особой торжественностью, к другим статьям так называемого кодекса Моисея, мы обнаружим правила столь же аморального характера. Лев. xxiv. 16 предписывает побивать камнями "того, кто хулит имя Господне". Лев. xxv. 44-46 предписывает евреям покупать рабов и невольниц из окружающих их народов, "и вы должны взять их в наследство для ваших детей после вас, чтобы унаследовать их во владение", санкционируя таким образом работорговлю. Левит xxvii. 29 четко предписывает человеческие жертвоприношения, запрещая искупление тех, кто "посвящен из людей". Какими бы ясными ни

были слова, их значение вызывало горячие споры из-за пятна, которое они нанесли на код Мозаики. "[Иврит: MOT BOMOT]" чтобы он умер. Комментаторы прилагают много усилий, чтобы смягчить этот ужасный приговор. По словам Раши, речь идет о человеке, приговоренном к смертной казни, и в этом случае его нельзя выкупить за деньги. Согласно другим, необходимо, чтобы человек был посвящен государственной властью, а не частным обетом; и Талмуд говорит об Иеффе как о фанатике за то, что он думал, что человек может служить жертвой, всеожжением; но есть слишком много фактов, которые доказывают существование и исполнение этого варварского закона; смотрите, Кроме того, перефразировку Бен Узиэля: [иврит: KL APRShA TMVL DDYN QShVL MYTChYYB] "всякая анафема, которая будет предана преданный анафеме род человеческий не может быть искуплен ни деньгами, ни обетами, ни жертвами, ни молитвами о милосердии перед Богом, поскольку он приговорен к смерти" (Левитик, пар Кахен, стр. 143; изд. 1855). Таким образом, Иеффай посвятил Господу "всего, что выходит из дверей дома моего навстречу Мне", и, поскольку это была его дочь, он "поступил с ней по своему обету" (Судьи xi. 30-40).

Калиш в своем Комментарии к Ветхому Завету дает нам исчерпывающее эссе о "Человеческих жертвоприношениях у евреев", пытаясь, насколько это возможно, защитить свой народ от обвинения в принесении таких жертв Иегове, сведя случаи этого к минимуму. Однако он говорит: "И все же у нас есть по крайней мере два ясных и неоспоримых примера человеческих жертвоприношений, приносимых Иегове. Первый - это принесение в жертву дочери Иеффая". Затем он анализирует рассказ, указывая, что это явно было жертвоприношение Иегове и что "о намерении Иеффая принести в жертву свою дочь было публично известно в течение полных двух месяцев; ни священник, ни пророк, ни старейшина, ни судья не вмешивались и даже не возражали". Даже далее: "Это событие породило популярный обычай, ежегодно соблюдаемый девами Израиля; поступок Иеффая, очевидно, встретил всеобщее одобрение; это было расценено как похвальное благочестие; и действительно, он не осмелился бы дать свой обет, если бы человеческие жертвы, приносимые Иегове, не считались особенно достойными в его время; в противном случае он, должно быть, опасался вызвать этим гнев Бога, а не заручиться его помощью. Ничто не может быть более ясным или решительным.... Неоспорим тот факт, что человеческие жертвоприношения Иегове были возможны среди евреев еще долгое время после времен Моисея, не встречая сдерживания или порицания со стороны учителей и лидеров нации — факт, для объяснения которого недостаточно печальной политической неразберихи, царившей в период Судей" (Левит, часть I., стр. 383-385; изд. 1867). Калиш далее указывает, что обет Иеффая обещает *человеческое* жертвоприношение; еврейское выражение означает "*тот, кто выйдет*" (см. стр. 383), и "еврейские слова, фактически, абсолютно исключают любое животное вообще; они не допускают никого, кроме человека, который единственный может быть описан как выходящий из дома на встречу с кем-либо; ибо, хотя ограничительное использование Востока обычно приковывает девушек к уединению в доме, для еврейских женщин, по-видимому, было обычным обычаем выходить и встречать возвращающихся завоевателей музыкой и танцами". ликование; и принесение в жертву одного животного, чрезвычайно скудное подношение после самого знаменательного и самого важного успеха, конечно, не было бы обещано предыдущим торжественно произнесенным обетом" (Там же, стр. 385, 386). Наш комментатор справедливо добавляет: "Из содержания повествования очевидно, что это деяние не было единичным случаем, но что человеческие жертвоприношения обычно приносились Богу в чрезвычайных ситуациях особого момента и ожидалось для получения его помощи. Один пример, подобный случаю с Иеффе, не только оправдывает, но и делает

необходимым влиянием общего обычая. Благочестивые люди приносили человеческие жертвы не Молоху и не какому-либо другому иностранному божеству, а национальному Богу Иегове" (Там же, с. 390). "Второй зарегистрированный случай человеческих жертвоприношений в честь Иеговы представляет собой замечательный случай из жизни Давида" (Там же, стр. 390). Мы читаем во 2 Цар. xxi. что Бог сказал, что голод, царивший тогда, был вызван Саулом и его окровавленным домом; что Давид желал совершить "искупление"; что семь человек из семьи Саула были повешены "на гореперед Господом"; что затем они были похоронены вместе с Саулом и Ионафаном, "и, после этого Бог был сотворен для этой земли". "Нас особенно беспокоит то, что все дело в первую очередь было передано Иегове; что Давид был ясно проинформирован о намерении гаваонитян "повесить" семерых человек "перед Иеговой" в качестве "искупления"; что он добровольно выдал их за это зверство; что он, очевидно, ожидал от этого акта прекращения голода; и что, как сообщается, это бедствие действительно исчезло в результате жертвоприношения" (там же, стр. 392). Калиш, стремясь, насколько это возможно, уменьшить доказательства того, что человеческие жертвоприношения были предписаны законом, настаивает на том, что отрывок из книги Левит (xxvii. 29) просто подразумевает, что "все, чему так преданы, будет уничтожено. Истребление людей, как правило, врагов-язычников в Ханаане или еврейских идолопоклонников, действительно относится к повелению Иеговы, но это не задумывается как *жертвоприношение* ему" (Там же, стр. 409). Несомненно, это граничит с придирками, и даже тогда контекст не подтверждает этого. Левит xxvii. речь идет исключительно о частных "особых обетах", а "посвящение" (*Черем*) "человека и животного и поля его владения" - это не судебное посвящение разрушению идолопоклоннического города или отдельного человека, а особое добровольное подношение от благочестивого поклоняющегося. Кроме того, даже если такие судебные обязанности были "правилом", как быть с исключениями? Есть несколько указаний на практику человеческих жертвоприношений Иегове, помимо двух, описанных Калишем (повеление принести в жертву Исаака само по себе является освящением Богом мерзости); любопытный рассказ о смерти Аарона, с которого снимают одежды и надевают на его сына, и который после этого умирает на вершине горы, поднявшись туда с этой целью, ясно указывает на то, что он умер не своей смертью (Числа xx. 23-28). Многие думают, что "огонь от Господа", пожиривший Надава и Авиуда (Лев. x. 1-5), обозначает жертву "пред Господом" священников-нарушителей. Калиш возражает против этих последних обвинений и некоторых других дополнительных, но говорит: "Следовательно, несомненно, что человеческие жертвоприношения приносились евреями с древнейших времен вплоть до вавилонского периода, как в честь Иеговы, так и языческих божеств, не только развращенными идолопоклонниками, но иногда даже благочестивыми слугами Бога; вероятно, их перестали приносить Иегове незадолго до того, как перестали приносить вообще" (Левит, часть i, стр. 396). Здесь мы не можем не обратить внимания на повеление Бога в Книге Исход xxii. 29, 30: "Первенца из сынов твоих отдай мне. Так поступай и с волами твоими и с овцами твоими" и т.д. В противовес этому мы читаем повеление в гл. xiii. 13: "Всех первенцев человеческих из детей твоих ты должен искупить". Здесь, как и во многих других примерах, мы получаем противоречивые повеления, которые лучше всего объясняются тем фактом, что Пятикнижие - дело многих рук. Калиш говорит: "Невозможно отрицать, что перворожденные сыновья часто приносились в жертву не только израильтянами-идолопоклонниками в честь чужеземных богов, таких как Молох и Ваал, но и благочестивыми людьми в честь Иеговы; но Пятикнижие, воплощение более просвещенного и продвинутого вероучения евреев, четко предписывало искупление первенцев" (Там же, стр. 404). Калиш, как мы можем отметить, рассматривает

Пятикнижие в его нынешнем виде как пост—вавилонское и рассматривает его как реформатора в еврейской общине.

В Числах, ст. 12-31, мы находим повеление практиковать жестокий и суеверный обычай испытания, одобрение всей системы испытаний средневековья. Второзаконие хiii. полностью посвящено заповедям об убийстве и является индульгенцией, заранее предоставляемой каждому преследующему священнику. Пророк, которого Бог использует, чтобы доказать своему народу, должен быть предан смерти за то, что он орудие Бога; любой, кто пытается отвратить людей от Бога, должен быть побит камнями, и рука самого близкого человека должна быть "первой на нем, чтобы предать его смерти"; любой город, который становится идолопоклонническим, должен быть разрушен, жители и скот должны быть убиты, а все остальное должно быть сожжено. Второзаконие XVII. 2-7 направлены на то же самое. Эти заповеди также принесли обильные плоды. Кто может сосчитать миллионы человеческих жизней, которые были унесены во исполнение их? Резня мадианитян, жителей Иерихона, Гая, Македы, Ливны, Лахиша и многих других городов, отмечающая кровью каждый шаг народа Божьего, который поражал "все души, которые были" в каждом, и "да не останется ни одной" — все это лишь первые плоды великой жатвы человеческих убийств, собранной во славу Божью. Прямо через "священный том" течет алая река, окрашивая каждую страницу; когда его летопись заканчивается, Церковь подхватывает ее, и река течет сквозь столетия; пусть инквизиция вспоминает о своих жертвах; пусть Испания считает своих убитых, 31 912 сожженных заживо в одной только этой стране; пусть Нидерланды говорят о своих убитых сыновьях и дочерях; пусть Франция и Италия раздувают историю; пусть Англия и Шотландия не будут забыты, а кровавый список Ирландии не будет пропущен; Католик убивает арианина; арианин убивает католика; романист сжигает протестанта; протестантский повешенный романист. Имена тех, кто повинуются Божьему повелению, могут быть изменены, но все они делают одно и то же проклятое дело, распространяя религию повсюду огнем и мечом; и вред не ограничивается только евреями и христианами, ибо Магомет, пророк Аравии, подхватывает учение Моисея и повторяет его, и мусульманин следует по вдохновенному пути и снова обагрят его человеческой кровью. Бог, Библия, священство — как они разрушили мир; какой прекрасной и светлой могла бы быть земля, если бы на ней не было учителей религии!

"Как бессильна была рука самого могущественного монарха,

Напрасны его громкие угрозы и бессильно нахмурен его взгляд!

Как нелеп догматический рев священника!

Тяжесть его уничтожающего проклятия

Какой легкий! и его напускное милосердие,

Чтобы соответствовать давлению меняющихся времен,

Какой очевидный обман! если бы не твоя помощь,

Религия! но для тебя, плодовитый дьявол,

Кто населяет землю демонами, ад людьми,

И рай для рабов!

Ты оскверняешь все, на что смотришь..."

—("Королева Мэб" П.Б. Шелли; cap. 6. Собрание сочинений, стр. 12, издание 1839 г.)

Второзаконие ххi. 10-14 учит еврея, что если после победы он увидит красивую женщину и возжелает ее, он может взять ее, и если позже "она тебе не понравится, тогда ты позволишь ей идти, куда она пожелает", к голодной смерти, к нищете, неважно, после того, как избранный Богом будет удовлетворен. Deut. ххiii. 2 наказывает человека за то, в чем нет его вины, за его незаконнорождение. Мы опустили многие абсурдные предписания, содержащиеся в этом кодексе Моисея, и выбрали только те, которые крайне аморальны и не могут быть защищены никакими рассуждениями о "ущербной" или "несовершенной" морали, "подходящей для нации, находящейся на низкой стадии цивилизации".

Эти законы не только не соответствуют совершенной морали, но они явно и отвратительно аморальны и непосредственно ведут к ожесточению нации, которая должна жить по ним. Это правда, что в этом кодексе много чистой морали и немного утонченных чувств здесь и там. Эти драгоценности удивительно неуместны в своем окружении. Представьте себе народ, настолько дикий, что нуждается в законах, разрешающих все упомянутые выше мерзости, и в то же время настолько образованный, что способен оценить красоту слов: "Если ты увидишь осла ненавидящего тебя, лежащего под бременем своим, и откажешься помочь ему; ты непременно поможешь ему" (Исход ххiii. 5). Настало время публично признать, что так называемый кодекс Моисея - это буквально мозаика из разрозненных фрагментов законодательства разных эпох и различных этапов цивилизации, составленных за несколько сотен лет до Рождества Христова. В настоящее время весь кодекс лежит на плечах христианства, и вольнодумец справедливо возражает против него.

Нет необходимости выступать здесь против практической морали ветхозаветных святых; сами имена Лота, Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, Иисуса Навина, Самуила, Давида и т.д. Вызывают перед мысленным взором список преступлений, настолько отвратительных, таких трусливых, таких кровавых, что в их перечислении нет необходимости. О них мы можем справедливо сказать вместе с Вергилием:

"Non ragioniam di lor, ma guarda e passa."

Обращаясь к новозаветной морали, мы можем критиковать ее по-разному: мы можем утверждать, что лучшая ее часть не нова и, следовательно, не может рассматриваться как особо богодухновенная, или что в ней не учитываются многие добродетели, необходимые для благополучия семей и государств; или мы можем утверждать, что многое из нее вредно и практически невыполнимо.

Лучшая часть - это то, что НЕОРИГИНАЛЬНО. Всему справедливому и прекрасному в христианской морали учили в мире за столетия до рождения Христа. Будда, Конфуций, Лао-Цзы, Менций, Зороастр, Ману учили благородной человеческой морали, содержащейся в некоторых учениях, приписываемых Христу (на протяжении всего этого раздела мораль, вложенная в уста Христа в Новом Завете, будет рассматриваться как его собственная).

Христос учил долгу воздавать добром за зло. Будда сказал: "Человеку, который по глупости причиняет мне зло, я верну защиту моей беззаветной любви; чем больше зла исходит от него, тем больше добра будет исходить от меня" ("Антология" Монкура Д. Конвея, стр. 240). В

буддийской Дхаммападе мы читаем: "Пусть человек преодолет гнев любовью; пусть он преодолет зло добром; пусть он преодолет жадность щедростью, лжеца правдой" (Там же, стр. 307). Опять же: "Ненависть никогда не прекращается ненавистью; ненависть прекращается любовью; это старое правило" (Там же, стр. 131). Лао-Цзы говорит: "Хорошего я встречал бы с добротой. Нехорошего я бы тоже встретил с добротой. Верующего я бы встретил с верой. Неверующего я бы тоже встретил с верой. Добродетель - это верность. Возмещай ущерб добротой" (Там же, стр. 365). Конфуций взял еще более высокую и правдивую ноту: "Кто-то сказал: "Что вы скажете о принципе, согласно которому вред должен быть возмещен добротой?" Мудрец ответил: "Чем же тогда ты вознаградишь доброту? Вознагради доброту добротой, а обиду справедливостью" (Там же, стр. 6). Ману относит "воздаяние добром за зло" к своей десятикратной системе обязанностей; в его кодексе мы также находим: "Прощением обид ученые очищаются" (Там же, стр. 311). "Золотое правило" так же старо, как великодушное и справедливое сердце. Сабейская книга закона учила: "Пусть никто из вас не относится к своему брату так, как ему самому не понравилось бы" (там же, стр. 7). "Цзе-Гун спросил: "Есть ли одно слово, которое может служить правилом для всей жизни человека?" Конфуций ответил: "Разве взаимность не является таким словом? То, чего вы не хотите делать с собой, не делайте с другими. Когда вы трудитесь для других, пусть это делается с таким же усердием, как если бы это было для вас самих" (Там же, стр. 6, 7).

Если Христос учил смирению, мы читаем у Лао-Цзы: "У меня есть три драгоценные вещи, которые я крепко держу и ценю — Сострадание, Бережливость, Смирение. Будучи сострадательным, я, следовательно, могу быть храбрым. Будучи экономным, я, следовательно, могу быть либеральным. Не осмеливаясь брать верх над миром, я, следовательно, могу стать главным среди совершенных. В наши дни люди отказываются от сострадания и культивируют только мужество. Они отказываются от экономии и стремятся только к щедрости. Они отказываются от последнего места и стремятся только к первому. Это их смерть" (Там же, стр. 216). Лао-цзы снова говорит: "Благодаря безраздельному вниманию к страстной природе и нежности можно быть маленьким ребенком. Убирая нечистоту со скрытого ока сердца, можно быть незапятнанным. Есть чистота и покой, с помощью которых мы можем править всем миром. Чтобы сохранить нежность, я провозглашаю силу.... Тот факт, что слабый может победить сильного, а нежный - жесткого, известен всему миру, но никто не применяет это на практике. Небесный разум не борется, но хорошо побеждает; не призывает, но все приходит само собой; расслаблен, но хорошо планирует" (Там же, стр. 323, 324). И снова: "Мудрец... ставит себя на последнее место, и все же является первым; отказывается от себя, и все же сохраняется. Не потому ли это, что у него нет эгоизма? Таким образом, он сохраняет собственные интересы нетронутыми. Он не выставляет себя напоказ, и поэтому он сияет. Он не самоутверждается, и поэтому он выделяется. Он не превозносит себя, и поэтому у него есть заслуги. Он не превозносит себя, и поэтому он стоит высоко; и поскольку он не борется, никто во всем мире не борется вместе с ним. Это древнее изречение: "Тот, кто смиряет себя, сохранится целым" — о, это не пустое высказывание" (Там же, стр. 327, 328).

Говорят, что Иисус является выдающимся учителем морали, потому что он направил свое учение на совершенствование сердца, зная, что из доброго сердца проистекает добрая жизнь; в кодексе Ману мы читаем: "Действие, будь то ментальное, словесное или телесное, приносит добрые или злые плоды, поскольку само по себе является добром или злом ... да будет известно всему миру, что зачинщиком этого тройственного действия является сердце" (Там же, стр. 4). Будда сказал: "Это сердце любви и веры, сопровождающее добрые поступки, которое как бы

распространяет благотворную тень от мира людей к миру ангелов" (Там же, стр. 234). Иисус напомнил людям, что церемониальные обязанности религии ничтожны по сравнению с "более важными вопросами закона, справедливости, милосердия и истины"; Ману писал: "Человеку, зараженному чувственностью, ни Веды, ни щедрость, ни жертвоприношения, ни обряды, ни благочестивый аскетизм не принесут счастья. Мудрый человек должен добросовестно выполнять свои моральные обязанности, даже если он не осмеливается постоянно совершать религиозные обряды. Он падет очень низко, если будет совершать только церемониальные действия и не сможет выполнять свои моральные обязанности" (Там же, стр. 3). Точной параллелью высказыванию Иисуса является высказывание из Сабейской книги Закона: "Так твердо придерживайтесь истины, что ваше "да" будет "да", а ваше "нет" - "нет"" (Там же, стр. 7).

Утверждая, что всем великим моральным обязанностям учили дохристианские мыслители, мы не имеем в виду, что Христос взял свои моральные высказывания из книг этих великих восточных учителей; ему не было необходимости заходить так далеко в поисках их, ибо в учениях раввинов своей страны он нашел все, в чем нуждался. Многие из этих учений сохранились в более современном Талмуде, как пшеничные зерна среди множества плевел, как моральные мысли некоторых из самых чистых еврейских умов. "Возьмите Талмуд и изучите его, а затем судите, из какого невдохновенного источника Иисус почерпнул большую часть своего высшего учения. "Тот, кто смотрит на жену другого похотливым взглядом, считается совершившим прелюбодеяние" (Калах). "Какой мерой мы меряем, такой и будем мерить снова" (Йоханан). "Чего бы ты не хотел, чтобы делали с тобой самим, не делай с другими; таков фундаментальный закон" (Гиллель). "Если бы его попросили вынуть занозу из своего глаза, он бы ответил: вынь бревно из своего собственного" (Тарфон). "Подражай Богу в его благодати. Будь к своим ближним таким же, как он ко всему творению. Одень нагого; исцели больного; утешь страждущего; будь братом детям своего Отца". Вся притча о домах, построенных на камне и на песке, взята из Талмуда, и подобные примеры цитирования можно бесконечно множить" ("По вдохновению", автор Анни Безант; Серия Скотта, стр. 20). Из этих источников Иисус черпал свою мораль и говорил как еврей с евреями, из еврейского учения. Указывать на эти факты ни в коем случае не значит принижать более благородную часть христианской морали. Скорее, это возвысит Человечество, показав, что чистые мысли и благородные слова присущи человеку, а не богу; что так называемое "вдохновение" культивируется до определенной степени во всех расах, а не только в одной; что нравственность - это прекрасный земной цветок, а не экзотика, привнесенная небесами, и она естественным образом произрастает на богатой почве любящего человеческого сердца и благородного человеческого мозга.

Какие более благородные или величественные нравственные учения можно найти где угодно, чем дышащие нижеследующими отрывками, взятыми из "библий всех народов", так умело собранных для нас мистером Коруэем в цитируемой выше "Священной антологии"? "Пусть человек постоянно получает удовольствие от истины, справедливости, похвальных поступков и чистоты; пусть он держит в повиновении свою речь, свои руки и свои аппетиты. Богатства и удовольствий, противных закону, пусть он избегает; и даже законных действий, которые могут причинить боль или быть оскорбительными для человечества. Пусть у него не будет проворных рук, беспокойных ног или говорливых глаз; пусть он не будет легкомысленным в своей речи или умным в проказах. Пусть он идет путем хороших людей" (Ману, стр. 7). "Тот, кто пренебрегает обязанностями этой жизни, непригоден для этого, а тем более для какого-либо высшего мира" ("Бхагават-гита", стр. 26). "Благотворительность - это бесплатный дар чего-либо, не причиняющего вреда. Если подарок не предназначен для получения выгоды или причиняет

вред, это не благотворительность. Также должно быть желание помочь или выразить благодарность. Это не благотворительность, когда подарки делаются из других соображений, например, когда животных кормят, чтобы их можно было использовать, или подарки, которые дарят влюбленные, чтобы вызвать привязанность, или рабам, чтобы стимулировать труд. Оно находится там, где человек, стремясь распространить счастье среди всех людей — тех, кого он любит, и тех, кого не любит, — роет каналы и бассейны, строит дороги, мосты и скамейки и сажает деревья для тени. Это происходит там, где из сострадания к несчастным, которым некому помочь, человек возводит места отдыха для странников и питьевые фонтанчики, или обеспечивает едой, одеждой, лекарствами нуждающихся, не выбирая одно больше другого. Это истинная благотворительность, которая приносит много плодов" ("Катха Чари", стр. 219, 220). "Никогда я не буду искать и не получу частного индивидуального спасения — никогда не войду в окончательный мир в одиночку; но всегда и везде я буду жить и стремиться к всеобщему искуплению каждого существа во всем мире" (Кван-инь, стр. 233). "Все люди имеют в себе чувства милосердия и жалости, стыда и ненависти к пороку. В зависимости от культуры, каждый должен позволить этим чувствам расти или позволить им увянуть. Они являются такой же частью организации человека, как конечности или чувства, и их также можно тренировать. На горе Никон-чау естественным образом растут красивые деревья. Даже когда стволы срублены, молодые побеги будут постоянно подниматься вверх. Если пасти там скот, гора выглядит голой. Должны ли мы тогда сказать, что голость естественна для горы? Итак, низменные страсти высвобождаются, чтобы пожирать более благородные ростки благоговения и любви в сердце человека; должны ли мы, следовательно, сказать, что в его сердце вообще нет таких чувств? Под тихим мирным воздухом утра и вечера всходы имеют тенденцию прорасти снова. Человечность - это сердце человека; справедливость - это путь человека. Познать небеса - значит развить принцип нашей высшей природы" (Мэн-цзы, стр. 275, 276). "Первое требование в стремлении к добродетели состоит в том, чтобы ученик думал о своем собственном совершенствовании, а не действовал из уважения к (восхищению) других" ("Королевна", стр. 286). "Благожелательность, справедливость, верность и истина, а также умение без устали наслаждаться добродетелью составляют божественное благородство" (Мэн-цзы, стр. 339). "Добродетель - это услуга, которую человек обязан оказывать самому себе; и хотя не было ни небес, ни какого-либо Бога, правящего миром, это не было менее обязательным законом жизни. Привилегия человека - знать правду и следовать ей. предайте и преследуйте меня, братья-люди! Излейте на меня свой гнев, о злобные дьяволы! Улыбайтесь или наблюдайте за моей агонией с холодным презрением, вы, блаженные боги! Земля, ад, небеса, объедините свою мощь, чтобы сокрушить меня — я все еще буду крепко держаться за это наследство! Моя сила ничтожна — время может поколебать и искалечить ее; моя молодость скоротечна — горе уже иссушило мои дни; мое сердце — увы! кажется, сейчас оно почти разбито! Тоска может полностью сокрушить его, и жизнь может рухнуть; но даже в этом случае моя душа, которая не споткнулась, восторжествует и, умирая, опровергнет ложь бездушной судьбы, которая осмеливается хвастаться тем, что она повелительница человека" ("Рамаяна", стр. 340, 341). Какой христианский апостол оставил после себя записи таких слов, как слова Конфуция, смело сказанные царю: "Кэ Кан, обеспокоенный количеством воров в своем царстве, спросил Конфуция, как он может покончить с ними? Мудрец сказал: "Если бы ты, господин, не был алчным, люди не крали бы, хотя ты должен был бы платить им за это". Ке Канг спросил: "Что ты скажешь об убийстве беспринципных ради блага принципиальных?" Конфуций сказал: "Зачем вообще использовать убийство при осуществлении вашего правления? Пусть правители

желают добра, и люди будут добрыми. Трава должна гнуться, когда по ней дует ветер. " Как могут люди, которые не могут исправиться сами, исправлять других?" ("Аналекты Конфуция", стр. 358).

В "Колесе закона" Генри Алабастера мы находим интереснейшую информацию о нравственном учении буддизма, и следующая цитата взята из одной из Сутр: "Однажды Владыка Будда привел нескольких своих учеников в деревню Каламачу, где были известны его мудрость, заслуги и святость. И собрались Каламачу, и поклонились ему, и сказали: "Многие священники и брахманы в разное время посещали нас и объясняли свои религиозные догматы, объявляя их превосходными, но каждый злоупотреблял догматами другого, из-за чего мы сомневаемся в том, чья религия правильная, а чья неправильная; но мы слышали, что Владыка Будда учит превосходной религии, и мы просим, чтобы мы могли освободиться от сомнений и узнать истину". И Владыка Будда ответил: "Ты был прав, сомневаясь, ибо это был сомнительный вопрос. Я говорю всем вам: не верьте в то, что вы услышали; то есть, когда вы слышали, как кто-то говорит, что это особенно хорошо или чрезвычайно плохо; не рассуждайте сами с собой, что если бы это не было правдой, это не было бы утверждено, и поэтому верьте в его истинность. Ни тот, ни другой не верят в традиции, потому что они передавались из поколения в поколение во многих местах. Не верьте ни во что, потому что об этом ходят слухи и говорят многие; не думайте, что это доказательство его истинности. Не верьте только потому, что представлено письменное высказывание какого-то старого мудреца; не будьте уверены, что написанное когда-либо было пересмотрено указанным мудрецом или на него можно положиться. Не верьте в то, что вам привиделось, думая, что, поскольку идея экстраординарна, она, должно быть, была внушена Дэвой или каким-то чудесным существом. Не верьте в догадки, то есть, принимая что-то-то случайное за отправную точку, делайте из этого свои выводы; подсчитывайте свои двойки, тройки и четверки, прежде чем определитесь со своим номером один. Не верьте, потому что вы думаете, что есть аналогия, то есть соответствие вещей и явлений, например, верите, что у мира должны быть стены, потому что вы видите воду в бассейне, или что гора Меру должна существовать, потому что вы видели отражение деревьев; или что должен быть Бог-созидатель, потому что у домов и городов есть строители.... Не верьте только на авторитет ваших учителей и мастериц, или верьте и практикуйте только потому, что они верят и практикуют. Я говорю вам всем, вы должны сами знать, что "это зло, это наказуемо, это осуждается мудрыми людьми, вера в это не принесет человеку никакой пользы, но причинит горе". И когда вы это узнаете, тогда избегайте этого. Я обращаюсь ко всем вам, жителям этой деревни, ответьте мне вот на что. Лофо, то есть алчность, Тосо, то есть гнев и дикость, и Мохо, то есть невежество и глупость — когда что-то из этого возникает в сердцах людей, является ли результат благоприятным или наоборот?' И они ответили: "Это бесполезно, о Господь!" Тогда Господь продолжил: "Алчные, страстные и невежественные люди разрушают жизнь, и крадут, и прелюбодействуют, и лгут, и подстрекают других следовать их примеру, не так ли?" И они ответили: "Это так, как говорит Господь". И он продолжил: "Алчность, страсть, невежество, разрушение жизни, воровство, прелюбодеяние и ложь, это хорошо или плохо, правильно или нет? Хвалят ли их мудрецы или порицают? Разве они не бесполезны и не являются причиной печали?" И они ответили: "Это так, как сказал Господь". И Господь сказал: "Для этого я сказал вам: не верьте только потому, что вы слышали, но когда по своему собственному сознанию вы знаете, что что-то является злом, воздержитесь от этого". И затем Господь научил тому, что является добром, сказав: "Если кто-либо из вас знает о себе, что что-то является добром, а не злом, восхваляемым мудрыми людьми, полезным и приносящим счастье, тогда действуйте в изобилии в соответствии со своей верой. Теперь я спрашиваю тебя, Алофо, отсутствие алчности, Атосо, отсутствие страсти,

Амохо, отсутствие безрассудства, выгодно это или нет?' И они ответили: "Полезно". Господь продолжил: "Люди, которые не алчны, или страстны, или глупы, не будут разрушать жизнь, ни красть, ни прелюбодействовать, ни говорить ложь; не так ли?" И они ответили: "Это так, как говорит Господь". Затем Господь спросил: "Является ли свобода от алчности, страсти и безумия, от разрушения жизни, воровства, прелюбодеяния и лжи, хорошей или плохой, правильной или неправильной, восхваляемой или порицаемой мудрыми людьми, полезной и ведущей к счастью или нет?" И они ответили: "Это хорошо, правильно, восхваляется мудрыми, приносит пользу и ведет к счастью". И Господь сказал: "Для этого Я учил вас верить не только потому, что вы слышали, но когда вы верите своим собственным сознанием, тогда действуйте соответственно и с избытком" (стр. 35-38). Таким мудрым образом Будда основал свою мораль, основывая ее на полезности, истинной мере добра и зла. В буддизме есть свои Пять заповедей, безусловно, равных по ценности Десяти заповедям иудеев и христиан: —

Первое. Ты должен воздерживаться от уничтожения любого живого существа.

Второе. Ты должен воздерживаться от приобретения или сохранения чужой собственности путем мошенничества или насилия.

Третье. Ты должен воздерживаться от тех, кто не является подходящим объектом твоей похоти.

Четвертое. Ты должен воздерживаться от обмана других ни словом, ни делом.

"Пятое. Ты должен воздерживаться от опьянения" (Там же, стр. 57).

Из переводов "религиозных и моральных чувств" доктора Мьюира, которые мы уже цитировали, мы могли бы заполнять страницу за страницей чистой моралью. "Пусть человек будет добродетелен даже в юности, ибо жизнь преходяща. Если долг будет выполнен, то доброе имя будет обретено, а также счастье, здесь и после смерти" ("Махабхарата", xii, 6538, стр. 22).

"Введенный в заблуждение алчностью, гневом, страхом, человек не понимает самого себя. Он кичится своим высоким происхождением, презирая тех, кто не благородного происхождения; и, обуреваемый гордыней богатства, он поносит бедных. Он называет других дураками и не обращает внимания на себя. Он винит в ошибках других, но не управляет собой. Когда мудрые и глупые, богатые и бедные, благородные и неблагородные, гордые и смиренные отправляются на кладбище и все ложатся там спать, их бедам приходит конец, и с их тел снимается плоть, остаются лишь кости, соединенные сухожилиями, — тогда другие люди не видят между ними разницы, по которой они могли бы распознать различие рождения или формы. Видя, что все спят, отложившись вместе в земле, почему люди по глупости стремятся относиться друг к другу вредно? Тот, кто, приняв это наставление, действует в соответствии с ним с момента своего рождения и далее, достигнет высшего блаженства" (Там же, xi. 116, стр. 23).

Таковы некоторые из моральных учений, бытовавших на Востоке до времен Христа. С того периода эти нехристианские народы пошли своим путем, и многие жемчужины чистой морали можно было бы почерпнуть из их более поздних трудов, но здесь мы представили только учения, которые были дохристианскими, чтобы доказать, насколько мало было необходимости в воплощении Бога, чтобы учить мир морали. "Богооткровенная мораль" не может сказать ничего более величественного, чем эта рожденная на земле мораль, из Иудеи не исходит ничего более возвышенного, чем из Индостана и Китая. Точно так же, как символика христианства исходит от

природы и является общей для многих вероисповеданий, так и мораль христианства проистекает из природы и является общей для многих конфессий; когда нации достигают определенной стадии цивилизации и наследуют определенный уровень культуры, они также развивают мораль, пропорциональную достигнутой ими точке, потому что мораль необходима для стабильности государств, а полезность формулирует кодекс моральных законов. Христианство больше не может стоять на вершине как единственное обладание чистой и высокой моралью. Пьедестал, который она заняла, построен из кирпичей невежества, и ее апостолы и ее учитель должны занимать достойное место среди своих братьев всех возрастов и стран.

Серьезным недостатком христианской морали является то, что в ней так много УПУЩЕНИЙ. Он полон призывов терпеть, страдать, быть терпеливым; в нем катастрофически не хватает призывов к патриотизму, мужеству, самоуважению. "Герои язычества были примером героизма предприимчивости. Патриотизм, рыцарские подвиги, возвышенное стремление к славе, суровое правосудие, взявшее верх в их руках, в то время как естественные чувства были подавлены, — вот направление, в котором они блистали. Наш благословенный Господь действительно продемонстрировал все добродетели, но в особенности пассивные. Его героизм приобрел окраску стойкости. Женщины, хотя и уступают мужчинам в предприимчивости, обычно лучше переносят страдания, чем мужчины; и всегда следует помнить, что наш благословенный Господь сохранил свою человечность не к сильному, а к слабому полу" ("Мысли о личной религии", Дин Гоулберн, том ii., стр. 99; изд. 1866). Что это, как не сказать вежливым языком, что Иисус был очень женоподобным? Христианская религия несет в себе все пороки рабства и поощряет подчинение злу вместо сопротивления ему; в ней есть трогательная красота кротости избитой жены, все еще любящей обидчика, рабыни, прощающей надсмотрщика, но это красота, увековечивающая зло, из которого она родилась. Лучше, гораздо лучше, как для угнетателя, так и для угнетенных, сопротивление жестокости, чем подчинение ей; подчинение поощряет беззаконника там, где сопротивление могло бы его остановить, и христианство терпит неудачу в том, что оно не ценит сильных людей и истинных патриотов, восстающих против несправедливой власти. Рим учил своих граждан уважать самих себя, любить свою страну, отстаивать свободу: римлянин с радостью умер бы за свою родину и считал свой гражданский долг первостепенной из своих обязанностей. Любовь к родине и чувство долга перед государством - это величайшая и возвышеннейшая добродетель языческого мира. Это чувствовали все, от высших до низших: при Фермопилах спартанцы с радостью умирали за землю, которую они покрыли своими телами, до смерти верные долгу, возложенному на них их страной; мужчины и женщины в равной степени ощущали первостепенные требования государства, и матери скорее отдавали своих сыновей на смерть, чем на то, чтобы они не выполнили свой долг там. Римлянина учили ценить Республику превыше ее должностных лиц; сопротивляться высшему, если он ухватится за несправедливое превосходство; поддерживать неприкосновенность прав и свобод народа. Христианство подрывало все эти мужские добродетели; оно проповедовало повиновение "сильным мира сего", хорошими они были или плохими; оно поддерживало власть Нерона как "предначертанного Богом" и приговаривало к проклятию тех, кто сопротивлялся ему; и таким образом оно проложило путь деспотизму средневековья, подавляя мужественность народов и превращая их в восточных рабов. Неудивительно, что короли принимали христианство и навязывали его своим подданным, ибо оно ставило связанные народы к их подножию и подтверждало тиранию человека властью Бога. Во всем Новом Завете есть ли слово о патриотизме? Гражданство находится на небесах. Что

побуждает к героизму? Не сопротивляйся силе. Что взывает к самоуважению? В моей плоти не обитает ничего доброго. Что вопиет против несправедливости и угнетения? Почитай короля и повинуйся холодному. Христианство создает рай для тиранов и ад для угнетенных.

Со злом неисполнения долга переплетается прямой вред, заключающийся в требовании НЕПРОТИВЛЕНИЯ и насаждении БЕЗРАЗЛИЧИЯ К ЗЕМНЫМ ЗАБОТАМ. "Говорю вам, не противьтесь злу; но всякий, кто ударит вас в правую щеку вашу, подставьте ему и другую. И если кто-нибудь подаст на тебя в суд и заберет твой плащ, отдай ему и твой плащ. И всякий, кто заставит тебя пройти милю, пройди с ним две. Просящему у тебя дай, и от желающего занять у тебя не отворачивайся" (Мф. ст. 39-42). Поверхностное значение этих слов неоспоримо; они являются усилением заповеди "не противься злу". Какой эффект повиновение этим предписаниям окажет на государство? Никто, совершивший нападение, не был бы наказан; каждый несправедливый иск увенчался бы успехом; каждая вынужденная уступка была бы одобрена; каждый нищий жил бы в роскоши; каждый заемщик тратил бы по своему усмотрению. Более того, те, кто поступал неправильно, были бы вознаграждены, и таким образом их поощряли бы продолжать идти своими злыми путями. Тем временем человек, которого оскорбили, будет снова поражен; бедняк, потерявший одну вещь, потеряет две; трудолюбивому, бережливому труженику придется содержать нищего и заемщика плодами своего труда. Таков кодекс гражданских законов Христа: он намеренно отменяет кодекс Моисея, "око за око и зуб за зуб", и заменяет его своим собственным. Если закон Моисея понимать буквально — как это было, — то то, что должно заменить его, также должно быть понято буквально, иначе один кодекс был бы отменен, и не было бы никого, кто пришел бы ему на смену, так что государство осталось бы в состоянии беззакония. Предположим, однако, что мы допускаем, что этот отрывок следует понимать метафорически, что тогда? Метафора должна *что-то* означать: что означает эта метафора? Едва ли это может означать полную противоположность тому, на что оно намекает, и все же полная противоположность является истинной моралью. Только система восприятия слов Христа "наоборот" может сделать их полезными в качестве гражданских правил, и даже "восточному преувеличению" вряд ли можно приписать выражение, диаметрально противоположное его реальному значению. Но утверждается, что если бы все люди были христианами, то это учение было бы правильным, и Христос был обязан дать совершенную мораль. То есть, если бы люди отличались от того, что они есть, это учение Христа не было бы вредным, потому что — оно было бы ненужным! Если бы не было ни грабителей, ни насильников, ни заемщиков, то мораль Нагорной проповеди была бы самой безобидной. Поистине, высокая похвала законодателю за то, что его законы не будут вредными, когда в них больше не будет необходимости. Христу следовало помнить, что "закон создан для грешников" и что такой закон, который он дает здесь, является прямым поощрением ко греху.

Мы едва ли можем удивляться тому, что, насаждая образ поведения, который неизбежно должен привести к бедности, Христос считал состояние бедности желательным. Мы читаем в Евангелии от Матфея, ст. 3: "Блаженны нищие духом", и утверждается, что Христос благословляет только нищету духа; если это так, то он благословляет источник многих несчастий, ибо слабодушные люди попираются и становятся несчастьем для самих себя и бременем для окружающих. Если, однако, мы обратимся к Евангелию от Луки vi. 20, мы найдем заявление: "Блаженны нищие", обращенное непосредственно к его Апостолам, которые были

кем угодно, только не нищими духом (Луки ix. 46 и xxii. 24); и далее мы находим, что оно соединено с объявлением: "блаженны ныне алчущие", за которым следуют проклятия: "Горе вам, богатые ... горе вам, которые полны". Если "алчущий" означает "жаждущий праведности", антитеза "полный" должна также означать "исполненный праведности", состояние, о котором Христос, несомненно, не стал бы говорить как о горе. М-р Брэдло хорошо раскрывает различные мысли, содержащиеся в этих самых неудачных высказываниях: "Является ли нищета духа главной среди добродетелей, что Иисус отводит ей первостепенное место в своем учении? Является ли нищета духа вообще добродетелью? Конечно, нет. Мужественность духа, честность духа, полнота законных целей - это добродетели; но нищета духа - преступление. Когда люди бедны духом, тогда гордые и надменные духом угнетают и попирают их, но когда люди верны духом и полны решимости (какими и должны быть настоящие мужчины) сопротивляться и предотвращать зло, несправедливость всякий раз, когда они могут, тогда появляется больше возможностей для счастья здесь и не меньшая пригодность для наслаждения будущим счастьем, возможно, на будущих небесах. Ты нищ духом и поражен; чему в таком случае учил Иисус? "Ударяющему тебя в одну щеку подставь и другую" (Луки vi. 29). Гораздо лучше было бы учить, что "тот, кто поощряет угнетение, разделяет преступление". Лучше сказать, что если его однажды ударили, примите осторожные меры, чтобы предотвратить удары в будущем. Я слышал, как мужчины проповедуют пассивное сопротивление, но это учит фактическому причинению вреда, что является крайне унижительным курсом ... принцип бедности духа соблюдается в максимально возможной степени— "Тому, кто заберет у тебя плащ, запрети не брать и твой плащ. Дай всякому просящему у тебя, и у того, кто отнимает имение твое, больше не проси" (Луки vi. 29, 30). Бедность личности - единственно возможное следствие этого экстраординарного проявления бедности духа. Бедность человека сопряжена со многими неприятностями; и если бы Иисус знал, что его учение приведет к бедности благ, мы могли бы ожидать некоторого внимания к этому. Так и есть — как будто Он хотел, чтобы бедняки всю свою жизнь довольствовались бедностью, он говорит: "Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божие" (Луки vi. 20)... Нищие духом и бедные в карманах. Не имея мужества работать ради еды или денег, чтобы купить ее, мы вполне могли бы ожидать, что человек, придерживающийся этих доктрин, тоже окажется с пустым желудком; а чему учит Иисус? "Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь"... Трусливые духом, с пустым кошельком и голодным ртом — что дальше? Человек, у которого недостаточно мужества, чтобы предотвратить зло, вероятно, будет оплакивать свою суровую судьбу и горько плакать из-за того, что несчастья, которые он терпит, так велики. И чему учит Иисус? "Блаженны плачущие ныне, ибо вы будете смеяться" (Луки vi. 21) ... Иисус учит, что бедные, голодные и обездоленные будут благословлены. Это не так. Благословение приходит только тогда, когда они перестают быть бедными, голодными и несчастными. Довольствоваться нищетой, голодом и невзгодами - это государственная измена не только вам самим, но и вашим собратьям. Эти три, подобно отвратительным болезням, быстро распространяются везде, где человечество находится в застое и довольствуется неправдой" ("Чему учил Иисус?", стр. 1-3).

Но Иисус сделал больше, чем просто восхвалял бедность; он дал своим ученикам еще более точные указания относительно того, как следует достичь бедности. Матфея vi. 25-34 - самый озорной отрывок, который когда-либо был написан любым моралистом. "Не заботьтесь о своей жизни, о том, что вам есть или что вам пить; равно как и о своем теле, во что вам одеться". Сказано, что "не заботьтесь" означает "не будьте чрезмерно озабочены"; если это так, то почему Христос подчеркивает это, цитируя птиц и лилии в качестве примеров, вещей, о которых в

буквальном смысле задумываешься? аргумент таков: птицы не хранят еду в амбарах, и все же Бог кормит их. Вы более ценны, чем птицы. Бог позаботится о вас в равной степени, если вы последуете примеру птиц. Лилии не плетут одежды, но Бог одевает их. Так же он оденет и вас, если вы последуете их примеру. Этот отрывок не имеет смысла, иллюстрации неуместны, если только Христос не имеет в виду, что *не следует думать о будущем*. Он усиливает аргумент еще сильнее: "язычники ищут" мяса, питья и одежды. Но Бог, ваш Отец, знает, что вы нуждаетесь во всех этих вещах. Поэтому "ищите прежде всего царства Божьего и Его праведности, и все это приложится вам. Итак, не думайте о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам позаботится о себе. Довольно на сегодня того зла, которое он причинил". Если Христос имел в виду только общеизвестный совет "не будь чрезмерно озабочен", то он делает на нем самое абсурдное ударение и говорит в самой преувеличенной форме. Разумные язычники не утруждают себя чрезмерным беспокойством после того, как они позаботились о завтрашних нуждах со всей возможной тщательностью; но они не ведут себя как птицы или как лилии, ибо они знают, что многие птицы голодают суровой зимой, потому что не способны собирать и хранить пищу в амбарах, и что многие бесцветные лилии сморщиваются от холодного восточного ветра. Они замечают, что, хотя мужчины и женщины "намного лучше" птиц и лилий, все же Бог не всегда кормит и одевает их; что, напротив, многие бедняки умирают от голода и зимних холодов; когда в наших ежедневных газетах не будет сообщений о расследованиях в отношении тех, кто умирает от нужды, потому что никто, кроме Бога, не заботится о них, тогда у нас будет достаточно времени, чтобы перестать готовиться к завтрашнему дню и довериться тому "небесному Отцу", который в настоящее время "знает", что мы "нуждаемся в этих вещах", и, зная, позволяет столь многим из своих дети голодают из-за их нехватки.

Истинное значение Христа ясно показано в его наставлениях двенадцати апостолам и семидесяти, когда он отправлял их в путешествие: "Ничего не берите в дорогу, ни посохов, ни сумы, ни хлеба, ни серебра; и не берите по две одежды на каждого" (Луки ix. 3); и: "Не берите с собой ни кошелька, ни сумы, ни обуви... в том же доме оставайтесь, ешьте и пейте то, что дают" (Там же, x. 4, 7). Тем же духом дышит его наставление молодому человеку: "Пойди и продай, что имеешь, и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мной" (Мф. xix. 21). Дело в том, что Иисус придерживался аскетического учения о том, что бедность сама по себе достойна уважения; и, как и многие секты, он считал высшей жизнью жизнь нищенствующего учителя. Его учение о бедности перешло в Церковь, носящую его имя, и одним из трех обетов, принимаемых теми, кто стремится вести "ангельскую жизнь", является обет бедности. Нищенствующие монахи средневековья, "крепкие нищие", являются прямыми потомками восточных нищенствующих и являются плодами морали, которой учил Христос. В этом вопросе, как и во многих других, мораль Посланий намного выше, чем мораль Евангелий, и основанный на здравом смысле и праведный закон "кто не хочет трудиться, тот не должен и есть", однако, несовместим с восхищением Христа нищенством, гораздо более полезным моральным учением, чем то, которое мы рассматривали.

Догма о наградах и наказаниях, которой учил Христос, фатальна для всей реальности добродетели. Поступать правильно, надеясь на небеса: избегать зла из страха перед адом: такая добродетель лишь поверхностна и не выдержит грубого обращения. Истинная добродетель поступает правильно, потому что это *is* правильно и, следовательно, приносит пользу, а не из надежды на личную награду или из страха личного наказания в будущем. Христианство - это апофеоз эгоизма, покрытый позолотой благочестия; самость - это ось, на которой вращается все: "Какая *польза* человеку, если он приобретет весь мир и потеряет свою

душу?" (Марка viii. 36). "Тот, кто принимает пророка во имя пророка, *получит награду пророка*; и тот, кто принимает праведника во имя праведника, *получит награду праведника*. И всякий, кто напоит одного из этих малышей чашей холодной воды только во имя ученика, истинно говорю Я вам, он *ни в коем случае не потеряет своей награды*" (Мф. х. 41, 42). "Итак, всякий, кто исповедает Меня пред людьми, *того и Я исповедаю* пред Отцом Моим Небесным. Но всякий, кто отречется от Меня перед людьми, *от того отрекусь и я* перед Моим Отцом Небесным" (Там же, 32, 33). "Молись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, *воздаст тебе явно*" (Там же, vi. 6). "Мы оставили все и последовали за Тобою: *что же мы будем иметь посему?... Когда Сын человеческий сядет на престоле славы Своей, и вы сядете на двенадцати престолах*" (Мф. xix. 27, 28). Эти отрывки можно было бы умножить, но и их достаточно, чтобы показать, насколько глубоко укоренился эгоизм. Все делается с прицелом на личную выгоду в будущем; даже холодную воду нужно давать не потому, что "малыш" хочет пить и нуждается в ней, а ради награды, обещанной поэтому дающему. Чистая, щедрая любовь исключается: в каждом подарке есть налет эгоизма.

Мысль о Небесах также вредна для благополучия человека, потому что люди учатся пренебрегать землей ради "славы, которая будет явлена". Люди, чье "гражданство находится на небесах", вызывают лишь сожаление у жителей земли, поскольку они считают этот мир "непреходящим городом", в то время как они "ищут тот, который придет". Следовательно, как показывает нам вся история, они склонны презирать этот мир, мечтая о другом, мало беспокоиться о несправедливостях земли, думая о небесных хоромах; соглашаться с любым утверждением, что "весь мир погряз во зле", и почти не беспокоиться о средствах его улучшения. Из этого хода мыслей следует длинный список монастырей, в которых люди "отделяют" себя от этого мира, чтобы "подготовиться" к другому. Все это зло проистекает непосредственно из христианской морали, которая учит, что все надежды, усилия и цели должны быть направлены на накопление сокровищ на небесах, где также должно быть сердце. Едва ли нужно добавлять слова осуждения к ужасному учению о вечных муках, хотя это тоже является частью учения Христа. Вся совесть цивилизованного человечества настолько восстала против этой постыдной и жестокой догмы, что в нее только сейчас верят неграмотные и некультурные христиане, и вскоре она станет слишком дикой даже для них. Однако в минувшие дни это ожесточило сердца многих и сделало сожжение еретиков подобающим актом веры, поскольку люди только начали на земле обжиг, который Бог должен был продолжать всю вечность.

Мораль Христа также ошибочна, потому что она разделяет преследующий дух Моисеева кодекса. Ученикам сказано: "Всякий, кто не примет вас и не услышит ваших слов, когда вы выйдете из того дома или города, отряхните прах от ног ваших. Истинно говорю вам, земле Содомской и Гоморрской будет более терпимо в день суда, нежели тому городу" (Мф. х. 14, 15). Христос открыто провозглашает: "Не думайте, что Я пришел принести мир на землю: я пришел принести не мир, но меч. Ибо Я пришел, чтобы настроить человека против его отца, и дочь против ее матери, и невестку против ее свекрови. И врагами человека будут его собственные домочадцы" (Там же, 34-36). Человеку, которого он призывает следовать за ним и который просит позволить ему первым похоронить своего отца, Христос дает жестокий ответ: "Пусть мертвые хоронят своих мертвецов; а ты иди и проповедуй царствие Божие" (Луки х. 60). В другой раз он говорит: "Если кто придет ко мне и не возненавидит своего отца, и мать, и жену, и детей, и братьев, и сестер, да, и свою собственную жизнь также, он не может быть моим учеником" (Там же, xiv. 26). Религия, разрушающая дом, вносящая разлад в семью, призывающая своих

приверженцев ненавидеть все остальное, кроме Христа, действует как разлагающая сила в человеческой жизни, и ей нельзя слишком сильно противостоять.

Мы также не должны забывать учение Христа о браке. Он намеренно ставит девственность выше брака и советует калечить себя тем, кто способен на такую жертву. "Все люди не могут принять это изречение, кроме тех, кому оно дано ... есть евнухи, которые сделали себя евнухами ради царства Небесного. *Кто может принять это, да примет*" (Мф. хix. 11, 12). Вслед за этим 1 Кор. vii. учит превосходству неженатого состояния и угрожает "неприятностями по плоти" тем, кто вступает в брак. А в Откр. xiv. 1-4 мы находим, что вслед за Агнцем с особыми привилегиями 144 000 человек "не были осквернены женами, ибо они девственницы". Это грубое и оскорбительное отношение к женщинам, как будто они существуют только для того, чтобы быть предохранительными клапанами мужских страстей, и что лучшие мужчины были выше искушения полюбить их, стало источником бесчисленного зла. Этому изречению Христа обязаны многие самоуничтожения, такие как Ориген, и разрушение мириадом человеческих жизней в безбрачии; бесчисленные монахи и монахини обязаны этому злому учению своими сморщенными жизнями и иссохшими сердцами. Веками лидеры христианской мысли говорили о женщинах как о неизбежном зле, и величайшие святые Церкви - это те, кто больше всего презирал женщин. Порабощение женщин в западных странах полностью связано с христианством. У германцев женщины пользовались почетом и занимали благородное место в племени; христианство принесло с собой дурную восточную привычку рассматривать женщин как предназначенные для игрушек и тяжелой работы мужчины, и усилило ее особой злобой к ним, как к дочерям Евы, которая была первой "обманута". Станным образом отличается от * общего восточного чувства и демонстрирует более истинный и благородный взгляд на жизнь заповедь Ману: "Там, где почитают женщин, там довольны божества; но там, где они обесчещены, там все религиозные действия становятся бесплодными" ("Антология", стр. 310).

Злом также является учение о том, что покаяние выше чистоты: "Об одном кающемся грешнике на небесах будет больше радости, чем о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии" (Луки xv. 7, 10). Откормленного теленка закалывают для блудного сына, который возвращается домой после того, как растратил все свое состояние; а трудолюбивому старшему сыну за долгие годы его службы отец ни разу не подарил даже козленка, чтобы он мог повеселиться со своими друзьями (там же, 29). Что все это значит, как не придание особого значения безнравственности и наставление людей в том, что чем больше они грешат, тем более радостным будет их прием, когда они решат исправиться и, подобно блудному сыну, захотят исправить свое разбитое состояние покаянием?

Совершенно безнравственным является учение, содержащееся в двух притчах из Евангелия от Луки xvi. В первом случае управляющего, растратившего имущество своего хозяина, хвалят за то, что он пошел и подкупил должников своего работодателя, чтобы те помогли ему, предложив им обмануть его хозяина, изменив сумму счетов, которые они ему задолжали. В другой притче о богаче и Лазаре проповедуется злая мораль о том, что богатство само по себе заслуживает наказания, а бедность - награды. Богатый человек находится в аду просто потому, что он был богат, а бедняк - на лоне Авраама просто потому, что он был беден; можно заметить, что то, что все Лазари смотрят на Дивесов и не могут дотянуться до них, даже чтобы подать им хоть каплю воды, едва ли добавляет радости на небесах.

Таким образом, видим ли мы, что более благородная часть христианской морали является дохристианской и не является ни христианской, ни иудейской, ни индуистской, ни буддийской, но является просто человеческой и принадлежит расе, а не одному вероисповеданию. Обращаем ли мы внимание на упущения в его кодексе, делающие его недостаточным для руководства человеком; отмечаем ли мы его ошибки и порочные учения; какую бы точку зрения мы ни выбрали для его рассмотрения, мы не находим в нем ничего, что отличало бы его от других моральных кодексов или мешало бы отнести его к другим моральным принципам, как смесь хорошего и плохого, и, следовательно, не следует воспринимать как безошибочное руководство, поскольку, подобно им, все они ПОДВЕРЖЕНЫ ОШИБКАМ.

УКАЗАТЕЛЬ К РАЗДЕЛУ III. ЧАСТИ II.

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ КНИГ.

Бхагават-гита, в антологии...406
Брэдло, Библия: что это такое...397
"Чему учил Иисус?...414
Будда, в Антологии...403, 405
"Колесо закона"...408
Каэн, Левитика...398
Коленсо, Пятикнижие и Книга Иисуса Навина...396
Конфуций, в Антологии...403, 404, 408
Данте, Инферно...403
Дхаммапада, в антологии...403
Гоулдберн, "Мысли о личной религии"...411
Калиш, "Левит"...399, 400, 401
Катха-Чари, в Антологии...407
Кван-инь, в антологии...407
Лао-цзы, в антологии...403, 404
"Махабхарата", в Мюр...410
"Ману", в антологии...404, 405, 406, 419
Менций, в Антологии...407
Молитвенник, ст. vi. vii....395
Рамаяна, в Антологии...407
Сабейская книга закона, в Антологии...404, 405
Шелли, королева Мэб...402
Царица, в Антологии...407
Статуты, 9 и 10 Вильгельма III. сар. 32...395
Талмуд, цитируемый Безант...405

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВ.

Христианская мораль по сравнению с другими...403
"унижающая достоинство женщин"...419
"безнравственная по отношению ко греху"...419
"неоригинальная"...403
"непротивляющаяся"...412
"упущения в...411" проложила путь деспотизму...412
"преследующая по духу"...418
"санкционирует нищенство...416
"эгоистичная"...417
"что входит в...395
Рай и Ад, вред, причиняемый верой в...417
Героизм язычества...412
Человеческие жертвоприношения, санкционированные Богом...398
"среди евреев..."398

Брак, учение Христа относительно...419 Мораль великих языческих учителей...406 "по сравнению с моралью Христа..."403 Убийство богохульника, санкционированное Богом...397 "еретики..."401
Тяжкое испытание, санкционированное Богом...401
Бедность, привитая Христом...414 Проституция, санкционированная Богом...402
Религия, зло...402
Продажа дочери, санкционированная Богом...396 "вор"...396 Рабы, забытые до смерти...396 Рабство, санкционированное Богом...396, 397
Небрежность, которой учил Христос...415 Полезность испытание нравственности...411 "религия согласно Будде"...408
Ценность христианства для тиранов...412
Ведьм, количество убитых...397 Убийство ведьм, санкционированное Богом...397

РАЗДЕЛ IV. —ЕГО ИСТОРИЯ.

Этот раздел не претендует на то, чтобы в коротких пределах примерно в пятьдесят страниц дать даже полное изложение христианской истории. Он предлагает лишь выдвинуть обвинение христианству на основании фактов его истории, имевших место в период его могущества, со времен Константина и до времен Реформации. Если настаивать на том, что христианство было испорчено в этот период и поэтому не должно по нему судиться, мы можем только ответить, что, испорченное или нет, это единственное существовавшее христианство, и если приносятся только дурные плоды, справедливо заключить, что дерево, которое больше ничего не приносит, тоже плохое. Если епископы, духовенство и миссионеры были невежественными, чувственными, деспотичными и суеверными, они, тем не менее, являются представителями христианства, и если это не истинные христиане, то *где были истинные христиане* с 324 по 1500 год нашей эры?

Мы предлагаем в этом разделе практически сжать темную сторону "Церковной истории" Мосхайма, переведенной с латыни доктором А. Маклейном (изд. 1847), лишь добавляя кое-где выдержки из других авторов; следовательно, все выдержки, за исключением тех случаев, когда указано иное, будут взяты из этой ценной истории, истории, которая, возможно, из-за ее объема и сухости, не так много изучается вольнодумцами, как следовало бы; ее особая ценность для нашей цели заключается в том, что д-р Мосхайм искренний христианин и, следовательно, не может предполагаться, что он чрезмерно выдвигает какой-либо пункт против религии, к которой он сам принадлежит.

В течение второго и третьего веков христиане, по-видимому, росли в силе и влиянии, а их вера, составленная из многих более старых вероучений и образующая своего рода эклектичную религию, постепенно распространилась по всей Римской империи и стала фактором политических проблем. В борьбе между противоборствующими римскими императорами, 310-324 гг. н.э., вес христианского влияния был брошен на сторону Константина, поскольку его соперники были решительно настроены против христианства; Максимин Галерий был непримиримым гонителем, и его преемник Максимин шел по его стопам в 312 и 313 гг. н.э. Максенций потерпел поражение от Константина, а Максимин от Лициния, а в 312 г. н.э. Константин и Лициний предоставили христианам свободу вероисповедания; в следующем году,

по словам Мосхейма, или в 314 году н. э., согласно Евсевию, из Милана двумя императорами был издан второй эдикт, который предоставлял "христианам и всем остальным свободный выбор следовать тому способу богослужения, который они могут пожелать ... что христианам вообще не должно быть отказано ни в какой свободе следовать своим обрядам или богослужению; но что каждому должна быть предоставлена власть посвящать свой разум тому богослужению, которое он может считать подходящим для себя" (Евсевий, "Eccles. История". стр. 431). Лициний, однако, возобновил войну против Константина, который немедленно принял христианство, обеспечив себе таким образом сочувствие и помощь веры, которая теперь впервые увидела своего приверженца на императорском троне мира, а Лициний, объединившись с язычеством и преследуя христиан, полностью переметнул их к Константину и, в конце концов, потерпел поражение и был свергнут с престола в 324 году н.э. С этой даты христианство стало верховной религией государства. Доктор Дрейпер рассматривает обращение Константина с точки зрения, изложенной выше. Он говорит: "Теперь стало очевидно, что христиане представляли собой могущественную партию в государстве, охваченную негодованием по поводу зверств, которым они подверглись, и неисполненную решимости больше не терпеть их. После отречения Диоклетиана (305 г. н.э.) Константин, один из претендентов на престол, понимая преимущества, которые он получит от такой политики, выдвинул себя в качестве главы христианской партии. Это дало ему в каждой части империи мужчин и женщин, готовых встретить огонь и меч ради него; это дало ему непоколебимых сторонников в каждом легионе армии. В решающей битве у Мильвийского моста победа увенчала его планы. Смерть Максимиана, а затем и Лициния устранила все препятствия. Он вззошел на трон цезарей — первого христианского императора. Место, прибыль, власть — все это было в поле зрения того, кто теперь присоединился к секте завоевателей. Толпы мирских людей, которым было наплевать на его религиозные идеи, стали его самыми горячими сторонниками. Язычники по натуре, их влияние вскоре проявилось в последовавшей язычестве христианства. Император, ничуть не лучше их, ничего не сделал, чтобы остановить их действия. Но лично он не соответствовал церемониальным требованиям Церкви до конца своей порочной жизни в 337 году н.э." ("История конфликта между религией и наукой", стр. 39; изд. 1875). На самом деле Константин был крещен только за несколько дней до своей смерти.

Характер первого христианского императора не вызывает у нас восхищения. Став императором, он превратился в "жестокое и распутное монарха, развращенного своим состоянием или поставленного завоеваниями выше необходимости притворяться ... старость Константина была опозорена противоположными, но примиряемыми пороками алчности и расточительности" (Гиббон "Упадок и низвержение", том ii, стр. 347). Он был столь же женоподобен, сколь и порочен. "Он изображен с накладными волосами различных цветов, тщательно уложенными искусными художниками того времени; в диадеме нового и более дорогого покроя; в изобилии драгоценных камней и жемчуга, воротников и браслетов и в пестром ниспадающем шелковом одеянии, весьма причудливо расшитом золотыми цветами". К другим своим порокам он добавил самую кровожадную жестокость. Он задушил Лициния после победы над ним; убил своего собственного сына Криспа, своего племянника Лициния и свою жену Фаусту вместе с рядом других. Должно быть, действительно требовалось действенное крещение, чтобы смыть его преступления; и "будущих тиранов поощряли верить, что невинная кровь, которую они могли бы пролить за долгое правление, мгновенно будет смыта водами возрождения" (Там же, стр. 471, 472).

Богатство христианских церквей в третьем веке было значительным, а епископы и духовенство жили с большой помпой и роскошью. "Хотя некоторые [епископы] все еще продолжали демонстрировать миру выдающиеся примеры примитивного благочестия и христианской добродетели, все же многие погрязли в роскоши и сладострастии, надулись тщеславием, высокомерием и честолюбием, были одержимы духом раздора и разобщенности и пристрастились ко многим другим порокам, которые бросали незаслуженный упрек святой религии, недостойными исповедниками и служителями которой они были. Это столь убедительно подтверждается неоднократными жалобами многих наиболее уважаемых писателей нашего века на то, что истина не позволяет нам приподнять завесу, которую мы в противном случае хотели бы набросить на такие чудовищные деяния среди столь священного ордена.... Примеру епископов амбициозно подражали пресвитеры, которые, пренебрегая священными обязанностями своего положения, предавались праздности и деликатности женственной и роскошной жизни. Дьяконы, видя, что пресвитеры таким образом оставляют свои функции, смело узурпировали их права и привилегии; и последствия развращенного честолюбия распространились на все чины священного ордена" (стр. 73). В течение этого столетия мы также находим много скандалов, вызванных притворным безбрачием духовенства, поскольку люди, считая безбрачие более чистым, чем брак, и учитывая, что "те, кто брал жен, были из всех других наиболее подвержены влиянию злобных демонов", убеждали свое духовенство сохранять безбрачие, "и многие представители священного ордена, особенно в Африке, соглашались удовлетворять желания людей и старались делать это таким образом, чтобы не подвергать всецело насилию свои собственные наклонности". С этой целью они устанавливали связи с теми женщинами, которые дали обет вечного целомудрия; и для священнослужителя было обычным делом допустить одну из этих прекрасных святых к участию в своей постели, но все же при самых торжественных заявлениях, что в этой торговле не было ничего, что противоречило бы правилам целомудрия и добродетели" (стр. 73). Такова была мораль духовенства еще в третьем веке!

Учение Церкви в те первобытные времена было столь же запутанным, сколь нечистой была ее мораль. В первом веке (в течение которого мы действительно ничего не знаем о христианской церкви) доктор Мосхейм, имея дело с "разделениями и ересями", указывает на лжеучителей, упомянутых в Новом Завете, и рост гностической ереси. Гностицизм (от [греческого: гнозис] знание), система, состоящая из христианства и восточной философии, долгое время разделяла Церковь с доктринами, известными как ортодоксальные. Гностики верили в существование двух противоположных принципов добра и зла, причем последнее многими рассматривалось как творец мира. Они считали, что от Верховного Бога исходило несколько Эонов — обычно их насчитывается тридцать; (см. Далее "Ириней против ересей") — и некоторые утверждали, что один из них, Христос, сошел на человека Иисуса при его крещении и снова покинул его незадолго до его страстей; другие утверждали, что у Иисуса было не настоящее, а только кажущееся тело из плоти. Гностическая философия имела много форм и много разделений; но большинство "ересей" первых веков были ветвями этого единого древа: говорят, что она приобрела известность примерно во времена Адриана, и среди ее первых лидеров были Маркион, Василид и Валентин. В дополнение к различным гностическим теориям, между иудеями и христианами-язычниками существовало глубокое разделение; первые развились в секты назарян и эбионитов, но, естественно, никогда не были особенно могущественны в Церкви. Во втором веке, по мере того как христиане становятся более заметными, их разногласия также становятся более отчетливо заметными; и важно отметить, что в истории

христианства не было периода, когда те, кто претендовал на название "христианин", были согласны между собой относительно того, что такое христианство. Сейчас мы видим, что гностицизм разделен на две основные ветви: азиатскую и египетскую. Азиаты верили, что в дополнение к двум принципам добра и зла существует третье существо, смесь обоих, Демиург, творец, сыном которого был Иисус; они утверждали, что тело Иисуса было только видимым; они применяли строжайшую дисциплину к телу, которое было злом, поскольку оно было материальным; и брак, мясо и вино были запрещены. Елкесаиты были иудействующей ветвью этого азиатского гностицизма; Сатурнин из Антиохии, Ардо из Сирии и Маркион из Понта возглавляли движение, а после них Лукан, Север, Бластес, Апеллес и Бардесан образовали новые секты. У Татиана (см. ante, стр. 259, 260) было много последователей, называемых татианистами, и в связи с ним и его доктринами мы слышим об эвкратитах, гидропарастатах (пьющих воду) и апотактитах. Евкратиты, по-видимому, существовали до того, как Татиан исповедал гностицизм, но он настолько усилил их влияние, что иногда считается их основателем. Египетские гностики были менее аскетичны и в основном поддерживали идею о том, что у Иисуса было реальное тело, в которое сошел Эон и присоединился к нему. Они считали, что он родился естественным путем от Иосифа и Марии. Василид и Валентин возглавляли египтян, и затем у нас есть подразделения карпократианцев, птолемеев, секундианцев, гераклеонитов, маркозианцев, адамитов, каинитов, сифитов, флоринианцев, офитов, артемонитов и гермогенистов; в дополнение к ним у нас есть монархианцы, или патрипассианцы, которые утверждали, что был только один Бог, и что Отец пострадал (отсюда это название) в лице Христа. Этот длинный список можно завершить монтанистами, сектой, к которой присоединился Тертуллиан (см. Его рассказ об ортодоксах после того, как он стал монтанистом, ante, стр. 225); они считали, что Монтанес, их основатель, был Утешителем, обещанным Христом, призванным дополнить христианский кодекс; он запрещал вторые браки, прием в Церковь тех, кто был отлучен от Церкви за тяжкий грех, и насаждал строжайший аскетизм. Он выступал против всякого учения как антихристианского - учения, которое быстро распространялось среди христиан и которое, по-видимому, действительно было неотъемлемой частью религии с самого ее начала (Мф. xi. 25, 1 Кор. i. 26, 27). В третьем веке лагерь еретиков получил новый свет в лице Манеса, или Манихея, персидского мага; он, по-видимому, был человеком большой учености, врачом, астрономом, философом. Он учил древнеперсидскому вероучению с примесью христианства, согласно которому Христос был идентичен Митре (см. ante, стр. 362) и пришел на землю в видимом теле только для того, чтобы освободить человечество. Манес был утешителем, посланным завершить его учение; тело было злом, и только путем долгой борьбы и умерщвления плоти человек мог освободиться от него и достичь окончательного блаженства. Те, кто желал вести возвышенную жизнь, *избранные*, воздерживались от мяса, яиц, молока, рыбы, вина и всех опьяняющих напитков и соблюдали строжайшее безбрачие; они должны были питаться хлебом, зеленью, бобовыми и дынями и отказываться себе во всяком комфорте и удовольствии (см. стр. 80-82). Иерациты в Египте были тесно связаны с манихеями. Новациане отличались от православных только своим отказом снова принимать в Церковь тех, кто совершил тяжкие преступления или умер во время гонений. Арабы отрицали бессмертие души, утверждая, что она умирает вместе с телом и что тело и душа вместе будут возрождены Богом. Споры о личностях Божества теперь усилились. Ноктус Смирнский поддерживал доктрину патрипассианцев о том, что Бог един и неделим и пострадал, чтобы искупить человечество; Савеллий также учил, что Бог был един, но что Иисус был человеком, с которым была соединена "только определенная энергия, исходящая от Верховного Родителя" (стр. 83). Он также отрицал отдельную личность Святого Духа. Павел

Самосатский, епископ Антиохийский, проповедовал родственное учение и основал секту павлианцев, или павлианистов, за что был отстранен от должности. Таким образом, мы видим, что история Церкви до того, как она пришла к власти, представляла собой массу ссор и разделений, отличавшихся невежеством и распущенностью. Если мы исключим Оригена, чьи труды содержат много ценного, произведения, созданные христианскими писателями в эти столетия, могут быть выброшены в море, и мир не станет беднее от этой потери.

IV ВЕК.

Константин достиг неоспоримой и единоличной власти в 324 году н.э., и в 325 году он созвал первый всеобщий собор в Никее, или Ницце, который осудил ошибки Ария и провозгласил Христа той же субстанции, что и Отец. Этот собор дал свое название "Никейскому символу веры", хотя этот символ веры в том виде, в каком он сейчас излагается, несколько отличается от символа веры, изданного в Ницце и получившего свою нынешнюю форму на Константинопольском соборе 381 года нашей эры. Во время правления Константина Церковь быстро набирала силу и влияние, чему во многом способствовали уголовные законы, принятые против язычества. В тот момент, когда христианство смогло взять в руки меч, оно безжалостно взяло его в руки и проложило себе путь к господству в римском мире. Взятки и наказания были общими в работе по обращению. Надежды на богатство и почести, пример императора, его увещевания, его неотразимые улыбки вселяли уверенность в продажные и подбострастные толпы, которые обычно заполняют покои дворца. Города, проявившие рвение вперед добровольным разрушением своих храмов, отличались муниципальными привилегиями и вознаграждались народными пожертвованиями; а новая столица Востока гордилась тем исключительным преимуществом, что Константинополь никогда не осквернялся поклонением идолам. Поскольку низшие слои общества управляются путем подражания, за обращением тех, кто обладал каким-либо знатным происхождением, властью или богатством, вскоре последовало множество зависимых людей. Спасение простых людей было куплено легко, если это правда, что за один год в Риме были крещены двенадцать тысяч человек, не считая соответствующего числа женщин и детей; и что император обещал белое одеяние с двадцатью золотыми монетами каждому обращенному" (Гиббон "Упадок и низвержение", том ii. стр. 472, 473). При Константине началась разорительная система наделения Церкви государственными средствами. Император приказал казначеям провинции Карфаген выплатить епископу этого округа 18 000 фунтов стерлингов и оплатить его дальнейшие счета. Константин также разрешил своим подданным завещать свое состояние Церкви и щедрой рукой распределял государственные деньги между епископами. Трое сыновей Константина пошли по его стопам, "продолжая отменять и стирать древние суеверия римлян и других идолопоклоннических народов и ускорять распространение христианской религии по всей империи. Это рвение, без сомнения, было похвальным; его цель была превосходной; но в средствах, использованных для ее достижения, было много вещей, достойных порицания" (стр. 88). Юлиан унаследовал часть империи в 360 году н.э., а единоличную власть - в 361 году н.э. Он получил христианское образование, но вернулся к философскому язычеству, и за время своего короткого правления он отменил особые привилегии, предоставленные христианству, и установил для всех вероучений самое совершенное гражданское равенство. Неприязнь Юлиана к христианству и его философские сочинения, направленные против него, заслужили для него у христианских писателей титул "Отступника". Однако все сменившие его императоры были христианами и прилагали все усилия, чтобы уничтожить язычество. Христианство быстро распространялось;

"множество людей были привлечены к исповеданию христианства не силой убеждения и аргументации, а перспективой наживы и страхом наказания" (стр. 102). "Рвение и прилежание, с которыми Константин и его преемники проявили себя в деле христианства и в расширении пределов Церкви, заставляют нас не удивляться количеству варварских и нецивилизованных народов, принявших Евангелие" (стр. 90); и д-р Мосхайм признает, что: "Нет сомнений, что победы Константина Великого, страх наказания и желание угодить этому могущественному завоевателю и его императорским преемникам были весомыми аргументами, которые побудили целые нации, а также отдельных людей принять христианство" (стр. 91). Обман, а также сила и благосклонность способствовали распространению "Евангелия". Мы слышим о "неблагоразумных методах, используемых для того, чтобы склонить различные нации принять Евангелие" (стр. 98): "позорные" было бы более подходящим термином для их обозначения, поскольку д-р Мосхайм говорит о "бесконечных махинациях этих отвратительных самозванцев, которые были настолько лишены всех принципов, что обогащались за счет невежества и ошибок людей. Повсюду искусно распространялись слухи о чудесах, которые можно было увидеть в определенных местах (трюк, часто применяемый языческими священниками), и целью этих сообщений было привлечь население в большом количестве в эти места и внушить им доверчивость ... И это было еще не все; некоторые гробницы были ложно выданы за гробницы святых и исповедников. Список святых пополнился вымышленными именами, и даже разбойники были превращены в мучеников. Некоторые хоронили кости умерших людей в определенных уединенных местах, а затем утверждали, что во сне им было дано божественное наставление о том, что там лежит тело какого-то друга Божьего. Многие, особенно монахи, путешествовали по разным провинциям и не только с самой откровенной наглостью продавали свои фиктивные реликвии, но и обманывали взоры толпы нелепыми поединками со злыми духами или гениями. Потребовался бы целый том, чтобы вместить перечисление различных уловок, которые ловкие мошенники с успехом применяли, чтобы ввести в заблуждение невежд, когда истинная религия была почти полностью вытеснена ужасными суевериями" (стр. 98). Когда ко всему этому оружию мы добавляем повсеместно распространенные подделки (см. ante, стр. 240-243), мы можем понять, как быстро распространилось христианство и как "верующие" стали податливыми перед теми, чьи интересы заключались в их обмане. В течение этого столетия процветали некоторые из величайших отцов Церкви, выдающимися среди которых мы отмечаем Амвросия Миланского, Августина Гиппонского и великого церковного врача Иеронима. Уже в этом столетии мы находим явные следы верховенства римского епископа, и "когда новый понтифик должен был быть избран голосованием пресвитеров и народа, город Рим был в целом взбудоражен раздорами, беспорядками и интригами, последствия которых часто были плачевными и фатальными" (стр. 94). Постановлением Константинопольского собора епископу этого города было присвоено первенство после римского прелата, и ревность, возникшая между епископами двух имперских городов, разжигала споры, которые, в конце концов, закончились разделением Восточной и Западной Церквей. О должностных лицах Церкви в этом столетии мы читаем следующее: "Епископы, с одной стороны, самым скандальным образом спорили друг с другом относительно масштабов своей юрисдикции, в то время как, с другой стороны, они попирали права народа, нарушали привилегии низших служителей и подражали в своем поведении и образе жизни высокомерию, сластолюбию и роскоши магистратов и князей" (стр. 95, 96).

В этом столетии это первый случай сожжения заживо еретика, и именно Испания подожгла этот первый костер. Феодосий, из всех императоров того времени, был самым ожесточенным

гонителем еретических сект. "Православный император рассматривал каждого еретика как мятежника против высших сил неба и земли; и каждая из этих сил могла осуществлять свою особую юрисдикцию над душой и телом виновного.... В течение пятнадцати лет [380-394 гг. н.э.] он издал по меньшей мере пятнадцать суровых эдиктов против еретиков; особенно против тех, кто отвергал учение о Троице; и чтобы лишить их всякой надежды на спасение, он строго постановил, что, если будут выдвинуты какие-либо законы или рескрипты в их пользу, судьи должны рассматривать их как незаконные результаты мошенничества или подлога.... Учителя-еретики... подвергались суровым наказаниям в виде ссылки и конфискации, если они осмеливались проповедовать учение или практиковать обряды своих *проклятых* сект.... Их религиозные собрания, публичные или тайные, днем или ночью, в городах или в сельской местности, были одинаково запрещены эдиктами Феодосия, а здание или земля, которые использовались для этой незаконной цели, были конфискованы в собственность империи. Предполагалось, что заблуждение еретиков могло происходить только от упрямого характера их умов; и что такой характер был подходящим объектом порицания и наказания.... Сектанты постепенно лишались права занимать почетные или прибыльные должности; и Феодосий был удовлетворен своей собственной справедливостью, когда постановил, что, поскольку евномиианцы отличали природу Сына от природы Отца, они должны быть неспособны составлять свои завещания или получать какие-либо преимущества от завещательных пожертвований" (Гиббон "Упадок и низвержение", т. iii. стр. 412, 413).

Нельзя упускать из виду одно важное событие этого столетия - разгром великой Александрийской библиотеки, собранной Птолемеями. Во время осады Александрии Юлием Цезарем филиладельфийская библиотека в музее, содержащая около 400 000 томов, была сожжена; но все еще оставалась "дочерняя библиотека" в Серапионе, содержащая около 300 000 книг. Во время епископства Феофила, предшественника Кирилла, произошел бунт между христианами и язычниками, и последние "держали Серапион в качестве своей штаб-квартиры. Беспорядки и кровопролитие были таковы, что императору пришлось вмешаться. Он отправил в Александрию рескрипт, предписывающий епископу Феофилу уничтожить Серапиона; и великая библиотека, собранная Птолемеями и избежавшая пожара Юлия Цезаря, была этим фанатиком рассеяна" ("Конфликт религии и науки", стр. 54), 389 г. н.э. Именно христианскому фанатизму мы обязаны потерей этих богатых сокровищ древности.

Ереси росли и укреплялись в течение этого четвертого столетия. Главным лидером в лагере еретиков был Арий, александрийский пресвитер; он утверждал, что Сын, хотя и был рожден от Отца до сотворения чего-либо другого, не был "той же субстанции", что и Отец, но только "подобной субстанции"; огромное число христиан приняло его определение, и так началась долгая борьба между арианами и католиками. Арий также "исходил из того, что было время, когда по самой природе сыновства Сына не существовало, и время, когда он начал существовать, утверждая, что необходимым условием сыновних отношений является то, что отец должен быть старше своего сына. Но это утверждение, очевидно, отрицало одновременную вечность трех лиц Троицы; оно предполагало подчиненность или неравенство между ними и действительно подразумевало время, когда Троицы не существовало. Вслед за этим епископ, который успешно соперничал с Арием [за епископатство], продемонстрировал свои риторические способности в публичных дебатах по этому вопросу, и по мере распространения раздора евреи и язычники, составлявшие очень большую часть населения Александрии, развлекались театральными представлениями о состязании на сцене — смысл их бурлесков заключался в равенстве возраста Отца и его Сына" (Там же, стр. 53). Гиббон цитирует

забавный отрывок, показывающий, насколько широко был распространен интерес к предмету, обсуждавшемуся соперничающими партиями: "Этот город полон механиков и рабов, которые все являются глубокими теологами и проповедуют в магазинах и на улицах. Если вы попросите человека разменять серебряную монету, он сообщит вам, чем Сын отличается от Отца; если вы спросите цену буханки хлеба, вам в качестве ответа скажут, что Сын ниже Отца; а если вы спросите, готова ли ванна, ответ будет таков, что Сын был создан из ничего" (Гиббон "Упадок и низвержение", том iii, стр. 402). Арий утверждал, что "Логос был зависимым и спонтанным созданием, созданным из ничего по воле Отца. Сын, которым было сотворено все сущее, был рожден раньше всех миров, и самый длинный из астрономических периодов можно сравнить лишь с мимолетным мгновением по сравнению с его продолжительностью; однако эта продолжительность не была бесконечной, и *было* время, которое предшествовало невыразимому зарождению Логоса.... Он правил вселенной, повинуюсь воле своего Отца и Монарха" (Там же, стр. 18, 19). "Никейский символ веры" молитвенника состоит из символа веры, провозглашенного Никейским собором, с опущенной анафемой в конце и с добавлением некоторых фраз, присоединенных к нему на Константинопольском соборе, и вставкой *Filioque*. На Никейском соборе Арий был осужден и сослан, к триумфу своего великого противника Афанасия; но он был отозван в 330 году н.э., добился изгнания Афанасия в 335 году н.э. и внезапно умер при очень подозрительных обстоятельствах в 336 году н.э. На протяжении всего этого столетия борьба продолжалась яростно, каждая сторона по очереди одерживала верх, поскольку император того времени склонялся к католицизму или к арианству, и каждая преследовала приверженцев другой. Среди арианских подразделений мы находим полуариан, евсевиянцев, азциан, евномиянцев, акасиан, псафириан и т.д. Затем у нас есть аполлинарии, которые утверждали, что у Христа не было человеческой души, а ее место занимало божество; марцеллианцы, которые учили, что на Христа снизошла божественная эманация. В союзе с манихейской ересью были присциллиане, саккофоры, отшельники и многие другие; и, кроме того, мессалиане или евхиты, люцифериане, оригенисты, антидикомарианиты и коллиридианцы. Ссора по поводу хиротонии епископа привела к ожесточенной борьбе, связанной не столько с доктриной, сколько с дисциплиной Церкви. Епископы Нумидии были возмущены тем, что не были призваны на хиротонию Цецилиана епископом Карфагена, и, собравшись вместе, они избрали и посвятили на этот престол епископа-соперника и объявили Цецилиана некомпетентным для епископской должности. Донат, епископ Каса-Нигры, был главным из этих нумидийских недовольных, и от него секта донатистов получила свое название; они отрицали орден тех, кто был рукоположен Цецилианом, и, следовательно, действительность совершаемых ими Таинств. Отлучили себя от церкви", они смело отлучили от церкви все остальное человечество, примкнувшее к нечестивой партии Цецилиана и традиционалистов, от которых он получил свое мнимое посвящение. Они с уверенностью и почти с ликованием утверждали, что апостольская преемственность была прервана, что все епископы Европы и Азии были заражены заразой вины и раскола и что prerogативы Католической церкви были ограничены избранной частью африканских верующих, которые единственные сохранили в неприкосновенности свою веру и дисциплину. Эта жесткая теория подкреплялась самым безжалостным поведением. Всякий раз, когда они приобретали прозелита, даже из отдаленных провинций востока, они тщательно повторяли священные обряды крещения и рукоположения; поскольку они отвергали действительность тех, которые он уже получил из рук еретиков или схизматиков" (Гиббон "Упадок и низвержение", том iii, стр. 5, 6). Ряд донатистов, известных как Циркумцеллионы, "отстаивали свое дело силой оружия и, наводнив всю Африку, наполнили эту провинцию резней и грабежом и совершили самые

чудовищные акты вероломства и жестокости против последователей Цецилиана" (стр. 109). Чтобы дополнить мрачную картину Церкви четвертого века, нам нужно только отметить различные ордена монахов-фанатиков, грязных в своих привычках, глубоко невежественных, безнадежно суеверных, среди которых можно назвать странствующих нищенствующих, называемых сарабитами. "Многие из общежителей были обвинены в порочных и скандальных поступках. Этот орден, однако, не был столь повсеместно коррумпирован, как орден сарабитов, которые были, по большей части, распутниками самого заброшенного толка" (стр. 102). Перо устает над списком скандалов этих раннехристианских эпох; мы можем лишь набросать здесь контур; пусть ученик дополнит картину, и он найдет еще более черные оттенки, необходимые, чтобы сделать ее достаточно затемненной.

БЕК V.

В этом столетии происходит разрушение Западной Римской империи и рост значения великих готских монархий. Христианские императоры Востока сильной рукой подавили язычество, предоставив государственные должности только христианам и запретив языческие церемонии [если только они не проводятся под христианскими именами]. Сыновья Константина приговорили к смертной казни и конфискации любого, кто приносил жертвы старым богам; а Феодосий в 390 году н.э. запретил, под страхом суровых наказаний, все языческие обряды. Эта репрессивная работа велась неукоснительно. Хлодвиг, король франков, принял христианство, найдя его исповедание "весьма полезным для себя как в утверждении, так и в расширении своей империи" (стр. 117); и многие варварские племена были "обращены в веру" посредством мнимых чудес, "благочестивых обманов"... в то время это очень широко практиковалось в Галлии и Испании, чтобы с большей легкостью увлечь умы грубого и варварского народа, который едва ли был восприимчив к рациональным убеждениям" (стр. 117, 118). В течение этого столетия верховенство Римского престола развивалось быстрыми шагами. Поскольку народ в своем суеверном невежестве зависел от духовенства, а духовенство - от епископов, дикие короли были заинтересованы в дружбе с последними и увеличении их влияния; а поскольку епископы, в свою очередь, опирались на центральную власть Рима, власть понтифика быстро возрастала. Эта власть еще больше усилилась из-за борьбы за господство среди восточных епископов, ибо, отдавая предпочтение то одному, то другому, он привил себе привычку обращаться за помощью к Риму. На Востоке пять "патриархов" были возвышены над остальными епископами, во главе которых стоял Константинопольский патриарх. Таким образом, Восток и Запад все больше отдалялись друг от друга. Мосхейм говорит о "честолюбивых распрях и ожесточенной вражде, которые возникли среди самих патриархов и которые привели к самым кровопролитным войнам и самым отвратительным и ужасным преступлениям. Константинопольский патриарх отличился в этих одиозных состязаниях. Окрыленный благосклонностью и близостью императорского двора, он бросал надменные взгляды во все стороны, где можно было найти какие-либо объекты, на которых он мог бы осуществить свои властолюбивые амбиции. С одной стороны, он подчинил своей юрисдикции патриархов Александрийского и Антиохийского, как прелатов только второго ранга; а с другой, он вторгся в епархию римского понтифика и отнял у него несколько провинций. Два бывших прелата, хотя и боролись с яростью и подняли значительные волнения своим противодействием, все же боролись безрезультатно, как из-за недостатка сил, так и из-за множества неблагоприятных обстоятельств. Но римский первосвященник, намного превосходивший их богатством и властью, боролся также с большей энергией и упрямством и, в

свою очередь, нанес смертельную рану узурпированному верховенству византийского патриарха. Внимательный исследователь церковных дел того периода обнаружит в упомянутых выше событиях главный источник тех самых скандальных и прискорбных разногласий, которые сначала разделили Восточную Церковь на различные секты, а затем полностью отделили ее от Западной. Он обнаружит, что эти позорные расколы проистекали главным образом из нехристианских споров за господство, которые царили среди тех, кто выдавал себя за отцов и защитников Церкви" (стр. 123).

Уровень образования в течение этого столетия падал все ниже и ниже, несмотря на школы, созданные и поощряемые императорами, и в то время как знаний становилось меньше, пороков становилось больше. "Пороки духовенства теперь были доведены до самых невероятных пределов; и все писатели этого столетия, чья честность и добродетель делают их достойными доверия, единодушны в своих описаниях роскоши, высокомерия, алчности и сладострастия священнических орденов. Епископы, особенно первого ранга, назначали различных делегатов или министров, которые управляли за них делами своих епархий, и постепенно образовалось нечто вроде судов, где эти напыщенные священнослужители давали аудиенции и получали почтение пресмыкающейся толпы" (стр. 123). Самое безумное проявление суеверия проявилось у столпников, людей, "которые неподвижно стояли на верхушках колонн"; первоначальным маньяком был некто Симон, сириец, который на самом деле провел тридцать семь лет своей жизни на колоннах, последняя из которых была высотой в сорок локтей. Другой представитель того же класса провел шестьдесят восемь лет таким полезным образом (см. стр. 128, 129 и *примечание*). В течение этого столетия были упразднены агапы, и была учреждена аурикулярная конфессия.

Среди епископов этого столетия одно имя заслуживает бессмертия в позоре. Это имя Кирилла, епископа Александрийского. При нем произошло ужасное убийство Ипатии, этой чистой и прекрасной платонической учительницы, которую толпа фанатиков во главе с Петром Чтецом затащила в великую Александрийскую церковь и замучила до смерти на ступенях главного алтаря. "Влияние Кирилла на аудиторию легкомысленного города [Александрии] было, однако, значительно ослаблено Гипатией, дочерью Теона, математика, которая отличилась не только изложением доктрин Платона и Аристотеля, но и своими комментариями к трудам Аполлония и других геометров. Каждый день перед ее академией стояла длинная вереница колесниц; ее лекционный зал был переполнен александрийским богатством и модой.... Ипатия и Кирилл! Философия и фанатизм. Они не могут существовать вместе. Так чувствовал Кирилл, и, руководствуясь этим чувством, он действовал. Когда Ипатия направлялась в свою академию, на нее напала толпа Кирилла — толпа из множества монахов. Раздетая догола на улице, она была затащена в церковь и там убита дубинкой Питера Чтеца [415 год н.э.]. Труп был разрублен на куски, плоть соскоблена с костей ракушками, а остатки брошены в костер. За это ужасное преступление Сирила так и не привлекли к ответственности. Казалось, было признано, что цель освящает средства" (Дрейпер "Конфликт между религией и наукой", стр. 55).

Ереси прошлого века были продолжены и в этом, и возникло множество новых. Главной из них была ересь Нестория, епископа Константинопольского, который настолько сильно различал две природы во Христе, что создавал двойную личность, и он считал Деву Марию матерью *Христа*, но не матерью *Бога*. Для решения этого вопроса был созван Эфесский собор

(431 г. н.э.), на котором председательствовал великий противник Нестория, Кирилл, епископ Александрийский. Вопрос был решен очень быстро. Церковные соборы голосуют по спорным пунктам, и голосование большинства составляет православие. Собор был проведен до прибытия епископов, симпатизировавших Несторию, и таким образом, благодаря простому способу покончить со всем до прибытия противников, было навсегда решено, что Христос - это одна личность с двумя природами. Ересью совершенно противоположного характера была ересь Евтихия, настоятеля Константинопольского монастыря. Он утверждал, что во Христе была только одна природа, "природа воплощенного слова", и его мнение было поддержано собором, созванным в Эфесе в 449 году н.э.; но это постановление было отменено Халкидонским собором (считающимся четвертым Вселенским) в 451 году н.э., на котором снова было заявлено, что Христос имел две природы в одном лице. Именно на Эфесском соборе в 449 году н.э. Флавиан, епископ Константинополя, был так избит другими епископами, что скончался от ран, а епископы, которые были с ним, спрятались под скамьями, чтобы убраться с пути своих разъяренных братьев во Христе (см. Примечания на стр. 136, 137). Теопасхиты были ответвлением Евтихиевой ереси, а монофизиты были родственной сектой; от них произошли ацефалы, антропоморфиты, варсануфиты и эсаианисты. Не менее важной, чем ересь Евтихия, была ересь Пелагия, британского монаха, который учил, что человек не унаследовал первородный грех из-за грехопадения Адама, но что каждый родился незапятнанным в мире и был способен подняться до высот добродетели, используя свои природные способности. Полупелагианцы считали, что человек может обратиться к Богу своими собственными силами, но для того, чтобы он мог выстоять, необходима божественная благодать.

Один еретик того периода заслуживает особого упоминания. Вигиланций был галльским священником, замечательным своим красноречием и ученостью, и он посвятил себя реформированию Церкви в Испании. "Среди прочего, он отрицал, что могилы и кости мучеников должны были удостаиваться какого-либо почтения или поклонения; и поэтому порицал паломничества, которые совершались в места, считавшиеся святыми. Он высмеял чудеса, которые, как говорили, совершались в храмах, посвященных мученикам, и осудил обычай совершать в них бдения. Он утверждал, и действительно, не без оснований, что обычай зажигать свечи на могилах мучеников среди бела дня был опрометчиво заимствован из древнего языческого суеверия. Более того, он утверждал, что молитвы, обращенные к усопшим святым, лишены всякой действенности, и с презрением относился к постам и умерщвлению плоти, безбрачию духовенства и различным аскезам монашеской жизни. И, наконец, он подтвердил, что в поведении тех, кто, распределяя свое состояние между неимущими, подвергался тяготам добровольной бедности или отправлял часть своих сокровищ в Иерусалим для благочестивых целей, не было ничего приемлемого для Божества" (стр. 129). При таких обстоятельствах мы едва ли можем удивляться тому, что все ортодоксальные, корыстолюбивые священнослужители объявили Вигиланция еретиком. Он является предтечей длинной череды протестующих против постоянно растущей силы и суеверий Церкви.

БЕК VI.

По мере того, как мы продвигаемся вперед, темнота сгущается. Христианство распространилось среди варварских племен Востока и Запада, но "следует, однако, признать, что эти обращения большей частью были вызваны щедростью христианских князей или страхом наказания, а не силой аргументации или любовью к истине. В Галлии Хильдерик принудил евреев принять таинство крещения; и тот же самый деспотический метод обращения

практиковался в Испании" (стр. 141). "Они не требовали от этих варварских людей ничего такого, что было бы трудно осуществить, или что накладывало бы какие-либо заметные ограничения на их аппетиты и страсти. Основные предписания, которые они наложили на этих грубых прозелитов, заключались в том, что они должны были выучить наизусть определенные краткие изложения доктрины и оказывать изображениям Христа и святых те же религиозные услуги, которые они ранее оказывали статуям богов" (стр. 142). Во многих монастырях были созданы библиотеки и открыты школы, но, по-видимому, только для тех, кто намеревался вступить в монашескую жизнь; они, однако, не процветали, поскольку многие епископы проявляли "горькое отвращение" ко "всякого рода обучению и эрудиции, которые они считали пагубными для прогресса благочестия" (стр. 144). "Греческой литературой почти повсеместно пренебрегали.... Дела философии обстояли еще хуже, чем с литературой; ибо она была полностью изгнана из всех семинарий, которые находились под контролем и управлением церковного ордена" (Ibid.). Богатство Церкви быстро росло. "Уловки жадного духовенства применялись к невежественной набожности простых людей; и даже раскаяние нечестивых было превращено в инструмент увеличения церковных сокровищ. Ибо среди людей усердно распространялось мнение, что отпущение их грехов должно быть куплено их щедростью по отношению к церквям и монахам" (стр. 146). "Монашеские ордена, в целом, изобиловали фанатиками и распутниками; *последних* в западных монастырях было больше, чем *первых*, в то время как в монастырях Востока фанатики преобладали" (там же). Именно в этом столетии (529 год н.э.) Бенедикт Нурсийский составил великое бенедиктинское правило. Константинопольский собор 553 г. н.э. считается пятым Вселенским собором. Говорят, что он осудил доктрины Оригена, которые Мосхейм резюмировал следующим образом: "1. Что в Троице *Отец* больше, чем *Сын*, а *Сын* больше, чем *Святой Дух*. 2. *Предсуществование* душ, которые Ориген рассматривал как посланные в смертные тела для наказания за грехи, совершенные в прежнем состоянии бытия. 3. Что *душа* Христа была соединена с *словом* до воплощения. 4. Что солнце, луна, звезды и т.д. были оживлены и наделены разумными душами. 5. Что после воскресения все тела будут иметь круглую форму. 6. Что мучениям проклятых придет конец; и что, поскольку Христос был распят в этом мире, чтобы спасти человечество, он должен быть распят в следующем, чтобы спасти дьяволов" (стр. 151, примечание). Среди различных знаменитостей этого века нет ни одной, заслуживающей особого внимания, за исключением Бретия, Кассиодора, Григория Великого, Бенедикта Нурсийского, Григория Турского и Исидора Севильского. В течение этого времени продолжались ереси прошлых веков, и возникло еще несколько незначительных сект. Монофизиты набрали силу при Иакове, епископе Эдессы, и стали известны как якобиты, которые существуют по сей день в Абиссинии и Америке. Среди монофизитов возникли и снова исчезли шесть небольших сект, которые придерживались различных мнений о природе тела Христова. Мы находим также корруптиколаев, Агноэтов, тритеистов, филопонистов, кононитов и дамианистов, четыре последних из которых расходились в отношении природы Троицы. Таким образом, предполагаемое неделимым христианство было расколото на бесчисленные фракции, и самые кровавые гонения опозорили самую влиятельную партию того времени.

BEK VII.

В этом столетии много миссионерских начинаний, и мы обнаруживаем, что миссионеры хватаются за светскую власть и осуществляют "княжескую власть над странами, где их служение было успешным" (стр. 157). Ученость почти исчезла; они, которые больше всего

отличались своим вкусом и гениальностью, продвинули свои исследования немногим дальше трудов Августина и Григория Великого; и именно из обрывков, собранных у этих двух писателей и склеенных вместе без особого единообразия, полностью составлены лучшие произведения этого столетия.... Школы, которые были вверены попечению и проверке епископов, чье невежество и лень теперь стали огромными, начали быстро приходить в упадок и во многих местах пришли в упадок. Епископы в целом были настолько неграмотны, что лишь немногие из них были способны сочинять речи, которые они обращали к народу. Те из них, кто не был полностью лишен гения, составили из сочинений Августина и Григория некоторое количество безвкусных проповедей, которые они разделили между собой и своими глупыми коллегами, чтобы те не были вынуждены из-за неспособности прекратить проповедовать доктрины христианства своему народу" (стр. 159). "Распространение порока среди подчиненных правителей и служителей Церкви было в то время поистине плачевным.... В тех самых местах, которые были посвящены развитию благочестия и служению Богу, мало что можно было увидеть, кроме призрачного честолубия, ненасытной алчности, благочестивого мошенничества, невыносимой гордыни и высокомерного презрения к естественным правам людей, а также многих других пороков, еще более чудовищных" (стр. 161). Богатство Церкви быстро увеличивалось; она жирела на расплате за грех. "Покинутые распутники, которые проводили свои дни в самых грандиозных занятиях и чья нечистая совесть наполняла их ужасом и раскаянием, утешались обманчивыми надеждами получить прощение и искупить свои преступления, завещав большую часть своего состояния какому-нибудь монашескому обществу. Множество людей, побуждаемых неестественным диктатом мрачного суеверия, лишали своих детей плодородных земель и богатых вотчин в пользу монахов, молитвами которых они надеялись благосклонно относиться к Божеству" (стр. 161). Единственная новая секта, имеющая какое-либо значение в этом столетии, - это монофелиты, позже известные как марониты; они учили, что у Христа была только одна воля, но это учение окутано таким количеством тонкостей, что его почти невозможно понять. Они были осуждены на шестом Всеобщем соборе, состоявшемся в Константинополе в 680 году нашей эры. Именно в этом столетии "Бонифаций V ввел в действие тот печально известный закон, по которому церкви становились убежищем для всех, кто бежал туда в поисках защиты; закон, который обеспечивал своего рода безнаказанность самым чудовищным преступлениям и давал волю распущенности самых отъявленных распутников" (стр. 164). Действие этого закона заключалось в том, что монастыри стали прибежищем бандитов и убийц, которые выходили из них, чтобы грабить и разрушать, и платили за безопасность своих людей, отдавая их хозяевам часть добычи, собранной ими во время своих набегов. Таково было цивилизующее и очищающее воздействие христианства.

BEK VIII.

Винфред, более известный как Бонифаций, "Апостол Германии", является, пожалуй, главной церковной фигурой этого столетия. Он проповедовал христианство по всей Германии; был рукоположен в епископа в 723 году нашей эры, назначен архиепископом в 738 году нашей эры и примасом Германии и Бельгии в 746 году нашей эры; в 755 году нашей эры он был убит во Фрисландии вместе с пятьюдесятью другими священнослужителями. Христианские писатели придают большое значение его мученичеству, но Бонифаций, в конце концов, получил от фрисландцев только ту меру, которую он отмерил их братьям, и, кажется, нет веских причин, по которым христианские миссионеры должны претендовать на монопольное право убивать.

Мосхайд допускает, что он "часто применял насилие и террор, а иногда хитрость и мошенничество" (стр. 169), чтобы привлечь новообращенных, и его поддерживал Карл Мартелл, враг Фрисландии, и он появлялся среди немцев как друг и агент их врагов. Несколько лет спустя Карл Великий с большой энергией распространял христианство среди саксов. Ибо "в это время разразилась война между Карлом Великим и саксами, которая внесла большой вклад в распространение христианства, хотя и не силой рационального убеждения. Саксы были в то время многочисленным и грозным народом, населявшим значительную часть Германии и находившимся в постоянных ссорах с франками по поводу их границ и других спорных вопросов. Поэтому Карл Великий направил свои армии против этой могущественной нации в 772 году нашей эры с намерением не только подавить дух восстания, которым они так часто беспокоили империю, но и отменить их идолопоклонничество и привлечь их к принятию христианской религии. Он надеялся с помощью их обращения победить их упрямство, воображая, что божественные заповеди Евангелия успокоят их порывистые и беспокойные страсти, смягчат их свирепость и побудят их более покорно подчиниться правительству франков. Эти проекты были великолепны по идее, но трудны в исполнении; соответственно, первая попытка обратить саксов, после того как они были покорены, оказалась безуспешной, потому что она была предпринята без помощи насилия или угроз епископами и монахами, которых победитель оставил среди этого покоренного народа, чью упорную приверженность идолопоклонству не могли преодолеть никакие доводы или увещевания. [Обратите внимание на *наивность* этого признания.] Впоследствии были использованы более решительные средства, чтобы вовлечь их в лоно Церкви, в войнах, которые Карл Великий вел в 775, 776 и 780 годах против этого доблестного народа, чья любовь к свободе была чрезмерной и чье отвращение к ограничениям священнической власти было невыразимым. Во время этих войн их привязанность к суевериям предков была так горячо подавлена соблазнами награды, ужасом наказания и властным языком победы, что они позволили миссионерам, которых император послал к ним с этой целью, крестить себя, хотя и с внутренней неохотой" (стр. 170). Снова вспыхнуло восстание, возглавляемое двумя самыми могущественными саксонскими вождями, но они были привлечены на свою сторону Карлом Великим, который убедил их "публично и торжественно исповедать христианство в 785 году и пообещать приверженность этой божественной религии до конца своих дней. Однако, чтобы помешать саксам отказаться от религии, которую они приняли с неохотой, среди них было назначено несколько епископов, также были построены школы и основаны монастыри, чтобы не испытывать недостатка в средствах обучения. Те же меры предосторожности были приняты среди гуннов в Паннонии, чтобы поддержать в исповедании христианства тот свирепый народ, которого Карл Великий обратил в свою веру, когда, измученные и удрученные различными поражениями, они больше не могли противостоять его победоносному оружию и предпочли быть христианами, а не рабами" (стр. 170). Благодарная Церковь канонизировала Карла Великого, жестокого солдата, который так расширил ее границы; "не вдаваясь в подробности его пороков, количество которых уравнивало количество его добродетелей, неоспоримо очевидно, что его горячее и плохо управляемое рвение к обращению гуннов, фрисландцев и саксов было больше движимо внушениями честолюбия, чем принципом истинного благочестия; и что его главной целью в этих религиозных подвигах было подчинить обращенные народы под своим владычеством и приручить их под своим игом"., которые они поддерживали с нетерпением и от которых избавлялись частыми восстаниями. Более того, хорошо известно, что этот хваленый святой без колебаний искал союза с неверными сарацинами, чтобы с большей эффективностью сокрушить греков, несмотря на их исповедание христианской религии" (стр. 171). Так огнем и мечом

распространялось христианство, и где бы ни проходил крест, он оставлял свой кровавый след. В то время как солдаты таким образом обращали язычников, "духовенство предавалось своим страстям без всякой умеренности или сдержанности; они отличались роскошью, обжорством и похотью" (стр. 173). К этим порокам добавился грубый обман, поскольку плохое духовенство использовало плохое оружие; ложные чудеса изобиловали повсюду; "порочная дисциплина, которая тогда преобладала, допускала те ошибочные уловки, которые очень неправильно называются *благочестивыми* мошенничествами; и глашатаи Евангелия вовсе не считали незаконным пугать или привлекать к исповеданию христианства вымышленными чудесами те упрямые сердца, которые они не могли покорить разумом и аргументами" (стр. 171). Богатство Церкви увеличивалось год от года. "В то время повсеместно преобладало мнение, хотя его авторы неизвестны, что наказание, которое праведный судья мира назначил за преступления нечестивых, должно было быть предотвращено и отменено щедрыми пожертвованиями Богу, святым, церквям и духовенству. Вследствие этого представления великие и состоятельные, которые, вообще говоря, были наиболее примечательны своей низменной и отвратительной жизнью, приносили из того изобилия, которое они получили по наследству или нажили грабежом, богатые пожертвования усопшим святым, их служителям на земле и хранителям храмов, воздвигнутых в их честь, чтобы избежать страданий и наказаний, полагающихся священниками за грехи в этой жизни, и избежать страданий, обличаемых нечестивыми в будущем государстве. Этот новый и удобный метод искупления беззакония был главным источником тех огромных сокровищ, которые с этого периода начали поступать к духовенству, церквям и монастырям и продолжали обогащать их в последующие века вплоть до настоящего времени" (стр. 174). Другой источник богатства можно найти в желании королей различных воюющих племен присоединить к себе епископа и духовенство в своих владениях; даруя эти земли и звания, они обеспечивали себе помощь, которую церковные чиновники были в их силах оказать, ибо епископы не только могли привлечь к поддержке своего сюзерена физическую поддержку армий, но они также могли направить против его врагов тот ужасный удар средневековья, отлучение от церкви, которое, "ставшее грозным из-за невежества, вселяло ужас в самые смелые и решительные сердца" (стр. 174). В этих последних дарах мы видим происхождение временных должностей и титулов, присваиваемых епископальным кафедрам и кафедральным капитулам. В течение этого столетия власть римского первосвященника достигла огромной степени, и его влияние распространилось на гражданские и политические дела: он стал настолько верховным авторитетом, что в 751 году н.э. франкские государства королевства, созданные Пипином для одобрения его замысла захвата французского трона, который тогда занимал Хильдерик III, распорядились направить посольство к папе Захарии с вопросом, не правильно ли, что слабый монарх должен быть свергнут с престола; и после получения утвердительного ответа папы, франкский престол был свергнут. Чилдерик был свергнут с престола без сопротивления, и вместо него был коронован Пепин.

На Востоке Церковь раздирали раздоры, в то время как императорский трон шатался под неоднократными нападениями турок — племени, произошедшего от татар, — которые вторглись в Армению, боролись с сарацинами за господство, частично подчинили их, а затем обратили свое оружие против греческой империи. Великим спором этого столетия является спор о поклонении образам между иконодулами или иконолатриями (поклоняющимися образам) и икономахами или иконоборцами (разрушителями образов). Император Бардан, сторонник монофелитской ереси, приказал убрать картину, изображающую ШЕСТОЙ генеральный собор, из церкви Святой Софии, потому что этот собор осудил монофелитов. Не

удовлетворившись этим (712 г. н.э.), Бардан отправил в Рим приказ о том, чтобы все картины того же характера были удалены из мест отправления культа. Константин, папа римский, немедленно установил шесть картин, изображающих шесть генеральных соборов, на паперти собора Святого Петра и созвал собор в Риме, который осудил императора как отступника. Барданес был свергнут с престола в результате революции, но его преемник Лео вскоре продолжил ссору. В 726 году нашей эры он издал императорский эдикт, повелевающий убрать все изображения из церквей и запрещающий любое поклонение изображениям, за исключением тех, которые изображают распятие Христа. Папа Григорий I. отлучил императора от церкви, и в результате по всей империи вспыхнули восстания; император в ответ созвал собор в Константинополе, который сместил епископа этого города за его склонность к поклонению изображениям и поставил на его место сторонника императора. Спор был продолжен Константином, который сменил своего отца Льва в 741 году н.э. и который в 754 году н.э. созвал в Константинополе собор, признанный греческой церковью седьмым всеобщим собором, который осудил использование изображений и поклонение им. Лев IV (775 г. н.э.) издал уголовные законы против почитателей изображений, но в 780 г. н.э. он был отравлен Ириной, своей женой, и она вступила в союз с папой Адрианом, так что иконодули, в свою очередь, восторжествовали. Пока бушевал этот спор, возник второй, касающийся исхождения Святого Духа. Символ веры Константинополя (см. ante, стр. 434) гласил: "Я верю в Святого Духа, Господа и Подателя Жизни, исходящего от Отца"; к этой фразе слова "и Сына" были добавлены на Западе, первоначально некоторыми испанскими епископами; греки протестовали против несанкционированного добавления в символ веры, обнародованный генеральным собором и принятый Вселенской Церковью как символ веры. Так возник знаменитый спор о "Filioque", который был одной из главных причин великого раскола между Восточной и Западной Церквями в IX веке.

Арианская, манихейская, маркионитская и монофелитская ереси распространились в течение этого столетия по Греческой церкви, и там, где правили арабы, также процветали несториане и монофизиты. В Латинской Церкви появилась фаза несторианской ереси под названием адоптианства, название данное потому, что его приверженцы считали Христа, насколько это касалось его мужественности, Сыном Божиим только через усыновление.

ВЕК IX.

Христианскому миру в этом столетии, как и в предыдущем, угрожали и изводили вторжения магометанских держав, и первые проблески возвращающегося света начали пробиваться сквозь его густую тьму — света, исходящего от арабов и сарацин, восстановителей знания и науки. В наши обязанности не входит здесь проследить ту чудесную работу по возрождению мысли — мысли, которую христианство убило, но которой, возрожденной магометанством, было суждено вылиться в новое рождение еретической философии. Пока эта работа продолжалась среди сарацин, арабов и мавров, христианский мир шел своим путем, деградировавший, порочный и суеверный; лишь кое-где предпринимались попытки учиться, и некоторые из них посещали арабские школы и возвращались с некоторым запасом знаний. Иоанн Скот Эригена, тонкий мыслитель, оставил после себя работы, которые заставили некоторых считать его основателем *реалистической* школы средневековья, школы, которая следовала за Аристотелем в противовес *номиналистам*, которые придерживались Зенона и стоиков. Эригена учила, что душа будет вновь поглощена божественным духом, из которого она изначально исходила; от Бога пришли все вещи — к Нему они в конечном счете вернутся;

только Бог вечен, и в конце концов не будет существовать ничего, кроме Бога. Некоторые из работ Эриджены, естественно, вызвали неудовольствие Церкви и были должным образом сожжены: он был философом, а значит, опасным.

В то время как это небольшое усилие мысли было таким образом встречено неодобрением, порок беспрепятственно продвигался вперед, не порицаемый властями. "Нечестие и распущенность большей части духовенства достигли в это время огромной высоты и зафиксированы в единодушных жалобах самых искренних и беспристрастных писателей нашего столетия. На Востоке беспорядки, раздоры, заговоры и государственная измена царили бесконтрольно, и все совершалось с помощью насилия. Эти злоупотребления проявлялись во многих вещах, но особенно при избрании Константинопольских патриархов.... В западных провинциях епископы стали в высшей степени сладострастными и женоподобными. Они проводили свою жизнь среди блеска дворов и удовольствий роскошной праздности, которая развратила их вкус, погасила их рвение и сделала их неспособными выполнять торжественные обязанности своего служения; в то время как низшее духовенство погрязло в распущенности, не помышляло ни о чем, кроме чувственных удовольствий, и заразило самыми отвратительными пороками паству, сохранить которую или избавить от заразы беззакония было самой задачей их служения. Кроме того, невежество священного ордена было во многих местах настолько прискорбным, что лишь немногие из них умели читать или писать, и еще меньше было способно выражать свои убогие представления с какой-либо степенью методичности или прозорливости" (стр. 193). "Многие другие причины также способствовали бесчестию Церкви, привнося в нее коррумпированное служение. Дворянин, который из-за недостатка талантов, активности или мужества оказался неспособным с достоинством появиться в кабинете министров или с честью выступить на поле брани, немедленно обратил свои взгляды в сторону Церкви, нацелился на выдающееся место среди ее вождей и правителей и, как следствие, стал заразительным примером глупости и порока для низшего духовенства. Покровители церквей, в чьих руках находилось право избрания, не желая подвергать свое беспорядочное поведение резкому порицанию ревностных и честных пасторов, усердно искали самых жалких, невежественных и никчемных священнослужителей, которым они поручали исцеление душ" (стр. 193). О римских понтификах Мосхайм говорит: "Большая часть из них известна только по вопиющим действиям, которые с позором донесли их имена до нашего времени" (стр. 194). И "огромные пороки, которые, должно быть, покрыли позором столь многих понтификов в глазах мудрецов, не были ни малейшим препятствием для их честолубия в те памятные времена и не мешали им расширять свое влияние и приумножать свой авторитет как в церкви, так и в государстве" (стр. 195). Среди огромной массы подделок, которые постепенно укрепляли господство римского престола, особого внимания заслуживают знаменитые декреталии Исидора. Они были изданы около 845 года н.э. и состояли из "примерно ста мнимых декретов первых пап, вместе с некоторыми поддельными сочинениями других церковных сановников и актами синодов. Эта подделка привела к огромному расширению папской власти. Она сместила старую систему церковного управления, лишив ее республиканских атрибутов, которыми она обладала, и превратив ее в абсолютную монархию. Это привело епископов в подчинение Риму и сделало понтифика верховным судьей духовенства всего христианского мира. Это подготовило почву для великой попытки, впоследствии предпринятой Гильдебрандтом, превратить государства Европы в теократическое королевство священников с папой во главе" ("Конфликт религии и науки" Дрейпера, стр. 271). Мы отмечаем в этом столетии значительный рост числа святых. Каждый хотел иметь святого, через которого можно было бы приблизиться к Богу, и

предложение шло в ногу со спросом. "Это нелепое умножение числа святых стало новым источником злоупотреблений и мошенничества. Считалось необходимым записать жизнеописания этих небесных покровителей, чтобы снискать им почитание и доверие введенной в заблуждение толпы; и здесь были изобретены лживые чудеса, и все ресурсы подделки и басни были исчерпаны, чтобы прославить подвиги, которые никогда не совершались, и увековечить память святых личностей, которые никогда не существовали" (стр. 200). Борьба за изображения все еще неистовствовала, успех был то на одной, то на другой стороне; обе стороны созывали различные соборы, пока в 879 году н.э. Константинопольский собор, считавшийся греками восьмым всеобщим собором, не санкционировал поклонение изображениям, которое впоследствии восторжествовало на Востоке. На Западе оппозиция поклонению образам постепенно угасла. *Борьба за Филиокве* также продолжалась и еще больше расширила пропасть между Востоком и Западом. Окончательное разделение не заставило себя долго ждать. Постоянно растущая ревность между Римом и Константинополем, наконец, достигла такой высоты, что сделала невозможным даже номинальный союз, и тлеющий огонь внезапно вспыхнул. В 858 году нашей эры Фотий был назначен патриархом Константинополя императором Михаилом в комнате Игнатия, лишенного прав и изгнанного этим князем. Собор, состоявшийся в Константинополе в 861 году н.э., одобрил назначение императора; но Игнатий апеллировал к Риму, и папа Николай I. с готовностью подхватил его спор. В 862 году в Риме состоялся собор, на котором понтифик отлучил Фотия и его приверженцев от церкви. На него был дан ответ в Константинополе в 866 году нашей эры, в котором Николай был объявлен недостойным своей должности и находящимся вне рамок христианского общения. Еще один Константинопольский собор, 869 г. н.э., одобрил действия Василия, нового императора, который отозвал Игнатия и заключил Фотия в тюрьму. Когда Игнатий умер, Фотий был восстановлен в должности (878 г. н.э.), и он был признан римским понтификом Иоанном VIII на другом Константинопольском соборе 879 г. н.э. при том понимании, что юрисдикция над Болгарией, на которую претендовали как папа, так и патриарх, должна быть определено передана Риму. Этого, однако, сделано не было, и папа послал легата в Константинополь, напомнив о своем заявлении в пользу Фотия. Легат Маринус был брошен в тюрьму; и когда позже он был возведен в сан понтификата, он вспомнил о возмущении и снова отлучил Фотия от церкви. В 886 году нашей эры Фотий был низложен и заключен в тюрьму, и уния могла бы быть сохранена, если бы не экстравагантные требования римского понтифика, который требовал понижения в должности всех священников и епископов, рукоположенных Фотием. Греки с негодованием отказались, и в конце концов произошел великий раскол, который полностью отделил друг от друга Восточную и Западную Церкви.

Древняя ересь павликиан еще не вымерла, несмотря на многочисленные преследования со стороны католиков, и при императорах Михаиле и Льве имела место яростная атака на этих несчастных. За ними охотились и казнили без пощады, и, наконец, они обратились против своих преследователей и отомстили, убив епископа, магистратов и судей в Армении, после чего бежали в страны, находящиеся под властью сарацин. Через некоторое время они постепенно вернулись в греческую империю; но когда императрица Феодора была регентшей во время совершеннолетия своего сына, она издала строгий указ против них. "Указ был суровым, но жестокость, с которой он был приведен в исполнение теми, кто был послан в Армению с этой целью, была невыразимо ужасной; ибо эти служители гнева, конфисковав имущество более чем

ста тысяч этих несчастных людей, казнили их владельцев самым варварским образом и заставляли их медленно умирать в различных самых изысканных пытках" (стр. 212).

В дополнение к ересям, унаследованным от предыдущих веков, возникли три новые, важные по своим проблемам, которые еще больше раскололи неделимую Церковь. Монах по имени Паскасий Радберт написал трактат (831 и 845 гг. н.э.), в котором утверждал, что во время Евхаристии вещество хлеба и вина путем освящения превращалось в тело и кровь Христа и что это тело "было тем же самым телом, которое было рождено от Девы, которое пострадало на кресте и воскресло из мертвых" (стр. 205). Карл Лысый повелел Эригене и Ратрамну (или Бертрамну) составить истинное учение Церкви, и начался долгий спор, который продолжается даже в наши дни. Второй великий спор возник по вопросу о предопределении и божественной благодати. Годешальк, выдающийся саксонский монах, вернувшись из Рима в 847 году нашей эры, некоторое время жил в Вероне, где много говорил о предопределении, утверждая, что Бог от века предопределил одних на небеса, а других - в ад. Он был осужден на соборе, состоявшемся в Майнце в 848 году н.э., а в следующем году, на другом соборе, он был снова осужден и подвергался порке до тех пор, пока не сжег собственноручно извинения за свои взгляды, которые он представил в Майнце. Третья великая полемика касалась способа рождения Христа, и монахи яростно спорили, был ли Христос рожден так же, как другие младенцы, или нет. В подробности этого спора здесь нет необходимости вдаваться.

ВЕК X.

"Плачевное состояние христианства в этом столетии, проистекающее частично из того поразительного невежества, которое дало волю как суевериям, так и безнравственности, а частично из несчастного совпадения причин другого рода, единодушно оплакивается различными авторами, которые передали нам историю этих несчастных времен" (стр. 213). И все же "евангелие" распространялось. Норманны приняли "религию, о которой они были в полном неведении" (стр. 214) в 912 году н.э., потому что французский король Карл Простой предложил графу Ролло большую территорию при условии, что тот женится на его дочери и примет христианство: Ролло с радостью принял эту территорию и ее обременения. Следующей в лоно Церкви вступила Польша, поскольку жена польского герцога Микислава убедила его принять христианство в 965 году н.э., и папа Иоанн III незамедлительно отправил епископа и группу священников для обращения подданных герцога. "Но увещевания и усилия этих набожных миссионеров, которые не были знакомы с языком людей, которых они пришли наставлять [какими эффективными, должно быть, были их аргументы!] это было бы совершенно бесполезно, если бы они не сопровождались эдиктами и уголовными законами, обещаниями и угрозами Микислава, которые подавили мужество и победили упрямство сопротивляющихся поляков" (стр. 214). "Христианская религия была установлена в России средствами, во всех отношениях подобными тем, которые привели к ее распространению в Польше" (стр. 215); жена русского герцога-гречанка убедила его принять ее вероучение, и он был крещен в 987 году нашей эры. Мосхайд предполагает, что русский народ последовал за своими князьями по собственной воле, поскольку "у нас, по крайней мере, нет сведений о каком-либо принуждении или насилии, применявшемся при их обращении" (стр. 215); если русские приняли христианство без принуждения или насилия, все, что мы можем сказать, это то, что их обращение уникально. Датчане были обращены в христианство в 949 году нашей эры, когда Оттон Великий победил их и поставил обязательным условием мира то, что они должны исповедовать христианство. Норвежцы приняли религию Иисуса на тех же условиях. Таким

образом, большая часть Европы стала христианской, и мы даже слышим крик, поднятый папой Сильвестром II. за освобождение Палестины от мусульман - за священную войну. Христианство теперь стало таким сильным, что ученость стала пропорционально слабой; в каждую последующую эпоху оно опускалось все ниже и ниже, и в этом десятом веке оно достигло своей глубочайшей стадии деградации. "Прискорбное невежество этого варварского века, в котором пришедшие в упадок искусства были полностью заброшены, а науки, казалось, были на грани исчезновения из-за отсутствия поддержки, единодушно признается и оплакивается всеми авторами, которые передали нам какие-либо отчеты об этом периоде времени" (стр. 218). Напрасно более просвещенный император на Востоке стремился возродить науку и поощрять ее изучение: "многие из самых знаменитых авторов древности были утрачены в это время из-за лени и небрежности греков" (стр. 219). "Дело философии также не преуспело лучше, чем дело литературы. Философы, действительно, были; и среди них были такие, которые не были лишены гения и способностей; но ни один из них не сделал свои имена бессмертными благодаря произведениям, достойным передачи потомкам" (стр. 219). Литература Греции под влиянием христианства пала так низко — Греции языческой, которая когда-то породила Пифагора, Сократа, Платона, Евклида, Зенофонта и многих других великих писателей, слава которых канула в века, - что Греция стала Грецией христианской, и жизненная сила ее материнства покинула ее и оставила ее без сил зачинать мужчин. На Западе дела обстояли еще хуже — вместо языческого Рима, распространявшего свет и цивилизацию, Рима Цицерона, Вергилия, Лукреция, мы имеем Рим христианский, распространяющий тьму и деградацию, Рим пап и монахов. Латиняне "были, почти без исключения, погружены в самое грубое и варварское невежество, так что, согласно единодушным отчетам наиболее заслуживающих доверия авторов, ничто не могло быть более меланхоличным и прискорбным, чем тьма, царившая в западном мире в течение этого столетия.... В учебных семинариях, какими они были, семь свободных наук преподавались самым неумелым и жалким образом, и это монахами, которые ценили искусства и науки не более, чем потому, что они служили интересам религии или, говоря точнее, взглядам суеверия" (стр. 219). Но свет из Аравии изо всех сил пытался проникнуть в христианский мир. Герберт, уроженец Франции, отправился в Испанию и учился в арабских школах Кордовы и Севильи у арабских врачей; у него развились математические способности, и он вернулся в христианский мир с некоторым багажом знаний: возведенный на папский престол под именем Сильвестра II. Он попытался восстановить изучение естественных наук и философии и обнаружил, что его геометрические фигуры "рассматривались монахами как магические операции", а он сам "как маг и ученик сатаны" (стр. 220).

Порок духовенства был чем-то ужасным. "Эта коррупция достигла самой огромной высоты в тот мрачный период развития Церкви, который мы имеем сейчас перед собой. Как в восточных, так и в западных провинциях духовенство по большей части состояло из самых никчемных людей, позорно безграмотных и глупых, невежественных, особенно в религиозных вопросах, одинаково поработанных чувственностью и суевериями и способных на самые отвратительные и низменные поступки. Это мрачное вырождение священного ордена произошло, согласно наиболее заслуживающим доверия сообщениям, главным образом из—за мнимых вождей и правителей Вселенской Церкви, которые позволяли себе совершать самые отвратительные преступления и отдавались беззаконному порыву самых распущенных страстей без сопротивления или угрызений совести - которые, короче говоря, игнорировали всякое различие между справедливым и несправедливым, чтобы удовлетворить свои нечестивые амбиции, и чья духовная империя была такой разнообразной ареной беззакония и насилия, какой никогда не

было ни при одном из тех светских тиранов, которые были бичами человечества. " (стр. 221). Таков вердикт, вынесенный христианскому правлению христианским историком. На Востоке мы видим таких людей, как Феофилакт; "этот *образцовый* прелат, который продавал все церковные пособия, как только они освобождались, держал в своей конюшне более 2000 охотничьих лошадей, которых он кормил орехами, фисташками, финиками, сушеным виноградом, инжиром, пропитанным самыми изысканными винами, ко всему этому он добавлял богатейшие благовония. Однажды в Страстной четверг, когда он служил великую мессу, его конюх принес ему радостную весть о том, что одна из его любимых кобыл ожеребилась; после чего он прервал Литургию, вышел из церкви и в восторге побежал в конюшню, где, выразив свою радость по поводу этого грандиозного события, вернулся к алтарю, чтобы закончить богослужение, которое он оставил прерванным во время своего отсутствия" (стр. 221, примечание). Сейчас мы увидим, как массы людей получали жилье и питание, в то время как лошадей окружала такая безумная роскошь. На западе утомительная история о римских понтификах не может быть передана здесь полностью. Представьте картину, нарисованную Хэллом: "Этот мрачный период в анналах папства заполнен серией революций и преступлений. Шесть пап были низложены, двое убиты, один искалечен. Часто два или даже три конкурента, среди которых с помощью какой-либо подлинной критики не всегда возможно отличить истинного пастуха, поочередно выгоняли друг друга из города. Несколько уважаемых имен кажутся едва различимыми в этом мраке; и иногда, возможно, папа, снискавший признание своими личными добродетелями, может быть выделен каким-нибудь посягательством на права князей или привилегии национальных церквей. Но, в целом, у понтификов той эпохи не было ни досуга, ни способностей для совершенствования великой системы светского господства, и они скорее рассчитывали на ничтожную прибыль от продажи епископских конфирмаций или льгот монастырям. Порочность главы естественным образом распространялась на всех других членов Церкви. Все авторы сходятся во мнении, что они клеймят позором распущенность и пренебрежение приличиями, царившие среди духовенства. Хотя отдельные прелаты составили несколько кодексов церковной дисциплины, тем не менее ни они, ни древние каноны не пользовались большим уважением. Епископы, которые должны были обеспечивать их соблюдение, имели больше всего оснований опасаться их суровости. Они были навязаны своим кафедрам, как верховные понтифики - римским, силой или коррупцией. Пятилетний ребенок был назначен архиепископом Реймса. Нарбоннский престол был куплен для другого в возрасте десяти лет" ("Европа в средние века", стр. 353, изд. 1869). Иоанн X. стал папой по просьбе своей любовницы Феодоры, тещи государя, и был убит по настоянию дочери Феодоры, Марозии; Иоанн XI., незаконнорожденный сын той же Марозии и понтифика-безбрачника Сергия III.; Бонифаций VII. изгнанный, изгнанный, вернувшийся и убивший правящего папу римского: какая польза от хроники этих монстров? Ниже пап духовенство, такое же порочное, как и их правители, разбазаривающее деньги, отнятые у народа в распутстве и роскоши. А народ, что с ним?

Еще в 1430 году н.э. дома крестьян были "построены из камней, сложенных без раствора; крыши были из дерна — окостеневшая бычья шкура служила дверью. Пища состояла из грубых растительных продуктов, таких как горох, и даже древесной коры. В некоторых местах они не были знакомы с хлебом. Хижины из тростника, обмазанные грязью, дома из плетеных кольев, торфяные костры без дымоходов, от которых едва ли можно было спастись от дыма, притоны физического и морального осквернения, кишасшие паразитами, пучки соломы, обвязанные вокруг конечностей, чтобы уберечься от холода, страдающий лихорадкой крестьянин, которому

нечем помочь, кроме лечения святынями", *то есть*, исцеления прикосновением кости святого или образа Богородицы ("Конфликт между религией и наукой" Дрейпера, стр. 265). Даже среди богатых жизнь была грубой; ковры были неизвестны; о канализации никогда не думали. Англосаксонская "знать", преданная обжорству и сладострастию, никогда не посещала церковь, но спешащий священник зачитывал им заутреню и мессу в их спальнях, прежде чем они вставали, сами не слушая. Простые люди стали добычей более могущественных; их имущество было конфисковано, их тела увезены в дальние страны; их девушек либо бросили в публичный дом, либо продали в рабыни. Пьянство днем и ночью было всеобщим занятием: пороки, спутники пьянства, следовали за ними, изнеживая мужественный разум". Баронские замки были притонами разбойников. Саксонский хронист [Уильям Малмсберийский, из которого цитата приведена выше] описывает, как мужчин и женщин ловили и тащили в эти крепости, подвешивали за большие пальцы рук или за ноги, предавали огню, обвивали их головы веревками с узлами и подвергали многим другим пыткам с целью вымогательства выкупа" (Там же, стр. 266). Когда бароны почти закончили свою порочную жизнь, вмешалась церковь, потребовав свою долю награбленного и накопленного таким образом богатства и открыв врата раю умирающему вору. Города были такими же жалкими, как и их жители: ни мощения, ни уборки, ни освещения. В сельской местности старые римские дороги не ремонтировались, за ними не ухаживали; Европа скатывалась назад, к полному варварству. Между тем все было совсем по-другому там, где разрушительная сила христианства не была на высоте. "Европа в наши дни не предлагает большего вкуса, большей утонченности, большей элегантности, чем можно было увидеть в эпоху, о которой мы говорим, в столицах испанских арабов. Их улицы были освещены и мощены. Дома были расписаны фресками и покрыты коврами; зимой их обогревали печи, а летом охлаждал ароматный воздух, поступающий по подземным трубам от цветочных клумб. У них были бани, и библиотеки, и столовые, фонтаны ртути и воды. Города и деревни были полны веселья и танцев под звуки лютни и мандолины. В отличие от пьяных и обжорливых застольных оргий их северных соседей, пиры сарацин отличались трезвостью. Вино было запрещено.... В десятом веке халиф Хакем II. превратил прекрасную Андалусию в рай мира. Христиане, мусульмане, евреи безудержно смешивались друг с другом.... Приветствовались все ученые мужи, независимо от того, из какой страны они прибыли или каковы их религиозные взгляды. У халифа во дворце была книжная мануфактура, а также переписчики, переплетчики, иллюстраторы. У него были покупатели книг во всех крупных городах Азии и Африки. Его библиотека насчитывала 400 000 томов в великолепных переплетах и с иллюстрациями" (Там же, стр. 141, 142). Когда христиане в пятнадцатом веке захватили "прекрасную Андалусию", они учредили инквизицию, сожгли книги, сожгли людей, изгнали евреев и мавров и основали несчастную землю, известную как современная Испания.

В этот меланхолический век было очень мало ереси; люди думали недостаточно даже для того, чтобы думать плохо. Павликиане распространились по Болгарии и утвердились там под руководством собственного патриарха. Некоторые ариане все еще существовали. Некоторые антропоморфиты доставляли немало хлопот, утверждая, что Бог восседает на золотом троне и ему служат крылатые ангелы: их "ересь", однако, напрямую подтверждается Священными Писаниями. В 999 году н.э. человек по имени Лентард начал выступать против поклонения изображениям и уплаты десятины священникам и утверждал, что в ветхозаветных пророчествах смешаны истина и ложь. Его ученики, похоже, влились в альбигойцев в следующем столетии.

1000 год нашей эры заслуживает особого упоминания. Христиане воображали, что мир просуществует всего лишь тысячу лет после рождения Христа и, следовательно, ему придет

конец в 1000 году нашей эры. "Многие хартии начинаются такими словами: "Поскольку мир сейчас приближается к своему концу". Армия, марширующая под командованием императора Оттона I. была настолько напугана солнечным затмением, что задумала объявить об этом завершении, что поспешно рассеялась во все стороны" ("Европа в средние века", Халлам, Стр. 599). "Огромное количество людей отказались от всех своих гражданских связей и родительских родственных связей и, передав церквям или монастырям все свои земли, сокровища и мирское имущество, в предельной спешке отправились в Палестину, где они были вынуждены покинуть свои дома". вообразил, что Христос снизойдет судить мир. Другие, дав торжественную и добровольную клятву, посвятили себя служению церквям, монастырям и священству, рабами которых они стали в самом строгом смысле этого слова, ежедневно выполняя их тяжелую работу; и все это из представления, что Верховный Судья уменьшит суровость их приговора и посмотрит на них более благосклонным взором из-за того, что они сделали себя рабами его служителей. Когда случалось наблюдать солнечное или лунное затмение, города пустели, а их несчастные жители бежали в поисках убежища в пустые пещеры и прятались среди скалистых утесов и под изгибающимися вершинами крутых гор. Богатые пытались подкупить Божество и святое племя богатыми пожертвованиями, сделанными священническим и монашеским орденам, на которых смотрели как на непосредственных наместников небес" (стр. 226). Таким образом, Церковь все еще пожинала плоды страха перед людьми, которых она вводила в заблуждение, и в то время как поля оставались незасеянными, а дома стояли без ремонта, и были заложены основы голода, Мать-Церковь собирала земли и деньги в свои обширные объятия и мало беспокоилась о голодающих детях, при условии, что она сама могла разжиревать на благах мира, от которых, по ее словам, она отказалась.

XI ВЕК.

Пруссак в течение этого столетия были загнаны в лоно Церкви. Христианский миссионер Адальберт, епископ Праги, был убит "свирепыми и дикими пруссаками", и, чтобы показать цивилизующие результаты кроткого христианского вероучения, Болеслав, король Польши, вступил "в кровопролитную войну с пруссаками и добился силой уголовных законов и победоносной армии того, чего Адальберт не мог добиться увещеваниями и аргументами. Он заманил этот дикий народ в христианскую церковь" (стр. 230). Некоторые из его последователей попробовали более мягкий метод обращения и были убиты пруссаками, которые явно не видели причин, по которым христиане должны совершать все эти убийства. Мы уже видели, что Сильвестр II. призвал христианских князей начать "священную войну" против "неверных", которые удерживали святые места христианства. Григорий VII. стремился расшевелить их подобным же образом и собрал армию численностью свыше 50 000 человек, которую он предложил лично повести в Палестину. Однако папа римский поссорился с Генрихом IV, императором Германии, и его проект провалился. В конце этого столетия было предпринято давно обсуждаемое усилие. Петр Отшельник, путешествовавший по Палестине, прибыл в Европу и повсюду рассказывал истории о страданиях христиан под властью "варваров" сарацин. Он обратился к Урбану II, тогдашнему папе, и Урбан, который сначала отговаривал его, видя, что Петру удалось пробудить энтузиазм у самых воинственных народов христианской Европы, созвал собор в Плацентии в 1095 году нашей эры и призвал христианских князей встать на сторону Креста. Совет не увенчался успехом, и Урбан созвал другого в Клермоне и сам обратился к собранию. "Такова воля Божья" - таков был ответный крик, и люди схватились за оружие. "Использовались все средства, чтобы вызвать эпидемическое безумие,

добиться отмены епитимьи, отказа от тех практик самоотречения, которые суеверия навязывали или приостанавливали по своему усмотрению, отпущения всех грехов и гарантии вечного счастья. Никто не сомневался, что те, кто выстоял на войне, немедленно получили награду в виде мученичества. Ложные чудеса и фанатичные пророчества, которые никогда не были столь частыми, подняли энтузиазм на еще более высокую высоту. [Мосхайм утверждает, стр. 231, что Петр Отшельник повсюду носил с собой письмо с небес, призывающее всех истинных христиан избавить своих братьев от ига неверных.] И эти благочестивые чувства, которым обычно мешают и уравнивают другие страсти, соответствовали всем мотивам, которые могли влиять на людей того времени, - любопытству, беспокойству, распушенности, жажде войны, соперничества, честолобию. Некоторые из принцев, принявших крест, вероятно, с самого начала размышляли о создании независимых учреждений на Востоке. В более поздние периоды временные выгоды от крестового похода, несомненно, смешивались с менее эгоистичными соображениями. Люди отправлялись в Палестину, как в наше время они поступили с колониями, чтобы отыграть потраченное время или поправить свое состояние. Таким образом, Ги де Лузиньян, бежавший из Франции по обвинению в убийстве, в конечном счете был возведен на иерусалимский трон. Более вульгарному классу предлагались стимулы, которые, хотя и были поглощены более безудержным фанатизмом первого крестового похода, могли оказаться чрезвычайно эффективными, когда он начал ослабевать. В течение того времени, когда крестоносец нес крест, он был свободен от исков по своим долгам, и проценты по ним были полностью упразднены; он был освобожден, по крайней мере, в некоторых случаях, от налогов и помещен под защиту Церкви, так что его нельзя было привлечь ни к какому гражданскому суду, за исключением уголовных обвинений или споров, связанных с землей" ("Европа в средние века", Халлам, стр. 29, 30). Таким образом, фанатизм, земные удовольствия и выгоды - все это толкало людей в одном направлении, и Европа бросилась на Палестину. Мужчины, женщины и дети хлынули на восток в том первом крестовом походе, и этот смешанный авангард наступающей армии воинов возглавляли Петр Отшельник и Готье-Одиночка. Этот авангард представлял собой "пестрое сборище монахов, проституток, художников, чернорабочих, ленивых торговцев, коммерсантов, юношей, девушек, рабов, злоумышленников и распутных развратников"; "в основном он состоял из самых низших отбросов толпы, которые были воодушевлены исключительно перспективой добычи и мародерства и надеялись сколотить состояние на этом священном походе" (стр. 232). "Эта первая дивизия во время своего марша через Венгрию и Фракию совершила самые вопиющие преступления, которые настолько возмутили жителей стран, через которые они проходили, особенно Венгрии и Туркомании, что они взялись за оружие и вырезали большую их часть" (Там же). "Отец Мамбур, несмотря на его неумеренное рвение к священной войне и тот сказочный поворот, который позволяет ему представлять ее в самых выгодных ракурсах, откровенно признает, что первая дивизия этой огромной армии совершала самые отвратительные злодеяния в странах, через которые они проходили, и что не было никакой дерзости в правосудии, нечистоплотности, варварстве и насилии, в которых они не были виновны. Возможно, ничто в анналах истории не сравнится с подлыми деяниями этого адского сброда" (Там же, примечание). Немногие из этих несчастных достигли Святой Земли. "Участвовать в крестовом походе и погибнуть в нем были почти синонимами" (Халлам, стр. 30), даже для тех, кто вошел в Палестину. Гибель людей была чем-то ужасным. "Современные авторы должны быть уверены, что потери одних только христиан за этот период составили почти миллион; но, по крайней мере, по подсчетам, они должны были превышать половину этого числа" (Там же). Настоящая армия под командованием Годфри де Бульона состояла примерно из 80 000 хорошо

оснащенных конных и пеших воинов. Но в Ницце после великой резни в Венгрии толпа крестоносцев насчитывала 700 000 человек. Иерусалим был взят в 1099 году н.э., и именно там, "где завершился их триумф, он был запятнан самой жестокой резней; не ограниченной часом сопротивления, но преднамеренно возобновленной даже после той знаменитой покаянной процессии к гробу Господню, которая могла бы успокоить их свирепый нрав, если бы из-за ошибочного энтузиазма предприятия это не было скорее рассчитано на то, чтобы возбудить их" (там же, стр. 31). Последний крестовый поход произошел в 1270 году н.э., и между первым в 1096 году и последним в 1270 году человеческие жизни были унесены в количестве, которое невозможно сосчитать, постоянно увеличивая ужасную сумму страданий, лежащих у подножия кроваво-красного креста христианского мира.

Побочное преимущество, полученное духовенством в результате крестовых походов; "их постоянно накапливаемое богатство позволило им стать постоянными покупателями земельных владений, особенно во времена крестовых походов, когда феодалы знати постоянно выставлялись на продажу или закладывались" (Там же, стр. 333).

Последние остатки номинального язычества были стерты в этом столетии, и оно сохранилось только под христианскими именами. Смертная казнь была объявлена против всех, кто поклонялся старым божествам под их старыми титулами, и "эта ужасающая суровость гораздо больше способствовала искоренению язычества, чем увещевания и инструкции невежественных миссионеров, которые не были знакомы с истинной природой Евангелия и обесчестили его чистые и святые доктрины своей распущенной жизнью и суеверными обычаями" (стр. 236). Ученость начала возрождаться по мере того, как люди, получившие образование в арабских школах, постепенно распространялись по Европе; так: "салернская школа в Неаполитанском королевстве была известна прежде всего изучением медицины в этом столетии, и огромное количество людей стекалось туда со всех провинций Европы, чтобы получить наставления в искусстве врачевания; но все медицинские предписания, которые сделали салернских врачей такими знаменитыми, были почерпнуты из трудов арабов или из школ сарацин в Испании и Африке" (стр. 237). "Примерно в 1050 году лицо философии начало меняться, и наука логика приобрела новый аспект. Эта революция началась во Франции, куда несколько книг Аристотеля были привезены из школ сарацин в Испании, и ее осуществила группа людей, высоко известных своими способностями и гениальностью, таких как Беренгер, Росцеллин, Хильдеберт, а после них Жильбер де ла Порре, знаменитый Абельяр и другие" (стр. 238). Таким образом, мы видим, что в науке, в философии, в логике мы в равной степени обязаны Аравии возрождением мысли в христианском мире. Прогресс, однако, был очень медленным, и мысль была еще недостаточно сильна, чтобы вызвать опасения Церкви, поэтому некоторое время она распространялась спокойно.

Халлам подводит для нас итог состоянию образованности, или, скорее, невежества, в восьмом, девятом, десятом и одиннадцатом веках, и его рассказ вполне может найти здесь свое место. "Когда латынь, таким образом, перестала быть живым языком, вся сокровищница знаний была закрыта от глаз людей. Те немногие, кто мог бы воспитать вкус к литературе, если бы книги были им доступны, были вынуждены отказаться от занятий, которые можно было развить только с помощью такого рода образования, которое было им нелегко получить. Школы, приуроченные к соборам и монастырям и предназначенные исключительно для религиозных целей, не предоставляли мирянам никакого поощрения или возможностей. Наихудшим результатом было то, что, поскольку новообразованные языки почти не использовались в письменной форме, а

латынь все еще сохранялась во всех юридических документах и общественной переписке, само использование писем, как и книг, было забыто. На протяжении многих веков, если коротко подвести итог невежеству, мирянин любого ранга редко знал, как поставить свою подпись. Их хартии, пока использование печатей не стало повсеместным, подписывались знаком креста. Еще более необычным было найти человека, обладавшего хоть какой-то крупницей образованности. Даже принимая во внимание каждую невнятную похвалу монашеского биографа (у которого знание церковной музыки сошло бы за литературу), мы могли бы составить очень короткий список ученых. Никто, конечно, не был более выдающимся как таковой, чем Карл Великий и Альфред. Но первый, если не отвергать очень ясного свидетельства, был неспособен писать; и Альфред столкнулся с трудностями при переводе пастырских наставлений святого Григория из-за своего несовершенного знания латыни. Следовательно, какие бы упоминания мы ни находили об образовании и образованных в эти темные века, следует понимать, что они относятся только к тем, кто входил в круг духовенства, который действительно был довольно обширным и охватывал многих, кто не занимал должностей религиозного служения. Но даже духовенство в течение длительного периода не очень-то материально превосходило необразованных мирян как единое целое. Непостижимое облако невежества окутало весь облик Церкви, едва нарушаемое несколькими мерцающими огоньками, которые почти всем своим отличием обязаны окружающей темноте.... Об этом преобладающем невежестве легко привести множество свидетельств. Контракты заключались устно из-за отсутствия нотариусов, способных составлять хартии; а они, будучи написанными, часто были варварскими и неграмотными до невероятной степени. За некоторые значительные промежутки времени практически не сохранилось ни одного памятника литературы, за исключением нескольких тощих хроник, самых отвратительных легенд о святых или стихов, столь же лишенных духа и размера. Почти на каждом соборе невежество духовенства становится предметом упреков. В одном из них, проведенном в 992 году, утверждается, что в самом Риме едва ли можно было найти хоть одного человека, который знал бы начальный элемент букв. Ни один священник из тысячи в Испании примерно в эпоху Карла Великого не мог обратиться с обычным приветственным письмом к другому. В Англии Альфред заявляет, что он не мог вспомнить ни одного священника к югу от Темзы (самая цивилизованная часть Англии) на момент своего восшествия на престол, который понимал обычные молитвы или мог перевести латынь на свой родной язык. Не лучше обстояло дело и во времена Дунстана, когда, как говорят, никто из духовенства не умел писать или переводить латинские буквы. Проповеди, которые они проповедовали, были составлены для их использования некоторыми епископами из прежних произведений того же рода или из писаний отцов церкви.... Если бы мы послушали некоторых историков литературы, то поверили бы, что в самые темные века жило много личностей, не только выделявшихся среди своих современников, но и положительно выделявшихся способностями и знаниями. Склонность превозносить каждого монаха, от произведений которого сохранилось несколько писем или религиозный трактат, каждого епископа, о котором рассказывают, что он сочинял проповеди, прослеживается в кропотливом труде бенедиктинцев Сен-Мора, "Литературной истории Франции", и, в меньшей степени, прослеживается даже у Тирабоши и в большинстве книг этого класса. Беда, Алкуин, Хинкмар, Рабан и ряд менее известных имен становятся настоящими гигантами науки в своих не критичных панегириках. Но можно было бы справедливо сказать, что невежество - наименьший недостаток писателей этих темных веков. Некоторые из них были сносно знакомы с книгами; но то, в чем им неизменно недостает оригинальности аргументации или выражения. Почти каждый из них является компилятором отрывков из отцов церкви или из таких полуклассических авторов, как Боэций,

Кассиодор или Мартинус Капелла. Действительно, я не знаю, появилось ли более двух действительно значительных людей в литературной республике с VI по середину XI века — Иоанн по прозвищу Скот, или Эригена, уроженец Ирландии, и Герберт, ставший папой под именем Сильвестр II.: первый наделен смелым и острым метафизическим гением, второй превосходит, для того времени, когда он жил, в математических науках и полезных механических изобретениях" ("Европа в средние века", Халлам, стр. 595-598).

Если мы посмотрим на служителей Церкви, то увидим, что в этом столетии старая история о тирании и пороке повторяется снова. Среди его пап числится Бенедикт IX, низложенный за свое распутство, восстановленный и снова низложенный, восстановленный силой оружия и продавший понтификат, так что три папы сразу претендовали на тиару, и все трое были объявлены недостойными, а четвертый посажен на трон. Последовали новые беспорядки и новые узурпаторы, пока в 1059 году н.э. избрание папы не было изъято из рук народа и передано коллегии кардиналов - изменение, против которого много боролись, но которое в конечном итоге было принято. В 1073 году нашей эры Гильдебранд был избран папой под титулом Григория VII; этот человек, возможно, больше, чем кто-либо другой, увеличил светскую власть папства. Это был он, который придал церкви форму абсолютной монархии и боролся против всех местных привилегий и национальной свободы церквей в каждой стране; это был он, кто требовал власти над всеми королями и принцами и обращался с ними как с вассалами римского престола; это был он, кто в 1074 году, созвав собор в Риме, заставил его издать указ о безбрачии духовенства, чтобы священники, не имеющие ни дома, ни семейных уз, могли чувствовать свой единственный дом в Церкви и свою единственную связь с Римом; это был он, кто боролся против Германии и кто сохранил святость церкви. отлученный от церкви император три дня стоял босиком и почти голым на снегу во дворе своего замка. Этот Гильдебранд был дерзким злодеем, но человеком гениальным и выдающегося ума, который выдвинул могущественную идею вселенской Церкви, в которой все князья должны быть вассалами, а глава Церкви - абсолютным монархом мира.

Это было на ежегодном Римском соборе 1076 года н.э., когда папа Григорий VII. декламировал "все древние максимы, все сомнительные традиции, все чрезмерные претензии, с помощью которых он мог поддерживать свое превосходство. В некотором смысле это был сокращенный кодекс его господства —законы рабства, которые он предложил всему миру. Вот условия этой хартии теократии: "Римская церковь основана одним Богом. Только римский понтифик может законно носить титул вселенского ... С лицами, отлученными папой от церкви, не должно быть никаких сношений, и никто не может проживать с ними в одном доме.... Он один может носить императорские знаки отличия. Все князья земли должны целовать ноги Папе, но никому другому.... Он имеет право низлагать императоров.... Приговор папы римского никто не может отменить, и он один может отменить приговоры, вынесенные другими. Его никто не может судить. Никто не смеет выносить приговор тому, кто обращается к Апостольскому престолу. К нему должны быть отнесены все основные дела всей Церкви. Римская церковь никогда не ошибалась и никогда не сможет ошибиться, как того требует Священное Писание. Римский понтифик, канонически рукоположенный, сразу становится, благодаря заслугам святого Петра, несомненно святым. По его приказу и с его разрешения подданным разрешается обвинять князей.... Папа может освободить подданных от клятвы верности". Таковы основные статьи, обнародованные Григорием VII. в Римском соборе, который официальный историк Церкви

воспроизвел в начале семнадцатого века как подлинный и легитимный, и Рим никогда не дезавуировал его. Частично заимствованные из фальшивых Декреталий, большинство из которых основывалось на баснословном пожертвовании Константина и последовательных самозванствах и узурпациях первых варварских эпох, они были получены из рук Григория VII. новый символ силы и единства. Этот понтифик запечатлел их с санкции своего собственного гения. Такая власть никогда прежде не создавалась: она сделала любую другую власть бесполезной и подчиненной" ("Жизнь Григория VII", автор Вильмен, пер. Брокли, том ii., стр. 53-55). Таким образом, борьба между светской и духовной властью стала неизбежной. "В каждой стране существовало двойное правительство: -1. Местного типа, представленный светским сувереном. 2. Иностранного типа, признающий власть папы Римского. Это римское влияние по природе вещей превосходило местное; оно выражало суверенную волю одного человека над всеми нациями континента в совокупности и приобрело подавляющую силу благодаря своей компактности и единству. Местное влияние неизбежно носило слабый характер, поскольку оно обычно ослаблялось соперничеством соседних государств и раздорами, ловко спровоцированными его конкурентом. Ни разу различные европейские государства не смогли сформировать коалицию против своего общего антагониста. Всякий раз, когда возникал какой-либо вопрос, он умело рассматривался в деталях и обычно решался. Мнимой целью папского вторжения было обеспечение нравственного благополучия различных народов; реальной целью было получение больших доходов и оказание поддержки многочисленным группам духовенства. Доходы, извлекаемые таким образом, нередко во много раз превышали те, которые поступали в казну местной власти. Таким образом, при Иннокентии IV. потребовав от Англиканской церкви выделить средства еще для трехсот итальянских священнослужителей и чтобы у одного из его племянников, простого мальчика, был прилавок в Линкольнском соборе, выяснилось, что сумма, которую иностранные священнослужители уже ежегодно забирают из Англии, в три раза превышает ту, которая поступает в казну короля. В то время как высшее духовенство получало все достойные политические назначения, а аббаты соперничали с графами за стада рабов, которыми они владели — некоторые, как говорят, владели не менее чем двадцатью тысячами, — нищенствующие монахи пронизывали общество во всех направлениях, собирая долю того, что еще оставалось бедным. Существовало огромное количество непроизводителей, живших в праздности и имевших иностранную преданность, которые существовали за счет плодов тяжелого труда рабочих" ("Конфликт между религией и наукой", Дрейпер, стр. 266, 267).

Борьба между греческой и латинской Церквями, затихшая на некоторое время, снова яростно вспыхнула в 1053 году н.э., и в 1054 году Рим отлучил Константинополь, а Константинополь отлучил Рим. Споры о пресуществлении продолжались и потрясли Римскую церковь своей жестокостью. За пределами ортодоксии некоторые из старых ересей сохранились. Павликиане странствовали по Европе и стали известны в Италии как патерини и катары, во Франции как альбигойцы, болгары или мытари. Орлеанский совет приговорил их к сожжению заживо, и многие погибли.

XII ВЕК.

Войны, которые распространяли христианство, еще не были полностью окончены, но сейчас мы слышим о них только на окраинах, так сказать, Европы, за исключением тех случаев, когда

некоторые племена время от времени отступали и были возвращены к истинной вере мечом. Борьба между папами и более упрямыми князьями за их относительные права и привилегии продолжалась, и иногда мы видим любопытное зрелище, когда понтифик выступает на стороне народа, или, скорее, баронов, против короля: всякий раз, когда это происходит, мы обнаруживаем, что король борется против римского господства и что папа использует силу нации, чтобы усмирить мятежного монарха. Мы не считаем, что Рим вмешивается, чтобы спасти народ от угнетения, когда угнетателем является верный и послушный сын Святой Церкви.

В течение этого столетия распространились новые ереси, и мы повсюду встречались с одним исправлением — смертью. Большинство из них, по-видимому, выросли из старой манихейской ереси и проповедовали многое из старого аскетизма. Катаров отслеживали и предавали смерти по всей Италии. Арнольд Брешийский, который громко протестовал против собственности Церкви и утверждал, что церковные доходы должны быть переданы государству, оказался настолько неприятен духовенству, что они арестовали его, распяли и сожгли его мертвое тело (1155 год н.э.). Питер де Брюйс, который возражал против крещения младенцев и которого можно назвать предком баптистов, был сожжен в 1130 году нашей эры. Та же участь постигла многих других реформаторов, и здесь следует отметить одну крупную секту. Питер Вальдус, его основатель, был лионским купцом, который (1160 г. н.э.) нанял священника для перевода для него Евангелий вместе с другими частями Библии. Изучив их, он решил оставить свой бизнес и распределить свое богатство среди бедных, а в 1180 году нашей эры он стал публичным проповедником и основал ассоциацию для преподавания доктрин Евангелия, как он их понимал, вопреки доктринам Церкви. Сначала секта носила лишь простое название "лионские бедняки", но вскоре стала известна как вальденсы, одна из самых могущественных и широко распространенных сект средневековья. Фактически, они были предшественниками Реформации и известны как еретики, протестующие против авторитета Рима, потому что этот авторитет не соответствовал их разуму; таким образом, они отстаивали право на личное суждение, и за это утверждение они заслуживают ниши в великом храме еретической мысли.

BEK XIII.

На крайнем западе Европы язычество все еще боролось с христианством, и с 1230 по 1280 год нашей эры против пруссаков велась долгая, ожесточенная война с целью утвердить их в христианской вере; Тевтонские рыцари Святой Марии, наконец, преуспели в своих апостольских усилиях и, наконец, "установили христианство и утвердили свое собственное владычество в Пруссии" (стр. 309), откуда они совершали набеги на соседние страны и "грабили, жгли, убивали и разоряли все на своем пути". В Испании христианство еще не утвердилось. более печальный триумф, ибо там цивилизованные мавры пали под натиском жестоких христиан, а в "сад мира" вторглись орды римской церкви. Конец, однако, еще не наступил. Во Франции мы видим создание **ИНКВИЗИЦИИ**, самого ненавистного и дьявольского трибунала, когда-либо учрежденного религией. Еретические секты быстро распространялись в южных провинциях Франции, и Иннокентий III примерно в начале этого столетия отправил чрезвычайных легатов в южные провинции Франции, чтобы сделать то, что епископы оставили незавершенным, и искоренить ересь во всех ее различных формах и модификациях, совершенно не разбираясь в использовании таких методов, которые могли оказаться необходимыми для достижения этой спасительной цели. Лицами, которым было поручено это призрачное поручение, были Ренье, цистерцианский монах, и Пьер де Кастельно, архидиакон Магуэллона, который впоследствии также стал монахом-цистерцианцем. За этими

выдающимися миссионерами последовали несколько других, среди которых был знаменитый испанец Доминик, основатель ордена проповедников, который, вернувшись из Рима в 1206 году, присоединился к этим делегатам, встал на их сторону и своими увещеваниями и действиями содействовал искоренению ереси. Эти духовные поборники, которые предприняли эту экспедицию исключительно по указанию папы, не спрашивая совета и не требуя помощи епископов, и которые приговаривали к смертной казни тех еретиков, которых они не могли обратить разумом и аргументами, были отмечены в обиходе титулом *инквизиторов*, и от них произошел грозный и одиозный трибунал, называемый *Инквизицией* (стр. 343, 344). В 1229 году Тулузский совет "учредил в каждом городе *совет инквизиторов, состоящий из одного священника и двух мирян*" (Там же). В 1233 году Григорий IX заменил этот трибунал, назначив доминиканских монахов инквизиторами, и папский легат во Франции вслед за этим отправился из города в город, где у этих монахов были монастыри, и назначил некоторых из их числа "инквизиторами еретической правды". Тогда князья Европы были убеждены оказать помощь государству в кровавом деле и предать огню тех, кто был передан инквизиторами гражданским властям как еретики. План работы был в высшей степени методичным.

Были тщательно разработаны правила пыток: заключенного раздевали донага, срезали волосы, затем тело клали на дыбу и связывали; правая, затем левая нога туго связывалась и перетягивалась веревками; правая и левая рука вытягивались; мясистая часть руки сжималась тонкими веревками; все веревки затягивались одним оборотом; второй и третий поворот того же рода: после этого с дыбой женщин пытать не разрешалось; с мужчинами применялся четвертый поворот. Эти указания были записаны в Руководстве, которым пользовался Великий инквизитор Севильи еще в 1820 году нашей эры. Анализ дан доктором Рулом в его "Истории инквизиции", Приложении к т. I, стр. 339-359, изд. 1874. Затем мы слышим в другом месте о пытках с помощью обжигания ног, блоков, раскаленных докрасна щипцов - короче говоря, со всеми отвратительными орудиями жестокости, которые только могли придумать люди, вдохновленные религией. Пусть студент побудет с Льоренте и доктором Рулом наедине, и он узнает достаточно об ужасах инквизиции, чтобы содрогнуться при виде креста — при имени христианства.

Льоренте приводит самые отвратительные подробности пыток Жана де Саласа в Вальядолиде в 1527 году нашей эры, и этот единственный случай может служить образцом работы инквизиции в течение этих запятнанных кровью столетий. Раздетый до рубашки, он был положен *нашевалет* (узкая рама, на которую укладывали тело, без опоры, кроме шеста посередине), и его ноги были подняты выше головы; туго скрученные веревки врезались в его плоть и были скручены еще туже и туже по мере продолжения пытки; тонкая ткань, засунутая ему в рот и горло, усугубляла неестественное положение, делая дыхание почти невозможным, и на белье медленно, капля за каплей, капала вода из подвешенного над его головой сосуда, пока каждый вырывающийся вдох не запачкал ткань кровью (см. "Историческую критику инквизиции Испании", т. II., стр. 20-23, изд. 1818). Эта испанская инквизиция за время своего существования наказывала еретиков следующим образом:—

Сожженный заживо	31,912
Сожженное чучело	17,659
Сурово наказан	291,450

(Там же, т. IV. стр. 271). Добавьте к этому списку разоренные семьи, некоторые из членов которых пали жертвами инквизиции, а затем — вспомнив, что Испания была лишь одной из стран, которые она опустошила, — пусть студент судит об огромном количестве человеческих страданий, причиненных этим ужасным учреждением. Не следует также забывать, что его темницы зияли не только для тех, кто выступал против притязаний Рима; люди науки, философы, мыслители - все они были его врагами; Льоренте приводит список не менее чем из 119 ученых и выдающихся деятелей науки, которые только в Испании подпали под бич инквизиции (см. т. II. стр. 417-483).

Нельзя забывать об одном особом преступлении Церкви в этот век: ее обращении с роджером Бэконом. Роджер Бэкон был францисканским монахом, который не только изучал греческий, иврит и восточные языки, но и посвятил себя естественным наукам и сделал много открытий в астрономии, химии, оптике и математике. Говорят, что он открыл порох и предложил реформу календаря, аналогичную той, что была введена Григорием XIII 300 лет спустя. Его наградой было то, что над ним смеялись как над волшебником, и то, что он был заключен в темницу на много лет.

Еретики распространились и усилились в этом столетии, несмотря на ужасное оружие, примененное против них. "Братья и сестры Свободного Духа", известные также как бегарды, Бегутты, Бикорни, Бегины и Тюрлюпены, были главной дополнительной организацией. Они верили, что все сущее исходит от Бога и что к Нему они вернуться; и к этой восточной философии они добавили практический фанатизм, дико мечущийся повсюду, кричащий, вопиющий, умоляющий. Вальденсы и альбигойцы множились, и разнообразие мнений распространялось во всех направлениях.

БЕК XIV.

Нынешний четырнадцатый век - одна из эпох, которые подвергают суровому испытанию изобретательность верующих в папскую непогрешимость; ибо кардиналы, избрав одного папу в 1378 году н.э., быстро невзлюбили его и избрали второго. Первый избранник, Урбан VI., остался в Риме; второй, Климент VII., отправился в Авиньон. Они должным образом отлучили друг друга от церкви, и Латинская церковь раскололась надвое. "Бедствие тех времен не поддается никакому описанию; ибо, если не настаивать на вечных раздорах и войнах между фракциями нескольких пап, из-за которых множество людей потеряли свои состояния и жизни, в большинстве мест было уничтожено всякое религиозное чувство, и расточительство достигло самых возмутительных размеров. Духовенство, в то время как оно яростно спорило, кто из правящих пап был истинным преемником Христа, было настолько чрезмерно развращено, что больше не старалось поддерживать хотя бы видимость религии или благопристойности" ("Европа в средние века", Халлам, стр. 359).

Тем временем борьба между Римом и еретиками продолжалась со все возрастающей яростью. В Англии доктор Джон Уикклифф, настоятель Латтерворта, прославился своими нападениями на нищенствующие ордена в 1360 году нашей эры, и с тех пор он повышал свой голос все громче и громче, пока не выступил против самого папы римского. Он перевел Библию на английский,

выступил против многих господствующих суеверий и, хотя был осужден за придерживание еретических взглядов, все же умер с миром в 1387 году нашей эры. Рим отомстил, выкопав его кости и сожгв их примерно тринадцать лет спустя. Восстание распространилось даже среди монахов Церкви, и огромное количество монахов-францисканцев-нонконформистов, называемых спиритуалами, были сожжены за их отказ подчиняться папе в вопросах дисциплины. Сильная ненависть между францисканским и доминиканским орденами сделала последних добровольным орудием папства; и в силу своего характера инквизиторов они преследовали своих неудачливых соперников как еретиков. Флагелланты, секта, которая бродила повсюду, подвергая себя порке во славу Божью, также попали под безжалостные руки инквизиторов, как и рыцари-тамплиеры во Франции. Новая организация, известная как "Танцоры", возникла в 1373 году нашей эры и распространилась по Фландрии; но священники отмолили их, изгнав танцующих дьяволов, которые, по их словам, населяли членов этой любопытной секты. Среди страдальцев этого столетия нельзя забывать одно имя: это имя Сещус Аскуланус. Этот человек был философом-аристотелевцем, астрологом, математиком и врачом. "Этот несчастный человек, проведя некоторые эксперименты в механике, которые казались вульгарным чудом, а также оскорбив многих, и среди прочих своего хозяина [герцога Калабрийского], выдав несколько предсказаний, которые, как говорили, сбылись, повсеместно предполагалось, что он имеет дело с адскими духами, и за это его сожгли инквизиторы во Флоренции в 1337 году" (стр. 355). Кажется, на этом утомительном участке крови и огня нет ни единого зеленого пятнышка, на котором мог бы остановиться взгляд.

XV BEK.

В этом пятнадцатом веке раздался колокольный звон по Церкви; он навсегда запомнился в истории открытием Нового Света и последующей практической демонстрацией ложности всей теории святоотеческого и церковного богословия. Во время потопа только "Ной и трое его сыновей со своими женами спаслись в ковчеге. Из этих сыновей Шам остался в Азии и повторно заселил ее. Хам населял Африку; Иафет - Европу. Поскольку отцы не были знакомы с существованием Америки, они не предоставили предка для ее народа" ("Конфликт между религией и наукой", доктор Дрейпер, стр. 63). Лактанций, действительно, осуждал безумие тех, кто верил в существование антиподов, а Августин утверждал, что невозможно, чтобы на другой стороне земли жили люди. Кроме того, "в судный день люди на другой стороне земного шара не могли видеть Господа, спускающегося по воздуху" (Там же, стр. 64). Очевидно, что с теологической точки зрения другой стороны не существовало; только Колумб плавал там. Еще один смертельный удар по Церкви был нанесен изобретением печатного станка около 1440 года нашей эры, изобретением, которое сделало знание возможным для многих, а распространение знаний сделало ересь столь же несомненной. Однако не мне проследивать здесь развитие еретической мысли; эта более светлая задача - для другого пера; мое дело только перелистывать запятнанные кровью и черные страницы Церкви. В списке понтификов этого столетия выделяется одно имя, почти не имеющее аналогов по своей позорности; это имя Родерика Борджиа, папы Александра VI. Отвратительно порочный, жестокий и кровожадный, он поразительно плох даже для папы римского. Среди его детей встречаются имена Цезаря и Лукреции Борджиа, имена, одно упоминание которых напоминает список ужасных преступлений. Александр умер в 1503 году н.э., по ошибке проглотив яд, который он и его сын Цезарь приготовили для других. Обращаясь к еретикам, мы видим, как ужасные удары инквизиции оборвали жизни великих людей: Саванаролу, храброго итальянского

проповедника, монаха-реформатора, пытали и сожгли в 1498 году н.э.; Иоанна Гуса, врага папства, сожгли в 1415 году н.э., в прямое нарушение предоставленного ему охранного документа; Иеронима из Праги, друга и компаньона Гуса, сожгли в 1416 году н.э. Мириады их несчастных последователей разделили их судьбу в каждой европейской стране. Но Испании принадлежит ужасающее превосходство жестокости в этом последнем столетии перед Реформацией. В 1478 году буллой папы Сикста IV. учредил инквизицию в Испании. "В первый год деятельности инквизиции, 1481 год, в Андалусии были сожжены две тысячи жертв; кроме того, многие тысячи были выкопаны из могил и сожжены; семнадцать тысяч были оштрафованы или пожизненно заключены в тюрьму. Любой представитель преследуемой расы мог спастись бегством, спасая свою жизнь. Торквемада, ныне назначенный генеральным инквизитором Кастилии и Леона, проиллюстрировал свою должность своей свирепостью. Были получены анонимные обвинения, обвиняемый не предстал перед свидетелями, для вынесения обвинительного приговора использовались пытки; они применялись в подвалах, где никто не мог слышать криков истязаемых. Поскольку в мнимом милосердии было запрещено подвергать пыткам во второй раз, с ужасающей двуличностью было подтверждено, что пытка не была завершена с самого начала, а была приостановлена только из милосердия до следующего дня! Семьи осужденных были ввергнуты в безвозвратное разорение.... Этот обезумевший священник уничтожал еврейские Библии везде, где мог их найти, и сжег шесть тысяч томов восточной литературы в Саламанке, обвинив их в том, что они насаждали иудаизм" ("Конфликт науки и религии" Дрейпера, стр. 146). Торквемада действительно был достойным преемником Моисея. За восемнадцать лет его правления список его жертв выглядит следующим образом:—

Сожжен на костре заживо	10,220
Сожженные чучела лиц, умерших в тюрьме или бежавших из страны	6,860
Наказывается позором, конфискацией, пожизненным заключением или потерей гражданских прав	97,321

Всего	114,401
-------	---------

—("История инквизиции" доктора У.Х. Рула, том i, стр. 150. Полная информация о числах приведена в "Исторической критике инквизиции Испании", Льоренте, т. I., стр. 272-281).

Кардинал Хименес был не столь успешен, как Торквемада, но все же его послужной список велик:

Сожжен на костре заживо	3,564
Сожженное чучело	1,232
Сурово наказан	48,059
Всего	52,855

В 1481 году н.э. в епископствах Севильи и Кадиса "две тысячи иудействующих были сожжены лично и очень многие в виде изображений, число которых неизвестно, кроме семнадцати тысяч, подвергнутых жестокой епитимье" (Там же, стр. 133). В 1485 году нашей эры в Вилья-Реале, ныне Сьюдад-Реаль, было сожжено не менее 950 человек.

Несмотря на все эти ужасные страдания, еретики и евреи оставались враждебно настроенными по отношению к церкви, и в марте 1492 года был подписан эдикт об изгнании евреев. "Всем некрещеным евреям, независимо от возраста, пола или состояния, было приказано покинуть королевство к концу следующего июля. Если они вернутся туда, их ждет смерть. Они могли бы продать свое имущество и получить выручку в виде товаров или переводных векселей, но не в золоте или серебре. Изгнанные таким образом, внезапно покинувшие землю своего рождения, землю своих предков на сотни лет, они не могли на возникшем перенасыщенном рынке продать то, чем владели. Никто не стал бы покупать то, что можно было получить даром после июля. Испанское духовенство занималось тем, что произносило на площадях проповеди, наполненные обличениями против своих жертв, которые, когда пришло время эмиграции, толпились на дорогах и оглашали воздух криками отчаяния. Даже испанские зрители плакали при виде агонии. Однако Торквемада ввел в действие постановление о том, что никто не должен оказывать им никакой помощи.... Тысячи людей, особенно матерей с грудными детьми, младенцев и стариков, умерли в пути — многие из них в муках жажды" (Там же, стр. 147). Так появилось мирное, трудолюбивое, вдумчивое население, изгнанное Церковью из Испании. И здесь ее рука не задержалась. Увы, Фердинанд! завершилось завоевание мавров; правда, Гранада уступила только под залог свободы вероисповедания, но какую ценность имеет обещание христианина еретику? Инквизиция терзала страну до тех пор, пока в феврале 1502 года не распространился слух, что все некрещеные мавры должны покинуть Испанию к концу апреля. "Они могли продавать свое имущество, но не забирать с собой ни золота, ни серебра; им было запрещено эмигрировать в мусульманские владения; наказанием за неповиновение была смерть. Таким образом, их положение было хуже, чем у евреев, которым было разрешено идти, куда они пожелают" (Там же, стр. 148). И вот мавры были изгнаны, и Испания была оставлена христианству, чтобы опуститься до того, чем она является сегодня. Говорят, что 3 000 000 человек были изгнаны как евреи, мавры и мориско. Мавры ушли — они, которые прославили имя Испании и распространили науку и мысль по Европе из этого средоточия света, — они, которые приветствовали в своих городах всех, кто думал, независимо от их вероисповедания, и укрыли равной защитой магометан, христиан и евреев.

И пусть христианин-протестант не воображает, что эти кровавые деяния совершены римлянами, а не христианами. Одни и те же преступления совершаются в каждой Церкви, и черный список Рима длиннее только потому, что его власть больше. Давайте взглянем на протестантские общины. В Венгрии гусит Гиска устроил резню среди нищих. В Германии Лютер восклицал: "Почему, если люди вешают вора на виселице или предают смерти негодяя, почему бы нам не со всей нашей силой напасть на этих пап и кардиналов, на эти отбросы римского Содома? Почему бы нам не омыть руки в их крови?" ("Испанская инквизиция", Le Maistre, стр. 67, изд. 1838). Сэндис, епископ Лондонский, писал в защиту преследований. Архиепископ Ашер в обращении, подписанном одиннадцатью другими епископами, сказал: "Любая терпимость к папистам является тяжким грехом". Нокс сказал: "Совесть народа обязывает предать смерти королеву вместе со всеми ее священниками". Английский парламент заявил: "Преследование было необходимо для продвижения славы Божьей". Шотландский парламент постановил казнить католиков как идолопоклонников, заявив, что "казнить их - религиозный долг" (Там же,

стр. 67, 68). Кранмер в 1550 году н.э. приговорил к смерти шестерых анабаптистов, одна из которых, женщина, была сожжена заживо, а в следующем году еще одна была предана огню; этот примас вместе с "некоторыми другими поручил исследовать и разыскивать всех анабаптистов, еретиков или лиц, пренебрегающих книгой общей молитвы" ("Студенческая история Англии", Д. Хьюм, стр. 291, изд. 1868).

В Швейцарии Кальвин сжег Сервета. В Америке пуритане продолжали ту же ненавистную традицию и гоняли безобидных квакеров от города к городу. Куда бы ни направлялся крест, будь то римско-католический, лютеранский, кальвинистский, епископальный, пресвитерианский или протестантский диссидент, он был осквернен человеческой кровью и разбивал человеческие сердца. Его воздействие на Европу было разрушительным, варварским, смертоносным, пока зарождающийся свет науки не рассеял густые черные тучи, исходившие от креста. Одним из неоспоримых фактов, чреватых поучениями, является чрезвычайно низкий темп прироста населения Европы в течение столетий, когда христианство было верховным. "Что же тогда означает это стационарное состояние населения? Это означает пищу, добытую с трудом, недостаточную одежду, личную нечистоту, хижины, которые не могли защитить от непогоды, разрушительное воздействие холода и жары, миазмы, отсутствие санитарных условий, отсутствие врачей, бесполезность храмовых лекарств, обманчивость чудес, на которые общество возлагало свои надежды; или, если подвести итог длинному перечню горестей, нужд и страданий в одном термине, это означает высокий уровень смертности. Но, более того, это означает неполноценные роды. И на что это указывает? Отложенный брак, распущенная жизнь, личное зло, деморализованное общество" (Книга Дрейпера "Конфликт религии и науки", стр. 263). "Поверхность Континента была по большей части покрыта непроходимыми лесами; тут и там она была усеяна монастырями и городами. В низинах и вдоль русла рек были болота, иногда протяженностью в сотни миль, источавшие свои зловонные миазмы и распространявшие лихорадку повсюду". В городах "не предпринималось никаких попыток провести дренаж, но разлагающийся мусор просто выбрасывали за дверь. Мужчины, женщины и дети спали в одной квартире; нередко их спутниками были домашние животные; при таком беспорядке в семье было невозможно соблюдать скромность и мораль. Кроватью обычно служил мешок с соломой; подушкой служило деревянное бревно. Личная чистоплотность была совершенно неизвестна; великие государственные деятели, даже такие высокопоставленные лица, как архиепископ Кентерберийский, кишели паразитами; таково, как рассказывают, было состояние Томаса Бекета, антагониста английского короля. Чтобы скрыть личную нечистоту, обязательно и в большом количестве использовались духи. Горожанин одевался в кожу - одежду, которая из-за постоянно накапливающейся нечистоты могла прослужить много лет. Считалось, что он живет в достатке, если раз в неделю может добыть себе на ужин свежее мясо. На улицах не было канализации; на них не было ни тротуаров, ни фонарей. С наступлением темноты ставни в комнатах распахивались, и помои бесцеремонно выливались вниз, к неудобству путника, пробирающегося по узким улочкам со своим тусклым фонарем в руке" (Там же, стр. 265). Действительно, неудивительно, что эпидемии прокатились по городам, поголовно уничтожая их жителей. Церковь могла только молиться против них или предлагать святыни, где жертвоприношения по обету могли принести избавление"; не без ожесточенного сопротивления со стороны духовенства люди начали думать, что эпидемии - это не наказания, налагаемые Богом на общество за его религиозные недостатки, а физические последствия грязи и убожества; что правильный способ избежать их - не молиться святым, а обеспечивать личную и муниципальную чистоту. В двенадцатом веке было сочтено необходимым вымостить

улицы Парижа, настолько ужасным было зловоние на них. Сразу же уменьшились случаи дизентерии и пятнистой лихорадки; было достигнуто санитарное состояние, приближающееся к состоянию мавританских городов Испании, которые были вымощены на протяжении веков" (Там же, стр. 314). Уровень смертности еще больше снизился благодаря заимствованию врачебного мастерства у арабов и мавров; христиане зависели от гробницы святого и кости мученика, а священник был врачом как тела, так и души. "По всем дорогам паломники направлялись к святыням святых, известных своими исцелениями. Политикой Церкви всегда было препятствовать врачу и его искусству; он слишком сильно вмешивался в пожертвования и прибыль святынь.... Для пациентов, слишком больных, чтобы двигаться или быть перемещенными, не существовало никаких средств, кроме призрачных — Патерностера и Аве" (Там же, стр. 269). Таким образом, христианство противопоставило себя всякому народному прогрессу, всякому гражданскому и социальному прогрессу, всякому улучшению положения масс. Оно смотрело на каждое изменение с недоверием, встречало каждое нововведение с противодействием. Пока она царила безраздельно, Европа была закована в цепи, и даже в новом свете она несла с собой оковы старого. Только по мере того, как христианство становилось все слабее, цивилизация укреплялась, и прогресс продвигался все более и более быстрыми темпами по мере того, как несостоятельное вероучение теряло способность противостоять. И теперь, день за днем, этот прогресс становится быстрее; теперь, день за днем, противодействие ослабевает, и вскоре, пройдя над руинами разрушенной религии, Свободная Мысль водрузит белое знамя Свободы посреди храма Человечества; этого храма, который, долгое время оскверняемый священниками и осененный богами, будет навеки посвящен служению своему законному владельцу и будет наполнен славой человека, единственного бога, и воздух его будет напоен голосом молитвы, которая есть труд.